

А.Г.ТАРТАКОВСКИЙ • РУССКАЯ МЕМУАРИСТИКА

А.Г.ТАРТАКОВСКИЙ

РУССКАЯ
МЕМУАРИСТИКА

XVIII-первой половины XIX в.

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

РУССКАЯ МЕМОУАРИСТИКА

XVIII-первой половины XIX в.

От рукописи к книге

МОСКВА «НАУКА»

1991

ББК 63.3(2)4
Т22

Ответственный редактор
С. С. ДМИТРИЕВ

Рецензенты:
кандидат исторических наук
В. Ю. АФИАНИ,
доктор исторических наук
Е. Л. РУДНИЦКАЯ

Редактор издательства
Г. В. МОИСЕЕНКО

Тартаковский А. Г.

Т22 Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. —
М.: Наука, 1991. — 288 с.
ISBN 5—02—008567—7

В монографии впервые прослежена историческая эволюция мемуарного жанра в России от его зарождения до падения феодального строя в России. На ее страницах — социально-психологические портреты русских мемуаристов нескольких поколений, живые рассказы о сложных, порой потаенных судьбах ряда мемуарных памятников, о вкладе в развитие мемуаристики передовых деятелей эпохи.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

Т $\frac{0503020200-192}{042(02)-91}$ 82—91, I полугодие

ББК 63.3(2)4

ISBN 5—02—008567—7

© Издательство «Наука», 1991

Задачи и предмет исследования

Представление о памяти как основе культуры является ныне очевидным и общепризнанным. «История культуры — это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования»¹. Столь же очевидно, что мемуаристика (в широком смысле слова) суть овеществленная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а следовательно, и к своему бытию вообще. В мемуаристике находят отражение переломные этапы развития самосознания личности, понимания ею себя в меняющемся мире, а лучшие, классические мемуарные произведения обозначают вехи в духовном освоении человеком действительности. Именно потому мемуарные памятники исконно входили в состав важнейших источников исторического познания.

Особенно значима роль мемуаристики в наше время, когда она чуть ли не каждодневно популяризируется прессой, радио, телевидением, бурно вторгается в художественное творчество и составляет один из самых распространенных видов исторического чтения.

Наше время не случайно отмечено небывалым размахом в издании мемуарной литературы. В этом, безусловно, сказался возросший в последние десятилетия необыкновенно живой и устойчивый интерес широких читательских кругов к человеческому, нравственному содержанию истории, которое длительное время выхолащивалось вульгарно-социологическими схемами, господствовавшими и в школьном образовании, и в массовой пропаганде, и в самой исторической науке. Но бесспорно, что в этом проявились и более глубокие сдвиги умственного порядка — бурно развившееся, особенно в недавние годы, историческое самосознание общества, стремящегося в переходные эпохи теснее связать осмысленный опыт прошлого с животрепещущими потребностями современного общественного развития.

Как бы то ни было, оплодотворенная этими стимулами, издательская деятельность в области мемуаристики дала свои заметные плоды. Если прежде преимущественным вниманием пользовалась историко-революционная мемуаристика (да и то довольно ограниченного состава), то теперь тематика и круг мемуарных изданий чрезвычайно расширились. Читателю явилось множество мемуарных произведений XVIII—XIX вв., о публикации которых еще совсем недавно и мечтать было невозможно и которые в значительной мере заново становятся ныне нашим духовным достоянием.

Нельзя не упомянуть при этом о появлении в последние годы на страницах наших изданий ряда воспоминаний русских эмигрантов разных поколений — само существование этого рода мемуарной литературы было доселе вообще малоизвестно советскому читателю. Между тем мемуаристика русского зарубежья, насчитывающая тысячи самых разнообразных в идейном и литературно-художественном отношении произведений, не только важнейший источник для познания ключевых вех истории России XIX—XX вв., но и органическая, неотъемлемая часть отечественной мемуарной культуры, и не подлежит сомнению, что она должна быть в полном своем объеме введена у нас в общественно-историографический оборот.

В данной связи весьма перспективной и многообещающей представляется инициатива А. И. Солженицына, основавшего в 1977 г. Всероссийскую мемуарную библиотеку — архивно-просветительский центр по собиранию, хранению, каталогизации и обнародованию «личных воспоминаний наших соотечественников», живущих как за рубежом, так и в СССР, с перспективой перевода его со временем в один из городов Центральной России (Книжное обозрение. 1990. № 23. С. 9).

Что же до издательской деятельности в области мемуаристики в нашей стране то, помимо публикаций высокого научного класса в рамках давно сложившихся серий («Литературные памятники», «Литературные мемуары», «Полярная звезда»), следует отметить создание специальных мемуарных серий (например, «Голоса времен» в издательстве «Московский рабочий», «Русские мемуары» в издательстве «Правда»), для которых готовятся десятки книг. Одна за другой выходят антологии русской мемуарной прозы, относящейся к XVIII—XIX вв.² Не менее четырех раз издавались записки Екатерины II³ и Е. Р. Дашковой, трижды — записки А. Т. Болотова⁴, дважды — значительные по объему отрывки из записок Г. Р. Державина⁵, переизданы после долгого перерыва воспоминания И. И. и М. А. Дмитриевых⁶, увидели свет не появлявшиеся 100—150 лет в печати мемуарно-исторические сочинения Б. И. Куракина, И. А. Желябужского, А. К. Нартова⁷, почти забытые записки И. В. Лопухина и А. М. Грибовского или записи мемуарных рассказов Е. П. Яньковой — замечательно интересного источника по истории быта, генеалогии и общественной жизни дворянства XVIII — первой половины XIX в., последний раз изданного тоже более 100 лет назад⁸. В журналах вводятся в оборот по архивным первоисточникам ценнейшие мемуары, прежде вовсе никогда не печатавшиеся и доселе мало известные даже специалистам⁹. Вполне оправдал себя и опыт факсимильного (репринтного) воспроизведения мемуарных памятников прошлого по уникальным изданиям XIX — начала XX в. Не продолжая далее этот перечень, отметим, наконец, что стали выходить и рекомендательные библиографии по дореволюционной мемуаристике¹⁰ — очевидный симптом подъема интереса к ней в обществе.

Отличительная черта этого все умножающегося потока мемуарных изданий — их громадные тиражи и ориентация на массового

читателя, что ранее вообще не имело места в отечественной публикаторской практике. Сложилась в сущности совершенно новая и весьма противоречивая культурно-историографическая ситуация, к которой издатели и ученые-профессионалы оказались плохо подготовленными. При всей великой пользе приобщения современного читателя к богатствам мемуарного наследия прошлого сам этот издательский поток формируется в достаточной мере стихийно и хаотично, а составляющие его произведения далеко не равноценны с точки зрения отбора и качества публикации. Многие из них подготовлены неквалифицированно — и с археографической точки зрения (изъяны в передаче текста, не всегда обоснованные и оговоренные купюры и т. е.) и по наличию во вступительных статьях и примечаниях ошибочных и тенденциозных положений, дезориентирующих читателя в исторической обстановке и в оценке самих мемуарных памятников. Многое из сказанного объясняется слабой осведомленностью в истории русской дореволюционной мемуаристики, ее истоков, путей развития и исторических судеб.

Словом, издательский «бум» в области мемуаристики сильно опережает ее изучение.

Отсюда, как видим, проистекают не только научные, но и общественно-культурные предпосылки актуальности темы, которой посвящена настоящая книга.

В начале нынешнего столетия, когда появился пятитомный труд С. Р. Минцлова (Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911—1912. Вып. 1—5) — первый в России, но далеко не совершенный по полноте опыт библиографирования мемуарных источников, в одном из откликов на него было отмечено: «Русская мемуарная литература велика и обильна, а порядку в ней маловато»¹¹.

О том, насколько она «велика и обильна», мы можем, строго говоря, судить лишь теперь благодаря выходу в 1970—1980-х годах фундаментального библиографического справочника «История дореформенной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах», подготовленного крупнейшими библиотеками Москвы и Ленинграда по плану, под научным руководством и редакцией профессора П. А. Зайончковского (далее: ИДРДВ)¹². Не имея себе равных в мировой библиографии и по своему профилю, и по тщательности учета и научно-источниковедческой обоснованности описаний мемуарных памятников, ИДРДВ наводит, наконец, тот «порядок» в русской мемуарной литературе, отсутствие которого бросалось в глаза три четверти века тому назад. Лишь в свете этого издания предстает в своем подлинном масштабе русская мемуаристика как культурно-исторический феномен. Достаточно сказать, что в 13 книгах 5 томов ИДРДВ зарегистрировано более 25 тыс. названий (напомним, что в указателе С. Р. Минцлова — всего 5 тыс.).

Этот поражающий объемом данных библиографический свод, — образно говоря, ключ к исторической памяти русского общества, — помимо своего громадного значения для истории и смежных с ней

отраслей знания, закладывает надежный фундамент познания исторического развития самой мемуаристики как составной части русской духовной культуры.

В настоящей книге продолжено историко-типологическое изучение отечественной мемуаристики, начатое в нашей предшествующей монографии¹³, которая имела своей целью раскрыть влияние эпохи 1812 г. на русскую мемуарную литературу, основываясь на произведениях, вызванных к жизни самой этой эпохой. Они рассматривались как формировавшийся в течение целого столетия и изменявшийся в определенных общественных условиях массив источников. Уже сам этот подход таил в себе, как было отмечено в заключении к монографии, «основания для постановки <...> узловых проблем изучения эволюции мемуарного жанра в России»¹⁴ — задача, выдвинутая ныне на повестку дня всем ходом развития исторического и историко-литературного источниковедения.

В книге предпринята первая в литературе попытка проследить эволюцию русской мемуаристики на протяжении длительного исторического периода — более полутора столетий: от ее зарождения до отмены крепостного права в 1861 г., ознаменовавшего собой крушение феодального строя в России. Мы не претендуем, однако, на исчерпывающее и всестороннее освещение этого процесса. Речь идет лишь о том, чтобы выявить его механизм и ключевые направления. Кроме общеисторической периодизации, хронологические рамки книги обоснованы и с точки зрения закономерностей культурно-исторического развития, ибо XVIII — первая половина XIX в. (до 1861 г.) характеризуются в современной научной литературе эпохой становления новой русской культуры как культуры складывающейся нации¹⁵. Правомерность конечной грани избранного периода ясна сама собой, начальная — нуждается в некоторых пояснениях.

Мемуаристика, как и вся новая, пробуржуазная культура, есть порождение ренессансной эпохи — результат высвобождения личности от провиденциализма, аскетических норм и сословно-корпоративной замкнутости средневекового мирозерцания. В России мемуаристика как жанрово-видовое образование начинает складываться в эпоху петровских реформ, в общекультурной области частично выполнивших те же примерно исторические задачи, которые на Западе Европы в классически законченных формах были решены Возрождением¹⁶. Это представление об условиях зарождения мемуарного жанра в России, обоснованное с учетом предшествующей литературы вопроса в указанной выше монографии¹⁷, получило поддержку в трудах по мемуаристике последних лет, в частности в книге Л. Я. Гаранина¹⁸.

Из сказанного вовсе не следует, что до того времени личностно-памятные элементы вообще отсутствовали в русской письменной культуре. Всякого рода памятно-биографические записи проникают в древнерусскую рукописно-книжную традицию — в летописные своды, «поучения», «жития», публицистику, «статейные списки», «хождения». В XVII в. мемуарное начало заметно усиливается в русской литературе, шире проникает в трафаретные церковные

жанры и повествования светского типа, в особенности в произведениях о бурных событиях «Смуты» начала века; их авторы уже «ощущают себя не только объективными историками, но в какой-то мере и мемуаристами». Но даже «Житие» протопопа Аввакума, в котором исповедально-автобиографические мотивы нашли наивысшее для древнерусской культуры выражение (иногда его склонны считать «первыми русскими мемуарами»), не порвало тем не менее с канонами старой агиографии и религиозно-полюемической литературы, заняв «промежуточное положение между средневековыми житиями и <...> мемуарами нового времени». Таким образом, хотя в жанровом-стилистическом генезисе последних личностно-памятные элементы древнерусской письменности, несомненно, сыграли свою роль, над ними «довлел безличностный характер средневекового исторического повествования» и сами по себе в рамках средневековой эпохи они не могли привести к созданию мемуаристики в указанном выше смысле¹⁹. Ее зачатки формируются лишь в условиях секуляризации духовной жизни начала XVIII в.

Грандиозность исторических перемен внутри государства и на внешней арене, вторжение светского начала повсюду, где раньше господствовали вековые предрассудки и привычные догмы религиозной морали, предпочтение «службы» абсолютистскому государству аристократической родовитости, будившее личную энергию и инициативу, успехи образования, научно-прикладных знаний, книгопечатания, развившаяся потребность в чтении — весь этот стремительный поток неведомых ранее впечатлений, раздвигая умственные горизонты личности, повышал интерес к ее внутреннему миру и ее собственной истории. По мере того как возросшая духовная активность личности проявлялась в различных сферах культуры — в литературном творчестве, изобразительном искусстве, театре, бытовом поведении, частной переписке и т. д.; она давала себя знать и на почве мемуаротворчества: «расшевеленная умственная деятельность, вид массы новшеств, вошедших в жизнь, наталкивали на сравнение старого и нового, при сравнении же являлось желание записать, сохранить для самого себя и близких лиц то, что было прежде и что все более и более изменялось»²⁰.

Проблема исторической эволюции видовых комплексов источников сравнительно недавно привлекла к себе внимание в научной литературе, но рассматривалась она либо в общеметодологическом плане²¹, либо по материалам средневековых памятников — актовых и летописных. Пути же развития крупных видов источников в новый период русской истории (начиная с XVIII в.) освещены гораздо хуже²².

Что касается мемуаристики, то следует признать справедливым в целом мнение о том, что «работ, в которых были бы систематизированы сведения об эволюции мемуаристики вообще, и русской в частности, все еще мало»²³.

Тем не менее они все-таки есть. Из трудов историко-источниковедческого плана прежде всего должен быть назван принадлежащий перу С. С. Дмитриева раздел о воспоминаниях в университетском учебнике по источниковедению, где впервые в историографии

отмечены характерные черты эволюции русской мемуаристики XVIII — второй половины XIX в.²⁴ На еще большем хронологическом пространстве ставится эта проблема в интересной, но далеко не бесспорной статье С. С. Минц²⁵. Методическим аспектам изучения эволюции мемуаристики посвящена отчасти одна из наших работ²⁶.

Среди трудов литературоведческого профиля отметим циклы исследований Г. Е. Гюбиевой и Г. Г. Елизаветиной о мемуарной литературе XVIII в.²⁷, а также упомянутую выше книгу Л. Я. Гаранина, одна из глав которой («Историческая тенденция в развитии мемуарной литературы») посвящена выявлению «качественных сдвигов» эволюции мемуарного жанра в XVIII — начале XX в.

Специальные работы по теме этим, пожалуй, исчерпываются, но в ее разработке мы опирались на накопленный в историографии опыт конкретного изучения мемуаристики XVIII—XIX вв. Надо, однако, иметь в виду, что обобщающие исследования о ней (или хотя бы обзоры значительных групп мемуарных источников) в литературе почти отсутствуют²⁸. По первой половине XIX в. таких работ нет вообще, по XVIII в. — это вышедшие еще в прошлом столетии и во многом, понятно, устаревшие труды П. П. Пекарского²⁹ и Н. Д. Чечулина. Отечественная историография мемуаристики представлена главным образом статьями об отдельных мемуарных произведениях, предисловиями к их публикациям и рецензиями на них в прессе. Некоторые же рецензии на мемуарные издания второй половины XIX — начала XX в. крупных русских историков (например, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Пыпина, М. И. Семевского, Н. Д. Чечулина, В. С. Иконникова, В. А. Бильбасова) и до сих пор сохраняют свое научное значение.

При всей ценности этих работ они имеют частный характер и не касаются, как правило, общих проблем развития русской мемуаристики. Не затрагиваются последние и в исследованиях источниковедчески-прикладного типа, в которых рассмотрены определенные группы воспоминаний и дневников с целью выявления в них информации по той или иной исторической теме³⁰. Далее мы позволим себе, однако, не останавливаться на оценке всех этих (а также и ряда других) трудов, поскольку подробнее о них будет сказано в последующем изложении, а общая характеристика историографии русской мемуаристики была уже дана нами в указанной выше монографии³¹.

Предмет исследования составляют две группы (или вида) родственных произведений, объединяемых понятием «мемуаристика», — *дневники* как исторически первичная и простейшая форма запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни и *воспоминания* (мемуары в узком смысле слова) как более сложная и развитая форма мемуарной культуры. Под мемуаристикой XVIII — первой половины XIX в. (до 1861 г.) мы понимаем не все так или иначе посвященные этому громадному периоду произведения, а только те, которые были созданы и опубликованы в его хронологических пределах (в том числе и освещавшие только события

конца XVII в.), т. е. являлись памятниками духовной жизни именно этого периода.

С такой точки зрения предмет исследования может быть охарактеризован как слагаемое двух отчасти совпадавших по времени, отчасти протекавших одновременно процессов — процесса *самого мемуаротворчества* и процесса *движения во времени мемуарных публикаций*, ограниченных 1700—1860 гг. Однако в ряде случаев, когда это представлялось необходимым в интересах большей полноты и последовательности изложения, включались в рассмотрение мемуарные публикации и за вторую половину XIX — начало XX в.

Предмет исследования, его профиль и задачи обусловили общие методологические установки в подходе к мемуарному материалу. Особое внимание уделено методологии изучения эволюции мемуаристики. В отношении отдельных мемуарных произведений применялись традиционные приемы источниковедческого, текстологического, археографического анализа. Относительно же массива мемуарных источников в их длительном историческом развитии была применена статистико-библиографическая методика, посредством которой получены важные количественные характеристики. Результаты источниковедческого и количественного анализа отражены в десяти таблицах, помещенных в Приложениях, и в ряде таблиц в самом тексте книги.

Но мемуарные памятники не только важный компонент общего культурно-исторического процесса. Каждый из них имеет свою собственную историю, порою сложную и запутанную, порою же и — потаенную, каждый занимает особое место в обстоятельствах своего времени и в последующем движении культуры. Не забудем, что вокруг многих мемуарных произведений нередко разгорались острые споры и напряженная идейно-литературная борьба. Авторы же их не просто носители определенных общественных тенденций, а неповторимые личности с индивидуальным складом биографии и со своим строем чувств, воззрений, установок, сквозь призму которых всякий раз своеобразно преломлялись общие для эпохи побуждения к мемуаротворчеству.

Поэтому свою задачу мы видели и в том, чтобы на этом живом материале раскрыть многообразие судеб мемуарных памятников XVIII — первой половины XIX в. и, по возможности, воссоздать социально-психологический облик русских мемуаристов нескольких поколений.

Мемуарный жанр в исторической эволюции

Эволюция мемуарного жанра не раз привлекала к себе внимание в источниковедческой и историко-литературной историографии, но принципы ее изучения не прояснены еще должным образом. В литературе мы сталкиваемся с разными подходами к этой проблеме.

Иногда эволюцию видовых комплексов источников, в том числе и мемуарных, рассматривают как результат «саморазвития ви-

дов»³² — как будто дело касается некоего биологического образования, развивающегося исключительно по своим имманентным законам. Но если даже признать известное значение факта «саморазвития вида», то вполне очевидно, что он является в конечном счете производным от общих условий социокультурного развития и уже по одному этому не может быть принят в качестве самостоятельно критерия изучения эволюции мемуарного жанра.

В иных случаях в качестве искомого критерия выдвигаются социально-психологические факторы. Так, С. С. Минц, предпринявшая попытку обрисовать закономерности эволюции русской мемуаристики от ее зарождения в начале XVIII в. и до наших дней, т. е. на протяжении почти трех столетий, главным показателем этого считает меру «приближения мемуариста к осознанию сущности и механизма общественных отношений», «связи индивидуального и социального в общественной жизни», степень осознания им «собственного “я” и включенности индивида в межличностные отношения на разных уровнях»³³.

Не трудно, однако, понять, что такой критерий не учитывает реально-исторических, имманентно predeterminedных возможностей мемуаристики как специфической отрасли духовной культуры, ибо познание «сущности и механизма общественных отношений» составляет задачу целой системы наук гуманитарного цикла. Индивидуальное восприятие автором мемуаров социальной среды — такое их свойство, которым, конечно, нельзя пренебречь, но изменяется оно не само по себе, а опять же в силу каких-то «корневых» явлений общественной жизни, воздействовавших на личность мемуариста, а они данным критерием не вскрываются. В него, кроме того, введены элементы понятийного аппарата современной социальной психологии, не конкретизированные для прошлых эпох. Поэтому остается неразъясненным смысл таких категорий, как «я», «межличностные отношения» (да еще «на разных уровнях») применительно, скажем, к периодам разложения феодально-крепостного строя или утверждения капитализма, непонятно также, как они реально проявлялись в среде дворянства, купечества, духовенства и т. д.

Эволюцию мемуаристики связывают в ряде случаев с изменением сословно-профессионального состава авторов мемуарных произведений³⁴. В дореволюционное время их состав в социальном плане, действительно, менялся, но чрезвычайно медленно. Забегая немного вперед, заметим, что в течение всего XVIII в., например, он оставался преимущественно дворянским, мемуары духовных лиц и купцов не столь уж часты даже для конца века. Между тем и при поверхностном взгляде видно, сколь заметные изменения претерпела мемуаристика за XVIII в. — от Петра I до Павла I — и они не могут быть объяснены микроскопическими сдвигами в словесном составе мемуаристов. К тому же, эти сдвиги не затрагивали *сущностной* стороны мемуаротворчества — это скорее его предпосылочный момент, и, если придавать ему решающее значение, это может быть чревато рецидивами вульгарно-социологического истолкования проблем развития мемуарного жанра.

Высказывались и другие точки зрения на приемы изучения его эволюции, например в связи с изменениями в способах фиксации мемуарного текста, в стиле и манере мемуарного повествования, его «документализации», даже «беллетризации» и т. д.

При всей значимости этих, как и ряда других здесь не названных форм проявления эволюции мемуарного жанра (в построении ее целостной картины они непременно должны быть учтены и тщательно исследованы), интересующий нас процесс характеризуется ими со стороны не самых существенных, как мы видим, второстепенных, выступающих на поверхность признаков. Даже взятые в своей сумме, они не выявляют первопричины эволюции мемуарного жанра. Для этого необходим некий обобщающий критерий, который бы фокусировал в себе ведущие тенденции развития мемуаристики в ее многообразных проявлениях и главное в ее социально-исторической обусловленности.

Поскольку речь идет об эволюции мемуаристики как *вида* источников, «движущие силы» этой эволюции надо искать в их коренном *видообразующем* признаке. Мы исходим здесь из принятого в современном источниковедении представления о зависимости вида от социальных функций источника, т. е. от того, какую роль он играл в исторической жизни, какого рода человеческую деятельность обслуживал, каково было его назначение в социальной практике. При этом, естественно, имеется в виду первичная социальная функция источника, вытекающая из той непосредственно практической цели, ради достижения которой он был создан, а не использование источника в ходе его последующего и часто очень длительного бытования с иными, нежели первоначально заданные, целями, когда он выполняет некие функции вторичного порядка. Именно в таком подходе объективно-историческая обусловленность эволюции видов источников раскрывается, на наш взгляд, с наибольшей отчетливостью³⁵.

Если подойти теперь с этих позиций к произведениям мемуарного жанра, то их создание может быть понято как целеустремленная деятельность личности по запечатлению опыта своего участия в историческом бытии, по закреплению памяти о своем времени и о прошлом или (употребляя емкую формулу Б. М. Эйхенбаума) как «акт осознания себя в потоке истории»³⁶. Таким образом, в мемуаротворчестве особенно полно выражается *историческое самосознание личности* — в этом и состоит первичная социальная функция мемуаристики³⁷.

Причем сказанное относится и к собственно мемуарам и к дневникам. Несходство между ними в видовом отношении совершенно очевидно. Прежде всего оно связано с различием в системе отражения действительности — синхронной в дневниках, ретроспективной в воспоминаниях. Представляется поэтому спорным суждение о том, что с точки зрения характера фиксации событий в дневниках и воспоминаниях запечатлевается одно и то же «качественно однородное — прошлое время», нечто «цельное и завершенное, уже “отстоявшееся”»³⁸. Такой взгляд мог бы иметь еще какое-то оправдание с позиции человека, воспринимающего события

с отдаленной хронологической дистанции, но он непропорционален и не историчен, если смотреть на них «изнутри», в их реальной временной последовательности, по ходу их свершения, когда в одном случае — в дневнике — фиксируется отнюдь не прошлый, а настоящий, «непредрешенный <...> процесс жизни с еще неизвестной развязкой»³⁹, совсем еще не «отстоявшийся», в другом же — в воспоминаниях — «обдуманное воссоздание» действительно прошедших событий в свете знания их ближайших и отдаленных последствий. Нечего и говорить, что это «качественно» разнородные способы отображения исторической реальности.

Существенны различия в типе и структуре повествования (связный, сюжетно-организованный рассказ в воспоминаниях, дискретные записи — в дневниках), в характере коммуникативности. Дневник уже по своей природе автокоммуникативен («субъект передает сообщение самому себе»), в момент ведения он рассчитан главным образом на внутренне интимные нужды автора, не предназначается им к прижизненному обнародованию, как правило, «секретен» для окружающих, — и это его качество остается достаточно стабильным в течение длительных исторических периодов. В воспоминаниях же, даже на ранних стадиях развития мемуаристики, автокоммуникативность весьма размыта и сфера ее ограничена — она присутствует лишь в тех случаях, когда речь идет об «уяснении внутреннего состояния пишущего», которое «без записи не происходит»⁴⁰. В последующем коммуникативность воспоминаний обретает сугубо внешнюю направленность, а мотивы их создания вообще гораздо разнообразнее и со временем, как увидим, могут сильно меняться.

И тем не менее воспоминания и дневники оказываются близки друг другу не только генетически, но в известной мере и функционально. Близость их с этой последней точки зрения вне всяких сомнений, когда заходит речь о дневниках, закрепляющих впечатления от политических и литературно-общественных событий, от встреч с выдающимися людьми современности для будущих воспоминаний автора или для потомства. Но даже в поденных записях, веденных в целях самоанализа, самовоспитания, нравственного самоусовершенствования или ради текущих житейских интересов сегодняшнего момента, незримо присутствует «ощущение историчности частного своего существования», частица понимания ценности личного опыта автора, стремления включить «уходящий день» в бытие⁴¹ и уже потому в них воплощаются некоторые черты исторического самосознания личности, хотя куда менее целеустремленно и последовательно, чем в собственно мемуарах. Различия между ними в этом отношении сводятся к тому, что исторический кругозор дневника ограничен пределами настоящего, тогда как историзм воспоминаний измеряется соотношением их с прошлым, ставшим или становящимся историей⁴².

Итак, наблюдения над тем, как по ходу времени менялись социальные функции мемуаристики, а точнее — как отражалось историческое самосознание личности на целевой установке мемуаротворчества, и следует положить в основу изучения эволюции ме-

муарного жанра. Лишь проникнув в этот своего рода его «генетический код», и можно составить теоретически обоснованное представление о действительных пружинах эволюции мемуаристики.

Историческое самосознание личности само по себе есть исторически изменчивая категория, детерминированная общими условиями культуры данной эпохи, идеологии, просвещения, науки и т. д. Принципиально чуждое мышлению средневекового человека, оно возникает, как было ясно из сказанного, на базе ренессансного самоопределения личности, начинающей субъективно ощущать необратимость движения времени, и проходит ряд стадий в своем развитии⁴³.

Эта громадная по объему и сложности историко-культурная проблема применительно к России XVIII—XIX вв. не являлась пока предметом специального изучения как с историко-философской, так и с конкретно-исторической стороны, что, естественно, затрудняет и прояснение основных этапов эволюции мемуаристики. Заметим, однако, что документально фиксируемые изменения в целевой установке мемуаротворчества (если трактовать ее, повторяем, не в случайно-единичном, а в социально-историческом плане) со своей стороны могут предоставить немаловажный материал для понимания развития исторического самосознания личности, ибо служат вполне определенными симптомами, «отголосками» происходивших в его недрах глубинных сдвигов.

В 1835 г. в «Библиотеке для чтения» анонимно появилась примечательная рецензия (автором ее был скорее всего сам редактор журнала — известный уже тогда критик, беллетрист, ученый О. И. Сенковский) на изданные в прошедшем году «Сказания современников о Дмитрие Самозванце». Примечательна же она прежде всего тем, что в ее обширной вводной части, пожалуй, впервые в русской литературе обозревалось состояние западноевропейской мемуаристики от ее зарождения до 30-х годов XIX в.

«Исторические записки» и «сказания» современников, соединяющие «поучительность серьезного чтения с заманчивостью легкого и приятного», запечатлевают «частный быт народов» во всем богатстве его живых подробностей и характеров — сюда, к глубинам «домашней жизни» и восходят «корни общественности», именно здесь они «растут и укрепляются». Между тем, — продолжает автор, — на арену истории записки вышли довольно поздно: целые эпохи, даже тысячелетия не знали такого рода сочинений, были глухи к ним, и в результате громадные пласты исторической жизни народов, «бездны любопытных сведений», не будучи закрепленными в памяти человечества, остались навсегда погребенными «заживо». Только в пору крушения религиозного «суеверия» и вспышек «реформации» люди, наконец, «взялись за сочинение исторических записок» — «скоро это вошло в обыкновение», а «в семнадцатом столетии превратилось в настоящую моду: почти каждый порядочный человек вел записки, предназначая их не столько для потомства вообще, сколько для своего собственного». Однако «впоследствии, с размножением газет и журналов, которые мало-помалу прибрали к рукам большую часть записочных подробно-

стей, этот обычай вести записки для собственного употребления автора постепенно «стал выводиться». Но «в наше время» их ведение возобновилось «по другим причинам: теперь записки — денежная спекуляция».

При этом далеко не сразу поняли и историческую ценность записок, и то, что воплощенный в них взгляд на факты отдаляющегося прошлого «есть тоже факт, подверженный изменениям» — «историки долго не видели и потом долго не хотели видеть своего заблуждения». Лишь сравнительно недавно и самим людям, пишущим записки, и историкам, ранее ими пренебрегавшим, стало ясно, что они «принадлежат к числу тех произведений, которые больше выигрывают, чем теряют от времени», что именно время «придает им высший интерес: оно делает их необходимыми пособиями Истории, превращая самые обыкновенные вещи в редкости, заслуживающие глубоких изысканий и соображений потомства», доставляя, в частности, «богатые запасы положительных материалов для истории семнадцатого и восемнадцатого столетий, которые без помощи их были б для нас довольно загадочны»⁴⁴.

В этом беглом, но не лишенном исторической наблюдательности наброске довольно верно схвачены внешние контуры движения западноевропейской мемуаристики в течение двух-трех столетий, причем — что для нас особенно важно — рассматривается оно здесь под углом зрения изменений в целевой установке мемуаротворчества. Думается, что эта схема, отражающая некоторые закономерные черты эволюции мемуарной литературы нового времени, вполне приложима и к русской мемуаристике. Если данный набросок несколько уточнить и дополнить в свете современных научно-исторических понятий, то пути ее развития могут быть предварительно представлены в следующем виде.

При своем возникновении и на начальных этапах, соответствующих ранним ступеням исторического самосознания личности, когда она осмысляла себя, видимо, еще в сравнительно узких рамках внутреннего душевного опыта, произведения мемуарного жанра (и дневники, и сами мемуары) создаются ради удовлетворения духовных потребностей автора, его близких и потомков. Таковы исторически первичные цели мемуаротворчества. Конечно, как бы ни сторонился мемуарист текущей действительности и не утаивал своих произведений от современников, мало найдется таких воспоминаний и даже дневников, которые бы составлялись без затаенного понимания, что когда-то и кем-то все равно будут прочтены. Это органическое свойство любой мемуарной ситуации точно определил в 1871 г. во вступлении к своим воспоминаниям видный земский деятель второй половины прошлого века, дворянский племянник А. И. Герцена Д. Д. Голохвастов: «Никогда и никто не стал бы писать своих записок, ежели бы он был совершенно убежден, что не только при его жизни, но и по смерти ни один смертный их не прочтет и не увидит»⁴⁵. Но на ранних этапах существования мемуаристики ее установка на потенциального в будущем читателя была выражена еще крайне слабо, в зачаточной, стихийной, смутно-неосознанной форме.

Это было некое исходное и хронологически весьма длительное состояние мемуаристики, когда она уже получила значительное распространение, — своего рода отправная точка отсчета, с которой и начинается трансформация ее социальных функций (точнее, мемуаров в узком смысле слова, ибо дневниковая культура по-прежнему продолжает развиваться в пределах своих изначальных внутренинтимных функций).

В ходе последующего исторического развития, перемен в социально-политических отношениях и идеологии, формирования общественного мнения, успехов образования, грамотности, литературы, печати и т. д. расширяются и горизонты исторического самосознания личности. Сообразно этому узкофамильные цели мемуаротворчества отступают на задний план, а на передний выдвигается новый взгляд на более широкое — общественно-современное — его назначение, и мемуары все чаще пишутся с «прицелом» на гласность, на публикацию. В связи же с внедрением буржуазного «торгового» предпринимательства в книгоиздательское дело и периодику мемуаристика получает в этом отношении дополнительный стимул, и ее ориентация на текущую печать становится устойчивой тенденцией. Наряду с тем намечается сближение мемуаристики с современной идейной борьбой и литературным движением.

Для человека нашего времени, живущего в атмосфере повышенного интереса к мемуарно-документальной литературе, когда множество самых разнообразных по тематике и жанровым разновидностям воспоминаний, едва успев быть написанными, публикуются громадными тиражами, составляют предмет постоянного и массового чтения, когда мемуары государственных деятелей, дипломатов, военных, писателей открыто вторгаются в область политической жизни, окрашиваясь в остро публицистические и даже пропагандистские тона, может иногда показаться, что нерасторжимая связь с печатным делом, прессой, живой современностью — исконное качество мемуаров. Но, как следует из сказанного, ориентация на печать и на запросы текущей действительности не «вневременное», а исторически формирующееся свойство мемуаристики. В этом плане следовало бы уточнить высказывавшееся в литературе мнение о том, что развитие мемуарного жанра связано с «открытием книгопечатания»⁴⁶.

В Западной и Восточной Европе книгопечатание, ставшее известным в середине XV в., усиленно распространилось во второй половине XV и в XVI в., между тем мемуаристика, зародившаяся там, видимо, не ранее XVI в., широко проникает в печать лишь в XVII—XVIII вв. В России книгопечатание возникло еще в XVI в., в светской форме оно завоевывает преобладающие позиции в эпоху петровских реформ, мемуарный жанр начинает складываться в XVIII в., однако достоянием печати русские мемуары станут, как увидим далее, только в следующем столетии. Стало быть, с одной стороны, книгопечатание появляется задолго до возникновения мемуаристики и превращения ее в сколько-нибудь распространенное явление духовной культуры,

с другой — уже в этом своем качестве она длительное время развивается, так сказать, спонтанно, сама по себе, вне всякой зависимости от прогресса печатного станка, от преследования ею злободневных общественных целей, от каких-либо официальных воздействий⁴⁷.

С прогрессом культуры, ростом исторических знаний, проникновением принципа историзма в умственную жизнь общества и углублением на этой основе исторического самосознания личности укрепнет понимание важности мемуаров не только в плоскости современной действительности, но и в более глубокой временной перспективе, в масштабе общего движения истории страны, народа, государства и потому зреет мысль о значении мемуаров как средстве познания обществом своего прошлого, а сами они пишутся уже с ясным осознанием возможности их использования будущим историком. Причем с течением времени, по мере того как момент создания мемуаров и эпоха, в них отраженная, все дальше уходят в прошлое, ценность их в этом отношении — и для самих мемуаристов, и в глазах общества в целом — все более повышается.

Таким образом, в исторической эволюции мемуарного жанра могут быть выделены, на наш взгляд, три крупные вехи или тенденции, выступающие вместе с тем и как методические ориентиры ее изучения:

1. Переход от внутреннефамильных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати.

2. Превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения.

3. Осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка.

Но было бы упрощением считать, что с появлением ориентации на печать все без исключения мемуары оказываются «охваченными» установкой на публикацию и вовсе исчезает их прежнее личностно-фамильное назначение, а понимание их ценности для исторического познания кладет предел различным формам сближения мемуаристики с современной общественной жизнью — то и другое продолжает сохранять действенное значение в практике мемуаротворчества. Это именно *тенденции*, ранее не имевшие места в его обычаях. Кроме того, в мемуарном фонде любой эпохи всегда есть некая и нередко очень весомая часть произведений, которые, заключая в себе сокровенные сведения о событиях прошлого и затрагивая репутации еще живущих их участников, составляют с трезвым пониманием того, что могут быть напечатаны лишь в неопределенном будущем.

Речь идет, стало быть, не о замене первоначальных целей мемуаротворчества установками, так сказать, более высокого порядка, а об их наслоении одна на другую, т. е. об усложнении и обогащении социальных функций мемуаристики, и естественно, что указанные тенденции ее эволюции тесно взаимосвяза-

ны, переплетены, а иногда даже и совпадают хронологически, — это не отменяет, однако, необходимости их раздельного рассмотрения.

Но прежде хотелось бы подчеркнуть особую, поистине революционизирующую и не оцененную еще по достоинству роль в последующих судьбах мемуаристики первой из названных выше тенденций — ее ориентации на печать.

В самом деле, лишь с того момента, когда в определенных национальных рамках мемуары начинают предназначаться для современного читателя и широко публиковаться в разных изданиях, они перестают быть индивидуально-частным делом их авторов и, превращаясь из «вещи в себе» в «вещь для всех», обретают характер подлинно общественного явления культуры, что обозначает важный рубеж в духовной жизни общества. Ибо до того, как писал А. Н. Пыпин, они «не участвовали в движении, в обмене общественной мысли, не оказывали действия»⁴⁸. Ясно, что только на такой основе выдвигается на авансцену фигура мемуариста-публициста, непосредственно вторгающаяся в идейную борьбу, что только вследствие того мемуаристика становится «фактом литературным», вступает «на литературную арену»⁴⁹, оставляя след в художественно-стилистических течениях и в эстетических воззрениях эпохи. Столь же несомненно, что только после того как благодаря печати мемуары попадают в сферу привычного чтения современников, они предоставляют живой материал для исторического познания, и тем самым раздвигаются хронологические горизонты профессиональной историографии за счет близких к настоящему эпох и формируется сознательное отношение к мемуарам как историческим источникам.

Но из всех многообразных последствий сближения мемуаристики с печатью едва ли не наиболее существенным следует признать его воздействие на ход самого мемуаротворчества, протекавшего до этого сближения в условиях «скрытой эволюции» — содержательный и точный термин, введенный в научный оборот для характеристики развития дневников XIX в.⁵⁰, но вполне применимый к собственно мемуарам на «допечатной» стадии их существования.

Действительно, на данной стадии, при отсутствии общепризнанных «канонизированных» образцов и «контактных отношений» внутри жанра, использование опыта предшественников ограничивалось случайным ознакомлением с рукописями ранее составленных произведений или столь же спорадическими изустными преданиями о них. В этих условиях (особенно, если влияние иноязычной мемуарной культуры ввиду редкости переводных изданий ее памятников, сводилось к минимуму) создание воспоминаний (и дневников) шло имманентно, как замкнутый в себе, лишенный преемственности процесс, как результат усилий рассеянных и неведомых друг другу авторов, — всякий раз акт мемуаротворчества реализовывался как бы заново в «изолированных единицах — текстах»⁵¹, что замедляло темпы и консервировало формы развития мемуаристики. Трудно поэтому согласиться с мнением о том, что «чувство

преемственности» всегда «было в высокой мере свойственно мемуарно-автобиографическим произведениям», о чем свидетельствуют будто бы ссылки авторов воспоминаний, приступающих к рассказу о своей жизни, «на уже существующие прецеденты, на уже сделанное другими»⁵². Но такого рода ссылки сигнализируют скорее не о сложившейся преемственности, а как раз о ее почти полном отсутствии на ранних стадиях развития мемуаристики, ибо сама потребность опереться на чей-то прежний опыт, оправдаться перед собой и узким кругом возможных читателей указывает на то, каким необычным, дерзким являлось для автора ведение записок, как остро ощущал он «новизну жанра», а отнюдь не его традиционность. Да и сама возможность ссылок «на уже существующие прецеденты» появлялась, как правило, только тогда, когда эти «прецеденты» становились общеизвестными, — иначе ссылки на них не обладали бы должной авторитетностью, что, понятно, могло произойти лишь вследствие обнародования тех мемуарных произведений, которые и служили «прецедентами».

Отсюда ясно, сколь кардинальные изменения произошли с широким проникновением мемуаристики на страницы печати, которая вывела ее развитие на открытое пространство культуры.

Обнародование занимательного или просто интересного в познавательном отношении рассказа о людях и событиях прошлого уже одним своим примером не могло не заражать современников охотой к ведению собственных записок, а у писавших мемуары до того, но «втуне», «для себя», не могло не пробуждать стремление предать их гласности — наподобие тех, которые уже были напечатаны. Один из примеров такого «заражения» — возникновение записок московского цензора, впоследствии начальника Главного управления по делам печати М. Н. Похвиснева. Когда в начале 1853 г. в «Москвитянине» появился «Дневник студента» С. П. Жихарева — «современные мемуары, писанные бойким, остроумным пером, без лишних претензий», — они произвели на М. Н. Похвиснева настолько сильное впечатление, что сразу же подвигли его самого взяться за перо: «Чтение этих мемуаров, — писал он, — соблазнило и меня вести свой дневник. Я уже не раз в жизни моей принимался за этот труд, но всегда бросал его по недостатку терпения и постоянства. Попытаюсь снова <...>»⁵³ Столь же заразительным оказалось и появление в свет в начале 1870-х годов знаменитых записок А. Т. Болотова. Например, для упомянутого выше Д. Д. Голохвастова, долго колебавшегося по разным соображениям, стоит ли ему писать воспоминания, эта публикация явилась последним доводом в пользу того, что все-таки стоит. Начиная свой мемуарный труд, он признавался: «Записки Болотова решили мои сомнения. Я начинаю писать свои и думаю, что, помимо удовольствия, которое мне, надеюсь, доставит самое их составление, они будут полезны мне теперь и другим впоследствии»⁵⁴. Публикация мемуаров вызывала, таким образом, «цепную реакцию» стимулов к мемуаротворчеству, содействуя накоплению его навыков и жанровому обогащению, складыванию самой мемуарной традиции как не прерывающегося и влиятельного явления духовной жизни.

3 Теперь можно точнее сформулировать наши цели. Центральная проблема книги — выявление в недрах мемуаротворчества тенденции к сближению его с современной печатью как фундаментального основания последующих стадий эволюции мемуаристики (в том числе превращения ее в фактор литературного движения и идейной борьбы). Обрисовать конкретно-исторически эту переломную веху в судьбах мемуарного жанра в России и составляет главную нашу задачу. Но для этого надо иметь ясное представление о том исходном состоянии мемуаристики, с которого стала совершаться ее эволюция, и о том, каковы были ее изначальные функции. Коротче говоря, непременной предпосылкой приступа к решению поставленной выше задачи является всестороннее освещение самой мемуаристики XVIII в.

«Чему посвящено» и «когда написано»

Выявление в конкретно-историческом плане изначальных функций мемуаристики как исходного момента ее последующей эволюции надо, естественно, начинать с XVIII в. Однако русская мемуаристика этого столетия не являлась предметом специального изучения ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Лишь в последнее время появились диссертации и статьи, преимущественно литературоведческого профиля, посвященные жанровым особенностям мемуаристики XVIII в., ее связям с общелитературным процессом и наиболее примечательным мемуарным произведениям¹.

Но именно литературоведы чаще всего сетуют на царящее здесь неблагополучие, отмечая, например, что мемуары XVIII в. «совершенно не изучены в качестве памятников литературы», что XVIII в. с этой точки зрения «долгое время почему-то миновала главная магистраль литературоведения», что «трудно найти литературоведческие работы», специально рассматривающие мемуарные жанры².

Между тем в историко-источниковедческом отношении мемуаристика XVIII в. освещена еще хуже. Если не считать старых работ П. П. Пекарского и Н. Д. Чечулина и ценных, но весьма частных по выводам статей (главным образом дореволюционных) об отдельных мемуарных памятниках, то достижения историографии в данной области окажутся достаточно скромными. Это работы либо прикладного характера (определенные группы воспоминаний и дневников как источник для изучения тех или иных сторон исторического процесса), либо специального, трактующие, например, мемуары XVIII в. в плане отражения в них явлений социальной психологии³. В учебных курсах и пособиях по источниковедению мы находим лишь беглые обзоры сравнительно небольшого числа мемуаров, в обобщающие же труды по русской культуре XVIII в. (это касается также и многочисленных «историй» русской литературы того же столетия) специальные разделы о мемуарах не включаются вовсе⁴.

Поэтому и наши общие оценки мемуаристики XVIII в., не имеющие под собой надежных фактических оснований, весьма приблизительны, случайны и не всегда точны. В литературе распространено, в частности, мнение об ее больших количественных масштабах и высокой интенсивности развития: «С XVIII в. начинается стремительный количественный рост произведений мемуарно-автобиографических жанров, связанных с эпохой Петра I и Екатерины II»,

они «получили в XVIII веке широкое распространение» и их «равным образом» писали люди самых разных сословных категорий и общественного положения, «с каждым десятилетием число писавших свои воспоминания о прожитой жизни или поденный журнал <...> увеличивалось»⁵.

Эти несколько «завышенные», как увидим далее, представления связаны с тем, что мемуаристика XVIII в. ни в целом, ни в отдельных своих памятниках не рассматривалась в качестве самостоятельного явления духовной жизни этого века, «остатка» культуры породившей ее эпохи. Ученые, занимавшиеся историей и литературно-общественным движением XVIII в., искали в мемуарах конкретную информацию по интересующей их проблематике, — независимо от их происхождения, от времени и обстоятельств возникновения. Иными словами, такие источниковедчески значимые понятия, как «чему посвящено» и «когда написано», обычно не расчленялись. Хронология мемуаристики XVIII в. оставалась поэтому неразработанной, и вопрос о том, какие памятники следует отнести к ее составу в научном плане, не ставился (речь идет, разумеется, о собственно мемуарах, а не о дневниках, время ведения которых и время, в них отраженное, совпадают). Такой «потребительский» подход был свойствен еще историографии XIX — начала XX в. Например, А. Н. Пыпин и В. В. Сиповский в обзоры мемуаров XVIII в. включали непомерно широкий круг произведений, но принадлежность многих из них к этому веку была по меньшей мере сомнительной⁶.

Историку нашего времени, отдаленному от конца XVIII столетия двухвековой дистанцией, тем более не просто выделить в общем потоке посвященных ему мемуаров именно те, которые были созданы в его пределах, — ведь множество воспоминаний о событиях этого столетия было создано уже в XIX в., особенно в первой его половине. Из-за такой аберрации исследовательского зрения, невольного смещения двух разных временных планов к мемуарным памятникам XVIII в. часто безоговорочно причисляют произведения, хотя и связанные по своему общему стилистическому облику и по складу биографий их авторов с XVIII в., но вызванные непосредственно к жизни исторической обстановкой нового столетия, существенно иной, чем в XVIII в., культурно-идеологической ситуацией. Так, в числе «мемуаристов XVIII века» называют иногда Г. С. Винского⁷, но его известные воспоминания «Мое время», живо воссоздающие картины провинциального, армейского и столичного быта второй половины XVIII в., были написаны уже после 1812 г. К ним же относят и записки генерал-аншефа кн. Ю. В. Долгорукова с их красочным рассказом о Чесменском сражении⁸, но составлены они были почти полвека спустя — в 1817 г., на склоне жизни автора. Как «замечательный памятник русской культуры XVIII века» расцениваются и «Записки» Е. Р. Дашковой⁹, сочиненные между тем в начале XIX в. К мемуаристике XVIII в. без всяких пояснений причисляют и записки Г. И. Добрынина и А. Т. Болотова¹⁰, хотя в очень большой своей части они были созданы в первые десятилетия XIX в. Совсем недавно издан сборник воспоминаний,

представленных читателю как памятники мемуаристики XVIII в., тогда как в подавляющей своей части они были составлены много лет и даже десятилетий спустя после его истечения¹¹.

В этой связи стоит напомнить, что П. П. Пекарский еще в 1855 г. верно подметил, что в позднейших по времени возникновения воспоминаниях о XVIII в. «есть следы ближайшей нам эпохи и весьма немного того, что напомнило прежнюю», и в силу этого и не считал возможным эти писавшиеся уже в XIX в. мемуары, например те же записки Ю. В. Долгорукова, внести «в хронологический ряд других мемуаров» XVIII в., составленных еще в его пределах, с их неповторимым своеобразием в языке, в строе чувствований автора, в общем историческом колорите¹².

Динамика развития и социальный облик

В первую очередь надлежит поэтому установить корпус памятников русской мемуаристики XVIII в. в его точных временных рамках, т. е. по возможности всех дневников и воспоминаний, созданных в период от 1700 до 1800 г. Мы сознаем, конечно, что в «прокрустово ложе» этих календарных дат трудно механически уложить реальные явления того культурно-исторического процесса, который составляет предмет нашего изучения, — они зародились до 1700 г. (например, дневник П. А. Толстого «Путешествие стольника» за 1697—1699 гг.) и развивались после 1800 г. Тем не менее, при всей условности столь жесткого ограничения пределами столетия, оно имеет известные культурологические основания. Как верно было замечено, XVIII век — не просто «хронологический отрезок», а «историческое понятие», ибо «столетие как культурный цикл появилось в русском общественном сознании именно с 1 января 1700 г., с календарной реформы Петра. Ощущение неповторимости и особенности своего культурного цикла свойственно всем авторам XVIII в., вплоть до Радищева и Карамзина»¹³. При таком подходе мы и сможем очертить русскую мемуаристику XVIII в. в четких хронологических параметрах, выявить ее истинные количественные масштабы, ее социальный облик и жанровые формы, — в той мере, разумеется, в какой она представлена в печати, в публикациях XVIII—XX вв.

Мы опирались при этом на упомянутый выше библиографический справочник по мемуаристике, где с высокой степенью полноты и тщательности учтены мемуарные произведения XVIII в. (кроме опубликованных в газетах). В нем зарегистрировано около 700 произведений, относящихся к этому веку¹⁴. Поскольку данное число включает в себя обширный репертуар памятников российского и иностранного происхождения, так или иначе посвященных XVIII в., сведения справочника пришлось подвергнуть пересчету, с тем чтобы выделить лишь те произведения, которые принадлежали к русской мемуарной культуре. Были поэтому исключены многочисленные мемуарные произведения выходцев из национальных регионов (поляков, украинцев, белорусов, грузин, армян и т. п.) и иностранцев — европейских путешественников и дипломатов, акк-

редитованных при русском дворе. Исключение сделано только для небольшого числа дневников и воспоминаний лиц иностранного происхождения, состоявших на службе в России, долгие годы живших здесь и оставивших заметный след в государственной, общественной, культурной и военной жизни страны. Речь идет, в частности, о таких крупных фигурах русской истории XVIII в., как фельдмаршал Б. Миних и его сын Э. Миних, генерал Х. Манштейн, всесильный при Анне Иоановне Э. Бирон, адмирал С. Грейг, академик Я. Штелин, историк и тоже академик Г. Ф. Миллер.

Не принималось также в расчет множество описаний путешествий этнографического, географического, хозяйственно-экономического и собственно научного характера. Они включали в себя порой отдельные поденные записи и припоминания автора, но в отличие от дневников и воспоминаний классического типа не были, как правило, ориентированы на запечатление личностью исторического бытия в его движении от прошлого к настоящему, ставили перед собой совсем иные цели, образуя совершенно особые разновидности повествовательных источников.

Дело осложнялось и тем, что в XVIII в., особенно в первые его десятилетия, воспоминания и дневники не размежевались еще отчетливо ни между собой, ни с разного рода историческими сочинениями, биографиями, «журналами» ведомственного назначения и иными официальными документами.

В справочнике оказались и некоторые пропуски, восполненные по другим источникам, в том числе и по «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800» (М., 1962—1975. Т. 1—6).

Таким образом, было отобрано более 250 русских дневников и воспоминаний, посвященных XVIII в. Для нашей темы первостепенное значение имело датирование последних — понятно, что только таким путем можно установить корпус мемуарных памятников, действительно принадлежавших XVIII в. Решение этой задачи осложнялось, однако, тем, что мемуары той эпохи редко датировались авторами, сами их тексты прямых указаний на время составления чаще всего не содержат, эти данные далеко не всегда присутствуют и в библиографических записях и аннотациях справочника. К тому же датирование мемуаров XVIII в. сравнительно с более поздними периодами имеет свои дополнительные трудности — их составление часто растягивалось на длительное время, нижние и верхние границы которого не всегда могут быть четко фиксированы, утрачены рукописные оригиналы большей части мемуаров этого века, менее доступны биографические сведения об их авторах и т. д. Поэтому некоторые произведения удалось датировать в приблизительных величинах, иногда с точностью до одного-двух десятилетий. Отдельные датировки, возможно, подвергнутся в дальнейшем уточнению. Следует, однако, подчеркнуть, что речь идет не об абсолютно точной датировке каждого мемуарного памятника, а об относительной их хронологии в пределах установленного корпуса¹⁵.

Не останавливаясь далее на трудоемком процессе определения состава и датирования мемуаров XVIII в., отметим кратко его общие итоги.

* * *

Всего выявлено 153 произведения — 96 воспоминаний и 57 дневников (число же самих мемуаристов несколько меньше — 131 человек, так как некоторым из них принадлежит по несколько произведений). Они сведены в две таблицы — отдельно для воспоминаний и дневников, где расположены в хронологической последовательности их создания. В таблицах обозначены: имя, годы жизни и социально-профессиональный статус авторов, название произведения с указанием данных о публикациях, в необходимых случаях его жанровая разновидность, временной охват событий (для воспоминаний), даты составления, время первой публикации (даже если она неполная) и хронологический разрыв между ней и началом составления.

Особо нужно сказать о фиксации в таблицах социального статуса авторов мемуарных произведений. Мы исходили преимущественно из их сословного происхождения, как оно отмечено в биографических источниках. Следует, однако, иметь в виду, что этот юридический признак не всегда отражает реальный социально-профессиональный облик мемуаристов. Уяснение данной стороны дела имеет в некоторых случаях свои трудности, связанные с социальной мобильностью непривилегированных сословий русского общества XVIII в. вследствие практики применения Табели о рангах. Благодаря личной выслуге, по достижении соответствующих чинов выходцы из «низов» (в том числе и «разночинные» представители формирующейся интеллигенции) получали права личного, а то и потомственного дворянства^{15а}. Определенное лицо, будучи, допустим, купеческого происхождения, составляло свои воспоминания или вело дневники в зрелом возрасте, когда имело уже и высокий чин и дворянское звание, а по своему общественно-профессиональному положению мало чем отличалось от мемуаристов — выходцев из старинного дворянства. Степень «одворянивания», включенности в дворянскую культуру для разных лиц была различной, отсюда и неоднозначность отнесения их к той или иной социальной категории, а в некоторых случаях — и спорные решения.

Сведения таблиц* не претендуют на исчерпывающую библиографическую полноту. Возможно, в них не попали отдельные произведения, в том числе затерянные на страницах газет и редких изданий. Но есть все же основания считать, что в таблицах учтено подавляющее большинство дневников и воспоминаний XVIII в., когда-либо появлявшихся в русской печати (помимо газетной периодики), и основное количество вообще *сохранившихся* мемуарных памятников XVIII в., ибо трудно предположить, чтобы при

* Далее в тексте ссылки на отдельные произведения даются в скобках с обозначением таблиц: I — для воспоминаний, II — для дневников и порядковых номеров в пределах каждой таблицы.

чрезвычайно пристальном интересе к ним на протяжении прошедших двух веков со стороны архивистов, историков, издателей исторических журналов и т. д., в архивах находились бы еще скольконибудь значительные массивы неизвестных доселе дневников и воспоминаний XVIII в. Во всяком случае в многочисленных архивных справочниках и обзорах имеются указания лишь на единичные рукописи неопубликованных (полностью или частично) мемуарных произведений этого века¹⁶.

Более сложен вопрос о том, насколько представительны данные таблиц в отношении всех *существовавших в свое время* мемуарных памятников XVIII в., т. е., иными словами, как была велика доля созданных, но позднее утраченных произведений. В литературе на этот счет было замечено, что если «до нас дошли десятки мемуаров» XVIII в., то «существовало их сотни» — «большинство их погибло, ибо они не предназначались для печати и терялись у наследников мемуариста»¹⁷. Первичная целевая установка мемуаристов — создавались ли они для узкого, замкнутого круга или для широкой общественной среды — действительно, влияет на условия их последующей сохранности. Ясно, что чем чаще они распространялись в списках или появлялись в печати, тем выше вероятность их «удержания» в культурно-историческом обиходе¹⁸. Но в данном случае мнение о том, что большая часть мемуарных произведений XVIII в. утрачена, не находит себе опоры в конкретном материале. Во-первых, до нас дошли не «десятки», а все-таки более 150 дневников и воспоминаний XVIII в., что уже само по себе позволяет точнее судить о масштабе соотношения между тем, что было реально создано, и тем, что могло быть утрачено. Во-вторых, для определения подлинных размеров утрат необходимы предварительные разыскания во множестве печатных и архивных источников сведений о недошедших до нас мемуарных произведениях XVIII в., об их первоначальном распространении и последующей судьбе. Эта работа пока не проводилась, и мы вправе поэтому поставленный выше вопрос оставить пока открытым (аналогичные данные, кстати, отсутствуют и по мемуаристике XIX в.), отдавая себе при этом отчет в том, что установленное выше число мемуарных произведений XVIII в. имеет в известной мере условный характер.

Один из немногих известных в литературе примеров утраты мемуаров XVIII в. связан с именем знаменитого прадеда А. С. Пушкина и сподвижника Петра I А. П. Ганнибала. В автобиографических записках середины 1830-х годов Пушкин, рассказывая о жизненном пути А. П. Ганнибала, отметил: «Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами». Сведения эти отсутствуют в так называемой «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала, составленной в 1780-х — начале 1790-х годов при участии его детей, и явно были почерпнуты Пушкиным из устных сообщений сына петровского «арапа» — П. А. Ганнибала (он тесно общался с ним в 1824—1826 гг.), который в свою очередь мог слышать об этом из рассказов самого отца. Пушкин не указывает времени составления

Таблица 1

Численность мемуарных произведений XVIII в.

Годы	Воспоминания						Дневники					Итого	
	дворян	духов. лиц	купцов	крестьян	сослов. статус не установлен	всего	дворян	духов. лиц	купцов	крестьян	сослов. статус не установлен		всего
1700—1725	8	1	—	—	—	9	6	—	—	—	1	7	16
1726—1761	14	2	1	—	1	18	7	—	—	—	1	8	26
1762—1800	47	12	5	1	4	69	37	5	—	—	—	42	111
Итого	69	15	6	1	5	96	50	5	—	—	2	57	153

записок прадеда, но скорее всего они относятся к 1730-м годам, свидетельством чему является фраза о сожжении их в припадке страха, — именно в этот период своей жизни опальный А. П. Ганнибал, живя уединенно в ревельском имении, опасался гонений со стороны Э. Бирона. С 1730-ми годами связывал появление записок и Д. Н. Бантыш-Каменский. Если мемуары А. П. Ганнибала действительно относятся к тому времени, то — не будь уничтожены — они имели бы особенно высокую ценность, поскольку в 1730-х годах мемуарные жизнеописания его современников были, как увидим далее, еще крайне редки¹⁹.

В целом же, думается, с количественной и содержательно-качественной точки зрения данные таблицы представительно отражают общее состояние и особенности развития мемуаристики XVIII в.

Сведем их основные показатели в следующий ряд (табл. 1).

Прежде всего эти данные позволяют уточнить бытующий в историографии взгляд на бурный рост мемуаротворчества чуть ли не с самого начала XVIII в. Если распределить их в соответствии с принятой периодизацией общественно-политической истории России этого века на три хронологические группы, то мы увидим, что в эпоху преобразований Петра I было создано 16 произведений (9 воспоминаний и 7 дневников) — всего 10 %, в царствование его преемников (эпоха «дворцовых переворотов») — 26 произведений (18 воспоминаний и 8 дневников), или 17 %; время же Екатерины II и Павла I дает более чем четырехкратное увеличение сравнительно с предыдущим периодом — 111 произведений (69 воспоминаний и 42 дневника), или 72 % от общего их количества за XVIII в.

Таким образом, в первые его десятилетия развитие мемуаротворчества идет еще весьма медленно, к середине века оно несколько убыстряется и лишь в екатерининское царствование натупает перелом — только с этой поры и можно с известными основаниями говорить о его взлете, «стремительном» росте. Поэтому, когда идет речь о мемуаристике XVIII в. как о некоем суммарном понятии,

надо отдавать себе ясный отчет в том, что это главным образом мемуаристика последних четырех десятилетий века, на которые приходится почти три четверти всех возникших в его пределах мемуарных произведений.

Очерченный здесь в основных линиях ритм ее движения находит свое объяснение в общих условиях развития русской культуры XVIII в. Эпоха петровских преобразований с ее крутой ломкой социальных отношений и многолетними изнурительными войнами, потребовавшая гигантского напряжения всех сил общества в целях строительства нового государства, укрепления его внешнеполитического могущества, создания армии и флота, мобилизации финансово-экономических ресурсов, ознаменовалась крупными успехами технического, материально-вещного, научно-прикладного порядка, но она же вызвала и известный «перерыв», «задержку» в развитии разных форм гуманитарно-духовного творчества²⁰. Оживление в этой сфере, особенно в литературе и искусстве, как непосредственный результат реформ начала века отчетливо стало сказываться только к 40—50-м годам XVIII в. — «именно культура, в частности литература, осуществила реформу полностью лишь после Петра»²¹. Но подлинный подъем культуры, который затронул широкий спектр явлений духовной жизни, непосредственно сопряженных с мемуаротворчеством, приходится уже на екатерининское время.

Говоря о взлете в последние десятилетия XVIII в. мемуаристики, развивавшейся на собственной национальной основе, нельзя вместе с тем пренебречь учетом европейских культурных влияний. Немалое значение имело усвоение античной биографической традиции (переводы исторических сочинений римских писателей неоднократно издавались уже во второй половине XVIII в.) и достижение самого мемуарного жанра во Франции, Италии, Англии и других странах. Уже с петровского времени верхушка дворянства, его аристократические и придворные слои, а позднее чиновничество и даже разночинцы благодаря притоку в Россию иностранцев, путешествиям русских людей за границу, распространению домашнего образования и разнообразных учебных заведений стали овладевать иностранными языками²². В круг их постоянного чтения входила западноевропейская литература широкой гуманитарно-исторической тематики, в том числе и мемуарная, поступавшая в Россию в изданиях на языках оригиналов. Любопытно в этой связи, что Анна Леопольдовна, мать малолетнего императора Ивана Антоновича, по оценке известного знатока русской книги XVIII в. С. П. Луппова, «особенно много читала <...> всякого рода мемуаров»²³. Однако общеевропейское литературное движение той эпохи выражалось не только «в подъеме и распространении жанра мемуаров», но «и в расцвете романа в мемуарной форме»²⁴. Этот переводной европейский роман «мемуарного» толка (а не одни лишь собственно мемуарно-автобиографические сочинения европейских авторов, русские переводы которых были тогда в считанном числе) и пользовался в России широкой популярностью²⁵. Все это не могло не сказываться, как увидим далее, на мемуаротворчестве.

Таблица 2

Распределение мемуарных произведений XVIII в.
по сословному положению авторов

Годы	Дворяне		Духовные лица		Купцы	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1700—1725	14	88	1	6	—	—
1726—1761	21	81	2	7	1	4
1762—1800	84	76	17	15	5	4

Существенны наблюдения над составом мемуарных произведений в плане социально-профессионального положения авторов.

В нем явно преобладают мемуарные памятники, вышедшие из дворянской среды, — 119, или 77 % от общей их численности за XVIII в., причем дневники дворянского происхождения составляют еще большую величину — 87 % (50 из 57). Духовенство представлено 20 произведениями — 13 % и совсем ничтожным числом — купечество: 4 % (6 произведений). Лишь одни воспоминания вышли из крестьянской среды — это составленная в 1785 г. автобиография крепостного князей Голицыных Н. И. Смирнова (I, № 67).

Следует, однако, иметь в виду, что это воспоминания не рядового крестьянина той эпохи, а типичного представителя крепостной интеллигенции, человека во всех отношениях незаурядного. Сын управляющего вотчинами князя А. М. Голицына, Н. И. Смирнов был вольнослушателем Московского университета, имел широкие познания в науках и искусстве, знал иностранные языки и в 1785 г. решил бежать за границу с целью продолжить образование в одном из европейских университетов, но был задержан в Петербурге, предан следствию в Тайной экспедиции — тут он и написал свою автобиографию в виде следственных показаний. Смертная казнь по первоначальному приговору была заменена ссылкой солдатом в Тобольск, где он познакомился с А. Н. Радищевым, оставившимся там на пути в Илимск. Высказывалось даже предположение, что в основе рассказа крепостного интеллигента в главе «Городня» «Путешествия из Петербурга в Москву» — судьба Н. И. Смирнова. В 1780—1790-х годах он выступал как поэт и переводчик в разных современных изданиях под своим именем и под псевдонимом «Даурец Комохон». В последние годы жизни Н. И. Смирнов (он умер в 1800 г.) служил в канцелярии Иркутской суконной фабрики²⁶.

Очень характерны дифференцированные данные по периодам (табл. 2), позволяющие уловить динамику изменений социального состава мемуаристов на протяжении XVIII в.

В первые шесть десятилетий XVIII в. произведения дворянского происхождения составляли подавляющее большинство, далее их численность возрастала и в последний период в абсолютном выражении в 6 раз превышала соответствующую величину за 1700—1725 гг.

Не обнаруживают тенденцию к повышению показатели по купеческим воспоминаниям (купеческих дневников нет вообще) — их удельный вес в течение всего столетия не превосходил 4 %. Но их реальная доля еще меньше, так как из пяти произведений этого рода за 1762—1800 гг. два принадлежат перу людей, по своему социокультурному облику уже оторвавшихся от купеческого «состояния». Это мемуары известного русского ученого, историка Оренбургского края П. И. Рычкова (I, № 27) и записка о «Чумном бунте» 1771 г. просветителя, поэта, переводчика и путешественника Ф. В. Каржавина (I, № 45)²⁷. Остальные произведения данной группы — автобиографические заметки купца по происхождению, знаменитого механика-изобретателя И. П. Кулибина (I, 35) и датируемые уже 1790-ми годами записки «профессиональных», «гильдейских» купцов И. А. Толченова, Т. П. Калашникова и А. П. Березина (I, № 82, 87, 90). Следовательно, собственно купеческие воспоминания появляются лишь к концу века.

Повышается в течение столетия доля произведений, вышедших из кругов духовенства, причем не только столичного, но и провинциального (первые из них датируются 1720 г. и концом 1730-х годов (I, № 7, 16), но в основном они относятся уже к 1760—1790 гг.) более чем в два раза: 6 % в 1700—1725 гг., до 15 % в 1762—1800 гг. Однако в общей массе воспоминаний и дневников даже этого периода их доля весьма незначительная.

Несколько понижается в связи с этим со второй четверти века сравнительно с первой удельный вес произведений дворянского происхождения — с 88 % до 81 %, но до конца столетия он стойко держится примерно на этом, достаточно высоком, уровне. Тем самым подтверждается уже высказанное в литературе положение о том, что мемуаротворчество развивается в XVIII в. преимущественно в рамках дворянской культуры²⁸.

Взлет мемуаристики с 1760-х годов есть в конечном счете результат того преобладающего положения, которое дворянство заняло с этого времени в жизни государства, — его материальных привилегий в области землевладения и монополии на крепостной труд, корпоративных прав, гражданских и отчасти политических притязаний, оформленных манифестом 1762 г. о «вольности дворянской» и екатерининским законодательством 1775 и 1785 гг., которые завершили длительный процесс консолидации дворянства в господствующий класс-сословие²⁹. Идеологическим выражением сдвигов в положении и умонастроениях дворянства явились, несомненно, конституционные устремления просвещенных его группировок, в частности известные проекты Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина 1760—1780-х годов с их установкой на ограничение самодержавия: «фундаментальными законами»³⁰. Со всем этим связаны не только изменения бытового уклада жизни дворянства, но и обретение им свободы во всех областях общественной и духовной деятельности, в том числе и свободы усвоения европейской культуры.

Небезынтересны данные о том, как распределяются мемуарные произведения дворянского происхождения соответственно различиям в социальном положении авторов. Пренебрегая менее значимы-

Таблица 3
Межуарные произведения дворянского происхождения

Годы	Высшие слои дворянства		Иностранцы		«Нижестоящие» слои дворянства		Итого
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1700—1725	10	71	—	—	4	29	14
1726—1761	6	28	4	19	11	53	21
1762—1800	29	34	7	8	48	58	84
Итого	45	36	11	9	63	55	119

ми в данном случае общественно-профессиональными градациями, в нашем материале можно выделить две основные группы произведений. Одни принадлежат высшему, столичному, титулованному дворянству и военно-правительственным верхам, другие — «нижестоящим» слоям «первенствующего сословия»: провинциальным, средне- и мелкопоместным, служивым и даже вовсе беспоместным дворянам и т. д. Несколько особняком стоят примыкающие к первой из названных групп мемуары иностранцев, состоявших на русской государственной и военной службе.

Приведем эти данные в следующем ряду (табл. 3).

В начале XVIII в. мемуаристикой была охвачена в основном верхушка русского дворянства — 71 % всех мемуарных произведений, созданных в это время. Во втором периоде доля этой группы падает в 2,5 раза, но в целом на протяжении первых двух периодов составляющие ее произведения вместе с «иностранными» превосходят все остальные. В их числе мемуарный рассказ самого Петра I о начале кораблестроения в России (I, № 6), дневники и мемуарно-исторические сочинения представителей старой знати И. А. Желябужского и А. А. Матвеева (I, № 4, 5), крупного дипломата петровского времени и родственника царя Б. И. Куракина (I, № 1, 2, 3, 8; II, № 2), государственно-церковного деятеля и идеолога нового царствования Феофана Прокоповича (I, № 9, 12), генерал-аншефа и сенатора Г. П. Чернышева, одного из боевых сподвижников Петра I, успешно совершавшего свою карьеру и при его преемниках (I, № 18), воспоминания А. Ф. Шестаковой — жены управляющего дворцовыми именными императрицы Анны Иоановны, — кстати, первые в России «женские» мемуары (I, № 17), «Записки о бедной и суетной жизни человеческой» В. В. Головина, камер-юнкера Екатерины I, жестоко пострадавшего от Э. Бирона в 1730-х годах (I, № 19).

Доминирующие позиции в мемуаристике первой половины века представителей высших дворянских слоев, аристократических и близких ко двору, обусловлены не только их политическими привилегиями, но и особой, едва ли не ведущей ролью в духовной жизни государства — «до середины XVIII столетия <...> вся официальная культура, возглавлявшая умственное движение высших

классов, имела правительственный характер. Она была создана не только по призыву центральной власти, но и существовала на потребу ближайших практических целей той же власти. Наука и искусство были делом, ближайшим образом касавшимся именно двора и правительства как государственного аппарата»³¹.

В третьем периоде удельный вес высшей дворянско-придворной группы падает в целом в 2 раза, но и тогда она еще весьма заметна с количественной стороны — 36 произведений. Среди них, например, «Журнал собственный» генерал-фельдмаршала и генерал-прокурора князя Н. Ю. Трубецкого — «питомца» Петра I и активного участника дворцовых переворотов XVIII в. (I, № 32), жизнеописание выходца из другого старинного княжеского рода — Я. П. Шаховского (I, № 43), воспоминания княгини Н. Б. Долгорукой (I, № 33), «секретные» мемуары самой Екатерины II (I, № 49), дневники ее внебрачного сына А. Г. Бобринского (II, № 29), статс-секретаря императрицы А. В. Храповицкого (II, № 31), воспитателя Павла I С. А. Порошина (II, № 18), поденные записи В. П. Кочубея о последних днях жизни крупнейшего сановника екатерининского царствования А. А. Безбородко (II, № 57), дневник пребывания в Париже в 1789—1790 гг. Н. П. Голицыной (II, № 40) — «фрейлины при пяти императорах», на исходе жизни светской знакомой Пушкина, снискавшей известность тем, что современники видели в ней одного из возможных прототипов образа старой графини в «Пиковой даме». Уже сказанного достаточно, чтобы понять, насколько внушительна доля записок аристократически-придворного слоя дворянства, объединяемых иногда в литературе даже понятием «дворцовая мемуаристика» для обозначения некоей особой по происхождению и исторической значимости группы мемуарных памятников XVIII в.³² Отсюда ясно, сколь неверно мнение о том, что в XVIII в. «мемуары писали почти только те, кто так или иначе был удален от столичного центра, избежал в общем-то пагубного влияния двора, те, кто не кланялся из-за чинов»³³. Это несколько идиллическое представление о социальном составе мемуаристов, исключаящее из него высшие, близкие к правительству круги дворянства, ошибочно, кстати, не только для XVIII в., но и для всей дореволюционной русской мемуаристики, ибо представители этих кругов, как известно, в немалом числе составляли свои воспоминания и дневники и в XIX и в начале XX в.

Воспоминания иностранцев на русской службе появляются лишь во втором периоде — дневниками эта группа вообще не представлена. Не составляет исключения и «Дневник» генерал-фельдмаршала Б. Миниха — могущественного при Анне Иоановне вельможи и не очень удачливого полководца, свергнувшего в 1740 г. Э. Бирона, но затем на 20 лет попавшего в глубокую опалу (I, № 11). Это его произведение именно как дневник и расценивается в исторической литературе в отличие от его же позднейшей записки (I, № 30), мемуарная природа которых ни у кого не вызывает сомнений. На самом же деле это не дневник в точном смысле слова, а автобиография, охватывавшая жизнь фельдмаршала с 1684 по 1721 г. и составленная им (возможно, по поденным замет-

кам) после 1727 г., еще в самом начале его карьеры, в форме погодных записей с указанием дат описываемых событий, что, видимо, и послужило поводом для ошибочной квалификации этого произведения³⁴. Такого рода погодная форма вообще была характерна, как увидим далее, для мемуарных жизнеописаний XVIII в.

В екатерининское время их численность увеличивается не много и в целом за XVIII в. насчитывается всего 11 произведений «иностранной» группы, что относительно мемуаров одного только высшего слоя русского дворянства составляет весьма незначительную величину. В этой связи хотелось бы опспорить еще один не известно на чем основанный тезис, согласно которому в 30—50-е годы XVIII в. «отсутствуют русскоязычные мемуарные произведения»³⁵. Но из 15 мемуаров, созданных в эти десятилетия, только три иностранного происхождения, составленные на французском и немецком языках (записки К. Манштейна, Э. Миниха, Э. Бирона — I, № 21, 23, 24). Остальные 12 — это именно «русскоязычные» мемуары, среди которых упомянутые уже воспоминания Г. П. Чернышева и В. В. Головина, записки В. А. Нащокина, «Записная книга» дворянина Кашинского уезда, морского офицера И. М. Грязново, веденная им непрерывно как раз в 1730—1750 гг. (I, № 14).

Вместе с тем в послепетровское время повышается удельный вес произведений «нижестоящих» слоев дворянства: почти в два раза во втором периоде и столько же — в третьем (с 29 % до 53 % и до 58 %). Однако более наглядны абсолютные показатели. Согласно им подлинный рост произведений данной группы начинается, в сущности, с екатерининской эпохи — 48 воспоминаний и дневников (сравнительно с 11 в предшествующий период), что значительно превышает и количество произведений высшей группы дворянства, возникших в ту же эпоху.

Таким образом, дворянство «нижестоящей» группы — ее провинциальные и служиво-чиновные слои активно включаются в мемуаротворчество только в последние четыре десятилетия XVIII в.

Еще рельефнее этот процесс, условно говоря, «демократизации» мемуаристики в пределах дворянского сословия просматривается по раздельным данным для воспоминаний и дневников (табл. 4).

Если в общем числе тех и других за весь XVIII в. произведения «нижестоящих» слоев сравнительно с произведениями высшей группы дворян и близких к ним по социально-политическому статусу иностранцев на русской службе составляют 54 % (63 от 119), то среди дневников еще более преобладают произведения авторов из «нижестоящих» слоев — 60 %, причем в петровское время удельный вес дневников этой группы исчисляется теми же 60 %, а в последующий период повышается до 72 %.

И наоборот, среди воспоминаний весомее доля тех, кто принадлежал к высшей группе дворянства и иностранцам, — 52 % от общего их числа за XVIII в. Если же привлечь данные расчлененно по периодам, то картина будет уже несколько иной. В царствование Петра I все без исключения воспоминания — плод творчества выходцев из высшей группы, в следующем периоде ее доля сово-

Таблица 4

Мемуарные произведения различных слоев дворянства

Годы	Воспоминания					Дневники					Итого
	высших слоев дворянства и иностранцев		«нижестоящих» слоев дворянства		всего	высших слоев дворянства и иностранцев		«нижестоящих» слоев дворянства		Всего	
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%		
1700—1725	8	100	—	—	8	2	40	4	60	6	14
1726—1761	8	57	6	43	14	2	28	5	72	7	21
1762—1800	20	42	27	58	47	16	43	21	57	37	84
Итого	36	52	33	48	69	20	40	30	60	50	119

купно с «иностранной» падает до 57 %, оставаясь еще в целом преобладающей, но в екатерининскую эпоху она снижается до 42 %. Это — еще один признак того, что лишь в ту эпоху дворянство «нижестоящих» слоев начинает конкурировать на почве мемуаротворчества с аристократическими и привилегированными его группами.

Однако на протяжении XVIII в. в общем составе мемуарных произведений намечается все же тенденция и своего рода «социальной поляризации» — дворяне высших слоев тяготеют к писанию воспоминаний, «нижестоящих» — к ведению дневников. Сама эта тенденция далеко не случайна — в ней отчетливо обнаружались некоторые существенные различия в культурно-бытовом положении разных групп русского дворянства XVIII в.

Естественно, что создание воспоминаний, предполагающее в авторе относительно высокий уровень интеллектуальной культуры, исторических размышлений, литературные навыки, чаще всего оказывалось уделом самого просвещенного, цивилизованного слоя дворянства. Дневники же («поденные» заметки в календарях, «журналы происшествий», «дорожные записки» и т. д.) — менее сложный по своей природе, исконный, непритязательный, доступный в повседневной житейской практике способ закрепления впечатлений о себе и о своем времени — вовсе не требовали ни столь развитого исторического мышления, ни литературного умения, и потому в большей мере отвечали духовным запросам провинциального помещика, живущего в имении, рядового офицера, участвовавшего в боевых походах, или «статского» дворянина, служившего в казенном присутствии.

Приведенные выше данные о появлении среди мемуаристов второй половины XVIII в. представителей «нижестоящих» слоев дворянства вполне согласуются с проницательными наблюдениями на этот счет С. М. Соловьева. Приступая в своей «Истории России» к описанию нравов, обычаев, образа жизни провинциального «шляхетства» в царствование Анны Иоановны, историк писал, что в то время, став благодаря реформам Петра I «ссловно обязательно грамотным», образованным, оно уже тогда выделило из

своей среды людей, «которые не хотели прожить молча, которые имели способность наблюдать окружающие их явления, подмечать особенно любопытное и прилагать к ним свои новые взгляды». Однако «мысль передать свои воспоминания в литературной форме пришла к ним гораздо позднее описываемого времени вследствие новых побуждений» и «дальнейшего общественного развития». «Из других сословий, — замечает далее С. М. Соловьев, — могли выходить люди ученые, и величайшего из русских ученых выставило низшее сословие, крестьянское, но эти ученые, посвящавшие все свое время науке и литературе, не имели времени и побуждений записать подробно свои воспоминания». Поэтому «о состоянии духовенства, купечества, крестьянства мы можем узнать из императорского указа, из письма правительственного лица», но не из воспоминаний представителей этих «низших сословий»³⁶.

Примечательно само указание на то, что желание не «прожить молча», т. е. рассказать о своем времени, как характернейшая черта дворянского самосознания зародилось еще в первые послепетровские годы, но тогда оно не могло выразить себя в каких-либо завершенных формах ввиду того, что в среде провинциального дворянства не появились соответствующие к тому «побуждения», — иначе говоря, ясно осознанные стимулы к мемуаротворчеству. Это и неудивительно — репрессии и гнет «бирановщины», так или иначе затронувшие все русское общество, болезненно сказались на положении широких слоев дворянства, особенно остро переживавшего национальное унижение, когда, по словам В. О. Ключевского, «повторялись татарские нашествия, только из отечественной столицы»³⁷. Естественно, что такая гнетущая обстановка мало способствовала проявлению начатков духовной независимости и личностного самосознания дворянства, прежде всего провинциального, отягощенного к тому же до середины века жесткими условиями обязательной службы и пребывавшего в состоянии замкнутого, закоснелого существования³⁸. Как следует из соловьевской характеристики, «побуждения» к мемуаротворчеству созрели в этой среде лишь в екатерининскую эпоху под влиянием глубоких изменений общественно-культурного порядка во всем строе дворянской жизни. Но даже в эту эпоху такого рода «побуждения» не сложились еще у большей части выходцев из других сословий, — во всяком случае, в той мере, в какой это было свойственно дворянам.

Речь идет, следовательно, об ограниченном участии этих более «низших» сословий русского общества в создании мемуарной культуры во второй половине века. И действительно, не может не броситься в глаза почти полное отсутствие в выявленном корпусе мемуарных произведений, принадлежавших представителям уже достаточно многочисленной в последние десятилетия XVIII в. разночинной интеллигенции, завоевавшей свое место в науке, домашнем воспитании, театре, журналистике, литературе и т. д.³⁹ Одно из немногих исключений — упомянутая выше записка о «Чумном бунте» 1771 г. Ф. В. Каржавина (I, № 45).

Но и сама дворянская интеллигенция, в частности писательская по роду занятий, представлена в мемуаристике XVIII в. довольно скудно — никак несоразмерно с той ролью, какую она играла в культурной жизни эпохи. Среди произведений, принадлежащих к этой группе мемуаристов, несколько особняком стоит записка о том же восстании 1771 г. в Москве Н. Н. Бантыш-Каменского — знаменитого ученого-археографа и историка, переводчика, участника издания «Слова о полку Игореве». Кроме же дневников А. Д. Кантемира (II, № 9, 10), «Чистосердечного признания» и дневников Д. И. Фонвизина (I, № 81; II, № 34, 41), «Жития Ф. В. Ушакова» и дневников А. Н. Радищева (I, № 74; II, № 44, 53), кратких автобиографических заметок И. Ф. Богдановича (I, № 91), других мемуаров литературного происхождения от XVIII в. до нас не дошло — русские писатели этого столетия в большинстве своем воспоминаний и дневников, видимо, вообще не составляли. Широко же известные «Записки» и «Объяснения» к своим сочинениям Г. Р. Державина и «Взгляд на мою жизнь» И. И. Дмитриева, обычно связывающиеся в нашем сознании с литературным движением второй половины XVIII в., были созданы много позднее — в 1800—1820 гг.

Присмотримся к тематическим особенностям мемуаристики XVIII в. Среди собственно мемуарных сочинений почти половину (47 из 96) составляют произведения, «внешнесобытийного» по отношению к личности автора характера. Это повествования (порой весьма обширные по объему) о значительных событиях внутренней и внешнеполитической жизни страны; фрагментарные по временному охвату воспоминания об отдельных, менее значимых, эпизодах, случаях, происшествиях, мемуарные рассказы об исторических деятелях XVIII в. и т. д. Этот род произведений представляет собой одну из наиболее ранних и вместе с тем широко распространенных и позднее форм мемуаристики, которая в современной литературе обозначается условным понятием «записки о событиях»⁴⁰. Особенно велика их доля в первые два периода, но и в екатерининскую эпоху они еще весьма заметны по численности. На первых порах в круге их внимания преимущественно события государственного значения, которые только и кажутся автору достойными запечатления, лишь они имеют в его глазах историческую ценность. Его же собственная жизнь, участие в описываемых событиях и отношение к ним остаются, как правило, за пределами повествования — «автор почти не виден», он не решается еще «говорить о себе»⁴¹. Справедливо было замечено в этой связи, что «русские люди первой половины XVIII в. не обладали средствами самовыражения, потребностью раскрыть свой внутренний мир, которая возникла у их внуков и правнуков»⁴².

Более всего это присуще, конечно, старшему поколению русских мемуаристов XVII в., представленному двумя поколениями — деятелями «старого закала» (типа И. А. Желябужского или А. А. Матвеева), родившимися еще во второй половине XVII в., и людьми, выдвинувшимися на общественно-политическую сце-

ну уже при Петре I, его сподвижниками и младшими современниками.

Такой же «внешнесобытийный» характер имеют в целом и дневники. Они столь же отрывочны и невелики по размерам, объемля своими записями чаще всего несколько дней, месяцев, от силы год или два, иногда даже ряд лет, но с большими перерывами, — в зависимости от причастности автора к событиям или кратковременных встреч с историческими лицами эпохи. Появляются, правда уже к концу века, и дневники, веденные систематически более долгий срок (например, дневник А. В. Храповицкого за 1782—1793 гг.). Но превалируют среди этих дневников «внешнесобытийного» типа подневные записи о боевых походах отдельных воинских частей, приближающиеся к официальным «журналам военных действий» и еще не отделившиеся от них (например, «Морской журнал» Н. А. Сенявина, дневные записки С. Порхомова, «Журналы» П. Н. и М. Н. Кречетниковых — II, № 3, 12, 19, 46), — отдаленные предтечи такой развитой в XIX в. отрасли русской мемуаристики, как офицерские военно-походные записи.

Одна из центральных тем всех этих произведений — сам Петр I, его личность, его реформаторские усилия на военном, дипломатическом, просветительском и иных поприщах, — соответственно тому месту, какое фигура великого преобразователя занимала в воззрениях современников и исторической мысли России XVIII в.⁴³ Основание и строительство Петербурга, Азовский и Прутский походы, Северная война с Полтавской битвой, заключение Ништадтского мира, кончина и похороны императора, всевозможные «анекдоты» о его государственных делах, поведении в быту, общении со сподвижниками — вот что в первую очередь занимает и авторов воспоминаний первых десятилетий века и людей, ведущих тогда подневные записи.

Постепенно круг тем расширяется — все большее внимание уделяется мемуаристами дворцовым переворотам, подробностям смены на престоле императоров и императриц (Екатерины I, Петра II, Анны Иоановны, Елизаветы, Петра III), коронациям, придворной жизни, борьбе враждующих правительственных группировок, войнам с Турцией, Персией, Польшей, Швецией, Семилетней войне, действиям русского флота в Архипелаге, Чесменскому сражению, взятию Очакова, дипломатической службе, образу жизни, хозяйственным делам, кругу чтения столичного и провинциального дворянства, отчасти чиновничества и духовенства; повседневная жизнь купечества фиксируется лишь в отдельных произведениях конца века, быт же крестьян отражается в основном через призму дворянской мемуаристики.

Значительный интерес привлекает государственная деятельность Екатерины II, обстоятельства ее восшествия на престол, поездки по России, меры в области администрации, социальных отношений, просвещения, внешнеполитические успехи, взаимоотношения с фаворитами и приближенными ко двору вельможами, воспитание великого князя Павла Петровича и его последующее воцарение. Слабее затронута общественная жизнь эпохи, одно из не-

многих исключений — мasonicкие ложи 1770—1780-х годов. Вторгается в мемуаристику второй половины века и тема антифеодальных движений, потрясавших империю: «Чумной бунт», восстание Пугачева, крестьянские волнения 1790-х годов, освещаемые, как правило, с позиций правительственных верхов, помещичьего дворянства и духовенства.

К концу века более заметное место, чем прежде (преимущественно в дневниках), занимают участившиеся путешествия русской знати за границу. Впечатления людей этой среды, главным образом от зарубежных поездок накануне и в первые годы Французской революции, питались наблюдениями над культурными достопримечательностями, политической жизнью и социальным устройством европейских стран, сравнением их с русскими общественными порядками. Обращает на себя внимание высокая культура самих этих подневных записей, их систематичность, подробность, осмысленность — несомненный результат влияния не только национальной, но и европейской мемуарной традиции. «Страсть к фиксированию на бумаге увиденного и услышанного» как характерную черту пребывания, например, русских аристократов в Париже в конце 1780-х — начале 1790-х годов отмечали соприкасавшиеся с ними тогда иностранные современники⁴⁴.

Зарождение автобиографической тенденции

Остановимся теперь на том, как представлена в жанровой структуре мемуаристики XVIII в. автобиографическая струя. Не подлежит сомнению, что именно мемуарные автобиографии, охватывающие значительную часть жизненного пути автора, концентрирующиеся вокруг его личности и его отношений с эпохой, составляют стержень, магистральную линию развития мемуаристики, ибо именно в них с наибольшей силой выражается стремление личности запечатлеть опыт своего участия в историческом бытии, реализовать достигнутый ею уровень исторического самосознания.

Произведений автобиографического характера насчитывается менее половины из общего числа воспоминаний, созданных в XVIII в., — 41 наименование. Однако 10 из них (I, № 16, 35, 51, 67, 70, 80, 84, 85, 89, 91) представляют собой автобиографические заметки, возникшие не в силу внутренних побуждений рассказать о своей жизни, т. е. не со специфически мемуарной установкой, а с иными, вызванными внешними поводами целями — ведомственно-деловыми, эпистолярными и т. д. Так, написание митрополитом Арсением (в миру — А. И. Мацеевич) в 1738 г. автобиографической «сказки», поданной им в Синод, связано с его определением иеромонахом в Петербургский кадетский корпус⁴⁵. Дошедшие до нас две автобиографии А. В. Суворова в действительности не мемуарные жизнеописания знаменитого полководца, а сугубо деловые документы со сведениями о его предках и военной службе. Один из них — прошение А. В. Суворова от 1786 г. в Московское дворянское собрание о внесении его в родословную книгу, другой — был представлен им в 1790 г. при возведении в графское достоинство в

Военную коллегию для передачи в Герольдмейстерскую контору⁴⁶. Автобиографические записки врачей М. И. Багрянского и В. Я. Колокольникова — масонов, друзей Н. И. Новикова — были составлены в виде следственных показаний по поводу привлечения их в 1792 г. к делу о московских «мартинистах»⁴⁷. Под следствием в Тайной экспедиции возникло и автобиографическое показание крестьянина Н. Смирнова, арестованного при попытке бегства за границу⁴⁸. В форме личного письма к Ф. В. Ростопчину и по его прямому запросу написана в декабре 1796 — феврале 1797 г. в Лондоне автобиография С. Р. Воронцова. Близкий к только что вступившему на престол Павлу I Ростопчин имел при этом явное намерение обратить внимание нового императора на видного дипломата и своего друга, пребывавшего в последние годы екатерининского царствования в глубокой опале, и, возможно, привлечь его к государственным делам⁴⁹.

Такого рода автобиографические документы, созданные, так сказать, с привходящими, житейско-практическими, а отнюдь не с мемуарными функциями, строго говоря, не могут быть причислены к разряду собственно мемуарных жизнеописаний, речь о которых шла выше.

В итоге остается всего 31 автобиографическое произведение этого типа, причем интересно, как они распределяются хронологически: лишь одно приходится на время петровских преобразований (I, № 2), 7 — на период царствования его преемников (I, № 11, 14, 18, 19, 22, 25, 27) и 23 произведения были начаты в екатерининскую эпоху. Но только 15 из них (I, № 32, 33, 34, 38, 48, 49, 50, 52, 53, 66, 76, 81, 86, 87, 90) были завершены в пределах века, остальные 8 — записки И. Б. Пенягина, И. О. Острожско-Лохвицкого, Г. И. Добрынина, И. М. Долгорукова, А. Т. Болотова, И. Г. Андреева, И. А. Толченова, Д. Б. Мертваго (I, № 36, 39, 71, 73, 77, 79, 82, 96) — продолжали составляться в первые десятилетия XIX в.

Стало быть, и эти данные полностью согласуются с выявленным ранее ходом и темпами движения русской мемуаристики XVIII в. Как видим, самая развитая форма мемуаротворчества, с особой полнотой воплощавшая в себе достижения мемуарной культуры, получает заметное распространение в России лишь в последние десятилетия века.

Попутно отметим, что и в дневниковой части корпуса крайне мало произведений с ярко выраженной автобиографической и тем более исповедальной ориентацией, которыми так богат XIX в. В XVIII веке «личность автора не стала в дневнике предметом исследования», он «еще не виден со всеми особенностями своего человеческого склада»⁵⁰. Дело касается дневников, явившихся результатом осознанного стремления авторов последовательно закреплять повседневное течение своей жизни, свои мысли и переживания наряду с впечатлениями от окружающего и веденных сколько-нибудь длительный период. Появление их — или близких к ним по содержанию и манере записей — относится только к середине века: «Журнал» курского помещика И. П. Анненкова, веденный с 1745

по 1766 г. (II, № 14), «Дневник происшествий» саратовского священника Г. А. Скопина за 1762—1796 гг. (II, № 16), а также «Записки дневные» его сына, протоиерея Н. Г. Скопина, начатые в 1794 г., но переходящие уже в следующее столетие — они составлялись вплоть до 1826 г. (II, № 49). Других обширных дневников автобиографического характера, сохранившихся в их первоизданном и целостном виде от XVIII в., не обнаружено. Мы не касаемся здесь достаточно распространенной в дворянской среде уже с 10—20-х годов XVIII в. практики более или менее регулярного ведения подневных записей, впоследствии вошедших в состав мемуарных жизнеописаний их авторов. Следы таких синхронных записей, своего рода «дневниковые проговорки», явственно ощущаются в «Записной книге» И. М. Грязново, в автобиографиях В. А. Нащокина, Н. Ю. Трубецкого, И. И. Неплюева, адмирала С. И. Мордвинова (I, № 14, 32, 38, 53). В значительной мере на дневниковых текстах основаны записки священника И. Б. Пенягина, «новооскольского дворянина» И. О. Острожского-Лохвицкого, димитровского купца И. А. Толченова (I, № 36, 39, 82). На громадном материале «Черновых журналов всеневных событий», «Домашних исторических журналов», разного рода «Ежедневников» зиждется жизнеописание А. Т. Болотова. Но, будучи переработаны ретроспективно в мемуарные сочинения, поглощены ими, эти первичные дневники автобиографического толка как самостоятельные произведения для нас утрачены, исключая, быть может, лишь случайно сохранившиеся дневники А. Т. Болотова за отдельные годы XVIII в.⁵¹

Тем более существенно проследить, как складывалась в этом веке автобиографическая разновидность мемуаристики.

Единственное мемуарное жизнеописание, дошедшее до нас от петровского времени, принадлежит Борису Ивановичу Куракину (1676—1727), который без всякого преувеличения может быть назван первым русским мемуаристом XVIII в. (I, № 2).

С детских лет друг, доверенное лицо, а после женитьбы на К. Ф. Лопухиной — и родственник Петра I, участник его военных походов, сражений под Нарвой и Полтавой, где он командовал Семеновским полком, впоследствии искусный дипломат, отличавшийся неутомимой энергией, удивительно разнообразными интересами, европейской образованностью, восприимчивостью к современным культурным веяниям, жадный до новых впечатлений, и вместе с тем сторонник потомственной московской аристократии, сильно задетый крутыми мерами Петра I, — Б. И. Куракин, по всему складу своей сложной и одаренной природы в большей мере, чем другие люди его времени, воплощал в себе тип личности новой, переходной эпохи. Одна из отличительных черт его мирозерцания — острое чувство истории, нашедшее выражение в разнообразных мемуарно-исторических трудах, которые он стал составлять далеко еще не старым человеком — не достигнув и 30 лет, и продолжал до самой смерти.

Одновременно с жизнеописанием, начатым осенью 1705 г. и законченным в 1710 г. (речь о нем пойдет далее), Б. И. Куракин вел

и дневник, запечатлевший его трехлетнюю поездку по Польше, Германии, Голландии, Англии, Италии. Тогда же, в 1706—1710 гг. он пишет и чисто исторические записки о начальном этапе Северной войны, некоторое время спустя возобновляет свои мемуары, рассказав в них о дипломатической службе за границей и положении России в первые годы после Полтавской битвы. Наконец, в 1723—1727 гг. Б. И. Куракин задумывает и частично осуществляет монументальный труд «Гистория о царе Петре Алексеевиче» — с развернутым историческим введением от киевских князей до рождения Петра и с пространным описанием эпохи его реформ, основанным главным образом на рассказах современников и собственной богатейшей осведомленности о «придворных интригах, происходивших во время царствования Петра Великого», о всех перипетиях его внутриправительственных и внешнеполитических дел⁵². Этот труд Б. И. Куракина может быть признан новаторским по своему произведению, совмещающим в себе (если учитывать его общий замысел) качества традиционного исторического сочинения с мемуарно-личностным, — некий промежуточный, смешанный тип исторического повествования (обозначим его условно термином «историописание»), получивший сильное развитие много позднее — уже в XIX в.

Историчность мышления Б. И. Куракина сказалась и на его отношении к своему архиву, который он бережно хранил, приводил в порядок, переплетал в особые книги — и свои сочинения, и личную корреспонденцию, и деловые бумаги, отложившиеся от дипломатической деятельности, ясно сознавая их историческое в будущем значение⁵³.

По интенсивности и размаху мемуарно-исторических занятий Б. И. Куракин не имеет себе равных не только среди современников, но, пожалуй, и в ряде последующих поколений русских мемуаристов XVIII в.

Важнейшее место среди этих занятий занимала, бесспорно, автобиография Б. И. Куракина, обозревавшая его жизненный путь от появления на свет до 1709 г. Характерно прежде всего само ее название: «Жизнь князя Бориса Куракина <...>» — этим как бы прямо, возможно даже полемически, заявлялось необычное для культурного обихода конца XVII — начала XVIII в. право человека на свое жизнеописание, на свое светское «житие», в котором он выступал не каким-либо официальным — государственным или церковным, — а частным лицом с собственной судьбой и биографией⁵⁴. Раскрывая замысел жизнеописания Б. И. Куракина, известный русский историк, знаток петровской эпохи Е. Ф. Шмурло отмечал: «Человек не должен существовать день за днем, жить, не отдавая себе отчета в прожитом. Оглянуться назад — значит в своем роде подвести итоги, оценить и проконтролировать себя, взвесив свои поступки, и в полученном выводе найти или средство самоисправления, или точку опоры в дальнейшей жизни. Автобиография становится потребностью образованного, мыслящего человека. Куракин знает, что многим в России покажется странным его намерение»⁵⁵.

В самом деле, он вполне отдавал себе отчет в непривычности для русской жизни его времени предпринятого им труда и в новизне избранного им жанра. Предвидя, что «сие <...> описание <. . .> моего жития» не встретит понимания соотечественников, не искушенных еще в такого рода сочинениях, что упреки и нападки последуют «токмо от наших, от русского народу», а «не от других европейских, понеже те обычайны в таких письмах», Б. И. Куракин ссылается на уже устоявшийся среди образованных слоев европейских стран и, видимо, хорошо ему известный опыт ведения автобиографий, оправдывает им притязание на свое жизнеописание, стараясь привить этот опыт на национальной почве, сделать его достоянием русской культуры: «Для того и я не от себя самого то учинил, но ведал обычай всех, как высших, так средних и самых шляхетских персон, которые описывают свой живот, понеже и я тому последовал»⁵⁶.

Не следует, однако, преувеличивать влияние европейского опыта на мемуарные труды Б. И. Куракина и само создание автобиографии представлять чуть ли не прямым его следствием. Между тем непосредственно «из школы иностранного образования» вывсдил его автобиографический труд Е. Шмурло^{56а}. И в одной из недавних работ тоже сказано, что, «вернувшись из-за границы к десятым годам XVIII века, Куракин привозит мемуарный жанр»⁵⁷. Напомним, что он возвратился из-за границы в 1708 г., но еще за три года до того, едва только пустившись в путешествие, приступил к писанию автобиографии, к моменту приезда в Россию уже близкой к завершению. Следовательно, она возникла без зарубежных влияний, которые не могли отразиться сколько-нибудь ощутимо и на дневниках Б. И. Куракина, и его записках о Шведской войне, в большей своей части составленных до того, как он «привез» из-за границы «мемуарный жанр». К тому же, впервые на поприще мемуаристики Б. И. Куракин выступил еще в 1704 г. (мемуарный набросок «Военная хитрость царя Петра Алексеевича под Нарвой» — I, № 1), когда ни о каком путешествии за границу не было и речи. Но дело, разумеется, не только в этих хронологических выкладках.

Как ни существенно было влияние европейского мемуарного опыта на зарождение в России мемуарных автобиографий, оно могло иметь плодотворные последствия только в той мере, в какой само русское общественное сознание и культура в целом оказывались подготовленными к его активному восприятию. И именно в данном отношении фигура Куракина-мемуариста в высокой степени характерна, ибо его мемуарное творчество начала XVIII в. осталось не более чем яркой вспышкой — после этого в развитии автобиографических жизнеописаний наступает многолетний застой: «Мемуары Куракина оказываются фактом, у которого отсутствуют возможности для превращения в тенденцию»⁵⁸.

В объяснение этого можно было бы сослаться на особые свойства личности самого Б. И. Куракина, что не лишено, конечно, известного резона. Но в более общем плане причины застоя надо искать, на наш взгляд, как раз в недостаточной зрелости внутренних

предпосылок для становления мемуарно-автобиографической «тенденции», в частности в уровне культурного самосознания дворянства при Петре и его первых преемниках, когда, по словам С. М. Соловьева, желание «не прожить молча» только еще зарождалось в среде дворян. Причины застоя коренились и в состоянии общественной жизни России той эпохи, когда, как писал А. Н. Пыпин, «мысль политическая не существовала; с давних времен она была поглощена слепой верою в авторитет власти и беспрекословной покорностью»⁵⁹.

Как бы то ни было, автобиографическая тенденция возобновляется примерно 20 лет спустя после куракинского жизнеописания, но она еще крайне слаба, неустойчива — 1730—1750-е годы отмечены всего тремя произведениями такого рода: записками И. М. Грязново, Г. П. Чернышева и В. В. Головина, на рубеже 1750—1760-х годов появляются записки В. А. Нащокина и П. И. Рычкова и лишь с екатерининского времени автобиографическая «тенденция», действительно, получает заметное распространение.

«В рамках летописи»

Едва ли не ключевым в рассмотрении этой ведущей разновидности мемуаристики XVIII в. является вопрос о том, как было выражено в ней личностное начало, определявшее собой содержательную сторону автобиографических произведений, и какие изменения претерпевали в связи с этим способы изображения автором своей биографии. Манера, стиль мемуарного повествования отнюдь не безразличны, не нейтральны к его содержанию — последнее всякий раз проявляет себя в неких адекватных ему формах, и сама смена их отражает определенные ступени роста самосознания личности в процессе общественного развития.

Поскольку, как уже отмечалось, повествовательно-стилистические истоки мемуаристики берут свое начало в исторических жанрах средневековья, на первых порах она не могла не испытывать в той или иной мере их воздействие. Особенно ошутимо сказывалось на мемуарно-автобиографических произведениях XVIII в. воздействие летописания — наиболее древнего и распространенного в феодальную эпоху литературно-исторического жанра, составлявшего мощный и национально особенный (сравнительно с европейским средневековьем) пласт письменной культуры на Руси: «Никакой народ не может похвалиться, что владеет таким летописным сокровищем, какое завещал нам Нестор и его продолжатели, в течение семисот лет преемственно дополнявшие его Повесть временных лет»⁶⁰. Знаменательна уже сама эта высказанная полтора века назад и очень важная для нашей темы мысль о чрезвычайно длительном — семисотлетнем — существовании летописной традиции в России, стало быть, до XVIII в. включительно.

Говоря об ее угасании после XVI в., В. О. Ключевский писал, что уже «в XVII в. <...> летописание замирает, сменяется мемуарами, записками современников, которые идут сплошной массой по всему XVIII в.»⁶¹. Не касаясь сейчас того, «замирает» ли в

XVII—XVIII вв. само летописание или продолжает существовать в преображенном виде (это специальная проблема, имеющая свою обширную литературу), следует только сказать, что оно вовсе не «замерло» в иных повествовательных жанрах. Приведенные выше слова В. О. Ключевского было бы неправильно поэтому толковать в том плане, что мемуары просто, так сказать, механически «сменили» летописи, как бы ушедшие или уходящие в небытие. «Навыки и приемы летописания <...> не исчезают бесследно. Вытесняемые из летописания, они начинают оказывать заметное влияние вне его пределов <...> на все виды исторических жанров, многие из которых еще воспринимались читателями как летописные»⁶².

Это полное глубокого смысла соображение многое объясняет в становлении мемуаристики как одного из исторических жанров «постлетописного», условно говоря, периода. Зарождавшийся мемуарный жанр тоже воспринимался (но не столько читателями, сколько самими его творцами) в качестве продолжения летописной традиции⁶³. Они сознательно усваивали ее опыт, следовали ее старым канонам и веками складывавшимся приемам изображения действительности, стремясь вместить в них новое человеческое содержание, вызванное изменившимися общественными потребностями, ибо соответствующих им способов повествования русская культура еще не успела выработать.

Публикуя записки одного из московских подьячих конца XVII в., М. Н. Тихомиров заметил: это «своего рода мемуары, хотя и написанные в традиционной манере с подразделением на годы»⁶⁴. И в самом деле, уже первые мемуарные жизнеописания XVIII в. «конструировались по летописному принципу»⁶⁵. Показательно в этом отношении, как строится автобиография Б. И. Куракина (I, № 2). Весь материал он группирует по датам своей жизни («Жития моего год первый <...> год второй <...> год тридцать пятый») в виде следующих друг за другом погодных записей со стереотипным зачином, одной и той же интонацией и ритмом повествования. (В том, что Б. И. Куракин строит свой рассказ таким образом, а «не в соответствии с общепринятой хронологией», С. Л. Пештич усматривал «определенную аристократическую претенциозность», т. е. проявление своего рода авторского эгоцентризма⁶⁶. Вряд ли эта оценка, продиктованная пониманием жизнеописания Б. И. Куракина как преимущественно исторического, а не мемуарного памятника, справедлива. Сосредоточение повествования вокруг личности автора закономерно для любого произведения с четко выраженной автобиографической установкой.)

«Год шестой <...> Того года не стало царя Федора Алексеича после Святой недели и был бунт стрельцов. А прежде того бунта в великий пост не стало деда князь Григория Семеновича. Того же года, в бунт, были в великом страховании <...> И того года на царство выбрали царя Петра Алексеича <...>

Год седьмой <...> Того года отца князя Ивана Григорьевича не стало в Смоленске каменною болезнью. Имел я отца большую любовь пред другими детьми <...>

Год четырнадцатый <...> Того года родился царевич Алексей Петрович, перед масленицею в Великий пост. Тезоименитство его, Алексея Человека Божия <...>

Год девятнадцатый <...> Того года в зиме, генваря, царя Ивана Алексеевича не стало. Той же зимы родилась дочь, княжна Татьяна Борисовна, генваря первое число, а тезоименитство генваря 12 число <...>»⁶⁷

Чрезвычайно любопытно, что, когда в 1730-х годах после 20-летнего перерыва, в России возобновляется писание автобиографий, то первый такой труд — «Записная книга» И. М. Грязново — строится в том же стиле погодных записей (I, № 14).

«1702 году октября 12 родился Иван Михайлович Грязнов в Кашинском уезде <...>

1727 год генваря 7 приехал я ис Питербурха в кашинскую деревню, апреля 21 пожалован я в подштурманы, мая 6 не стало ее императорского величества Екатерины Алексеевны в Санкт Питербурхе <...>

1730 год генваря 18 не стало его императорского величества Петра Второго в Москве, февраля 11 вынос и погребение <...> 15 пришествие в Москву государыни императрице Анне Иоановне, марта 14 были у присяги <...> 16 пожалован я в штурманы и пожаловано нас 12 человек. 21 отпущен я в дом свой в годовой отпуск, того же числа и поехал до Новгорода <...> апреля 8 поехал ис Калуги в Москву верхом <...> 28 коронация ее императорскому величеству в Москве <...>»⁶⁸

Надо сказать, что почти все последующие жизнеописания представителей высшей знати и военно-правительственных кругов, завершенные до 1760-х годов включительно, основаны на той же погодной структуре и соблюдают общий тон летописного повествования (I, № 18, 19, 25, 32).

Вот как, например, описывает свою жизнь близкий ко двору Елизаветы Петровны и отличившийся в войнах с Турцией и Швецией конца 1730-х — начала 1740-х годов генерал В. А. Нащокин, о котором его внук П. В. Нащокин сообщал в 1836 г. А. С. Пушкину: «Родной дед мой был человек также весьма замечательный»⁶⁹.

«В 1713 году, в генваре месяце родилась меньшая сестра Анна Александровна <...>

В 1714 году, брат большой Петр Александрович поехал в Малороссию и там записался в драгуны <...>

В 1715 году осенью не стало кронпринцессы, супруги царевича Алексея Петровича <...>

В 1716 году и я приехал в Петербург и был в школе <...>

В 1719 году, марта 10 дня, я, Василий Нащокин, написан в солдаты, в дивизию <...>

В том же году весною было погребение с великим церемониалом покойному первому Российскому генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву <...>»⁷⁰

Сохраняется подобная структура как принцип построения в ряде жизнеописаний 1770-х годов, хотя к тому времени в развитии

мемуаристики намечаются существенные сдвиги, и в автобиографических жизнеописаниях утверждается совершенно иная повествовательная манера.

Так построена автобиография И. И. Неплюева (I, № 38) — одного из петровских «выучеников», морского офицера, человека много бывавшего за границей, русского резидента в Турции, впоследствии крупного администратора.

«Родился я, Иван Неплюев, в 1693-м году, ноября 5 числа <...>

В 1712-м году августа месяца 19-го дня, во вторник, родился мне сын Адриан <...>

1715-го марта в первых числах возвратился в дом свой и в том же марте взят на службу <...>

В начале 1723 году прислана ко мне от его императорского величества полная мочь трактовать с Портою о персидских делах <...> Того же года месяца июля умер сын мой, Иван, 7 лет от роду. В сем же году взят персидский город Баку <...>

1725 году в феврале месяце получил я плачевное известие, что отец отчества, Петр, император 1-й, отъиде сего света <...>» и т. д.⁷¹

В форме сухих погодных заметок, фиксирующих основные вехи жизненного пути, построены и записки адмирала С. И. Мордвинова (отца известного государственного деятеля XIX в. и тоже адмирала Н. С. Мордвинова) — по характеристике позднейшего рецензента, они «представляют только интерес краткой летописи» (I, № 53)⁷².

Точно такой же «летописный» характер имеет автобиографическая записка писаря киевского магистрата Д. Слюсарского, составленная в середине 1770-х годов, — единственное из дошедших до нас повествований такого рода, вышедшее в ту эпоху из недворянской среды (I, № 52).

Отличительная черта всех этих жизнеописаний «летописного» типа — внимание авторов обычно к чисто внешним обстоятельствам своей биографии. Краткие, выдержанные в бесстрастно-отстраненных тонах отметки о родословии, предках, прохождении службы, парадах, маневрах, пожаловании чинов и наград, поездках за границу, посещении столиц, выходе в отставку, рождении и смерти близких, женитьбе и замужестве детей, наблюдения над погодой, эпидемиями, стихийными бедствиями, «достопамятными» происшествиями перемежались в погодных «статьях» событиями государственного, национального масштаба, касающимися войн, дипломатических акций, перемен на престоле, особ царствующего дома, знаменитых политических деятелей и т. д.

Внутри погодных «статей» часты поденные заметки дневникового происхождения с точным указанием месяца и числа, когда произошло то или иное событие, причем объем этих заметок, ретроспективно окрашенных, облеченных, как правило, в форму прошедшего времени, иногда очень внушителен. Это несомненный признак неразмежеванности дневникового начала и собственно мемуарного, еще только выраставшего из общей анналистической структуры повествования, что, кстати, дало даже повод для оши-

бочной квалификации некоторых жизнеописаний, наполненных поденными заметками, в качестве произведений не мемуарного, а исключительно дневникового характера⁷³.

Имеются и отдельные тематические тексты с откликами на злободневные политические события и слухи, с биографическими сведениями, деталями бытовой обстановки, историческими рассуждениями и религиозно-нравственными сентенциями. В ранних жизнеописаниях таких текстов меньше, в поздних (например, в записках В. А. Нащокина, И. И. Неплюева, С. И. Мордвинова) — больше, они уже довольно обширны по размерам и имеют более повествовательный характер. Иногда подобные тексты весьма выразительны, как, скажем, впечатляющий рассказ в записках В. А. Нащокина за 1725 г. о кончине Петра I⁷⁴. Но при всем том они неизменно «стягиваются» в погодные «статьи», строго привязаны к ним и уже одно это разрывает хронологическую последовательность событий и их «сцепления» друг с другом — ведь на самом-то деле они происходили большей частью не в одном только году, которым были отмечены, а в течение ряда лет.

Основная ячейка повествования — дискретно-анналистическая запись, включающая в себя самые разнородные факты в одном ряду, в одном ранге — независимо от их внутренней связи и реального значения в судьбе автора и в ходе исторической жизни. Единственной же связующей его нитью служит само время, движущееся, как и в летописи, от одной погодной записи к другой равномерным ритмом, эпически замедленно. Автор скрыт за погодной сеткой повествования, и его частная жизнь предстает как цепь эпизодов в общем, извне предопределенном потоке событий. Поэтому точка зрения автора на эти события и на собственную биографию не прояснена еще вполне, сам он нередко избегает говорить от своего имени, ведя повествование не в первом, а в третьем лице⁷⁵ (так, например, построено начало записок И. М. Грязново)⁷⁶.

Есть и еще некоторые признаки, сближающие мемуарные жизнеописания «летописного» типа с летописной традицией средневековья. Безусловно, к ней восходит датирование в ряде жизнеописаний, как, скажем, Б. И. Куракина, Г. П. Чернышева (конец 1730-х — начало 1740-х годов)⁷⁷, событий их жизни не только по новому стилю, введенному с 1700 г. Петром I, но и по старому — от сотворения мира. (Любопытно, однако, что в других мемуарных сочинениях Б. И. Куракина — «Записках о пребывании в Англии», дневниках 1705—1708 гг. — даты даны лишь по новому стилю, но в «Истории о царе Петре Алексеевиче», написанной в 1720-х годах, мы опять сталкиваемся со старым стилем⁷⁸ — явный симптом неустоявшихся в первой половине XVIII в. временных представлений.)

Подобно классическим летописям, которые не имели законченных периодов, «а всегда продолжались современностью», заполняясь погодными записями о событиях «нынешних»⁷⁹, мемуарные жизнеописания XVIII в. также почти всегда доводятся вплотную до момента их составления, включают в себя материал самой близкой

к нему действительности, как это имело место в записках Б. И. Куракина, Г. П. Чернышева, Н. Ю. Трубецкого, автобиографии же В. А. Нащокина, С. И. Мордвинова вообще доведены до последних месяцев, — а И. И. Неплюева даже дней — жизни их авторов. Свойственное многим мемуаристам XIX в. ощущение исторической дистанции между созданием автобиографического повествования и описываемой в нем эпохой не было, как видим, характерно для мемуарных жизнеописаний XVIII в.

Интересно, что и в приемах их создания прослеживается немало общего с тем, как велись традиционные летописи. Некоторые из этих жизнеописаний составлялись не в результате единовременного акта, не в один присест (как создавались часто позднейшие автобиографические записки — на исходе жизни автора или по завершении отраженных в них событий), а регулярно каждый год в течение долгого времени, воспроизводя таким образом сам процесс сложения летописного повествования. Именно так писались записки И. М. Грязново, частично — Б. И. Куракина и ряд других произведений подобного рода.

Мы видим, как органично связаны с летописной традицией мемуарные жизнеописания XVIII в. Между тем эта связь не всегда принималась во внимание литературно-критической мыслью XIX в. Анналистическая природа жизнеописаний с их недифференцированным, наивно-простодушным взглядом, схватывавшим преимущественно внешнее течение событий при отсутствии интереса к общественной подоплеке, психологической мотивации человеческих поступков и отчетливо проявленного авторского отношения к предмету — все это воспринималось как досадные изъяны, недостатки повествования, а не как его исторически обусловленные свойства.

Так, в иронически уничижительных по тону рецензиях в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках» 1842 г. на автобиографию В. А. Нащокина, пробывшего «полвека на службе в Петербурге и при Дворе», находившегося в «сношениях со всеми важными или примечательными людьми своего времени», он упрекался в том, что по своему неразумению и узости кругозора не смог рассказать ничего дельного об этом «самом драматическом времени нашей новейшей истории», раскрыть «частную физиономию исторических лиц», внутренние пружины государственной «жизни», а вместо того обнаружил мелочное пристрастие к погодной хронике событий, которые имели для него «только ту важность, что <...> случилось в таком-то году, когда он был еще поручиком, капитаном или секунд-майором»⁸⁰. Столь же суровые нарекания и недоумения высказывались и в 60-х годах XIX в. в адрес записок С. И. Мордвинова, с завидным постоянством отмечавшего в них, по словам рецензента, одни даты рождения и крещения детей, отправления в военно-морские походы, перемен в служебном положении и т. д.⁸¹

При этом, однако, никак не учитывалось не только своеобразие повествовательной манеры ранних мемуарных жизнеописаний, но особый строй личности их авторов — то и другое оце-

тивалось с позиций опыта, обретенного мемуаристикой уже в XIX в., и с более высокой ступени культурно-исторического сознания.

Характеризуя произведения этого типа, созданные в начале XVIII в., С. Л. Пештич отмечал, что хотя они «далеки от образцов летописной поры», но «близки к летописям по форме»⁸². Однако дело не в одной лишь форме, стиле, как ни значимы они сами по себе. За ними угадывается определенный склад мышления человека переходной эпохи, еще не порвавшего в полной мере со средневековым мирозерцанием, еще не изжившего в себе ощущения растворенности в потоке истории.

И в этом нет ничего удивительного, ибо рассматриваемые выше жизнеописания принадлежали деятелям именно той переходной эпохи, противоречиво сочетавшим в себе приверженность новаторскому духу петровских преобразований со взглядами и заблуждениями старого времени. И неважно, идет ли речь о выходцах из родовитой аристократии или менее знатных дворянских фамилий, будь то Г. П. Чернышев и Б. И. Куракин, появившиеся на свет в 1670-е годы, или С. И. Мордвинов и В. А. Нащокин, родившиеся 30 лет спустя, — все они со своими жизненными нормами, понятиями, историческими взглядами сформировались в конце XVII — первых десятилетиях XVIII в. под влиянием еще достаточно прочных культурных традиций допетровской Руси⁸³.

Но безличностный тон этих жизнеописаний не будет до конца понят без учета тех начал, которые были привнесены в жизнь русского общества и самими петровскими преобразованиями, укоренившись в ней на несколько десятилетий. Важнейшее из них — принцип «государственного служения», провозглашенный основополагающим в системе общественных ценностей, высшей мерой помыслов и поступков каждого человека в его повседневной практике. Идея «общего блага», «всемирной пользы» при всей своей классовой направленности в «пользу» господствующего дворянского сословия заключала в себе известный общенациональный смысл и имела неоспоримый приоритет над какими-либо иными корпоративными или частными интересами.

«Расшевеленная» петровскими преобразованиями, вовлеченная в активную деятельность по строительству новой России личность отдельного человека, даже если он принадлежал к привилегированному слою, только в безупречном выполнении своего долга перед государством обретала возможность самоутверждения, только на этом пути могла реализовать собственные духовные потенции. Общественное служение и служба монарху в системе таких представлений отождествлялись.

Этот органически свойственный абсолютистской идеологии «пафос торжествующей государственности»⁸⁴ ярко воплотился в классицизме — мощном идейно-эстетическом течении 1730—1750-х годов. Пронизывая собой все области культуры, и литературу прежде всего, классицизм не мог, понятно, не затронуть и мировосприятие того дворянского по преимуществу круга людей, из которого вышло старшее поколение русских мемуаристов XVIII в.⁸⁵

Классицизм с его культом гражданских добродетелей и возвышенно-героических образов, с его абстрактной дидактикой и анти-историзмом, с его философско-этическим неприятием личности, наконец, менее всего способствовал раскрытию индивидуального сознания, характера и частной жизни человека.

Рассматривая с этой точки зрения культурно-исторические условия развития в петровское время и последующие десятилетия художественной литературы, исследователи справедливо отмечают, что «личностное начало» в ней, «мощно питавшееся событиями эпохи и ее возрожденческим пафосом, утверждалось медленно, на его пути возникали препятствия; особой сдерживающей силой оказывалась жесткая рационалистическая система регламентаций и правил в эстетике классицизма, не допускавшая проявления личности автора в произведении»⁸⁶. Но в не меньшей мере это можно отнести и к мемуаристике, имевшей предметом изображения реально существовавшую человеческую личность в исторически сменявшихся обстоятельствах времени. Влияние классицизма на нее было столь же определяющим. По наблюдениям специалиста, даже в мемуарах середины века «следование долгу предполагало чуть ли не отказ от собственной личности» и «признание государственной службы единственной формой ее проявления»⁸⁷. Но «государственный интерес» довлел, как мы видели, еще и над летописными жизнеописаниями первой половины столетия. Это было характерно даже для таких сравнительно поздних произведений этого рода, как записки В. А. Нащокина и И. И. Неплюева, в которых еще чувствуется «непреодоленная связь» с ранними «записками петровского времени», что сказывается на их «некоторой сухости, односторонности» и «повышенном внимании к военно-государственной проблематике» в ущерб личной⁸⁸. Идеалом служения государству как высшего назначения человека проникнуто и составленное одновременно с неплюевскими записками жизнеописание Я. П. Шатовского.

Классицизм, как видим, сковывал выявление коренных, имманентных начал мемуаротворчества и тем затруднял становление мемуарных жанров. Они вообще не включались в жанрово-эстетическую систему классицизма: например, дневник с точки зрения нормативных трактатов «теоретически недопустим»⁸⁹.

Вряд ли поэтому есть основания утверждать, что «период с 30-х по 60-е годы» явился своего рода «скачком» в развитии мемуарно-автобиографических жанров, связанным <...> с общим расцветом русского классицизма как направления⁹⁰. На самом же деле первая половина XVIII в. (после жизнеописания Б. И. Куракина) ознаменована, как отмечалось выше, не «скачком» в развитии автобиографической ветви мемуаристики, а ее спадом. К 1730—1750-м годам относятся всего четыре жизнеописания (И. М. Грязново, Г. П. Чернышева, В. В. Головина, В. А. Нащокина), строго следовавших летописному канону, и только один дневник автобиографического характера («Журнал» И. П. Анненкова). Таким образом, 1730—1750-е годы — едва ли ни самая глухая, неплодотворная пора в истории мемуарных жанров XVIII в., и од-

на из существенных причин этого коренится, на наш взгляд, именно в «расцвете» классицизма (наряду, конечно, с «задавленным» и «приниженным» положением русского дворянства в эпоху «бироновщины», от последствий которой оно еще многие годы не могло оправиться). Естественной предпосылкой скачка в развитии мемуаристики в последние десятилетия XVIII в., помимо общих социальных перемен в жизни дворянского сословия, о которых будет сказано далее, явилось и «то обстоятельство, что безусловное господство классицизма продолжалось сравнительно недолго», — с 60-х годов «свойственные ему принципы изображения личности начинают разрушаться»⁹¹.

Тем не менее эти принципы очень долго продолжали влиять на литературно-общественное сознание и самое мемуаротворчество. Стойкость этого влияния выразительно иллюстрируется тем, как уже много позднее, в начале XIX в., совсем в иную историческую эпоху, складывалась мемуарная проза Г. Р. Державина, по возрасту принадлежавшего к младшему поколению мемуаристов XVIII в. и воспитанного как поэт, личность, общественный деятель в нормах классицистического мироощущения и в идеалах высокого государственного служения. По точной характеристике В. Ф. Ходасевича, «когда Державин достиг довольно заметного положения в службе и стал выдвигаться в литературе, поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига»^{91а}. Однако единство это до конца жизни Державина оставалось все-таки неустойчивым.

В первом автобиографическом опыте — заметке 1805 г. «Нечто о Державине» (ее авторизованный вариант был помещен в «Словаре русских светских писателей» Евг. Болховитинова. М., 1845. Т. 1. С. 165—177) он дал изображение официальной, парадной стороны своей жизни, по форме приближающееся к развернутому послужному списку, где творчество поэта, личные обстоятельства его биографии занимали весьма скромное место, главное же — служебная и частная ее стороны были представлены как не связанные, отграниченные друг от друга «ипостаси бытия». Стремление свести их воедино, слить в один образ натолкнулось на внутренние идейно-психологические трудности. Не сумел он решить эту задачу и в написанных одновременно «Примечаниях» к своим стихотворным произведениям.

Тогда Г. Р. Державин пошел в своих мемуарных занятиях по другому пути. В 1809—1810 гг. он продиктовал обширные «Объяснения» мемуарного характера к своим сочинениям, посвященные исключительно литературно-поэтическому творчеству как деятельности частного лица. А в 1811—1813 гг. были составлены «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», они касались лишь его карьеры и государственной деятельности. В них предстал Державин — офицер Преображенского полка, губернатор, кабинет-секретарь Екатерины II, сенатор, министр юстиции в его неустанных должностных трудах и в его общении с императорами, важными правительственными лицами, придворными и т. д.

И само старинно-торжественное название «Записок», акцентирующее внимание на общеизвестности имени автора, и бесстрастный эпический тон, с каким он вел повествование от третьего лица,— все это также указывало на официальный их характер.

Таким образом, были созданы два разных, хотя и взаимодополняющих, мемуарных произведения, и в этой «двойственности» как бы овеществился присущий классицизму и не преодоленный до конца и в начале XIX в. разрыв между государственной службой как наиболее престижным для человека поприщем и его частным индивидуальным существованием⁹².

В свете этого не выглядит столь уж неожиданным, что отдельные безличностно-летописные жизнеописания, подобные поименованным выше, выходят из-под пера современников Г. Р. Державина — представителей того же младшего поколения русских мемуаристов XVIII в., родившихся, как и он, в середине столетия, живших в более просвещенную эпоху, когда и сама мемуаристика во многом обновила свой облик.

Правда, в числе авторов этих произведений мы не видим выходящее из аристократической знати и придворных кругов — ареал их распространения смещается из столиц на периферию, в менее культурные слои, в среду мелкопоместного и служивого дворянства, провинциального купечества и духовенства.

Очень последовательно черты повествования такого типа воплощены в «Описании жития, дел, бедствий и разных приключений помещика Курской губернии И. О. Острожского-Лохвицкого» (I, № 39). Предпринятое в 1770-х годах, когда автор достиг немногим более 20 лет, оно составлялось сперва как мемуарное описание его рода и предков, но с 1775 г. сведения о семье, сельской жизни, хозяйственных делах, винокурении, ценах на продукты, службе в земском суде, поездках в разные города, административном управлении и т. д. заключаются в погодные записи, которые на основе поденных заметок систематически велись в течение дальнейшей жизни автора, умершего в 1825 г. (т. е. полвека непрерывно), сохраняя все приметы монотонно-неторопливого летописного рассказа⁹³. «Способ записывания у автора <...> такой: время от времени (иногда раз в год, иногда чаще) Острожский садится за свое «описание» и по свежей памяти старается возможно последовательно и связно рассказать все, что случилось в протекшее время. Его «описание» не есть дневник или записная книга, куда вносятся все без разбора, а некоторым образом литературное произведение»⁹⁴, — но, повторяем, выдержанное в строго анналистической манере.

Аналогичный характер имеют такие автобиографические в своей основе памятники, как «Реестр вещей достопамятных, случившихся с 1769 году» вятского священника И. Б. Пенягина, доведенный им до 1805 г. (I, № 36), «Домовая летопись» (примечательно уже само это название!) сибирского офицера И. Г. Андреева за 1789—1800 гг. (I, № 79), «Журнал, или Записка жизни и приключений» дмитровского купца И. А. Толченова —

подробнейшие записи семейно-биографического и хозяйственно-то содержания, объединенные в погодные статьи за 1754—1812 гг. (I, № 82).

Подчеркнем, что эти начатые в 1770—1790-е годы жизнеописания «летописного» типа велись и в первую четверть нового столетия. Но гораздо знаменательнее в данном отношении, что столь устаревший уже для конца XVIII в. способ мемуарного повествования спорадически отдельными рудиментами повторяется и в мемуаристике XIX в. Некоторые возникшие именно тогда, но уходящие своими описаниями в глубь XVIII в. автобиографии, также составлялись как летописи. Таковы краткие «Записки для памяти» пензенского предводителя дворянства Е. П. Чемесова — брата известного гравера Евграфа Чемесова⁹⁵, «Памятные домашние записки» гвардейского офицера В. А. Алтуфьева за 1785—1837 гг., веденные с 1803 г. в течение почти 40 лет⁹⁶, пространная автобиография генерал-майора И. А. Глухова, писавшаяся во второй половине 1810-х годов в виде погодных «статей» за 1770-е — 1814 гг.⁹⁷ Сюда же следует отнести жизнеописание архиепископа Антония Знаменского, обнимавшее собой время с 1765 по 1823 г., и автобиографическое повествование ярославского священника Симеона Егорова, обозревавшего период с 1761 по 1825 г.⁹⁸ Оба эти произведения составлялись в форме летописных записей в середине — второй половине 1820-х годов. Упомянем, наконец, «Летопись» (опять авторское заглавие) тверского купца М. М. Тюльпина. Написанная в начале 1820-х годов, она охватывала события с 1762 по 1823 г., доводя изложение до последних месяцев жизни автора, умершего в марте 1824 г. Вот некоторые колоритные образцы этого одного из самых поздних и типичных по стилю «летописных» жизнеописаний — биографического и семейные записи чередуются в нем со скрупулезными отметками о назначении в город епископов, постройке церквей и вообще с хроникой местных и государственных происшествий, а автор еще не выделяет себя из их непрерывного потока:

«1762 год. В оном году я обучался грамоте и начал писать.

1763 год. Мая 12 дня, в понедельник Св. Духа, как только с кресты взошли к Троице, то и начали звонить тревогу; учинился пожар у собора, в архиерейском доме, где ныне дворец <...>

1771 год. В начале июля месяца в Москве, во власти Божией, случилось неблагополучие, — на людей смертоносная язва, потом междусубная брань или бунт, и преосвященного Амвросия убили его в Донском монастыре, и народа много убито для утишения бунта; из пушек палили в народ, аки в неприятеля; по утишении многих поймали, иных кнутом нещадно, а иных плетью, и народу и дворянства очень много из Москвы выехали <...>

1793 год. Сего года сделано разделение купечества по гильдиям и мещанство, а до сего все жили в общем звании купеческом или посадском <...>

1812 год. Месяц июль. С 10 дня в Твери получено известие о вторжении неприятеля в Россию <...> Месяц сентябрь. 3 числа в половине 11 часа утра в Дорогомилдовскую заставу Наполеон въе-

жал в Москву, безо всякой ему оказии встречи, причем очень огорчился, видя, что все улицы пусты <...>

1813 год. 19 числа генваря торжество о поражении врага и совершенное изгнание из Российского государства и звон во весь день <...>⁹⁹.

Последними в этом ряду стоят записки ростовского купца М. И. Маракуева, датируемые второй половиной 1820-х годов и отразившие в погодных «статьях» широкий круг явлений московской и провинциальной жизни с 1789 г. до окончания наполеоновских войн¹⁰⁰. Далее подобные произведения не встречаются и можно поэтому полагать, что с 30-х годов XIX г. эта глубоко архаичная для того времени ветвь мемуарного жанра замирает.

Основной вывод, следующий из сказанного, — устойчивость летописных способов повествования в русской мемуаристике, особенно сильно проявивших себя в мемуарных жизнеописаниях 1700—1760-х годов, теплившихся еще в конце века и оказавшихся живучими даже после 1812 г., которым вообще ознаменовался новый этап в развитии духовной жизни русского общества.

Этот феномен имеет, конечно, глубокие исторические корни. До тех пор пока существовал феодальный строй, его институты и пережитки, сохранялись и предпосылки для воспроизведения элементов средневековой культуры. Сохранялись они и в XVIII — первой половине XIX в., хотя последняя сдавала свои господствующие позиции, а новая культура все более набирала силу¹⁰¹. Восходящие к допетровскому времени вкусы, привычки, интересы, традиции, сам образ мысли — все это еще гнездились в сознании и бытовом поведении, но не столько образованного дворянства, сколько «низовых» сословий, толчи населения, патриархальных слоев крестьянства и городского простонародья.

С этим связано и живое бытование в XVIII в. (а в старообрядческой среде — и в XIX в.) памятников древнерусской письменности — в качестве не музейных экспонатов, а предмета повседневного и занимательного чтения наряду с современными повестями, переводными романами и другими образцами «европеизированной» литературы. Переписывались и расходились во множестве списков, дошедших до нас в составе рукописных сборников с владельческими пометами и иными маргиналиями, памятники церковного и светского содержания — жития, псалтири, хронографы, хождения, Синописис, Степенная книга и т. д.¹⁰² «В списках XVIII в. представлен практически весь репертуар средневековой словесности», а по их количеству «XVIII век не уступает предшествующим»¹⁰³. Напомним, что ее произведения попадали тогда и в рассчитанную на широкого читателя периодику. Ведь наполненная литературно-историческими произведениями средневековой письменности «Древняя российская вивлиофика» Н. И. Новикова была предпринята в 1773 г. как *ежемесячное* издание (впоследствии перепечатанное и дополненное) и предназначена не для ученых-специалистов (каких тогда было очень мало в России), а «для всех любящих серьезное и разумное чтение людей»¹⁰⁴.

Продолжала жить в умственном обиходе XVIII в. и такая мощная струя древнерусской письменности, как летописи. Подобно произведениям других жанров, их списки также получили в XVIII в. значительное распространение и до конца столетия пользовались читательским спросом¹⁰⁵.

В 1861 г. в статье «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина» Ап. Григорьев, указывая на преемственную связь русской культуры XVIII в. с традиционными воззрениями предшествующего времени, писал: «Взгляд на жизнь нашего XVIII столетия вовсе не был так разрознен со взглядом допетровского времени, как взгляд XIX столетия. Щербатову было очень легко проникнуться жизненными идеалами времен до реформы, ибо самые эти идеалы *еще носились в воздухе* (заметим, речь идет не о начале века, а уже о 60—70-х годах — А. Т.), этим объясняется, — заключал свою мысль Ап. Григорьев, — и то, что исторический тон Щербатова и Татищева *гораздо ближе к тону наших летописей*, чем тон Карамзина»¹⁰⁶.

В самом деле, «тон» летописей был слышен в XVIII в. еще настолько явственно и так созвучен историческому мышлению людей той эпохи, что отразился и в историографии. По летописному принципу построены многие исторические сочинения первой четверти XVIII в. и послепетровского времени. Сильно чувствуется летописный «тон» в историко-биографических «сказаниях» П. Н. Крекшина о великом реформаторе. «Весь строй крекшинских произведений, — отмечает современный исследователь, — и методы этимологизации, и характер отсылок, и самый жанр <...> — все это имело вполне реальные корни в русском летописании XVII в.»¹⁰⁷

Как огромное анналистическое повествование, внешне напоминающее классические летописные своды, составлена знаменитая «История российская с древнейших времен» В. Н. Татищева, и только «История российская» самого М. М. Щербатова явилась первым обобщающим трудом по русской истории, написанным в форме, близкой к современному историческому произведению, хотя его «зависимость от летописной манеры» все равно «сказывается на каждом шагу»¹⁰⁸.

Рецидивы летописно-эпического стиля, оживленные впечатлениями от национально-героической эпопеи 1812 г., выявляются и в русской историографии и общественно-исторической мысли XIX в.

«История государства российского» (особенно первые тома карамзинского труда) весьма в этом отношении характерна — ее «тон» не столь уж далек от летописного. И не только по летописным источникам и заимствованным из них сюжетам, но и по манере изложения; духу концепции Н. М. Карамзина, стремившегося «слить авторскую точку зрения с позицией летописца, растворить свое авторское “я” в стихии летописного повествования»¹⁰⁹. Его черты оставили заметный след и в литературно-художественном сознании XIX в., в частности в творчестве А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого¹¹⁰.

Добавим к этому, что не только в классических образцах историографии и литературы, но и в повседневном культурном обиходе сохраняли свою живучесть летописные традиции. Речь идет прежде всего о летописях, которые исконно велись в городских и сельских приходах и фиксировали как текущую жизнь округа во всем ее разнообразии, так и сведения исторические. Церковно-приходское летописание широко бытовало в России не только в XVIII в., но и во второй половине XIX — начале XX в.¹¹¹

Понятно, что оно составляло ту естественную ауру, которой питалось мироощущение мемуаристов — в первую очередь, конечно, из «низших» слоев населения.

Рецидивы летописного стиля в мемуаристике, наличие в ее недрах заметно ощутимого летописного пласта, дожившего до столь позднего времени, становятся, таким образом, еще более понятны в свете общего культурно-исторического контекста эпохи.

И здесь нельзя пройти мимо того примечательного факта, что в исторической мысли XIX в. мемуаристика очень часто уподоблялась летописанию.

В. Г. Белинский, много размышлявший над природой мемуарного жанра, над путями его развития в России от зарождения на рубеже XVII—XVIII вв. до 30—40-х годов XIX в. на фоне европейской мемуарной литературы, одним из первых уловил и попытался осмыслить эту аналогию. В 1835 г. в рецензии на анонимно изданные записки декабриста В. С. Норова о 1812—1813 гг. он писал, что мемуары «суть истинные летописи наших времен, летописи живые, любопытные, писанные не добродетельными монахами, но людьми по большей части образованными и просвещенными, бывшими свидетелями, а иногда и участниками этих событий, которые описываются ими со всею откровенностью, какая только возможна в наше время»¹¹². «Истинные летописи», конечно же, не по официально-безличностному тону повествования, воплотившему в себе существенные черты средневекового мирозерцания и идеологии. В. Г. Белинский хорошо понимал, сколь глубоки в этом плане отличия древнего летописания от мемуаров его эпохи (этого детища «последних переворотов», как писал он в той же рецензии, имея в виду порожденные Французской революцией сдвиги в европейской политической жизни), мемуаров с их подробным изображением «закулисных сторон» политического и частного быта, с неповторимо индивидуальной в каждом случае окраской. И в этом он видел их несомненные преимущества и новизну. Суть данной аналогии — а она не была лишь вскользь брошенной, эффектной метафорой — в другом: в указании на близость общественно-познавательных функций летописания и мемуаристики, в разных исторических условиях выполнявших примерно одинаковые задачи по запечатлению событий современной им жизни.

Именно в этом был смысл и последующих уподоблений русской критикой мемуаров летописям, когда, например, почти 40 лет спустя А. Н. Пыпин выразил сходный взгляд на историко-культурное значение тех и других: «Старая традиция монахов летописателей продолжается непрерывно, и как бы ни было глухо время, в каком

неблагоприятном положении печать ни находилась, всегда найдется несколько человек, которые усердно вносят деяния современников в свои тетради, то мудрствуя лукаво, то не мудрствуя. Александровская эпоха особенно богата мемуарами», — и тут же переходил к их конкретному разбору¹¹³.

Как отмечалось во вступительной заметке к публикации дневника киевского митрополита Серафима, дошедшего от того же александровского времени, «о древней <...> жизни мы знаем из летописей, о новейшей — из газет. Но между эпохою летописей и эпохою газет есть длинный глухой промежуток, слегка и прерывисто освещаемый для нас случайными известиями мемуаров»¹¹⁴. И в данном случае мемуары поставлены в один ряд с летописями по их роли в познании тех эпох, в которые они возникли и которые они представляют. Причем для «глухих промежутков» истории, когда летописание давно уже заглохло, а сама общественная жизнь не была еще развита и печать — ее зеркало — не распространилась еще широко или подвергалась стеснениям, эта роль мемуаристики, подобно летописанию в старое время, особенно важна и насущна.

В таком только познавательном-историческом ключе, лишенном каких-либо оценочных акцентов, уподоблялись летописям мемуарные произведения XIX в. — и их авторами, и современной им критикой. Например, Н. И. Греч в «Обзоре русской литературы 1814 года» создание мемуаров о близких к современности событиях уподоблял работе «анналистов или летописцев»¹¹⁵. «Анналистами» же в журнальной критике 1860-х годов именовали А. В. Храповицкого и А. М. Грибовского — авторов дневников и воспоминаний, относящихся к концу XVIII в.¹¹⁶ На то, что С. Н. Глинка в известных своих «Записках о Москве» выступает как «летописец», указывал их рецензент П. А. Плетнев¹¹⁷.

«Летописью» озаглавил свои сугубо личные, живо написанные воспоминания о службе в Елизаветградском полку в начале века Д. Е. Остен-Сакен, неизменно называвший их так и в самом тексте¹¹⁸. В рецензии на «Взгляд на мою жизнь» И. И. Дмитриева «Отечественные записки» вообще определяли мемуары как «летописи о жизни частных лиц»¹¹⁹. По поводу попытки Н. Н. Стрехова отнести «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина к жанру семейной хроники историк литературы Н. И. Черняев возражал, что семейные хроники — разновидность мемуаров, и в таком качестве «есть не что иное, как та же летопись, но летопись, рамки которой ограничены историей одного семейства»¹²⁰.

Но имел место и другой род сопоставлений мемуаров с летописями. В усвоении самого способа летописного повествования, проникнутого высоким государственно-национальным началом, отрешенного от личных пристрастий и мелочей житейского существования, усматривался наиболее плодотворный для отечественной мемуаристики путь развития. Любопытно, что взгляды на этот счет в XIX в. часто концентрировались вокруг оценки записок адмирала А. С. Шишкова — фигуры достаточно архаичной, устремленной в стихию допетровской, старославянской рукописно-книжной и языковой тра-

циции. Литературный и политический старовер, суровый ревнитель православия и патриархально-крепостнических устоев, в эпоху наполеоновских войн — государственный секретарь и автор обращенных к народу высокотожественных манифестов, он выпустил в 1831 г. «Краткие записки», где с прямодушным и нелицеприятностью истинного летописца повествовал о «незабвенных» событиях «бывшей с французами в 1812-м и последующих годах войны»¹²¹.

В том же году на «Краткие записки» появилась в «Телескопе» развернутая рецензия, в которой именно эти их свойства всячески поднимались на щит. В противоположность «другим европейским нациям», где множество людей «всех полов и возрастов, всех чинов и состояний» описывают в мемуарах мельчайшие подробности своей биографии и личной жизни, «у нас, где единая нераздельная жизнь проливается величественным невозмутимым потоком, <...> должен господствовать один общий государственный интерес, поглощающий все биографические подробности в своем историческом величии», а «наши сочинители записок должны, сколько можно, менее заниматься собой и своей личностью», а потому, следовательно, «у нас записки могут и должны быть летописями. И с этой точки зрения должно рассматривать и ценить все их опыты, являющиеся в нашей словесности». «Краткие записки» А. С. Шишкова — «маститого Нестора нашей словесности» (характерна уже сама эта живо ощущаемая реминисценция с ранним древнерусским летописанием), бывшего в памятном 1812 г. «органом воли монарха», «посредником между царем и народом русским», и являет собой пример такого следующего летописному образцу мемуарного повествования. «Отсюда — все сохраненные им в Записках бумаги, замечания, беседы, изречения имеют высокую историческую важность», отсюда — и «высокое достоинство» записок в целом¹²². Между прочим с тех же позиций, что «достоинство летописи определяется более или менее достоинством летописца», поскольку его «личность затемняется и заслоняется <...> силою интереса самого записанного события», расценивалось значение записок А. С. Шишкова и несколько десятилетий спустя в рецензии на их более полное издание¹²³.

В призывах возродить в русской мемуаристике архаичную повествовательную систему летописания, подкреплявшихся ссылками на самобытные черты государственного устройства России сравнительно с западноевропейским, своеобразно преломились идейно-этические установки патриархального, консервативного толка — в духе складывавшейся в 30-х годах XIX в. охранительной доктрины «официальной народности». Но было бы неверно сводить все лишь к идеологической стороне дела. Далеко не последнюю роль играли здесь обстоятельства иного порядка, коренившиеся в особенностях развития самой мемуарной культуры XVIII — первой половины XIX в. Как бы ни были утопичны эти призывы, они имели свои реальные основания в той живучести в ней летописных традиций, о которой мы уже говорили выше.

И хотя сами эти традиции в мемуаристике после 30-х годов XIX в. затухают, атавизмы представлений о предпочтительности

безлично-летописной манеры в мемуарах еще не раз возникали в общественно-исторической мысли. Уже в начале XX в., как бы откликаясь на них, автор одной из рецензий на известный библиографический труд С. Р. Минцлова «Обзор записок, дневников, воспоминаний...», писал, что «в минус показаниям современников ставят обыкновенно их субъективность, неспособность или нежелание равнодушно зреть на правых и виноватых и стремление выходить из рамок летописи, слишком выдвигая личную физиономию, собственные взгляды», тогда как «в последнем качестве мемуаров и заключается их несомненная ценность»¹²⁴.

Вот эта удачно найденная формула — стремление «*выйти из рамок летописи*» — представляется в плане нашего исследования весьма существенной. Это своего рода критерий, позволяющий точнее понять, в каких исторически конкретных формах происходит высвобождение личностно-памятного начала в мемуаристике, что, как следует из всего сказанного выше, обозначает собой важную веху на пути ее жанрового самоопределения.

Дело, стало быть, сводится к тому, чтобы, возвращаясь в XVIII в., уловить начальный момент этого двуединого процесса: переход от летописно-анналистического способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному рассказу и выдвигание на передний план личности автора с его индивидуальной биографией и духовно-нравственным миром.

Новый тип мемуарного повествования и самосознание личности

Переход этот совершается в мемуаристике в переломные для русской культуры 60—70-е годы XVIII в. — в ту эпоху, когда в ней наметились новые, предбуржуазные по своему объективному существу явления¹²⁵. Они сказались в самых разнообразных формах — в распространении идей Просвещения, постановке крестьянского вопроса в свете передовых экономических теорий, в зачатках общественного мнения и превращении литературы в независимую от правительства общественную силу, в создании научных и литературно-просветительских организаций частного, негосударственного характера, в формировании из лиц интеллигентного труда новых социально-профессиональных групп, в более интенсивном, чем прежде, развитии художественного творчества, образования, науки, философской мысли, исторических знаний. Свидетельством этому явилось, в частности, введение в оборот важнейших письменных памятников Древней Руси, составление и публикация первых фундаментальных трудов по отечественной истории. 60—70-е годы ознаменованы и крупными успехами периодики и книгопечатания, появлением слоя читающей публики, оживлением частной переписки, удовлетворявшей возросшие духовные потребности человека в сфере его повседневных общений¹²⁶.

Все это неизбежно подводило к проблеме человеческой личности, ее внесловной ценности и моральных достоинств. Тезис о

«выпрямлении» в XVIII в. «униженного до тех пор достоинства человека»¹²⁷ следует соотносить прежде всего с 1760—1770-ми годами. Гуманистическая трактовка проблемы личности проникла на страницы социологических трактатов, в журнальную полемику, на театральную сцену, в изобразительное искусство и, конечно же, в литературу. «Личностное начало» в художественной прозе, поэзии, драматургии, встречавшее на своем пути серьезные препятствия в предшествующие десятилетия, «только во второй половине XVIII в.» развилось настолько, что «позволило русской литературе достичь уровня других литератур нового времени»¹²⁸.

Заметные перемены в понимании проблемы личности не могли пройти мимо дворянства, для которого она обрела тогда и свое самостоятельное значение. По мере консолидации в господствующий класс, увеличения сословно-корпоративных привилегий, эмансипации от всепоглощающего авторитета абсолютистского государства дворяне заявляли права и на свою духовную автономию. Разумеется, речь идет не о консервативно-патриархальной, косневшей в вековых предрассудках массе помещичьего дворянства, а о его образованном слое, активно воспринимавшем новые культурные веяния. Рост сословного самосознания обострял в его среде чувства внутренней независимости личности. Причем не только у вельможной аристократии, которой повышенные представления о дворянской чести были присущи исконно. Ее умонастроения прекрасно выразил позднее в своих записках А. Р. Воронцов: «Я всегда был того мнения, что люди имеют собственную их достоинствам внутреннюю цену, которой не в состоянии отнять у них никакой депот»¹²⁹. Но такие же понятия разделяли представители и рядового старинного дворянства, а также те, кто добился дворянского звания благодаря личной выслуге по Табели о рангах. Примечательно, что эти социально-психологические сдвиги отчетливо проявились уже в самих мемуарах 60—70-х годов (подробнее о них мы еще скажем далее), — в том, в частности, как их авторы мотивировали намерение заняться собственными жизнеописаниями.

«По здравому рассуждению, — говорилось в упомянутых выше записках П. И. Рычкова, — та только знатность и древность породы во всех случаях предпочтения достойна, которая с заслугами отечеству, с достоинством и добродетелями соединена»¹³⁰. Сходные мысли в пользу своего права на создание автобиографии развивал провинциальный дворянин «средней руки» М. В. Данилов: «Многие дворяне, кои несмотря на свое недостоинство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповедают и бесстыдно гордятся знатностию своего рода и древностию фамилии, таковым можно сказать пословицу: кто хвалится знатностию своего рода, а без своих заслуг, тот хвалится чужим». И процитировав далее строки из философской поэмы английского поэта-просветителя А. Попа «Опыт о человеке», где, в частности, было сказано:

Лишь теми ты свою показывай породу,
Которые в себе имели добрый дух
И удивили свет величеством заслуг,

— заключал их следующей сентенцией: «От человека соделанные добрые дела и заслуги увеличивают и возвышают род и фамилию его; а фамилия, хотя б она прежде знатная была, не может уже возвысить без достоинства человека»¹³¹.

Что здесь привлекает более всего, так это выраженное с редкой для прежнего времени остротой самоощущение личного достоинства, сбрасывающего с себя путы старинных предрассудков. Подлинное достоинство человека — не в величии и древности его рода, а в том, каков он сам по себе, в «величестве» его «заслуг», в его «добрых делах» и успехах на общественном поприще. Только это придает человеку реальную ценность, возвышает его в собственных глазах и сообщает интерес его личности, только это нравственно оправдывает и сами усилия по созданию повествования о его жизненном пути. Несколько позднее, в конце 1780-х годов, начиная свои мемуары, А. Т. Болотов — тоже не родовитый, но уже много повидавший на своем веку дворянин — счел нужным сказать, что хотя ни он сам, ни его предки ничем особенно не прославились и «не случилось со мною никаких чрезвычайных <...> особенного примечания достойных происшествий», это тем не менее «ни мало не мешает описать мне жизнь свою»¹³².

В этих «предупреждающих» мемуары заявлениях нельзя не усмотреть признак известной демократизации социального мышления дворянства. Они весьма показательны как определенный итог начатой петровскими преобразованиями ломки средневеково-сословных норм оценки человека и воплощения в реальной жизни новых принципов его выдвижения соответственно личным способностям, энергии, инициативе, знаниям, опыту и т. д.

Не случайно по духу своему и даже фразеологически «мемуарные» декларации П. И. Рычкова и М. В. Данилова перекликаются с обличениями родовитой и титулованной знати передовыми дворянскими идеологами А. Д. Кантемиром и А. П. Сумароковым, с отстаиванием прав и достоинства человека вне зависимости от его «низкого» положения в сатирических произведениях Д. И. Фонвизина и журнальной прозе Н. И. Новикова¹³³.

Вместе с тем приведенные выше высказывания мемуаристов можно рассматривать как итог и той значительной духовной работы, которая совершилась за две трети столетия в расширявшемся и менявшем свой облик «первенствующем сословии». И хотя процесс становления, «выпрямления» личности проходил поначалу внутри именно этого сословия, сам факт внимания к личному достоинству человека в крепостной, бесправной для подавляющего большинства населения стране объективно имел значение, не укладывавшееся в сословно-дворянские рамки, и в исторической перспективе был чреват далеко идущими общественно-психологическими последствиями¹³⁴.

О том, как далеко зашло в образованных слоях русского общества к исходу века духовное созревание личности, как углубилась историчность ее мироощущения, позволяют судить записки губернского чиновника Г. И. Добрынина. Они начинаются знаменательными словами, в которых заключено самое суть осознания лично-

стью своего места в общем движении истории, а потому — и формулировка сверхзадачи всякого приступающего к своему делу мемуариста: «Нет, думаю, ни одного человека из могущих мыслить, которому бы не приходила когда-нибудь мысль: кто я? где я? откуда я пришел? что вижу я? и куда пойду»¹³⁵.

Но такие более развитые представления сложились, повторяем, к концу века. Тогда они, видимо, уже и не замыкались одной только дворянской средой. В 60—70-е же годы положение было иным. Крепнувший интерес к своим истокам, к прошлому семьи и предков, обращение к собственной биографии как предмету мемуарного повествования — все это являлось прежде всего осуществлением самосознания личности, актом самоутверждения почувствовавшего себя духовно раскрепощенным дворянина¹³⁶. Во всяком случае, как было уже верно замечено, «прозаическое повествование, главным действующим лицом которого является сам автор (мемуары), становится для русского дворянина вполне закономерным, и он уже больше не оправдывается, подобно Б. И. Куракину, в обращении к подобному типу повествования»¹³⁷. В этом тоже был несомненный итог, но итог развития уже самой мемуаристики на протяжении двух третей XVIII в., имевший важное значение для ее последующих судеб.

В литературе указывалось на то, что именно в 60—70-е годы «складывается тип записок» со связным рассказом от автора о самом себе и своих близких. «Пространство изображаемого определено реальным присутствием автора», и его отчетливо проступающая теперь точка зрения влияет на склад повествования, которое группируется по тематическому принципу и зависит уже не от внеположенного автору хронологического хода событий, «не от того, как было, а от того, как *вспоминалось*», — они освещаются главным образом в той последовательности, «в какой о них узнал автор»¹³⁸.

Эти существенные изменения в структуре мемуарного повествования, пожалуй, впервые обнаружили в записках П. И. Рычкова — известного русского географа-экономиста, младшего сподвижника В. Н. Татищева на административном и историографическом поприще, по инициативе М. В. Ломоносова избранного первым членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, составителя известной «Летописи» об осаде Оренбурга в пору Пугачевского восстания. Его записки (I, № 27) с подробными сведениями о предках, родителях, молодости, службе, о своих статистико-топографических трудах и т. д. были начаты в 1761 г., когда П. И. Рычков получил длительный отпуск, и велись до смерти, последовавшей в 1777 г. Записки имеют характер связного, сюжетно организованного жизнеописания, хотя фиксируют больше внешние стороны его биографии (П. И. Рычков, как заметил П. П. Пекарский, «не успел выразиться в них вполне») и нередко соблюдают еще погодный стиль изложения¹³⁹.

Более полно новый тип жизнеописания выявил себя в 60-е годы XVIII в. в записках княгини Н. Б. Долгорукой (I, № 33) — женщины, наделенной необыкновенной стойкостью духа и редкой для современниц ее круга цельностью и глубиной чувств. Дочь знаме-

житого сподвижника Петра I, фельдмаршала Б. П. Шереметева, вышедшая замуж по любви и долгу чести за фаворита Петра II И. А. Долгорукова уже после того, как его постигла опала, она последовала за ним в ссылку, пережила его жестокую казнь и по возвращении при Елизавете Петровне из Сибири поселилась в Москве, отдавшись воспитанию детей, а в 1758 г. постриглась во Фроловский женский монастырь в Киеве. Там она за несколько лет до кончины — в 1767 г. — и составила бесхитрое описание своего детства, пребывания при дворе, выпавших на ее долю испытаний, в частности гонений, которым подверглась в царствование Анны Иоановны семья Долгоруких. Ее мемуары, написанные, по словам П. И. Бартенева, с «высоким красноречием сердца», старинным слогом, по силе и выразительности напомиавшим язык «Жития» престопа Аввакума¹⁴⁰, явились первым в русской мемуаристике XVIII в., да и в литературе вообще, исповедальным рассказом о частной жизни человека, который не был ни политическим, ни религиозным, ни литературным деятелем. В этом смысле можно, не погрешив против истины, сказать, что они вышли за рамки своей эпохи, предвосхитив проблематику сентименталистской литературы 70—90-х годов XVIII в. с ее глубоким интересом к внутреннему духовному миру человека¹⁴¹.

Благодаря этим мемуарам героические черты ее характера получили легендарную известность в России и Европе, ярко запечатлевшись в литературе XIX в. — в исторической прозе С. Н. Глинки, в поэтическом творчестве К. Ф. Рыльева, И. И. Козлова, Н. А. Некрасова¹⁴².

Среди первых опытов мемуарных жизнеописаний, вышедших «из рамок летописи», должны быть отмечены и записки младшего современника П. И. Рычкова и Н. Б. Долгорукой — М. В. Данилова (I, № 48). Он родился в 1722 г. в старинной, но небогатой дворянской семье, окончил артиллерийскую школу, служил в армейских частях в провинции и Петербурге, преподавал в военно-учебных заведениях, сильно преуспел в устройстве технически изощренных фейерверков, составлявших непрменный элемент пышного, в стиле барокко, великолепия официальных празднеств в пору елизаветинского царствования¹⁴³, а в 1759 г. вышел в отставку (получив после воцарения Екатерины II майорский чин), поселился в имении, где и прожил до конца жизни, завершившейся в 90-е годы XVIII в.¹⁴⁴

По духовному складу, задаткам, интересам М. В. Данилов возвышался над уровнем окружавшей его среды и был по-своему личностью неординарной. Широко начитанный в европейской просветительской литературе, поклонник Декарта и Монтеня, Руссо и Вольтера, он и сам выступал в 1760—1790-е годы на литературном поприще с трактатами на религиозно-философские темы, с руководствами по артиллерии, пиротехнике и искусству подготовки фейерверков и иллюминаций.

Менее всего в записках М. В. Данилова следует искать сведений о событиях государственных, военных, об исторических деятелях эпохи — это был лишь внешний фон углубленного автобио-

графического повествования с подробным рассказом об отдаленных предках и ближайших родственниках, о воспитании, сокровенных обстоятельствах частной жизни и душевных переживаний, с резко очерченными (иногда одной социально-типической деталью, коротеньким анекдотом) портретами рядовых людей и его круга, с мастерскими описаниями нравов и быта провинциального дворянства, отчасти разночинцев. «Простодушно рассказывая про свое житие-бытие, добрый старик как бы невольно <...> живописует нам картины общежития <...> тогдашних дворян, и службу их, и мелкие пороки тогдашнего общества». Язык же его — простой, незатейливый, разговорный, пересыпанный народными оборотами вперемежку с книжными и иностранными словечками, — «настоящая золотая руда наивности, чистосердечия и добродушия»¹⁴⁵.

М. В. Данилов — первый в России мемуарист-бытописатель, осветивший в своих записках с такой же откровенностью, как собственную биографию, домашнюю жизнь, умонастроения, обычаи, заботы мелкопоместного и среднего дворянства, и в этом отношении едва ли было бы преувеличением назвать его родоначальником «семейно-домашней» линии в русской мемуаристике и художественно-автобиографической прозе, классическими образцами которой в конце XVIII — первой половине XIX в. стали записки А. Т. Болотова и «семейные» мемуары С. Т. Аксакова¹⁴⁶. Недаром Н. А. Добролюбов в известную свою статью о «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова — «Деревенская жизнь помещика в старые годы» включил выдержки из записок М. В. Данилова в качестве исторического комментария¹⁴⁷.

Совсем по-другому построены относящиеся примерно к тому же времени и тоже лишенные каких-либо признаков летописной манеры записки Ф. И. Соймонова (I, № 34).

Крупный военно-морской деятель XVIII в., первый русский гидрограф, один из старших по возрасту сподвижников Петра I, Ф. И. Соймонов, умерший в 1780 г. 98 лет от роду, прожил необыкновенно насыщенную и трудную жизнь. Участник Полтавской битвы и Персидского похода, вице-президент Адмиралтейств-Коллегии в царствование Анны Иоанновны, он вел борьбу с Э. Бироном и его ставленниками, входил в кружок А. П. Волынского, после казни которого был сослан в Сибирь, где несколько лет спустя стал губернатором, по возвращении же оттуда, в середине 1760—1770-х годов, очевидно, и занялся приведением в порядок своих записок.

Они известны нам по публикации выдержек из них в «Морском сборнике» (1888. № 9, 10), полученных от правнука автора — М. В. Соймонова. Основная же часть этого мемуарного труда считалась тогда утраченной. Между тем, за исключением некоторых пропусков, он сохранился и состоит из нескольких фолиантов собственноручных рукописей и частичных копий, охватывающих его деятельность за 1732—1764 г. Таким образом, в целом записки Ф. И. Соймонова не были до сих пор введены в научно-историографический оборот и еще ждут своего исследователя¹⁴⁸.

Судя по их опубликованной части, они были посвящены лишь внешней канве биографии Ф. И. Соймонова — его многообразной

государственной деятельности (службе во флоте, научно-топографическим работам, поездке с дипломатическим поручением к калмыцкому хану, губернаторству в Сибири и т. д.), но никак не затрагивали внутренней сферы его жизни, его духовного существования.

В большой мере это было свойственно запискам Я. П. Шаховского (I, № 50). Генерал-полицмейстер в 1730-х годах, обер-прокурор Синода, генерал-прокурор Сената, конференц-министр при Елизавете Петровне, сенатор после воцарения Екатерины II, Я. П. Шаховской пользовался покровительством виднейших государственных лиц своего времени — А. П. Волынского, Э. Бирона, Б. Миниха, друг за другом устранимых с политической арены, но сам он всякий раз удивительным образом избегал опалы. Переживший восемь царствований и несколько десятилетий стоявший у кормила административного управления Россией Я. П. Шаховский был известен среди современников своим цельным характером, неподкупной честностью, твердыми и суровыми убеждениями. Он и в самом деле являл собой тип деятеля, взращенного в петровских традициях долга и высокой гражданской ответственности, для которого личность не имела цены вне государственного служения. Этот человеческий тип и воплотился в его жизнеописании, составленном уже по выходе в отставку в 1772 г. в сельском уединении. Всецело «погруженный в дела», он не мог «ни о чем более говорить, как о своей службе». Частная же жизнь, семья, душевные запросы, житейские отношения — все это осталось за пределами записок. О детях, например, о своем вдовстве, о намерении снова жениться, дабы обрести «домашнего друга», он упоминает в двухтомном жизнеописании лишь вскользь, всего в нескольких строках, как о чем-то случайном, для него малозначимом. И как только повествование в записках приблизилось к 1766 г. — ко «времени, когда автор окончательно вышел в отставку, то они прекращаются: князь, деревенский житель, прощается с читателями и пишет: «конец»¹⁴⁹.

Иными словами, огромный слой этой богатой личными событиями и духовно напряженной жизни оказался в записках не раскрытым. Это-то, надо полагать, и имел в виду П. А. Вяземский, вообще высоко ценивший записки Я. П. Шаховского, считавший их одной «из замечательнейших русских книг», когда отмечал, что они «не дописаны», что автор досадно «малоречив», и даже уподобил его «анналистам» (т. е. составителям летописей), в которых «одно скучно: сухость», тонко почувствовав еще не вполне изжитую Я. П. Шаховским старинную, чужающуюся индивидуально-биографическую манеру повествования¹⁵⁰.

После записок Я. П. Шаховского на протяжении 15 лет мемуарные жизнеописания такого типа более не встречаются, и только в конце 80-х годов они снова появляются на арене мемуаротворчества.

В числе этих произведений укажем прежде всего на «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни» князя И. М. Долгорукова — видного поэта, переводчика, драматурга конца XVIII —

начала XIX в., губернаторствовавшего в Пензе и Владимире (I, № 73)¹⁵¹. Если не считать более ранних по времени сведений о роде автора, «Повесть» охватывала собой период с 1764 по 1823 г. Свое жизнеописание он предпринял по совету отца и по примеру бабки — Н. Б. Долгорукой, записки которой хранились в семье как бесценная историческая реликвия¹⁵². Начавши составлять «Повесть» в 1788 г., в возрасте 24 лет, И. М. Долгоруков продолжал ее, правда с большими перерывами, до 1823 г., когда и скончался. Этот большой по объему мемуарный труд вместил в себя несколько эпох истории русского общества, множество событий самого разного исторического масштаба — быт при дворе Екатерины II и «Чумной бунт» 1771 г., окружение великого князя Павла Петровича и война со Швецией, Московский университет, его профессора и студенты и гвардейский Семеновский полк, губернская администрация и театральные увлечения московской аристократии, земское ополчение 1806 г., Отечественная война 1812 г., последние годы царствования Александра I и т. д.

Небезынтересна судьба «Повести» И. М. Долгорукова. После его смерти она хранилась у потомков в виде двух рукописных копий (одна — 1728 страниц, другая — 1060 страниц). Начальные тексты «Повести» за 1764—1780 гг. были напечатаны в 40-х годах в «Москвитянине»¹⁵³ и несколько лет спустя переизданы в составе собрания сочинений автора¹⁵⁴. В 1913—1916 гг. в «Русском библиофиле» увидело свет продолжение «Повести» за 1780—1806 гг. В 1916 г. оно было выпущено и отдельным изданием, указанном выше. До сих пор, таким образом, остается ненапечатанной заключительная часть жизнеописания И. М. Долгорукова за период с начала 1800 г. до 1823 г.¹⁵⁵

При всем богатстве и пестроте исторической жизни, воспроизведенной на страницах «Повести», в центре ее стояла все же жизнь самого автора и его отношение к тому, что он описывал. При том само это отношение было окрашено своеобразными чертами. Потомок древнейшего рода, игравшего первые роли в русском государстве вплоть до начала XVIII в., но затем оттесненного новой, служивой знатью и к тому же утратившего былое богатство, И. М. Долгоруков не мог не испытывать глубокое недовольство своим сословно-общественным положением. И это ущемленное аристократическое самолюбие, естественно, отражалось на тоне его записок, далеко не беспристрастных в оценках современности¹⁵⁶. Как справедливо заметил М. Н. Лонгинов — один из первых издателей и исследователей «Повести», — «характер Записок князя Долгорукова преимущественно личный, домашний, семейный <...> Важные политические события, государственные дела и исторические личности являются у него почти всегда лишь настолько, насколько он в соприкосновении с ними»¹⁵⁷. Да и сам автор признавался, что пишет «о тех только людях, кои имеют связь с моими собственными происшествиями», что «о тех намерен говорить <...>, которые от описания моего отлучиться не могут, по тесной связи их с моей личной судьбой»¹⁵⁸.

Любопытно, однако, что даже это проникнутое личностным ощущением истории, составленное в значительной своей части уже в XIX в. жизнеописание включает в себе запоздалые отголоски летописной манеры — в виде ее некоторых внешних атрибутов. Так, следовавший после «Вступления» с генеалогическими сведениями основной текст «Повести», касавшийся собственной биографии автора, был озаглавлен «Летопись». И далее в разных местах он также называл его «моей летописью»¹⁵⁹. Но главное, красочный и занимательный мемуарный рассказ («изложение длинной цепи происшествий, стоящих любого романа»¹⁶⁰), по своей фактуре не имеющий, конечно, ничего общего с летописью, И. М. Долгоруков строит, тем не менее, наподобие ей — в форме пространных погодных записей.

От этих «летописных» примет уже полностью свободны записки другого русского мемуариста конца XVIII — начала XIX в. — А. Т. Болотова, начатые так же, как и «Повесть» И. М. Долгорукова, на исходе 1780-х годов и, подобно ей, писавшиеся с тех пор до конца жизни автора, умершего 95 лет в 1833 г. (I, № 77).

Фигура А. Т. Болотова, и раньше пользовавшаяся широкой известностью, в последнее время, особенно в связи с 250-летним его юбилеем, вновь привлекла к себе незаурядное общественное внимание. Вышло в свет несколько посвященных ему биографических работ, в том числе и беллетристически-документальные повествования о его жизни, появились труды, освещающие разные стороны его научно-просветительской деятельности¹⁶¹, имя Болотова замелькало в многочисленных газетно-журнальных статьях, наконец, переизданы (правда, в сильно сокращенном варианте) его записки, сопровождаемые вступительными статьями или послесловиями¹⁶². Однако во всей этой обширной литературе о самих записках говорится крайне мало — мы не найдем здесь сколько-нибудь точных и развернутых сведений об их составе, происхождении и посмертной судьбе, о том месте, какое занимали они в истории русской мемуаристики.

Человек великого трудолюбия, пытливого и разностороннего ума, замечательно обширных интересов — философ, переводчик и поэт, рисовальщик, литературный критик и музыкант, естествоиспытатель и метеоролог, врач и педагог, рачительный помещик и ученый-агроном, основавший при поддержке своего друга Н. И. Новикова сельскохозяйственную прессу в России, едва ли не самый плодовитый русский писатель XVIII в., А. Т. Болотов, много десятилетий ведший изо дня в день всякого рода записи о себе и своем времени, быть может, более всего примечателен именно как мемуарист, автор монументального, непревзойденного по размаху и исторической длительности запечатленных событий жизнеописания, которое составило целую эпоху в русской мемуарной культуре¹⁶³.

Свое жизнеописание на основе черновых дневников А. Т. Болотов составлял с 1789 г. до последних лет жизни. Всего он написал 39 частей мемуаров и начал 40-ю. До 1800 г. было составлено 7 частей, охватывавших период с начала XVIII в. до 1760 г. Таким образом, в подавляющем большинстве текстов мемуары А. Т. Бо-

лотова относятся по времени создания уже к XIX в. После его смерти громадный архив с библиотекой, перейдя к детям и внукам, оказался распыленным. По беловым автографам, находившимся у внука А. Т. Болотова — А. П. Болотова, значительные фрагменты первых частей мемуаров были напечатаны в ряде русских журналов конца 1830-х — начала 1850-х годов¹⁶⁴.

В 1863 г. историк и в будущем сотрудник «Русского архива» Н. С. Киселев при содействии Ю. Ф. Самарина приобрел у другого внука автора — М. П. Болотова черновой автограф нескольких частей мемуаров, собираясь их опубликовать, но из-за цензурных стеснений это намерение в 1860-е годы не было осуществлено. Спустя 7 лет редактор только что основанной «Русской старины» М. И. Семевский получил от правнука мемуариста, сына А. П. Болотова, — В. А. Болотова беловой автограф 29 частей мемуаров, завершенных в 1816 г. и доведенных до 1795 г. По ним он и опубликовал их четырехтомным изданием¹⁶⁵. Предстоявший выход их в свет вызвал журнальную полемику — в конце 1870 г. Н. С. Киселев пытался оспорить издательское предприятие Семевского, полагая, что обладает исключительным правом публикации болотовских записок, но его протест никаких последствий для судеб издания «Русской старины» не имел¹⁶⁶. Автографы этого мемуарного комплекса хранятся ныне в ОР ГПБ¹⁶⁷. Списки частей 1-й и отрывков из частей 2 и 3-й, датируемые концом XIX в., находятся в ОР ГБЛ¹⁶⁸. Отрывки из обнаруженных впоследствии 35—37-й частей за 1799—1802 и 1805 гг., составлявшихся в 1821—1827 гг., были также напечатаны М. И. Семевским¹⁶⁹, а их рукописные оригиналы хранятся в РО ИРЛИ¹⁷⁰ и ОГ ГПБ¹⁷¹. Местонахождение рукописей не публиковавшихся частей 30—34-й и 38—39-й неизвестно — возможно, они утрачены. По свидетельству М. П. Болотова, последние части мемуаров, писавшиеся (или диктовавшиеся), очевидно, уже в конце 1820-х — начале 1830-х годов, заканчивались на 1811 г. Черновики же дневника, служившие основным источником мемуаров, доведены до 1828 г. Считающееся лучшим и наиболее полным издание записок А. Т. Болотова, осуществленное М. И. Семевским, не совсем исправно, передает текст с купюрами и нуждается в текстологическом изучении. Не приведено должным образом в известность и в сущности также не изучено и остальное мемуарное наследие А. Т. Болотова, почти не публиковавшееся: обширные черновые дневники за конец XVIII — первую треть XIX в. и разного рода историко-мемуарные сочинения — много томный «Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе» за 1796—1815 гг., «Исторический журнал, 1812 год» и т. д.¹⁷²

Обнимая внутренний быт русского общества за все XVIII столетие, болотовские мемуары изобразили его с поистине энциклопедической полнотой — от провинции до столицы, от домашнего воспитания до науки и книжной торговли, от войн до дворцовых переворотов, от масонов до казни Пугачева — с подробными характеристиками государственных, общественных деятелей и военачальников XVIII в. Но особенно обширны, красноречивы, достоверны

мемуары Болотова в изображении быта помещичьего дворянства второй половины XVIII в., его вкусов, привычек, семейных устоев, текущих занятий, умственных запросов и вообще повседневной жизни русской деревни екатерининской эпохи с ее патриархально-простодушными нравами и резкими социальными коллизиями — словом, всей той атмосферы, которая спустя три года после смерти Болотова с непревзойденной реалистической силой будет воссоздана в «Капитанской дочке» Пушкина, а он — заметим это — мемуаров Болотова не знал. Глубоко прав был один из их рецензентов начала 1870-х годов, когда писал: «Только читая записки Болотова, понимаешь вполне, до какой степени гений Пушкина умел усвоить в «Капитанской дочке» безусловно верный тон и колорит — не исторической только стороны эпохи, но и ежедневной, будничной жизни того времени»¹⁷³. Однако, по справедливому суждению М. И. Семевского, «повествуя о дворянском сословии по преимуществу и поднимаясь иногда в высшие слои его», автор «не забывает и народ. Фигуры русского крестьянина, русского солдата, русского священника выпукло выделяются в полном жизни и правды рассказе Болотова»¹⁷⁴.

По времени и приемам составления с рассмотренными выше жизнеописаниями сходны записки Г. И. Добрынина, веденные с 1787 г. на протяжении 36 лет и законченные также незадолго до смерти автора, последовавшей в 1824 г. (I, № 71)¹⁷⁵. Но в отличие от старинных потомственных дворян И. М. Долгорукова и А. Т. Болотова Г. И. Добрынин — выходец из семьи потомственных священников. Детство и молодость он провел в скитаниях по монастырям, занимал мелкие должности в Севской епархии, затем перебрался в Белоруссию, где был чиновником при губернаторах З. Г. Чернышеве и П. Б. Пассеке, дослужившись до поста губернского прокурора.

Отмеченный живым, насмешливо-саркастическим умом и зоркой наблюдательностью, хорошо начитанный в русской и переводной литературе, знакомый с античными авторами и сочинениями просветителей XVIII в., не чуждый известного вольномыслия, Г. И. Добрынин заметно выделялся на фоне косного и малообразованного чиновничества¹⁷⁶. Правдиво рассказав в записках о собственной судьбе, взглядах, умонастроениях, он с неподдельным юмором и подлинно художественной выразительностью обрисовал наряду с историческими событиями и лицами (например, посещение Могилева Екатериной II и австрийским императором Иосифом II) будничную жизнь духовенства, целую галерею характернейших типов провинциального русского общества второй половины XVIII — начала XIX в., в которой с равным успехом представлены сельские причетники и архиереи, канцелярские служители и царские наместники в губернаторских должностях. Поэтому ценность записок Г. И. Добрынина вообще очень высока. По живописности бытовых сцен, социально-типической остроте человеческих образов, по сатирической силе литературного дарования Г. И. Добрынина первые читатели и критики записок видели в нем даже отдаленного предшественника Н. Гоголя, Н. Помяловского, М. Салтыкова-Щедри-

на¹⁷⁷. Определяя познавательные-исторические значения записок и их место в русской мемуарной литературе, М. И. Семевский верно указывал: «Как автобиография Болотова является целою эпопеею быта русского дворянина XVIII в. во всевозможных сферах его деятельности, так “Жизнь” Добрынина выдвигает <...> длинный ряд мастерски набросанных картин быта русского духовного лица того же века»¹⁷⁸.

Сентименталистские влияния

Поставленные в ряд, жизнеописания А. Т. Болотова и Г. И. Добрынина весьма показательны еще с одной точки зрения, позволяющей понять, насколько сильно к концу века русская мемуаристика продвинулась от архаично-летописной манеры к новым приемам изображения человека. И дело не только в том, что названные произведения представляют собой классические для XVIII в. образцы развернутых, связно-целостных мемуарных повествований. Дело прежде всего в обостренном внимании их авторов к своему душевному и умственному миру, — и в этом отношении они не остались в стороне от утвердившегося в литературе последней четверти века сентименталистского направления. «Влияние <...> сентиментализма на развитие мемуарно-автобиографической литературы» того времени «было решающим», — отмечает исследователь¹⁷⁹. И хотя данное мнение чересчур категорично, ибо сентиментализм лишь углубил те тенденции, которые, как мы видели выше, независимо от него, спонтанно начали складываться в русской мемуаристике еще в 60—70-е годы XVIII в., доля истины в этом, несомненно, есть.

Сентиментализм, пришедший на смену классицизму и противостоявший его принципам, явился эстетическим выражением антифеодальных сдвигов в духовной жизни общества и закрепил то новое понимание ценности человеческой личности, которое стало намечаться в 60-е годы XVIII в. И как литературно-стилистическое течение, творческий метод, и как особый тип мироощущения сентиментализм с наибольшей силой обнаруживал себя не в устоявшихся, канонических видах литературы, а как раз в пограничных с ней жанрах — мемуарах, дневниках, эпистолярии и т. д.¹⁸⁰ Такое понимание связи мемуаристики с сентиментализмом закреплено ныне в трудах по истории русской культуры: «О широком распространении сентиментального “стиля” и сентиментального “мировоззрения” свидетельствуют <...> те значительные изменения, которые совершаются в мемуарной литературе последних десятилетий XVIII в. В них все заметнее начинает выступать на первый план личность автора <...> К концу века созрел взгляд на ценность собственной личности как таковой»¹⁸¹.

Вполне очевидно при этом, что влияния сентиментализма сказывалось не только на содержании мемуарных произведений, но и на их повествовательной манере. Записки А. Т. Болотова особенно показательны, что не всегда, кстати, принимается во внимание. В литературе можно встретить, например, утверждения о том, что

А. Т. Болотов-мемуарист не испытывал «влияния литературного стиля своего времени», не был «связан никакими канонами, господствовавшими в литературе»¹⁸².

Между тем достаточно обратиться к тексту его записок, чтобы увидеть, как тесно связана их повествовательная структура с традициями сентименталистской прозы типа весьма распространенного в ту эпоху «романа в письмах» или «эпистолярного путешествия» стерновского толка. «Есть мемуары, которые сбиваются на роман, — таковы, например, записки Болотова», — указывал В. В. Сиповский, усматривавший эту связь в их речевой манере, фразеологии, форме¹⁸³. Действительно, при всей реалистической полнокровности, насыщенности богатейшей конкретикой общественно-бытовых наблюдений, мемуары А. Т. Болотова построены как серия «писем» к некоему вымышленному другу — «любезному приятелю», обращением к которому начинается и заканчивается каждое «письмо», а всего в опубликованных М. И. Семевским 29 частях его мемуаров содержится 300 таких «писем» (или глав). Поразительно, с какой неукоснительной последовательностью выдерживал А. Т. Болотов раз найденную им и подсказанную сентименталистской прозой форму на протяжении тех нескольких десятилетий, когда составлял свои записки.

Сам этот условно-риторический прием, предполагавший воображаемого адресата-собеседника, придавал повествованию непринужденный, интимно-доверительный тон и был удобен как способ непосредственного проявления авторской индивидуальности. Подсказана модным романом эпохи и установка на внешнюю занимательность мемуарного повествования, отразившаяся даже в названии болотовских записок: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им...» — по образцу популярнейшего сентиментально-просветительского романа А. Прево «История кавалера Де Гриё и Манон Леско», который в русском переводе середины XVIII в. был озаглавлен: «Приключения маркиза Г... или Жизнь благородного человека, оставившего свет» (СПб., 1756—1765. Ч. 1—6), и широко расхвалившихся в читательской среде русских романов, например «Несчастный Никанор, или приключения жизни российского дворянина Н***» (Курсив мой. — А. Т.)¹⁸⁴.

В этом отношении с записками Болотова сближается и упомянутое выше автобиографическое повествование дмитровского купца — «Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеича Толченова» (I, № 82). Симптоматична, однако, не только перекличка названий произведений двух авторов одной эпохи, лично между собой, видимо, никак не связанных (в репертуаре русской книги второй половины XVIII в. сочинения с названием типа «Жизнь и приключения...» не так уж редки). Не менее важна еще и близость повествовательного стиля И. А. Толченова, также испытывавшего на себе сентименталистские влияния, к болотовским запискам — по манере ведения записей в «особых книжках», по пристальному вниманию к «переменам» погоды, по сходным наблюдениям над «произрастаниями» и т. д.

Еще в большей мере влияние модного в последней четверти XVIII в. романа испытали на себе составленные в конце 1780-х годов записки П. З. Хомякова — обедневшего дворянина, офицера Куринского полка, полжизни проведенного в войнах с Пруссией, Турцией, Польшей (I, № 76). Интересные более всего изображением малоизвестных сторон армейского походного быта, изобилующие всевозможными «случаями» из многолетней боевой службы автора, подробностями его частной жизни, «чувствительными» описаниями его любовных историй и т. д., записки П. З. Хомякова отчасти перекликаются с болотовскими мемуарами — и не только повествовательной манерой, но и самим своим пространным и чрезвычайно характерным для литературного стиля эпохи наименованием: «Похождение некоторого Россиянина, истинная повесть, им самим писанная, содержащая в себе историю его службы и походов с приключениями и слышанными им повестями» (М., 1790. Ч. 1—2).

В. В. Сиповский, признававший жизнеописание П. З. Хомякова в целом «бесхитростным и, несомненно, правдивым», считал его литературную зависимость от сентиментальной прозы, особенно от указанного выше романа А. Прево, настолько ощутимой, что квалифицировал это жизнеописание «романизированными записками о действительных приключениях автора»¹⁸⁵.

«Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина <...> им самим писанная» по своему литературному облику принадлежит, как видно уже из его названия, к тому же кругу жизнеописаний. С чисто внешней стороны оно менее связано со стилистическими традициями сентиментализма — в отличие от записок А. Т. Болотова построено не в условно-эпистолярной, а в свободно-повествовательной манере и начисто лишено прямой подражательности популярному роману, легко угадываемой в «Похождении» П. З. Хомякова. Но зато в «Истинном повествовании» полнее воплотился сам дух сентименталистской прозы с ее исповедальными принципами. И это стало возможным благодаря пристальному вниманию автора к «Исповеди» Ж. Руссо, его нравственно-психологическим открытиям, его опыту углубленного самоанализа и объяснения глубин своей души и житейского поведения. О связи «Истинного повествования» с этой знаменитой книгой Г. И. Добрынин заявляет открыто (далеко не все, однако, принимая в том бесстрашии, с которым Руссо обнажал свой внутренний мир). Упомянув о том, что «славной, но больше того, известной Жан-Жак Руссо в книге Исповеди своей показал свою откровенность», Г. И. Добрынин пишет: «Для чего же и мне не подражать сим славным людям? Стану и я исповедываться»¹⁸⁶. Среди этих «славных людей» Г. И. Добрынин имел в виду не только Руссо, но и своего соотечественника, прославленного сатирика Д. И. Фонвизина, чью исповедь «Чистосердечное признание в делах моих имышлениях» (I, № 81), также отметил как пример, которому желает следовать.

Это сочинение своим пафосом, тональностью, методом изображения собственной личности больше, чем какие-либо другие русские мемуары того времени, несло на себе отпечаток «Исповеди» Руссо, хотя во многом было и полемично по отношению к ней¹⁸⁷.

«Чистосердечное признание» Д. И. Фонвизин писал в 1790—1792 гг., незадолго до смерти, изнуренный физическим недугом, душевно сломленный неудачами в борьбе с Екатериной II за свои писательские права — в ту пору, когда им овладели религиозно-мистические настроения, которыми и было продиктовано само намерение заняться исповедальной автобиографией¹⁸⁸. На первой ее странице Д. И. Фонвизин ясно указал на замысел своего труда: «Да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою сердца моего и беззакония мое аз возвещу»¹⁸⁹.

Его замысел еще более прояснится, если мы вспомним, что «Чистосердечное признание» создавалось в гнетущей атмосфере правительственной реакции на Французскую революцию, обернувшейся в России гонениями на деятелей передового, просветительского лагеря. В 1790 г. была учинена расправа с А. Н. Радищевым, в 1792 г. арестован Н. И. Новиков, допрошен в полиции близкий друг Д. И. Фонвизина актер И. А. Дмитриевский, в связи с делом московских «мартинистов» произведен обыск у его брата — Павла, директора Московского университета, кстати, уничтожившего при этом ценнейшие фонвизинские бумаги, в том числе и секретный конституционный проект «Рассуждение о непремежных государственных законах».

Не исключено, что, составляя в этих условиях жизнеописание, Д. И. Фонвизин предполагал в нем определенным образом оправдаться — отвести от себя обвинения в политическом и религиозном свободомыслии, представив его заблуждением давних лет, грехами молодости, которые он и искупает своим «чистосердечным признанием»¹⁹⁰.

Тем не менее дух раскаяния, демонстрация смирения и благочестия, вероучительные сентенции и даже житийная интонация не заглушили в автобиографии Д. И. Фонвизина его живой индивидуальности и реалистического взгляда на окружающую действительность. Описание своего «жизненного поприща» он то и дело перемежает блестящими по остроумию характеристиками светских сановников и служителей церкви, с которыми сталкивала его судьба, обличительно-сатирическими зарисовками нравов русского дворянского общества, тонкими психологическо-бытовыми наблюдениями. Смерть остановила работу над жизнеописанием — оно оборвалось на рассказе о чтении только еще вступающим в литературу автором первой своей комедии «Бригадир» при дворе Екатерины II в 1769 г.

«Чистосердечное признание», венчающее собой, таким образом, жизненный путь и литературное творчество Д. И. Фонвизина, явилось в известном смысле и венцом развития русской мемуарно-автобиографической прозы XVIII в.

Итоги

Мы рассмотрели две группы автобиографий, начатых или завершенных в период екатерининского и павловского царствований. Ими почти исчерпывается весь фонд созданных тогда мемуарных сочинений этого рода. Первую группу составляют произведения 1760-х — начала 1770-х годов. Среди их авторов люди разного происхождения, нравственного склада, разной жизненной судьбы — от сына разорившегося купца П. И. Рычкова, своим упорным трудом и учеными заслугами выбившегося в дворяне, до вершившего государственными делами потомственного аристократа Я. П. Шаховского. Весьма различны и сами эти произведения — по преимущественному вниманию авторов к тем или иным сторонам своей биографии, по степени исповедальности, по форме изложения и т. д. Но при всех различиях в этих произведениях присутствует нечто общее, явственно отличающее их от жизнеописаний предшествующей эпохи и позволяющее говорить о том, что в 60-е — начале 70-х годов XVIII в., действительно, начинается складываться новый тип мемуарных повествований, содержанием которых становится связный в целом рассказ о жизненном пути, хотя внешнесобытийная его канва еще мешает раскрыться внутреннему душевному опыту автора.

Вторая группа произведений относится уже к концу рассматриваемого периода. В них наметившаяся в 60—70-х годах тенденция к самовыражению личности на почве пробуждения ее исторического самосознания проявляется уже гораздо полнее, ярче, раскованнее. Поэтому — в свете всего сказанного выше — представляются глубоко неверными и не имеющими опоры в реальном материале утверждения о том, что «в целом мемуары XVIII века так же величностны, как оды», что «индивидуальное» в них «растворяется в общем и событийном», что «умолчание о своем внутреннем мире — принципиальная позиция мемуаристов того времени». Столь же ошибочно, как это сделано в одной из работ Е. В. Анисимова, делить мемуарно-автобиографические произведения екатерининской эпохи на два противостоящих друг другу типа — на те, где все внимание сосредоточено на происшедших на глазах автора событиях, а потому его «личность <...> как бы растворена в тексте», и на те, где «основное внимание» уделено частной жизни автора, последовательно рассказывающего «именно о своей судьбе»¹⁹¹. Подобные классификации, если и имеют какой-то смысл, то лишь для первой половины XVIII в., для второй же половины столетия они бесосновательны и надуманны, ибо «частное» и общественное, «внешнесобытийное», как правило, уже слито в них воедино.

По обширности мемуарных описаний и богатству отраженных явлений, по повествовательному мастерству и тесной связи с передовыми литературными течениями эпохи эти произведения вообще не имеют себе равных в русской мемуаристике XVIII в. (правда, не следует забывать, что некоторые из них были продолжены и закончены в первые десятилетия XIX в.).

Вместе с тем было бы неверно переоценивать степень развитости указанной выше тенденции. Ведь за весь 40-летний период она представлена лишь 10 произведениями (XIX в. дает уже сотни таких развернутых мемуарных автобиографий), и вышли они из-под пера лиц далеко не ординарных, не рядовых. Не говоря уже о Д. И. Фонвизине — выдающемся писателе и политическом мыслителе своего времени, и остальные авторы жизнеописаний были людьми всесторонне образованными, исторически мыслящими, литературно искусственными, приобщившимися к высотам культуры или благодаря привилегированно-аристократическому положению и государственному характеру своей деятельности (Ф. И. Соймонов, Я. П. Шаховский, И. М. Долгоруков), или в силу профессиональных занятий и самообразования (П. И. Рычков, М. В. Данилов, А. Т. Болотов, Г. И. Добрынин). Словом, это были люди, принадлежавшие к узкому слою дворянской (или тяготевшей к ней из других социальных групп) интеллигенции, и их жизнеописания обозначили собой лишь первые ростки личностного самосознания в среде дворянства, а вовсе не массовое сознание «первенствующего сословия» на его, так сказать, среднестатистическом уровне.

О том же, каков был этот уровень, можно судить еще по одним автобиографическим запискам 1790-х годов дворянского происхождения. Их автор — И. Ф. Лукин, помещик Нижнеомовского уезда Тамбовской губернии, участник Семилетней и первой русско-турецкой войн, пожалованный в секунд-майоры и чуть было не погибший от руки повстанцев в пору Крестьянской войны под предводительством Пугачева, на склоне лет составил жизнеописание (I, № 86). В нем он простодушно и честно, в исповедальных тонах рассказал о перипетиях военной службы, выпавших на его долю невзгодах, об интимных сторонах своей жизни. И из всего этого рассказа, написанного, кстати, варварски тяжеловесным, косноязычным слогом, хорошо вырисовывается типичнейший для провинциально-дворянской среды облик этого человека, «от природы скудно одаренного», по словам П. И. Бартенева, всецело погруженного в толкование священного писания и религиозно-моралистические нравоучения. Он и не помышлял о какой-либо духовной независимости, личном достоинстве, полагая высшим принципом жизненного поведения, своего рода «символом веры» «благочиние»; соблюдение «правил нашей соборной церкви» и беспрекословное повиновение всем вышестоящим лицам или, как он вменял своим детям, «к начальникам по службе и довольно заслуженным <...> иметь совершенное уважение и пристойное почтение»¹⁹².

Сам ход движения отмеченной выше тенденции указывает на недостаточную еще развитость мемуарных жизнеописаний, о которых шла речь. Зародившись в 1760-х — начале 1770-х годов, они затем затухают на полтора десятилетия и возобновляются в ряде замечательных по своим историческим и литературным достоинствам произведений в сущности только в самом конце века. Уже один этот перерыв означает отсутствие преемственности. Единственное исключение, имеющее, однако, чисто семейный, а не общественно-признанный характер, — жизнеописание И. М. Долгоруко-

ва, возникшее не без влияния записок его бабки Н. Б. Долгорукой и того героического ореола, которым было окружено в семье ее имя. Но само это исключение лишь подтверждает тот очевидный факт, что традиция таких жизнеописаний только складывалась и не обладала еще должной жанровой устойчивостью.

О том же свидетельствует, наконец, и то, как медленно и трудно протекал на протяжении четырех десятилетий процесс высвобождения мемуарных жизнеописаний нового типа от остатков архаичных повествовательных приемов, которые, как мы видели, оживлялись время от времени то в одном, то в другом произведении даже в конце XVIII — начале XIX в.

ИЗНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ МЕМУАРОТВОРЧЕСТВА

«О себе, для себя, для моих»

Только с учетом того, что личностное начало утверждается в русской культуре XVIII в. сравнительно поздно, что формирование исторического самосознания проходит тогда (главным образом во второй половине века) лишь первые свои стадии и имеет еще в значительной мере «верхушечный» характер, мы лучше поймем и то, как складывались изначальные функции мемуаристики, в каких пределах осмыслились цели мемуаротворчества.

Но сперва заметим, что само это осмысление пришло не сразу. Правда, несколько особняком стоит фигура Б. И. Куракина, который и в этом отношении возвышался над уровнем своих современников-мемуаристов. Понимая необычность для культурной жизни России начала XVIII в. предпринятых им мемуарно-исторических трудов, он вместе с тем рассчитывал на то, что они будут прочтены и станут известны в обществе. В предисловии к «Истории о царе Петре Алексеевиче» Б. И. Куракин указывал, что «сей увраж, давно от меня намеренной» решил написать «в пользу моего отечества Всероссийской Империи и в угодность публичную»¹.

Близок к Б. И. Куракину в понимании задач своих записок о стрелецких бунтах конца XVII в. и другой видный государственной деятель и дипломат петровского времени А. А. Матвеев, отмечавший, что составил их «для общей всех памяти <...> дабы всегда в Российском государстве благоразумные и любопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известию своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно»².

Но впоследствии эти высокие представления об общественном назначении мемуарно-исторических сочинений, вызванные общим подъемом эпохи петровских преобразований, были утрачены и такого рода признаний мы не находим в подавляющем большинстве созданных в течение XVIII в. крупных историко-политических мемуаров и в более мелких мемуарных заметках «внешнесобытийного» характера.

Не находим мы их и во всех жизнеописаниях первой половины XVIII в., а отчасти — и в некоторых более поздних. Так, ничего не сообщают о том, зачем они взялись за составление автобиографий И. М. Грязново, Г. П. Чернышев, В. В. Головин, Н. Ю. Трубецкой, И. И. Неплюев, С. И. Мордвинов. Относительно жизнеописания В. А. Нащокина, например, в одном из откликов на его издание было сказано: «Трудно, впрочем, понять, для чего или для кого писал свои «Записки» Василий Александрович. Вероятнее все-

го, он делал это без всякой цели»³ — так малоречив был автор в изъяснении задач своего труда. Очевидно, делалось это без каких-либо специально обдуманых замыслов, видимо, стихийно-живая потребность запечатлеть свой жизненный путь опережала акт ее осознания.

Первые симптомы того, что мемуаристы начинают сознательно относиться к своему труду, задумываться над смыслом и назначением мемуаротворчества относятся к 60-м — началу 70-х годов XVIII в. Проблески такого понимания присутствуют, как увидим далее, в жизнеописаниях П. И. Рычкова, М. В. Данилова, Я. П. Шаховского, в конце 80-х годов размышлениями этого рода отмечены записки А. Т. Болотова, И. М. Долгорукова, Г. И. Добрынина, т. е. те же самые произведения, с которыми связано становление нового типа мемуарно-автобиографических повествований. Совпадение весьма знаменательное — выразившееся в этих повествованиях пробуждение исторического самосознания закономерно сопрягается с самосознанием самой мемуаристики, и это тоже один из характерных показателей начавшегося процесса ее жанровой кристаллизации.

Важно при этом иметь в виду, что на данной стадии личность мемуариста осмысляла себя, как отмечалось выше, в сравнительно ограниченных пределах собственной истории и истории предков. «Собственной историей» называл свою автобиографию Г. И. Добрынин⁴. П. И. Рычков прямо писал, что видит в своем жизнеописании «некоторый род собственной и домашней истории», вина себя в том, что не смог сберечь «некогда из книг родителя моего записки, рукою его писанные» с подробными сведениями об отдаленных и близких родственниках. Интерес к истории рода, забота о сохранении памяти о ней, сопровождаемые поисками генеалогических данных, всякого рода семейных документов и расспросами старожилых, — дабы дети «о происхождении своем знать могли»⁵, лежали нередко в основе мемуарных замыслов, рождавшихся в дворянской среде.

М. В. Данилов, спасаясь весной 1771 г. от охватившей Москву эпидемии чумы в Рузском имении, на досуге «положил собрать и написать фамилию Даниловых <...> чтоб, наконец, от предания изустного вовсе не истребилось из памяти происхождение наших Даниловых». А по сему моему предприятию, — добавляет он, — послужила мне немало случившаяся при мне тогда копия, списанная в Герольдии из Бархатной книги родословия всему дворянству»⁶.

Масштабами истории рода соизмерял значение своих записок и А. Т. Болотов, сетовавший на нерадение предков, которые не оставили «ни малейших письменных о себе известий, и чрез то лишили нас, потомков», возможности «иметь о них и о том, как они жили... хотя некоторое небольшое сведение». «Я тысячу раз сожалел о том и дорого бы заплатил за каждый лоскуток бумажки с таковыми известиями», — горько пишет он далее. Но А. Т. Болотов прекрасно понимает, что такое «небрежение» — не случайность, что оно имело основания в условиях культурной жизни предков, в неразвитости их исторических представлений — «невежество тог-

дашних времен было тому причиною». Не желая «сам сделать подобную их и непростительную погрешность, и таковые же жалобы навлечь со временем и на себя от моих потомков», он и решает рассказать в записках о всем, «что случилось со мной в продолжении моей жизни» и «о предках моих по преданию», чтобы о них и о себе «оставить потомкам» «незабвенную память»⁷.

Было бы несправедливо не отметить известной уже зрелости исторического мышления автора приведенных строк, ощущавшего в себе, в своем настоящем некое связующее звено между прошлым и будущим, но историзм этот, присущий А. Т. Болотову, быть может, в большей мере, чем современным ему мемуаристам, пока что, как видим, остается в семейно-родовых рамках.

Жизнеописание А. Т. Болотова уместно сопоставить в этом плане с записками Н. Я. Трегубова — по происхождению старинного дворянина, связанного по службе, бытовым и родственным отношениям с многочисленной аристократической и военно-придворной знатью, с последним фаворитом Екатерины II П. А. Зубовым. Среди его сослуживцев в Семеновском полку были Я. Чаадаев и Ф. Вадковский, один из которых — отец знаменитого в будущем мыслителя, другой — отец причастных к декабристскому движению братьев Александра и Федора Вадковских. По воцарении Павла I Н. Я. Трегубов подвергался гонениям, был заключен в крепость, затем освобожден и пожалован генерал-майорским чином, а в 1829 г. стал сенатором.

Подобно А. Т. Болотову, Н. Я. Трегубов — ревнитель дворянских традиций, почитает свой род, старается поддержать преемственность его поколения. Обращаясь в записках, составленных в 1810— начале 1820-х годов, к детям, он вразумляет их: «Уважение к праотцам вашим есть долг священный, ибо потомки ваши также в вас будут почитать своих праотцев, почтения достойных, если не пренебрежете при воспитании внушить им оные»⁸.

Однако Н. Я. Трегубов шире смотрит на вещи, для него прошлое предков — не нечто самодовлеющее, замкнутое в себе, могущее вызвать интерес только их потомков в будущем, а частица общей истории государственной жизни, из чего естественно проистекает и гражданственное (как он себе его представлял) назначение собственной автобиографии, сосредоточенной в отличие от жизнеописаний минувшего столетия как раз на связи семейно-личного с государственным. Снова обращаясь к детям, он пишет: «В описании жизни моей за нужное почитаю коснуться умоначертания того века, в коем я жил, и тогда бывшего правления, ибо все сие для вас полезно знать, яко сынов того отечества, а при том и откуда род наш происходит и колико древность и знатность его требует от вас вящих сил быть ему полезным»⁹.

Сопряжение фамильно-генеалогических начал с «умоначертанием века», высокопозорженное наименование своих детей «сынами отечества», службой которому они призываются подтвердить знатность и былые заслуги рода, — безусловно, новые признаки дворянского мироощущения, знаменующие расширение горизонтов исторического самосознания личности. В мемуаристике конца

XVIII в. — в записках А. Т. Болотова и его современников — эти признаки еще не прослеживаются: нет сомнений в том, что они были вызваны к жизни и новой, наступившей после 1812 г. эпохой в истории общественного сознания.

При том понимании общего смысла мемуаротворчества, которое было характерно для второй половины XVIII в., на первое место выдвигались его личностно-интимные цели. Эти отличительные для русской мемуаристики черты были подмечены еще первыми ее историками. Так, П. П. Пекарский указывал, что мемуары той эпохи составлялись «единственно вследствие внутренней потребности оставить память о событиях почему-либо значительных и важных для писавшего»¹⁰. На сугубо «личное, домашнее употребление» всякого рода записок русских дворян XVIII в., писанных с ясно поставленной целью «удовлетворения духовных потребностей» их авторов, людей образованных, грамотных и уже не довольствовавшихся «одним служебным, обязательным расходом своих наблюдений», обращала внимание и Е. Щепкина¹¹.

Среди этих «духовных потребностей» в первую очередь надо назвать стремление мемуариста отдать самому себе отчет в проделанном жизненном пути, восстановить в своей памяти то, что было прожито за долгие годы. Эту установку очень четко сформулировал в начале своих записок Г. И. Добрынин: «Намерение мое состоит в том, чтоб писать сущую правду для собственного в настоящее и будущее время приведения на память прошедших моих лет и приключений». «Я пишу мою историю для собственного приведения на память прошедших лет моей жизни», — повторял он в другом месте¹².

Сам процесс закрепления на бумаге воспоминаний о детстве, юности и последующих этапах жизни, воскрешение в сознании ушедших в небытие дел, встреч, впечатлений обладало для мемуариста особой притягательной силой или, как писал А. Т. Болотов, «производит самому мне некоторое увеселение». Однако не только процесс, но и итог его, ибо, «прочитывание» в зрелом возрасте записок, где не пропущено «ни единого происшествия», случившегося в жизни, «причиняет и самим нам некоторое приятное удовольствие»¹³. И. М. Долгорукова побудил к составлению записок, как он сам признавался, совет отца, «чтобы я принял писать исторический журнал моей жизни», уверявшего, что со временем «самому мне приятно будет прочитывать такую рукопись»: И действительно, И. М. Долгоруков сильно проникся такой перспективой, и по мере углубления в свой мемуарный труд усматривал его назначение и в том, чтобы «приготовить себе под старость отраду жить еще воспоминаниями молодости моей» и тем «соединять с настоящим память о прошедшем»¹⁴.

Но при всем разнообразии оттенков в писании мемуаров «для себя» не меньшую роль играло и их семейное назначение, имевшее в виду детей, внуков, сестер, братьев, правнуков, с тем чтобы сохранить, как уже указывалось, память о роде у потомков, чтобы фамильные традиции не угасали в будущих поколениях. Часто за-

писки вообще писались непосредственно и исключительно для этого «домашнего», по выражению Е. Щепкиной, круга.

Так, еще автобиография Г. П. Чернышева (конец 1730-х — начало 1740-х годов) завершалась знаменательной фразой: «Сию книжку о описании моих лет и о службе отдать сыну моему Григорию Григорьевичу для памяти»¹⁵. Ясно, что свое жизнеописание он составлял именно для сына и других детей. В рецензии на записки М. В. Данилова, появившейся вскоре после их выхода в свет, было верно замечено, что он писал их «исключительно для родных своих»¹⁶. «В пользу» и «для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведения», предназначал свои записки и А. Т. Болотов¹⁷.

«Имея свободные часы с помощью Божиею, начинаю писать могущим быть ко мне потомкам, а наипаче моим родным детям», — свидетельствовал И. Ф. Лукин, приступая к своему жизнеописанию¹⁸. Сходным образом в самом начале XIX в. определял назначение своих записок уже не зашудалый и малообразованный помещик, а просвещенный аристократ, государственный деятель и дипломат А. Р. Воронцов: «Моя цель — сообщить моим ближайшим родственникам те факты, которые касаются лично меня. Мой племянник Михаил, может быть, найдет в них какие-нибудь сведения», могущие «оказаться полезными для него»¹⁹.

Причем эти установки на ближайших и отдаленных потомков открыто провозглашались мемуаристами в самих названиях их сочинений. Напомним приводившийся уже заголовок болотовских записок: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Или название воспоминаний сенатора, члена Московского опекунского совета А. М. Лунина (дяди декабриста М. С. Лунина), охватывавших период с 1745 по 1795 г.: «Записки своим обстоятельствам и примечаниям для себя и детей моих»²⁰.

Такой же тип заглавий сохранялся и в ряде мемуарных жизнеописаний первых десятилетий XIX в., авторы которых строили их по старому образцу и продолжали мыслить мемуарными категориями предшествующего столетия. Так, развернутое название автобиографии Л. А. Травина (1807—1808), по происхождению крепостного графов Ягужинских, затем отпущенного на волю, ставшего губернским чиновником и владельцем населенных имений, заканчивалось указанием на то, что она написана «для сведения и пользы собственно потомкам его».²¹ Вот еще некоторые образцы таких стереотипно-архаичных заглавий: «Описание жизни моей, детям моим...» (автор — упомянутый выше Н. Я. Трегубов; 1813—1823)²². «Жизнь Ильи Алексеевича Глухова. Илья Алексеевич Глухов для памяти родным и друзьям предлагает описание жизни своей» (вторая половина 1810-х годов)²³, «Записки о моих предках и о себе, на память детям, в 1816 г. сделанные» (Ф. П. Печерин)²⁴, «Описание жизни тайного советника, сенатора и кавалера Василия Хвостова; писаны в 1823 году самим им для детей своих»²⁵.

Некоторые жизнеописания вообще составлялись в виде писем к детям, обретая характер деловых документов внутрисемейного назначения. Именно так построены записки П. И. Рычкова, начинавшиеся обращением: «Любезные мои дети!»²⁶. Эпистолярным зачином, обращенным к сыну М. И. Долгорукову (отцу И. М. Долгорукова) и к его жене, открывались записки Н. Б. Долгорукой: «Как скоро вы от меня поехали, осталась я в уединении, пришло мне на память, что вы всегда меня прочили, чтобы по себе оставила на память журнал, что мне случилось в жизни моей достойно памяти, и каким средством я жизнь проводила. Хотя она очень бедственна, и до днесь, однако, во удовольствие ваше хочу вас тем утешить и желание ваше или любопытство исполнить, когда то будет Богу угодно и слабость моего здоровья допустит», и далее перемежала свое повествование обращениями к сыну, как бы ощущая в нем живого собеседника²⁷. В такой же последовательной форме писем к детям была выдержана автобиография И. Ф. Лукина, а в начале XIX в. — записки Н. Я. Трегубова и Ю. В. Долгорукова.

Эти пространные рассказы о жизненном пути родителей с советами и наставлениями детям по поводу того, как строить им свою жизнь, представляют собой вместе с тем и некоторый род духовных завещаний.

Очень интересны в данной связи записки И. И. Неплюева, составленные в целом, как уже отмечалось, в летописной, а отнюдь не в эпистолярной манере, но также включающие в себя духовное завещание. Писал их И. И. Неплюев — один из немногих доживших до 70-х годов XVIII в. сподвижников Петра I — уже в глубокой старости, успев довести свое повествование от конца XVII в. до осени 1773 г. — буквально до последних недель жизни (с помощью близких, писавших под его диктовку). Измученный болезнями, немощный, почти недвижимый и слепой, он с поразительной силой духа и бесстрашием перед лицом приближающейся кончины и в эти предсмертные дни продолжал фиксировать в записках свои переживания, мысли, намерения: «Начал я покойно готовить себя к смерти: оставалось только мне в таком моем состоянии желать обнять в последнее сына моего и на его руках испустить дух мой». Но, уразумев, что сын — обер-прокурор Синода, пожалованный этой должностью по случаю бракосочетания великого князя Павла Петровича, приехать не сможет, И. И. Неплюев диктует для сына длинное послание, в котором и прощается с ним, и дает отеческие наставления.

Состояние И. И. Неплюева в тот момент живо передано в воспоминаниях И. И. Голикова, служившего некогда под его началом в Оренбурге и присутствовавшего при последних днях петровского «ветерана»: «Сие письмо, как князь Андрей Иванович Мышецкий и Василий Васильевич Татищев писали, диктовал его превосходительство почти трое суток, — как по великой его слабости, так и потому, что он, сказывая оное, многократно плакал и уже иначе двух литер имени своего и фамилии приложить к оному не мог, как рукой его водил князь Андрей Иванович». В этом письме И. И. Неплюева среди прочего было сказано:

«Прежде нежели душа моя от тела разлучится, в должности нахожусь сказать тебе, Николай Иванович, в последнее: Сохраняй святую веру, вразумляй о той детей своих <...> сохраняй в совершенстве верность твою к ее величеству <...> Люби свое отечество, от коего весь род твой благодетельствован был и потомки будут, и в защищении того пользы не щади не только благосостояния, но и жизни», — и затем следует длинный ряд предсмертных распоряжений духовного и житейского характера, касавшихся родных, имущественных дел, обряда погребения и т. д.²⁸

Замечательно, что это письмо, запечатлевшее последнюю волю автора, по его же указанию включено в записки в качестве завершающего его текста, с тем чтобы вместе с ними оно и было передано в руки сыну. 29 октября 1773 г. пакет с записками и письмом был отправлен в Петербург, а 11 ноября И. И. Неплюев скончался.

Столь редкий в мемуаристике — и не только XVIII в. — случай совпадения завершения воспоминаний с концом жизненного пути автора убедительно свидетельствует о сугубо семейном, интимном назначении записок И. И. Неплюева в целом.

Наставительно-дидактический тон характерен, надо сказать, и для других мемуаров второй половины XVIII в.

В неопубликованной части своего «Опыта русской историографии», посвященной мемуарным источникам, В. С. Иконников справедливо указывал на то, что «в старину» (т. е. в XVIII в. прежде всего) мемуары писались «себе на память или в наставление ближайшему потомству»²⁹. И в самом деле, адресуя детям и внукам свои записки, мемуаристы XVIII в. преследовали и некие воспитательно-прикладные цели, стараясь извлечь из опыта собственной биографии, из перипетий своей душевной жизни определенные уроки, могущие послужить продолжателям рода своеобразным кодексом нравственных норм и правил житейского поведения. Это было вполне в духе укоренившихся в общественном сознании дидактических принципов классицизма и просветительской этики с их проповедью высокого гражданственно-воспитательного назначения любого литературно-исторического произведения, призванного способствовать исправлению пороков и моральному совершенствованию личности.

Главную цель своих записок И. М. Долгоруков усматривал в том, чтобы «быть полезным и детям моим, не скрою от них моих ошибок. Они увидят всего меня в наготе совершенной, без лукавства и без тайны <...>, что обратит «собственные опыты мои к их нравственному воспитанию и к отвращению их от зол житейских», «дабы они подражали хорошим моим поступкам и убежали дурных», а «когда со временем будут воспитывать детей своих, умели в поступках их различать порочное с умыслом от шалости» и т. д.³⁰

Такие же далеко простирающиеся семейно-педагогические намерения связывал со своим жизнеописанием сибирский офицер И. Г. Андреев. Он приступил к нему, как свидетельствовал сам, «единственно для того, что все сделанные мною пороки в молодых моих летах и со времени обращения моего в добрых делах изъяс-

няя, дать пример потомкам моим, от коих должно будет им выдержаться и что впредь предпринимать»³¹. И И. Ф. Лукин адресует потомкам свои записки, с тем чтобы они знали, «каким поведением и богоугодным житием жизнь в сей временной жизни проводить», надеясь «преподать чрез сие (т. е. свое жизнеописание.— А. Т.) любезным моим детям совет или наставление от сущей любви моей к ним: каким образом удобнее в мире живущему человеку вести себя должно», подкрепляя все это подробнейшим сводом практических рекомендаций³².

С нравоучительной целью — в «назидание потомству» — писал записки и А. Т. Болотов. По мере подготовки на основе чернового дневника отдельных частей своей «Жизни» он давал читать их детям, но при этом некоторые чересчур откровенные описания темных сторон быта, неблагоприятные, по его мнению, в воспитательном смысле, намеренно не переносил из дневника в беловой текст воспоминаний или всячески их смягчал и приукрашивал³³.

Таким образом, мемуары, будучи сокровенным делом автора, важным для него самого, для детей, наследников, потомков, циркулируя изредка в узком семейном кругу как предмет поучительного чтения, были как бы отринуты от окружающего мира. В своей «Повести» И. М. Долгоруков подчеркивал, что принял «намерение писать сию большую книгу более для детей моих, нежели для всякого»³⁴, — и эта вскользь брошенная оговорка очень характерна. Как точно заметил П. П. Пекарский, записки XVIII в. писались «не из притязаний на известность и не из других расчетов мира сего»³⁵.

Сами мемуаристы — люди весьма различного общественного положения и образовательного ценза, в разное время и в разных местах, словно сговорившись, в одних и тех же выражениях пишут о том, что далеки от каких-либо притязаний на славу и авторское честолюбие. «Я не тщеславясь сие пишу», — начинает свои записки П. И. Рычков³⁶. «Я положил собрать и написать фамилию Даниловых не для тщеславия моего», — вторит ему М. В. Данилов³⁷. «Не тщеславие и не иные какие-либо намерения побудили меня написать сию историю моей жизни», — заверяет А. Т. Болотов³⁸.

Мысль же о том, что их воспоминания могут иметь широкую современную аудиторию, что они станут достоянием «всякого», не укладывалась в житейские представления мемуаристов XVIII в. «Большинству их, наверное, ни на минуту в голову не приходило, что их произведения станут потом известны тысячам чужих им лиц», — писал Н. Д. Чечулин, — противопоставляя далее им «теперешних (т. е. живших в XIX в.— А. Т.) мемуаристов», которые «твердо знают, что рано или поздно записки их будут напечатаны»³⁹.

В 1787 г. в «Предуведомлении» к «Истинному повествованию» Г. И. Добрынин счел нужным оговорить, что вовсе не собирается писать его «на тот конец, чтобы другие читали»⁴⁰. И. М. Долгоруков видит достоинство своей «Повести» «не в красном разглагольствовании с читателем»⁴¹. А. Т. Болотов убежден в том, что в его жизни «нет никаких <...> достопамятных и важных происшествиев,

которые бы достойно были переданы быть свету», и потому составляет свое жизнеописание совсем «не в том намерении, чтобы издать в свет посредством печати»⁴². «Заметки о моей жизни» «и не годятся и не пишутся для того, чтоб их когда-нибудь печатать для всеобщего сведения», — твердо заявляет А. Р. Воронцов⁴³.

Еще выразительнее в этом отношении высказывался на счет своих мемуарных намерений Г. С. Винский — много претерпевший на своем веку чиновник из мелкопоместных украинских дворян, замешанный в конце 1770-х годов в дело армейских офицеров о подделке документов и похищении казенных денег. После заключения в Петропавловскую крепость, лишения чинов и дворянства он был сослан в Оренбургскую губернию. Здесь, на Урале, а также в Астрахани, куда часто наезжал, Винский и провел оставшуюся жизнь, служа домашним учителем в семьях провинциальных чиновников, занимаясь переводами французской просветительской литературы и составлением своих автобиографических записок, озаглавленных просто и значительно: «Мое время»⁴⁴.

Впервые печатно о них сообщил в «Хронике русского» в 1845 г. в «Москвитянине» А. И. Тургенев, добывший рукопись записок (возможно, авторизованную) в самом начале 1820-х годов (видимо, еще при жизни Винского) у своего родственника Александра Михайловича Тургенева, с которым тот по пребыванию в Астрахани в первые годы XIX в. был хорошо знаком⁴⁵. А. И. Тургенев давал ее читать друзьям, в том числе и К. Я. Булгакову⁴⁶.

Рукопись эта на бумаге с водяным знаком «1819» и с пометой о принадлежности ее А. М. Тургеневу хранится ныне в тургеневском архиве⁴⁷. После смерти А. И. Тургенева она перешла к его брату, бывшему декабристу Н. И. Тургеневу, о чем свидетельствует надпись перед текстом записок: «Рассказ Малороссийского Дворянина Григория Степановича Винского. Подарен Николаю Ивановичу Тургеневу 1858 года мая 29/17. Париж».

Ценнейший по обширности и остроте социально-бытовых наблюдений над жизнью России и Малороссии второй половины XVIII в. источник, записки Винского заключают в себе нелюбимые суждения о тягостном положении крепостных, системе дворянского воспитания, правительственной политике в польском вопросе, в области секуляризации монастырских владений и вообще обличительную критику екатерининского правления с резкими выпадами в адрес самой императрицы, ее лицемерия, честолюбия, сомнительных прав на русский престол и т. д. «Винский, подобно Радищеву, изображает пороки великой государыни и темные стороны ее достославного царствования», — отмечал впоследствии П. И. Бартенев, полагая, что его записки «принадлежат, бесспорно, к замечательным памятникам русского бытописания»⁴⁸. Высоко ценил записки Винского и А. И. Тургенев. «Несмотря на отсутствие важных происшествий, повесть его привлекательна какой-то искренностью и подробностями семейной и провинциальной жизни: мертвые души снова ожили бы в сей существенности! Для Гоголя эта рукопись была бы кладом.... Мы должны дорожить этою верною картиною старого быта русского: кто иной передаст нам его, особливо в

низшем или среднем слое общества, в коем жил, гнил и погибал Винский»⁴⁹.

По списку, полученному П. И. Бартевым от А. Н. Афанасьева, «Мое время» было опубликовано в 1877 г. в «Русском архиве», но далеко не в полном виде, — наиболее острые места были изъяты цензурой, посчитавшей записки оскорблением памяти императрицы⁵⁰. В усеченном виде переизданы они были и П. Е. Щеголевым в 1914 г.⁵¹ Таким образом, публикация полного аутентичного текста записок Г. С. Винского по авторитетным рукописным источникам — еще дело будущего.

Хронологически записки относятся к середине 1810-х годов, но по воззрениям автора, родившегося еще в 1752 г., по обращенности воспоминаний всецело в минувшее столетие, по манере повествования, выдержанной в типичных для него литературных традициях, «Мое время» несет на себе отпечаток и мемуаристики XVIII в.; свидетельством тому служит само его начало: «Я хочу писать мою жизнь и какие мне памятны важнейшие, случившиеся в оной происшествия. Да и не подумает кто-либо, что сим маловажным занятием я хочу втиснуться в лик творцов сочинений? Нет, нет! Я знаю, какие потребны дарования, сведения, знания, учение, витийство писателям, посвятившим себя или пожалованным препровождать до позднейшего потомства громкие подвиги витязей, славу владык, бедствия народов. Я намереваюсь писать о себе, для себя, для моих»⁵².

Конечно, на эти установки могла повлиять известным образом острота социального содержания записок, несовместимая в тех условиях с приданием их гласности. Но независимо от того в этих исполненных иронического самоуничижения декларациях сказалось и органически свойственное социально-психологическому складу человека XVIII в., принимающемуся за свое жизнеописание, само нежелание «втиснуться в лик творцов», уподоблять его «сочинениям» именитых «писателей», призванных передать «громкие подвиги витязей» и «бедствия народов» широкому кругу читателей будущего, ибо писать «о себе» значило, по убеждению Г. С. Винского, не что иное, как писать «для себя». Этот строй представлений хорошо определил А. Н. Пыпин в точной формуле: мемуары XVIII в. писаны «про себя, и только для потомства», где под последним подразумевались лишь отдаленные потомки самого автора⁵³.

Мемуаристика в рукописной традиции XVIII в.

Неудивительно, что при таких «целеполагающих» предпосылках мемуаротворчества XVIII в. почти не знает открытого и публичного распространения мемуарных произведений и прежде всего их рукописного бытования. Известны, правда, отдельные случаи распространения в списках ранних мемуарно-исторических сочинений XVIII в., отобразивших бурную эпоху стрелецких бунтов и борьбы Петра за престол, например записок А. А. Матвеева, но

они еще во многом принадлежали к рукописно-книжной традиции XVII — начала XVIII в.⁵⁴

Должны быть отмечены и списки XVIII в. мемуаров К. Манштейна, распространение которых тогда было вызвано, однако, совершенно особыми обстоятельствами появления их в свет — оно имело своим источником не рукописные оригиналы, которые были бы пущены в оборот автором или его близкими, а, как это ни парадоксально, — само печатное издание.

Выходец из старого богемского рода, К. Манштейн воспитывался в Нарвском училище, с 1736 г. состоял на русской военной службе как старший адъютант фельдмаршала Б. Миниха и командующий полком, но с воцарением Елизаветы Петровны попал в немилость, переехал в Пруссию, заняв видные посты в армии Фридриха II, за отказ вернуться в Россию заочно был приговорен к повешению, подозревался даже окружением Елизаветы в тайных кознях по освобождению заточенного в крепость Иоанна Антоновича и в 1757 г. погиб в Семилетней войне. За несколько лет до смерти он написал мемуары о пребывании в России. По характеристике М. И. Семевского, они «составляют один из драгоценнейших источников для истории нашего отечества»⁵⁵. Резкими чертами высветлялись в них мало кому известные в XVIII в. секретные обстоятельства правительственной политики и дворцовых переворотов в эпоху Петра II, Анны Иоановны, регентства Бирона.

Опубликованные в начале 70-х годов XVIII в. не менее 6 раз на французском, немецком, английском языках, записки К. Манштейна получили широкий резонанс в Европе, привлекли даже внимание Вольтера, оказавшегося прикосновенным к одному из их изданий, и вызвали оживленный интерес в самой России, где, по понятным причинам, не могли быть напечатаны, отчего и стали в русском переводе расходиться списками. По свидетельству историка П. Н. Петрова, в середине прошлого века в русских собраниях встречалось немало списков записок К. Манштейна, датированных 1770—1790-ми годами⁵⁶. Такой список был приобретен и А. С. Пушкиным. Он был обнаружен в 1880 г. в Томске при разборе библиотеки барона Г. А. Строганова, возглавлявшего опеку над детьми и имуществом поэта после его смерти. Любопытно, что этот список был найден вместе с пушкинским экземпляром «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева⁵⁷. Даже из неполных данных о дошедших доныне списках записок К. Манштейна (вместе с пушкинским их сохранилось не менее 12) видно, что в последней трети XVIII — начале XIX в. они расходились во многих экземплярах⁵⁸.

Сохранились свидетельства о хождении в списках XVIII в. и записок Э. Миниха — сына знаменитого фельдмаршала, сосланного в результате опалы отца в 1741 г. в Вологду и освобожденного только после смерти Елизаветы Петровны, в 1762 г. Там, в заточении, в 1858 г. он и составил «Записки о частной и публичной жизни своей», предназначенные детям и близким. Сам важное государственное лицо, обер-гофмейстер при дворе Анны Иоановны и дипломат, Э. Миних рассказал в них о военном поприще отца и приотк-

рыл завесу над закулисной, «дворцовой» подоплекой правительственной политики 1730-х — начала 1740-х годов. По исключительному значению содержащихся в них сведений записки Э. Миниха не могли, естественно, не заинтересовать современников, в последние десятилетия XVIII в. плохо осведомленных в тайной политической истории предшествующих царствований. Во всяком случае Н. И. Греч в 1817 г. сообщал, что «рукописные копии с оных находились в руках частных людей»⁵⁹. О том, что «списки с них долгое время ходили по рукам», писал позднее и знаток русской мемуарной литературы XVIII в. А. Старчевский⁶⁰. Однако дошедшие до нас данные об их бытовании весьма скудны. Один из авторитетных списков находился, в частности, у просвещенных вельмож А. Р. и С. Р. Воронцовых (лично тесно связанных с Э. Минихом в последний период его жизни) и затем перешел к сыну последнего — М. С. Воронцову⁶¹. Очевидно, распространялись они в заметно меньшем числе, нежели записки К. Манштейна.

Случаи же рукописного распространения в XVIII в. собственно русских мемуаров крайне редки. Один из них — записки Я. П. Шаховского.

В настоящее время известно не менее шести их списков, из которых три датируются началом XIX в. и три — из коллекций Воронцовых (2) и Ф. А. Толстого — XVIII в. Последний из них был описан еще в 1855 г. П. П. Пекарским⁶². В 1872 г. М. И. Семевский опубликовал записки по старинному списку, озаглавленному: «Деяния князя Я. П. Шаховского» и изготовленному, как он отметил, «почерком второй половины прошлого столетия». Он же указал на наличие списков у П. А. Ефремова, Н. П. Дурова и «некоторых других»⁶³.

К XVIII в. принадлежали, несомненно, списки, положенные в основу публикации отрывков из записок Я. П. Шаховского в «Вестнике Европы» в 1808 г. и полного их текста в изложении сына А. Н. Радищева — Николая Радищева; оба они имели одинаковое название: «Жизнь князя Шаховского» и восходили, очевидно, к одному протографу⁶⁴. Наконец, XVIII в. следует скорее всего датировать и список, по которому мемуары Я. П. Шаховского были напечатаны отдельным изданием в 1810 г.⁶⁵

Можно, таким образом, считать бесспорным факт существования по меньшей мере двенадцати их списков, относящихся главным образом к XVIII в., — реально они расходились в гораздо большем числе. Да и сведения, которыми мы располагаем на этот счет, далеко не исчерпывающие, — дополнительные разыскания могли бы их заметно умножить. Но уже и сейчас ясно, что записки Я. П. Шаховского благодаря интенсивному распространению в списках обрели немалую известность в конце XVIII — начале XIX в. — до того, как появились в печати. Еще в 1830-х годах А. Ф. Воейков хорошо помнил, как по рукам «ходили записки Якова Петровича Шаховского»⁶⁶.

Сам этот прецедент, совершенно необычный для русской мемуаристики XVIII в., явился, видимо, следствием целенаправленных усилий по распространению записок, предпринятых, надо полагать,

не без участия автора. Предположение это подкрепляется текстом записок с их ясно выраженной ориентацией на определенный круг «благосклонных читателей», с обращения к которым автор начинает свое повествование и, неоднократно прерывая его ход, адресуется к ним и далее.

В предисловии Я. П. Шаховской прямо указал на то, что после 46-летней беспорочной службы, получив от Екатерины II увольнение в отставку, «по просьбе моих друзей, благородные мысли, здравые рассуждения и патриотический дух имеющих», решил сочинить «сие краткое описание» с тем, чтобы, «добродетельствуя моему отечеству, не годится ли что благосклонным сего читателям». Усвоив высокое понятие о гражданском долге и рационалистические принципы воспитания, Я. П. Шаховской видит в принятом им жизнеописании прямое продолжение своего общественного служения, осуществление своей патриотической миссии, надеясь, что его государственный и человеческий опыт может быть поучительным для соотечественников и в первую очередь для тех, кто «по таким же дорогам, как и я, проходит и истинными патриотами отечества быть тщаясь <...>, чтоб в будущее время произвесть участвовали»⁶⁷.

Кто же подразумевается здесь, кому предстоит идти теми же «дорогами», какими шел и Я. П. Шаховской, кто должен следовать его высокому жизненному образцу? Ясно, что речь идет о выходцах из дворянских семей, которых ожидает военное и штатское поприще, о будущих офицерах, чиновниках, администраторах, государственных деятелях Российской империи. Этому достаточно узкому сословно-корпоративному слою и предназначал Я. П. Шаховской, вероятнее всего «по просьбе друзей», свое мемуарное повествование, именно в этой среде оно и распространялось в списках.

Нравоучительно-дидактические цели сближают его с другими жизнеописаниями последней трети XVIII в., но стремление довести рассказ о своей жизни до сведения более широкого читательского круга включает в себе уже некоторые зачатки иного понимания задач мемуаротворчества, которые разовьются, как увидим далее, спустя несколько десятилетий.

Есть основания думать, что в списках расходилось в конце XVIII в. еще одно мемуарное произведение — «Чистосердечное признание» Д. И. Фонвизина. Написанное в тяжелой для него политической обстановке начала 1790-х годов с определенной оправдательной тенденцией и также апеллировавшее к «благомыслящим читателям», оно, по замыслу автора, непременно должно было быть предано в той или иной форме гласности⁶⁸. Однако «Чистосердечное признание» увидело свет много позднее, уже после смерти Д. И. Фонвизина.

В этой связи привлекает внимание «письмо» некоего неизвестного (а фактически вымышленного) «корреспондента» из Орла в сентябрьской книжке «Зрителя» за 1792 г. — журнале, издававшемся И. А. Крыловым совместно с литератором А. И. Клушиным. В тоне саркастического упрека издателем, придающим слишком большое значение «разуму», «корреспондент» писал: «Между тем я

боюсь, чтоб и вы не были подвержены такому же раскаянию, како-во и г. Ф. в рукописных его покаяниях, где с крайним смирением сердца и сожалением признается, что во всю жизнь был чересчур умен и Боже нас избавь от такого покаяния <...>⁶⁹. Эта весьма прозрачная реминисценция из «Чистосердечного признания» косвенно свидетельствует о попытках автора пустить его в обращение, о хождении списков фонвизинской исповеди (в полном виде или в отрывках) в литературно-журналистских кругах Петербурга еще при жизни сатирика — Д. И. Фонвизин умер 1 декабря 1792 г. Кроме того, распространились, видимо, в списках записки И. И. Неплюева. В вышедшем в канун 1825 г. историческом альманахе «Русская старина» один из его издателей — литератор, историк и в недалеком будущем декабрист А. О. Корнилович, много занимавшийся разысканиями по XVIII в., в своем очерке «О частной жизни императора Петра» процитировал небольшой отрывок из этих записок и в примечании сослался на «Журнал Ив. Ив. Неплюева (в рукописи)»⁷⁰. Скорее всего, речь шла не об оригинале неплюевского «журнала», а об одном из его списков, имевших хождение, наверное, еще в исходе XVIII в. Сохранилось отрывочное свидетельство о существовании списков и мемуаров Н. Б. Долгорукой. В 1830-х годах литератор и журналист А. Ф. Воейков — собиратель исторических преданий о прошедшем столетии — вспоминал, как в старину они «ходили» по рукам⁷¹.

Разобранными случаями бытования в списках жизнеописаний XVIII в. исчерпывается все то, что мы знаем о рукописном распространении в этом столетии русских мемуаров. Еще раз подчеркнем, что подавляющее их большинство, если и обращалось в рукописях, то только во внутрисемейной сфере — преимущественно в виде авторских оригиналов и копий. Именно такие оригиналы и копии, а также издательские копии встречаются (в небольшом, правда, числе) в наших архивохранилищах. Возможно, отдельные воспоминания и дневники читались и в несколько большей читательской среде родных, друзей, соседей, но конкретными данными на этот счет мы почти не располагаем. Словом, в XVIII в. не существовало сколько-нибудь устоявшейся практики специального изготовления списков мемуарных сочинений, которые давались бы для чтения разного рода лицам *вне* семьи и служили бы основой для последующего изготовления новых списков.

И это тем более бросается в глаза, что XVIII в. — эпоха развитой рукописной традиции, игравшей в культурном обиходе самостоятельную роль. Несмотря на успехи, начиная с петровского времени книгопечатания, оно вовсе не вытеснило старую рукописную словесность. На всем протяжении XVIII в. продолжает сохранять свое значение переписывание и хождение в списках самых разных произведений и не только памятников древнерусской письменности, о чем уже было сказано ранее, но и светских сочинений, возникших в XVIII в. Заметное распространение в рукописях получили и романы, повести, «гистории», при этом расходились в списках и уже появившиеся в печати литературно-беллетристические сочинения, а репертуар рукописной и печатной «словесности» был

примерно одинаковым. «Литературное произведение распространялось в списках с не меньшей легкостью, чем в печатных отти-сках»⁷². Вплоть до конца века большой популярностью в читательской среде, особенно в «низовых», полубразованных слоях, пользовались списки всякого рода исторических повествований о петровской эпохе, например русского перевода книги А. Катифоро «Житие Петра Великого <...>», «Журналов» его путешествий и т. д.⁷³ Необычайно широкое распространение в рукописных сборниках самого разного состава получили историко-биографические сочинения о Петре I П. Н. Крекшина — до нашего времени сохранилось несколько сот их списков (в печати эти сочинения появились только в 80-х годах XVIII в.)⁷⁴.

Бытование рукописной «словесности» объяснялось, понятно, сравнительно ограниченными возможностями типографского дела, редкостью и малотиражностью книжных и журнальных изданий, особенно в первой половине века, но в очень большой мере — и культурно-психологической устойчивостью самой традиции распространения и чтения произведений письменности или, по выражению П. П. Пекарского, «привычки к старинному обычаю сохранять и собирать в рукописях разные статьи»⁷⁵. «При Петре и после, — писал по этому поводу А. Н. Пыпин, — литература продолжает жить по-старинному, в рукописях: печать долго еще остается делом непривычным»⁷⁶. Мемуаристика же, как видим, этой традицией почти не была затронута.

Были ли мемуары XVIII в. «книгами?»

Еще меньше коснулось мемуаристики само книгопечатание. Как следует из материалов фундаментального каталога русских книг XVIII в., в 1725—1800 гг. вышло в свет более 9 тыс. всякого рода изданий гражданской печати⁷⁷. С наибольшей интенсивностью, с поражающим современников размахом она развивается с 60-х годов XVIII в. — именно с того времени, когда начинается и подъем мемуаристики. Так, в 1725—1761 гг. появилось всего 593 отдельно выпущенные книги на разные темы и в разных областях знания, а в 1762—1800 гг. — более 8300 наименований⁷⁸. Если в первой половине века преобладали издания официального и прикладного характера, то теперь широко печатается многообразная по содержанию и новизне жанров общественно-политическая, научная, историческая, критико-публицистическая литература. Набирает силу журналистика — в тот же период было основано 110 новых периодических изданий⁷⁹. С 80-х годов в столицах, провинции и даже в помещичьих усадьбах возникают частные типографии. Особенно в большом числе выходят отдельными изданиями литературно-беллетристические произведения — в 1762—1880-х годах отмечено более 3400 их наименований (в первой половине XVIII в. — всего около 150)⁸⁰.

Мемуары же в этой бурно растущей книжной и журнальной продукции второй половины XVIII в., когда внешние условия для проникновения их в печать были благоприятными, еле заметны —

они насчитываются буквально единицами. В библиографическом справочнике по русской мемуаристике⁸¹ отмечено всего пять произведений мемуарного характера, изданных в это столетие (I, № 4, 5, 9, 78; II, № 23). Примерно столько же мемуарных публикаций значится и в указанном выше каталоге русских книг XVIII в.

Всего нами учтено 11 воспоминаний и дневников, появившихся в русской печати XVIII в. С точки зрения характера связи публикаций мемуарных произведений с их изначальными функциями, с авторской целевой установкой первостепенное значение имеет вопрос о том, были ли это посмертные, независимые от воли автора публикации, или — прижизненные. Об авторе и обстоятельствах появления в печати одного из этих произведений — записках о пребывании русского флота в Средиземноморье в 1769—1770 гг. (I, № 37) нам ничего не известно, поскольку они были опубликованы два года спустя в «Старине и новизне» В. Рубана анонимно.

Из остальных десяти произведений посмертно напечатано четыре — записки И. А. Желябужского, А. А. Матвеева, И. И. Неплюева и «Чистосердечное признание» Д. И. Фонвизина.

Записки первых двух авторов, посвященные стрельцким бунтам и начальному периоду царствования Петра I — животрепещущей для исторической мысли XVIII в. теме, — были напечатаны в 1787 г., спустя около 70 лет после их создания, в известном сборнике исторических материалов Ф. О. Туманского⁸².

Записки И. И. Неплюева опубликованы историком петровской эпохи И. И. Голиковым, который был близок к автору, находился при нем в последнюю пору его жизни и участвовал, очевидно, в оформлении текста записок. Располагая их рукописью (кстати, вполне полной, нежели напечатанная в 1871 г. в «Русском архиве»), он и обнаружил извлечения из нее, касающиеся только Петра I, вместе с записью устных рассказов о нем И. И. Неплюева в «Дополнениях» к своему знаменитому труду о петровском времени⁸³.

Несколько иначе складывалась издательская судьба «Чистосердечного признания». Если публикации записок И. А. Желябужского, А. А. Матвеева, И. И. Неплюева не имели никакого отношения к их авторской воле, то Д. И. Фонвизин, как отмечалось выше, был сильно заинтересован в том, чтобы его исповедь стала достоянием гласности, но при его жизни дальше распространения исповеди в списках дело не пошло, и впервые в отрывках она увидела свет в самом конце века. Видимо, по рукописи, переданной наследниками покойного писателя, как бы выполнявшими его предсмертное желание, «Чистосердечное признание» было напечатано в 1798 г. в «Санкт-Петербургском журнале». Журнал этот, издававшийся двумя просветительски настроенными офицерами — И. П. Пниним (известным в недалеком будущем последователем Радищева) и А. Ф. Бестужевым (отцом участников движения декабристов братьев А., Н., М. и П. Бестужевых), не только пользовался покровительством и материальной поддержкой великого князя Александра Павловича, но являлся по сути дела негласным органом конспиративного антипавловского кружка (в его состав наряду с великим князем входили «молодые друзья» — через несколько

лет члены «Негласного комитета»), вынашивавшего планы конституционного преобразования России⁸⁴.

Публикация неизданных произведений знаменитого сатирика, подвергнувшегося в недавние годы цензурным преследованиям, была, видимо, исполнена для издателей журнала особого смысла, причем самую активную роль в продвижении фонвизинского жизнеописания в печать играл А. Ф. Бестужев⁸⁵. Текст отрывков из «Чистосердечного признания» сопровождался вступительной заметкой, в которой, в частности, говорилось: «Кому из соотечественников наших неизвестны сочинения г. Фон Визина, сего знаменитого писателя? Писателя, которому по сие время не было еще у нас достойных подражателей и не знаю, будет ли когда-нибудь другой Фон Визин <...> Нижеследующее «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» <...> есть последний Фон Визина труд <...> Читатель не без удовольствия между прочим узнает жизнь и характер сочинителя, столь удивительного точностию и признанием, им свету обнаруживаемым»⁸⁶. Таким образом, появилось оно в журнале не просто как мемуары, а только в силу острого общественного звучания автобиографии опального писателя. Иными словами, обнаружение его в тех условиях имело оппозиционный, полемический характер⁸⁷.

Теперь посмотрим, что представляют собой те шесть мемуарных произведений, которые были опубликованы в XVIII в. при жизни авторов.

Два из них вышли из-под пера знаменитого церковно-политического деятеля петровского времени Феофана Прокоповича. Это — «Краткая повесть о смерти Петра Великого» с описанием болезни, последних дней и похорон императора, вышедшая двумя изданиями в 1725 и 1726 гг.⁸⁸ и «История» о воцарении (после кончины Петра II в результате острой придворной борьбы) императрицы Анны Иоановны⁸⁹, сторонником которой, как известно, был Ф. Прокопович. Оба произведения, заключая в себе мемуарный рассказ очевидца о бурных политических событиях эпохи, имеют вместе с тем публицистический (а «История» о воцарении Анны Иоановны — и явно памфлетный) характер. В них ярко выразился талант Ф. Прокоповича — оратора и проповедника, пафос панегириста Петра и страстного обличителя вельможной аристократии, притязаний «верховников» на ограничение самодержавия⁹⁰.

Не столько публицистическим, сколько художественно-философским произведением было написанное А. Н. Радищевым «Жизнь Ф. В. Ушакова» — воспоминания с исповедально-житийной окраской о близком друге автора и совместном пребывании в 1766—1771 г. в Лейпцигском университете. Опубликовал его А. Н. Радищев анонимно в 1789 г., в пору оживления своей литературно-общественной деятельности и завершения работы над «Путешествием из Петербурга в Москву»⁹¹.

Год спустя в Москве типографией А. Решетникова было издано (кстати, тоже анонимно) еще одно выдержанное в литературных традициях эпохи мемуарное произведение — «Похождение некоторого Россиянина» П. З. Хомякова. Мы уже отмечали, что по своей

повествовательной манере оно тяготело к разряду сентименталистских романов — «путешествий» и начиналось с типичного в этом отношении обращения к публике: «Всем читателям вообще и особливо любителям долговременных путешествий книга сия приносится от Россиянина, в путешествиях находящегося»⁹².

Вскоре после выхода в свет «Похождение» затерялось среди множества других подобных ему сочинений и на целое столетие оказалось преданным забвению. Только в 1901 г. М. П. Петровский, впервые в научной литературе обративший внимание на это произведение, атрибутировал его и обосновал документально-биографическую в целом природу⁹³. При этом М. П. Петровский считал, что П. З. Хомяков «первый из пишущих на Руси людей при жизни своей сделал ее достоянием публики» и его мемуары составляют в этом смысле единственное исключение в русской мемуаристике XVIII в. Соображение верное, но с известными поправками. Случай этот был хотя и редкий, но не совсем единственный и подтверждение того — попытка Д. И. Фонвизина довести до читательской публики свое жизнеописание-исповедь. К тому же сама публикация мемуаров П. З. Хомякова — и это следует подчеркнуть особо — стала возможной только благодаря тому, что они были произведением литературным, имитирующим форму модного в ту эпоху романа. Не случайно, именно в таком — а не мемуарном — его качестве оно воспринималось современниками и в историко-литературных трудах XX в., даже после того, как М. П. Петровский доказал мемуарное происхождение книги П. З. Хомякова⁹⁴.

К этой же литературной традиции «путешествий» примыкают в известной мере еще два прижизненно опубликованных мемуарных сочинения: вышедший в 1786 г. «Журнал» заграничного путешественника в 1771—1773 гг. уральского промышленника Н. А. Демидова (единственно известная нам публикация в XVIII в. произведения чисто дневникового типа — II, № 23) и воспоминания на основе подневных заметок о пребывании в турецком плену в 1768—1773 гг. старого русского дипломата П. А. Левашова, дважды изданные в 1790 г. (I, № 78)⁹⁵.

При всей разнородности разобранных выше мемуарных произведений, опубликованных в XVIII в. прижизненно, они отмечены одним общим свойством — наличием наряду с мемуарной еще неких культурно-общественных функций (публицистических, литературно-эстетических, просветительских и т. д.), ради реализации которых эти произведения и появлялись в печати. Но среди них нет ни одного собственно мемуарного, монистичного в функциональном отношении сочинения, написанного с последовательно выраженной личностно-памятной установкой, без «примеси» каких-либо иных функций — будь то автобиографическое повествование или мемуары «внешнесобытийного» характера. Тем самым убедительно подтверждается высказанное С. С. Дмитриевым положение о том, что «печатание воспоминаний при жизни их составителя, тем более публикация их им самим <...> не имело места в традициях русской культуры XVIII в.»⁹⁶. На это, кстати, обращал внимание еще в 1901 г. М. П. Петровский: «В числе мемуаров, напи-

санных и изданных русскими людьми» в XVIII в., мы не встречаем напечатанных при жизни авторов. Все дошедшие до нас мемуары или не предназначались к печати, или — предназначенные — выходили в свет по смерти их составителей⁹⁷. Дело, однако, в том, что если мемуары XVIII в. и выходили позднее в свет, то вовсе не потому, что изначально предназначались авторами к публикации.

Бросая общий взгляд на опубликованные в XVIII в. мемуары — как посмертно, так и прижизненно, — хотелось бы обратить внимание еще на два момента. Во-первых, если не считать пропагандистско-идеологических по своему назначению произведений Ф. Прокоповича 1720—1730-х годов, все остальные относятся к 1786—1798 гг., т. е. к самому концу XVIII в. Во-вторых, по верному замечанию того же М. П. Петровского, когда они и «появлялись в печати, то проходили незамеченными»⁹⁸. В пределах XVIII в. нам не известно ни одного публичного отклика на увидевшие тогда свет сочинения мемуарного характера — ни в журнальной полемике, ни в специальных рецензиях, ни хотя бы в виде случайных упоминаний в печати. Отклики, если и были, то оставались втуне, в частных архивах, в рукописях.

* * *

Несвойственность мемуаристам XVIII в. ориентации на публичное распространение своих произведений не могло не обратить на себя внимание историков. П. П. Пекарский, впервые указавший на преобладание в мемуарах XVIII в. внутрисемейных целей, дальше этой констатации не пошел⁹⁹. Почти полвека спустя М. П. Петровский, говоря об отсутствии в мемуаротворчестве XVIII в. установки на печать, писал: «Мемуары той поры не могли сделаться достоянием обширной публики по разным причинам, даже и «по причинам независящим» от авторов и их потомков, владевших рукописями своих предков»¹⁰⁰. В этом заключался явный намек на некие политически неблагоприятные для публикации мемуаров обстоятельства. А. Н. Пыпин указал на них уже совершенно прямо, усмотрев причины отсутствия практики печатания мемуаров в политическом гнете абсолютизма, в неразвитости общественной жизни, в «неустройстве внутреннего быта» XVIII в., когда, если употребить выражение П. П. Пекарского, «о гласности не было и помину»¹⁰¹. Именно потому, считал А. Н. Пыпин, подразумевая «мемуары людей екатерининской эпохи», «мыслящий человек» и «должен был молчать или записать свои мысли *для себя*»¹⁰². По мнению Е. Щепкиной, существование всякого рода памятных записок в рукописном виде было той отдушиной, которой «восполнялось отсутствие широко развитой журналистики», «книг <...>, современных газетных отчетов и рецензий»¹⁰³, — т. е. отсутствие прессы, как выразительницы общественного мнения.

В этих объяснениях много верного, особенно если применить их к первой половине XVIII в., но они уже не вполне достаточны для екатерининской эпохи, когда и условия общественной жизни стали существенно иными и журналистика возросла уже достаточно

сильно. Но дело даже не только в этом. Ученые XIX и начала нынешнего столетия акцентировали внимание на причинах внешних относительно самого мемуаротворчества. Теперь, в конце XX в., мы яснее различаем причины более глубинного свойства, лежащие в сфере духовной жизни XVIII в., в нравственно-психологическом складе и умственных устремлений людей того времени, в специфике их исторического мышления. В этой связи уместно снова обратиться к важной мысли С. С. Дмитриева о том, что печатание воспоминаний при жизни и участии самих мемуаристов «не имело места в традициях русской культуры XVIII в.»¹⁰⁴.

В самом деле, общественно-современное назначение мемуаров представлялось неприемлемым прежде всего с точки зрения принятой тогда системы культурных ценностей, будучи глубоко чуждым нормам этики и литературного поведения XVIII в.

Симптоматично, что такого рода воззрения весьма остро выразились в отклике на одно из немногих прижизненно изданных в XVIII в. русских мемуаров — на книгу П. З. Хомякова «Похождение некоторого Россиянина», не раз упомянутую нами ранее. Не менее характерно и то, что отклик этот исходил не от какого-либо случайного, не причастного к писанию мемуаров лица, а от одного из замечательных русских мемуаристов XVIII в., признанного впоследствии классиком мемуарного жанра, — от А. Т. Болотова. Речь идет о его пространном сочинении «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков» (помечено 22 июля 1791 г.), впервые увидевшем свет только в 1935 г., — «Похождение некоторого Россиянина» подверглось здесь острой, прямо-таки уничтожающей критике.

А. Т. Болотов признает, что повествование П. З. Хомякова «не принадлежит к романам» и скорее может быть отнесено и «к историческим или паче биографическим книгам», однако им «отягощена только публика к истинной досаде всех любителей литературы», и служит оно «не к славе, а к бесчестию наших российских писателей». «Господину сочинителю сей книги, — продолжает свои филиппики А. Т. Болотов, — восхотелось оказать <...> опыт любви своей к отечественникам своим рассказыванием им повести о самом себе, но повести такой, о которой истинно никто бы не потужил, если б осталась она навеки погребенною в уме господина сочинителя». «Истинно понять невозможно, — недоумевает критик, — что побудило его подарить публику таким подарком», ибо «во всю сию долговременную его жизнь, службу и волокиту не случалось с ним ни единого такого приключения, которое редкость свою стоило бы описано быть. Нет во всей повести его ничего удивительного, ничего увеселительного и ничего такого, чтобы достаточно было хотя некоторого внимания и любопытства». Еще раз повторив, что «книга сия» «приносит собою худую честь нашему отечеству», что она «всего меньше достойна занимать место в библиотеках», А. Т. Болотов заключает свой разбор гневной тирадой, укоряющей уже не только поверженного им автора: вот «до чего может простираться *самолюбце и охота к прославлению себя*

писаниями и что может происходить от волности печатания книг в разных типографиях и от недостаточности цензуры оным»¹⁰⁵.

Поначалу может показаться, что А. Т. Болотов задет чисто литературной слабостью «Похождения», его подражательностью и главным образом незнатным происхождением и заурядной биографией автора, отрицая право на обнародование жизнеописаний только таких обычных, ничем не примечательных людей. Но, думается, в этом критическом пассаже отразились куда более общие воззрения на «права и обязанности» мемуариста. Предосудительно не само писание автобиографии кем бы то ни было, а стремление сделать ее достоянием гласности или, говоря словами Г. С. Винского, — современника П. З. Хомякова и А. Т. Болотова, — «втиснуть» с нею «в лик творцов сочинений». Ибо описание своей жизни есть частное дело человека, несовместимое с авторским «самолюбием»: притязая на него, мемуарист рискует быть заподозренным в стремлении к собственному прославлению. Сочинитель же «Похождения», нарушивший этот десятилетиями складывавшийся завет, совершил поступок, уязвимый по своим нравственным основаниям, роняющий достоинство писателя и репутацию литературы, а потому заслуживающий самого сурового общественного порицания. Поступок этот настолько предосудителен, что расценивается А. Т. Болотовым даже как следствие непомерной свободы книгопечатания, развившейся в царствование Екатерины II. Но ведь А. Т. Болотов совсем не ретроград, а человек достаточно просвещенный для своей социальной среды. В ту эпоху, однако, когда само занятие рядовых людей памятными записками считалось еще в некоторых кругах дворянского общества «пустым, глупым, тщеславным»¹⁰⁶, попытки предания их гласности тем более встречали столь резкое неприятие.

Оно не кануло в Лету и с исходом XVIII в. Отголоски его еще долго держались в общественном сознании. Интересны взгляды на этот счет генерал-лейтенанта и сенатора И. С. Тимирязева (двоюродного дяди знаменитого ученого), родившегося в 1790 г. и по всему складу жизни принадлежавшего к XIX в. Его сын — саратовский вице-губернатор Ф. И. Тимирязев вспоминал позднее, с каким трудом восстанавливал биографию отца из-за того, что тот не оставил после себя «ни одной писанной строки» и вовсе избегал рассказывать что-либо о своей жизни: «Его строгая сосредоточенная цельная фигура плохо мирилась вообще со всеми мемуарами и автобиографиями, считая их в большинстве проявлением невольного самовосхваления и мелочного самолюбия»¹⁰⁷. Ясно, что речь шла об *известных, обнародованных* мемуарах, что только и могло вызвать у старшего Тимирязева такую реакцию, явно унаследованную XIX в. от XVIII в. И все это произошло из того, что «тогдашние понятия писателя, автора, литератора еще не вмещали в себя людей, писавших воспоминания»¹⁰⁸.

Дело осложнялось и тем, что сама литература XVIII в. с ее представлениями об авторстве и статусе писателя еще не «вмещала» в себя много таких понятий, которые станут достоянием литературной жизни лишь в позднейшее время. До последней четверти

XVIII в. не сформировалось постоянной читательской аудитории — «публики» как некоего неопределенного, неограниченного психологического фона <...> идеологического воздействия литературы в сущности не было¹⁰⁹. Труд писателя еще не пользовался должным признанием как самостоятельная сфера деятельности, ничуть не менее важная, чем государственная служба, и его профессионализация шла очень медленно. Множество литературных произведений, в том числе критических, публицистических, исторических печаталось анонимно, взгляды на авторскую собственность только складывались, а прижизненные издания собраний сочинений даже самых крупных писателей составляли явление исключительное¹¹⁰. Престиж литературы в целом в глазах общества стоял еще так невысоко, что, как отмечалось в одной из рецензий на записки А. Т. Болотова, не только в 60—70-е годы, но и в 80-х годах XVIII в. «иные старики-дворяне готовы были просто проклинать своего родственника за занятия литературой и порывали с ним всякие сношения»¹¹¹. С таких социально-этических позиций выступление мемуариста «в роли автора, участвующего в текущей литературной жизни»¹¹², тем более не могло иметь тогда места.

* * *

Ввиду отрешенности мемуаротворчества XVIII в. (во всяком случае на протяжении большей части столетия) от современной литературной жизни и книжного дела вряд ли оправданны попытки определения жанровой принадлежности мемуарно-исторических произведений той эпохи в зависимости от «взаимодействия текста с читателем», от «поведения» текста в читательской среде¹¹³. Ведь подавляющее большинство мемуарных текстов XVIII в. какой-либо «читательской среды», выходящей за семейно-родовые рамки, не имело — она появляется у мемуаристики много позже. Тем более неправомерно усматривать «восприятие» читательской средой мемуаров первых десятилетий XVIII в.¹¹⁴, относительно распространения которых в обществе нам вообще мало что известно.

Преувеличением, своего рода модернизацией представляются в этой связи не подкрепленные фактическими доводами утверждения о наличии «полемики в границах мемуарной литературы» XVIII в., о том, что ей была «свойственна ярко выраженная полемическая направленность»¹¹⁵. Говорится и о том, что мемуары «уже во второй половине XVIII в. становятся значительным фактом общественно-политической и культурной жизни»¹¹⁶. Культурной — несомненно, общественно-политической — ни в коей мере. Для такой оценки, как было ясно из всего сказанного выше, у нас тоже нет серьезных оснований.

Не вполне исторично поэтому и квалифицировать мемуары XVIII в. как «книги». Между тем такие квалификации встречаются иногда в научной литературе, когда, например, пишут о «мемуарно-автобиографических книгах» XVIII в. — и «середины и конца» его, об изменении представлений мемуаристов о «своем праве на такую книгу». «Книгами» последовательно (а отнюдь не в виде

случайной оговорки) именуют и столь далекие от реального книжного обращения XVIII в. произведения, как, скажем, записки В. А. Нащокина, Н. Б. Долгорукой, М. В. Данилова, А. Т. Болотова¹¹⁷, но книгами в истинном смысле слова они становятся много позднее. И уж вовсе не применимо такое наименование к знаменитому памфлету М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (I, № 68), а его тоже иногда квалифицируют в литературе как «брошюру»¹¹⁸. Но ведь «брошюра» — это нечто печатное, то, что предназначено к обнародованию, к циркуляции в публике. Между тем щербатовский памфлет при своем создании такого значения не имел.

☞ Потомок древнейшего рода, князь-рюрикович в 37-м поколении, приверженец аристократических привилегий и незыблемости крепостных устоев, защитник интересов старинного дворянства в Уложенной Комиссии 1767 г., президент Камер-коллегии, действительный камергер и тайный советник, ученый-историк, официально нареченный «историографом», — М. М. Щербатов был вместе с тем одним из самых суровых в XVIII в. критиков абсолютистско-бюрократического режима. Его оппозиционные устремления выразились в ряде публицистических и литературных произведений, при жизни Щербатова не напечатанных, но резче всего запечатлелись они в составленном им уже на склоне лет, по выходе в отставку — в 1786—1787 гг., мемуарно-историческом памфлете «О повреждении нравов в России», о котором у нас и идет сейчас речь.

Подвергнув сокрушительным обличениям порядки, укоренившиеся при восьми самодержцах XVIII в., Щербатов откровеннее и нелицеприятнее всего изобразил деспотизм, беззакония, своекорыстие, расточительство, развращенные нравы двора, угодничество фаворитов во времена Елизаветы Петровны и Екатерины II, в отношении которых он — живой участник событий — в наибольшей мере выступал как мемуарист, чьи свидетельства особенно свежи и достоверны. И хотя Щербатов твердо придерживался при этом консервативно-олигархических убеждений, по силе социально-нравственной критики его памфлет во многом не уступал радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву». Не случайно 70 лет спустя в Лондоне А. И. Герцен, соединив оба сочинения в один конвюльт, выпустил их в таком целостном виде в ряду других изданий Вольной печати, раскрывавших темные страницы истории самодержавной России XVIII — начала XIX в.¹¹⁹

Но вернемся ко времени создания «О повреждении нравов». Вопрос о том, с какой непосредственно целью писал Щербатов свой необыкновенно злободневный памфлет и распространялся ли он тогда в публике, до сих пор остается в историографии не только не выясненным, но, строго говоря, даже и не поставленным. В литературе фигурируют суждения самого общего характера о том, что Щербатов решил предать свои мысли бумаге, дабы «О повреждении нравов» обрело бы посмертную известность, что готовилось оно не «для прижизненных публикаций, но для потомства»¹²⁰. Так или иначе, но какими-либо данными о чтении памфлета хотя бы

близкими к автору людьми, о современных откликах на него мы не располагаем. Не разыскано и ни одного списка памфлета за XVIII и — более того — за всю первую половину XIX в. Правда, С. Л. Пештич полагал, что с ним был знаком русский историк В. В. Крестинин, умерший в 1795 г., но существенных аргументов в пользу своей гипотезы не привел¹²¹.

Несколько таинственной и трудно объяснимой представляется недавняя находка среди исторических и мемуарных бумаг военного историка А. И. Михайловского-Данилевского отрывка из «О повреждении нравов», напечатанного анонимно в 1861 г. во второй книжке «Исторического сборника» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Отсюда естественно напрашивалось предположение, что Михайловский-Данилевский мог иметь в своих руках список памфлета¹²². Заметим, однако, что собрание исторических материалов Михайловского-Данилевского, родившегося, между прочим, в год смерти Щербатова — в 1790 г., стало складываться только после Отечественной войны, поэтому нет никаких оснований считать, что этот искомый список, даже если бы он находился в его распоряжении, был более раннего происхождения.

По кончине Щербатова Екатерина II, видевшая в нем своего политического противника и, вероятно, догадывавшаяся о принадлежности ему антиправительственных сочинений, предписала московскому главнокомандующему А. А. Прозоровскому во что бы то ни стало добыть рукописи покойного историка. Большая их часть (исторические материалы по древней русской истории, по эпохе Петра I, служебные документы) была приобретена для Эрмитажной библиотеки, но наиболее сокровенные личные бумаги и мемуарно-публицистические работы по XVIII в. родственники предусмотрительно оставили у себя. Опасаясь небескорыстной заинтересованности властей, они и в последующие десятилетия надежно скрывали крамольные рукописи Щербатова (о них, по-видимому, не знали даже его внуки М. М. Спиридов, И. Д. Щербатов и П. Я. Чаадаев, прикосновенные к декабристскому кругу), и только в 1855 г., в преддверии общественного подъема, М. П. Заблоцкий-Десятовский неожиданно обнаружил их в архиве Шаховских — потомков Щербатова, в том числе и автограф «О повреждении нравов».

Вот тогда-то и пошли с него списки. М. П. Заблоцкий-Десятовский тщательно скопировал текст подлинника (переданного на хранение в Императорскую Академию наук), а с него снял для себя список влиятельный сановник Д. Н. Блудов. Как свидетельствовал в 1859 г. брат «открывателя» публицистического наследия Щербатова, А. П. Заблоцкий-Десятовский, «этот экземпляр Блудова ходит в Петербурге по рукам»¹²³.

В 1858—1859 гг. историк-медиевист западнической ориентации С. В. Ешевский и критик С. Дудышкин сумели провести в легальную печать небольшие фрагменты из памфлета¹²⁴, в 1858 же году в Лондоне появилось упомянутое выше герценовское «конволютное» издание, но в самой России памфлет продолжал оставаться под строжайшим цензурным запретом (лишь в начале 1870-х годов

М. И. Семевский опубликовал его со значительными купюрами в «Русской старине» и в 1898 г.— через 110 лет после создания — одним из отдаленных потомков автора был, наконец, напечатан полный текст «О повреждении нравов»¹²⁵).

Как видим, Щербатов, в течение двух третей столетия после своей смерти пользовавшийся широкой известностью как государственный деятель, администратор, крупнейший историограф XVIII в., один из просвещенных людей своего времени, в качестве публициста и мемуариста был открыт в России лишь в середине XIX столетия, и только с тех пор щербатовский мемуарный памфлет явился перед публикой (да и то поначалу главным образом благодаря рукописному распространению и бесцензурной Вольной печати за границей). Лишь с этого момента о нем и можно говорить как о «брошюре», «книге» и т. д.

Таким образом, даже судьба этого, быть может, самого публицистичного из всех русских мемуаров второй половины XVIII в., лишний раз подтверждает тот тезис, что представление о полемических, общественно-политических функциях мемуаристики того времени, об обретении ею уже тогда «читательской среды» есть плод привнесения в нее категорий мемуарной культуры более поздней эпохи.

Второе рождение

Широкое проникновение мемуарных произведений XVIII в. на страницы печати начинается только с первых десятилетий XIX в. и продолжается вплоть до исхода дореволюционного периода. В этот период (а также и в отдельные годы советского времени) было опубликовано абсолютное большинство воспоминаний и дневников, созданных в XVIII столетии.

Но хотелось бы особо выделить век XIX. Их публикации именно тогда становятся настолько интенсивными и систематическими, что можно смело сказать: XIX век открыл мемуаристику XVIII. Но весьма поучительный, и не только в археографическом отношении, этот публикаторский опыт не привлек к себе должного внимания историков — на сей счет в литературе имеются лишь беглые и разрозненные замечания¹²⁶.

Прежде всего надо четко уяснить, что, попадая в печать, мемуарные произведения XVIII в. переживали как бы второе рождение — ведь при своем возникновении они, как мы видели выше, предназначались вовсе не для обнародования, а для более узкого, лично-фамильного употребления — такова была их первичная социальная функция. Следовательно, в позднейших публикациях мемуарных памятников XVIII в. реализовывались уже их вторичные функции, обусловленные использованием этих памятников в ходе последующего исторического развития и в свете изменившихся общественно-культурных потребностей с совсем иными целями, нежели те, ради которых они были некогда созданы.

Процесс вторжения мемуарных произведений XVIII в. в прессу и книжные издания нового столетия имел своим основанием глу-

бинные сдвиги в историческом сознании, связанные, в частности, с поворотом общеевропейской исторической мысли послереволюционной эпохи от абстрактно-просветительских схем в объяснении прошлого к историзму и с преодолением метафизического взгляда на соотношение истории и современности. Непосредственную же предпосылку этого процесса следует усматривать в том, что уже с первых лет XIX в. русское общество начало открывать для себя само минувшее столетие, которое лишь по своему завершении стало восприниматься огромной и ранее почти неизведанной областью исторического познания. Вслед за средневековой, допетровской Русью в него включается теперь и послепетровский, «императорский», или, как тогда принято было говорить, «новый» период русской истории — сперва преимущественно как сфера исторических интересов широких общественных слоев, обывденного, массового сознания (насколько этот последний термин вообще применим к сравнительно узкому контингенту читающей, мало-мальски образованной публики того времени), а затем и как предмет научной историографии.

В течение почти всего дореформенного периода отдельные событийно-хронологические «узлы» истории XVIII в., особенно царствования Екатерины II и Павла I, ощущались, хотя и в разной мере, не сколько-нибудь отдаленной эпохой, а только что ушедшей или еще уходящей в прошлое современностью, полной самых животрепещущих ассоциаций и множеством живых нитей связанной с текущей общественной жизнью¹²⁷. Поэтому внимание к тем или иным событиям и деятелям XVIII в. детерминировалось не столько отстоявшимся, ретроспективным, собственно историческим взглядом, сколько «злостью дня», в том числе нуждами правительственной политики или крупными военно-дипломатическими акциями, чувствительно отражавшимися на умонастроениях общества, на направленности и характере его интересов к XVIII в. Понятно, что интерес этот питался главным образом не научно-познавательными, исследовательскими, а духовно-практическими побуждениями — эмоционально-нравственными, гражданственно-публицистическими, воспитательными и т. д.

Но это был очень мощный стимул исторических интересов, проявивший себя в первую очередь в журнальной периодике — общественно-политической и литературной (специальная историческая пресса тогда только зарождалась и еще не оформилась в самостоятельную «отрасль» периодической печати в России). Едва ли не все более или менее заметные, предназначавшиеся для широкого чтения русские дореформенные журналы этого общего типа помещали на своих страницах исторические материалы о XVIII в. В ряде изданий заводятся даже особые разделы, посвященные прошедшему столетию. Например, в «Сыне отечества» наряду с такими постоянными отделами, как «Изящная словесность» или «Отечественная словесность», появляется самостоятельная рубрика «История XVIII столетия», а в «Историческом, статистическом и географическом журнале» (органе, вопреки его названию, отнюдь не исторического, а общего характера) — раздел «Новые материа-

лы для истории России во второй четверти XVIII века»¹²⁸. В объявлении о программе «Московского вестника» на 1830 г. М. П. Погодин обещает регулярно знакомить читателя с материалами, «относящимися до царствований Петра Великого, Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы»¹²⁹. Для оценки размаха и устойчивости общественных интересов того времени к минувшему столетию достаточно сказать, что из общего числа всякого рода исторических документов, появившихся в русских журналах первой трети XIX в., на XVIII столетие приходилось более 80 % (1237 из 1501), при этом среди всех документов XVIII в. явно преобладали те, которые были посвящены екатерининскому царствованию¹³⁰.

Однако и более ранние периоды истории XVIII в. пользовались — и не в одной лишь периодике — неизменным вниманием. Так, уже с 1800-х годов начинают выпускаться русские переводы сочинений иностранных авторов о Петре I, в конце 30-х годов предпринимается переиздание монументального свода исторических материалов И. И. Голикова о великом реформаторе, готовятся труды о нем П. П. Свинына, А. С. Пушкина, Н. А. Полевого, Н. Г. Устрялова, М. П. Погодина. Выпущенный в начале 1825 г. А. О. Корниловичем и В. Д. Сухоруковым исторический альманах «Русская старина» целиком отводит сюжеты из эпохи преобразований начала XVIII в. и личности Петра I.

Попадает в поле зрения писателей на исторические темы и эпоха «дворцовых переворотов». Например, известный русский ученый К. И. Арсеньев, преподававший историю великому князю Александру Николаевичу и по этому случаю допущенный к государственному архиву, издает исторические монографии «Царствование Петра II» (СПб., 1839) и «Царствование Екатерины I» (СПб., 1839 и 1856). Выходят в свет книги А. Вейдемейера: «Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны» (СПб., 1831, 1832. Ч. 1—3) и его продолжение — «Царствование Елисаветы Петровны» (СПб., 1834. Ч. 1—2). Им же выпускается историческое описание екатерининской эпохи — «Двор и замечательные люди России во второй половине XVIII столетия» (СПб., 1846. Ч. 1—2). Этой теме были также посвящены трехтомное «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой» П. Сумарокова (СПб., 1832) и шеститомная «История царствования государыни императрицы Екатерины II» А. А. Лефортова (М., 1837—1838).

Естественно, что эти пространные «историкоописания», сосредоточенные большей частью на политической жизни XVIII в., на ее верхушечно-династическом «срезе», на «дворцовых» взаимоотношениях и исключавшие из своего рассмотрения проблемы социальной истории, народных движений, общественной мысли, были проникнуты апологетическим духом, о многом же из «секретной», а порой и скандальной истории девяти царствований вообще умалчивали. Но при том что эти труды были еще очень далеки от истинно научного освещения XVIII в., они все же давали систематическую сводку доступных тогда исторических сведений о нем, заключали в себе нередко занимательные рассказы о наиболее примечательных

его событиях и потому, несомненно, сыграли свою образовательную, просветительскую роль. Тем более что само появление этих трудов вызвало общественный резонанс, выведивший их за пределы официально заданных им целей. Выход в свет каждого из них сопровождался множеством самых различных по идейной ориентации и профессиональному уровню критико-публицистических откликов — рецензий, статей, специальных разборов, и вокруг них разгорались оживленные и содержательные дискуссии, ставившие перед читающей публикой вопрос о способах и возможных пределах в стеснительных условиях самодержавного государства познания русским обществом истории своего недавнего прошлого, во многом еще потаенной и запутанной.

Справедливости ради надо сказать, что еще «История Пугачева» А. С. Пушкина и упомянутая выше монография К. И. Арсеньева о Петре II, созданные в 30-х годах и основанные на архивных первоисточниках, обозначили собой известный «прорыв» в научное освещение XVIII в. Но в целом научная его историография складывается в России под воздействием общественного и демократического подъема середины века, когда, по словам М. И. Семевского, «и для отечественной истории наступило 19 февраля»¹³¹, не ранее 60—70-х годов. Принципиально важным рубежом в этом смысле явился выход в свет 17 томов (с 13 по 29) «Истории России» С. М. Соловьева, впервые давшего фундаментальное изложение событий русской истории от конца XVII в. до крестьянской войны под предводительством Пугачева и применившего принципы научной разработки громадного массива документальных материалов по «новому» ее периоду¹³². Не меньшее значение имело беспрецедентное дотоле по масштабам и целеустремленности усилий введение в общественно-историографический оборот наиболее значительных источников по истории XVIII в. широкого тематического и видового диапазона благодаря ряду крупных археографических начинаний, успехам исторической периодики и в первую очередь — публикациям специально основанных с этой целью «Русского архива» П. И. Бартенева, «Русской старины» М. И. Семевского, «Исторического вестника» С. Н. Шубинского, просуществовавших, между прочим, до самого исхода дореволюционной эпохи. Из сказанного, конечно, не следует, что еще в первой половине XIX в. не было отдельных попыток научно-археографического подхода к изданию источников «нового» времени, в том числе и мемуарных, — о них пойдет речь далее.

Что касается исторических интересов к XVIII в. на «доисториографической», условно говоря, стадии их развития, т. е. на протяжении почти всей дореформенной поры, то характернейшая их черта состояла в подчеркнута высокой роли, какая отводилась тогда мемуарным памятникам в познании его истории.

В свое время Н. Д. Чечулин — один из первых ученых, обратившихся к изучению мемуаристики XVIII в., указывал на это обстоятельство: «Записки современников, мемуары издавна и совершенно основательно считались в ряду важнейших исторических источников. Можно даже сказать, что прежде им придавалось гро-

мадное, почти исключительное значение — в то время, когда одни считали вполне искренне, что в своих записках они повествуют полную, настоящую историю своего времени, когда другие» находили в мемуарах современников «совершенно верное изображение событий той эпохи»¹³³. Но еще задолго до Н. Д. Чечулина историк литературы, библиограф и фольклорист А. Н. Афанасьев отмечал: «И дилетанты и присяжные ученые давно согласились, что памятные записки (мемуары) <...> составляют один из лучших и необходимейших исторических материалов»¹³⁴, а в 1841 г. археограф И. П. Сахаров в предисловии к книге «Записки русских людей», где были напечатаны некоторые мемуарно-исторические произведения начала XVIII в., писал: «Вся наша история XVII—XVIII веков заключается в исторических записках».

В этой емкой формуле суммированы мнения, уже с начала XIX в. прочно сложившиеся среди публикаторов и рецензентов мемуарных произведений предшествующего столетия и вообще всех тех, кто печатно высказывался тогда о путях развития мемуарного жанра в России. Например, в 1810 г. в предисловии Н. С. Всеволожского к первому полному изданию записок Я. П. Шаховского говорилось: «Из всех исторических известий никакое столько не способствует к объяснению происшествий и дел, как современные бытоописания, известные под названием Записок (Memoires)»¹³⁵. На то, что записки государственных деятелей XVIII в. представляют собой «лучшие запасы для будущего Историка», указывал в 1818 г. и Н. И. Греч¹³⁶. «Памятные записки должны считаться лучшим, вернейшим материалом для современной истории», — вторил ему в 1830 г. П. П. Свиньин во вступительной заметке к публикации автобиографии В. А. Нащокина¹³⁷. Остро и несколько парадоксально выразил ту же мысль в «Библиотеке для чтения» рецензент изданного в 1844 г. дневника воспитателя великого князя Павла Петровича С. А. Порошина. Если бы разразилась катастрофа, грозившая сожжением книг «на всем земном шаре», «что выбрали бы вы, высокоблагосклонные читатели?» — вопрошал он и тут же отвечал на свой риторический вопрос: пусть гибнут «романы, поэмы, драмы», книги по философии, политической экономии и все тому подобное. Я старался бы спасти одни Записки, веденные людьми без притязания для самих себя. Здесь только и заключается человеческая истина. По ним можно во всякое время восстановить историю»¹³⁸.

Стоит подчеркнуть, что представление об универсальной ценности всякого рода памятных записок всецело разделялось просвещенной дворянской интеллигенцией, в частности литераторами пушкинского круга — самим поэтом, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским, Д. В. Давыдовым, выступавшими рьяными поборниками «мемуарной словесности» — ее теоретиками, пропагандистами и талантливыми критиками. В их историко-литературных интересах 1820—1830-х годов проблема мемуарной традиции, укоренения ее на русской национальной почве, собирания, сохранения и публикации мемуарных памятников занимала одно из ведущих мест. Замечательно глубоко и образно по поводу осо-

бой значимости этих памятников высказался П. А. Вяземский в биографии Д. И. Фонвизина, для которой, кстати, он неустанно разыскивал устные мемуарные рассказы и письменно закрепленные воспоминания современников. Сетую на то, что Д. И. Фонвизин не успел завершить своей автобиографической исповеди — «Чистосердечного признания» и тем самым лишил потомков «многих запасов, драгоценных для истории гражданства, общежития и литературы в России», Вяземский оценивает эту утрату в широкой исторической перспективе — на том фоне, что вообще «наша давность не заходит за царствование Петра и во многом начинается от Екатерины». И в этой связи он с сокрушением и с вполне уловимым оттенком политического скептицизма замечает: «Житницы преданий наших пусты <...> Теперь никак не сведешь концов с концами. Личность так мало отделяется у нас от толпы, все так уравнено или так изглажено, что мы должны дорожить и малейшими оконечностями, которые выделяются наружу. Признаюсь, большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов записок, за несколько исторических летописей событий, нравов и лиц, коими пренебрегает история»¹³⁹.

Причины такого преувеличенно-некритического, в некотором отношении идеализированного, но по-своему цельного восприятия мемуаристики, преодоленного исторической наукой лишь во второй половине века, коренились в особых и многообразных условиях культурного развития эпохи.

Безусловно, сказалась на нем невычлененность мемуарных памятников из общего состава «словесности» — согласно эстетическим воззрениям того времени они составляли один из ее полновесных разрядов и поэтому подлежали не столько историко-критическому, сколько чисто литературному осмыслению. При этом нельзя не учитывать вообще сильно повысившегося с 1830-х годов в связи с нарастанием реалистических тенденций в изображении действительности и освоением опыта исторической романистики В. Скотта внимания к «живой литературе фактов» — анекдоту, слуху, преданию, документу, памятной записи. Насыщенные достоверными и неповторимо-красочными деталями, они, как ничто другое, ценились при воссоздании в художественно-беллетристических повествованиях о прошлом психологии, нравов, бытовой атмосферы.

Наконец, такое восприятие мемуаристики объяснялось и состоянием исторических знаний первой половины XIX в. — несовершенством методов исторической критики, недостатком систематизированных сведений об иных группах источников, отображающих «новый» период русской истории, отсутствием возможностей включения их в исследовательскую практику, наивно-прагматическими представлениями об историческом процессе и т. д.

Не будем, однако, углубляться в эту сторону дела, заслуживающую специального изучения. Нам важно было лишь выявить отмеченный Н. Д. Чечулиным и другими русскими учеными прошлого века факт «приоритетного» понимания современниками роли

мемуаристики как существенное свойство их исторического сознания, что поможет нам лучше разобраться в том потоке публикаций мемуарных произведений XVIII в., который надлежит сейчас рассмотреть.

* * *

Обратим сперва внимание на временной разрыв между началом их составления и первой публикацией в XIX—XX вв. — из данных таблиц I и II видно, что он был чрезвычайно велик. Так, мемуары Б. И. Куракина увидели свет через 180—188 лет (I, № 1—3), записки И. М. Грязново — через 177 лет (I, № 14), И. Б. Пенягина — через 147 лет (I № 36), А. Ф. Шестаковой — через 134 года (I, № 17), Г. П. Чернышева — через 130 лет (I, № 18), А. А. Матвеева и И. А. Желябужского — через 125 (I, № 4, 5) и т. д. Наименьший разрыв во времени из крупных жизнеописаний XVIII в. имели записки Я. П. Шаховского — 36 лет (I, № 50) и Н. Б. Долгорукой. — 43 года (I, № 33).

Особенно велик этот разрыв для дневников. Самая большая хронологическая дистанция между началом ведения и первой публикацией характерна для дневника И. П. Анненкова и И. Л. Нарышкина — 212 и 260 лет (II, № 6, 14). Дневник А. В. Орлова отстоит от времени ведения до публикации почти на 200 лет (II, № 35), путевые записки Н. П. Голицыной — на 198 лет (II, № 40). Дневниковые заметки неизвестного лица о смерти Екатерины I и вступлении на престол Петра II отстоят от момента их публикации на 186 лет (II, № 8), дневники Б. И. Куракина — на 185 лет (II, № 2), «Журнал» переводчика Академии наук и секретаря Д. Кантемира И. Ильинского — на 182 г. (II, № 7), поденные записки офицеров А. А. Благово и С. Порхомова — на 164 года и 159 лет (II, № 12, 13), дневники самого А. Д. Кантемира — на 139 и 140 лет (II, № 9, 10). Наименьшая хронологическая дистанция свойственна главным образом дневникам, веденным в последние десятилетия XVIII в., и среди них должны быть отмечены «памятные записки» статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого и дневник С. А. Порошина, впервые увидевшие свет (правда, в отрывках) через 39 и 46 лет после того, как были сделаны первые их записи (II, № 18, 31).

В целом дневники XVIII в. вводились в оборот заметно позднее, нежели воспоминания. Обобщенное представление об этом дает следующий ряд (табл. 5), в котором воспоминания и дневники сведены в три группы в соответствии с величиной временного разрыва между началом составления и первой публикацией — до 50 лет, от 51 года до 100 лет, от 101 года и более лет.

Мы видим, что в первой группе (до 50 лет) выше удельный вес воспоминаний (11 %) и ниже — дневников (7 %). Вместе с тем в третьей группе (от 101 года и более лет) соотношение противоположное — удельный вес дневников (61 %) гораздо выше, нежели воспоминаний (38 %). Если в течение времени до 100 лет после начала составления увидело свет 62 % воспоминаний, то дневни-

Таблица 5

Временной разрыв между началом составления
и первой публикацией мемуарных произведений

Вид мемуаров	Общее число		До 50 лет		От 51 до 100 лет		* От 101 и более лет	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Воспоминания	93 *	100	10	11	47	51	36	38
Дневники	56 **	100	4	7	18	32	34	61

* Из воспоминаний произведения трех авторов (I, № 37, 76, 78), опубликованные в XVIII в., позднее не перепечатывались.

** Из дневников «Журнал» Н. А. Демидова, опубликованный в XVIII в. (II, № 23), позднее не перепечатывался.

ков — всего 39 %. Иными словами, отчетливо вскрывается более замедленный темп процесса публикации дневников XVIII в. сравнительно с воспоминаниями, которые вводились в общественно-историографический оборот интенсивнее. О том же свидетельствует погодная динамика движения мемуарных публикаций (таблица III). Если за 1801—1916 гг. публикациями воспоминаний XVIII в. не отмечено 29 лет, то дневниковыми публикациями — 63 года, т. е. частота последних, степень насыщенности ими печати дореволюционной России в два с лишним раза меньше, чем тот же показатель для воспоминаний.

Заметим также, что из общего числа 81 автора воспоминаний не менее 22 перешагнуло в первые десятилетия XIX (I, № 35, 36, 39, 40, 42, 45, 57, 71, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 82, 85, 86, 87, 89, 91, 92, 96). До 1823 г. дожил И. М. Долгоруков, до 1824 г. Г. И. Добрынин и Д. Б. Мертваго, до 1828 г. сибирский купец Т. П. Калашников — автор составленных в 1790-х годах автобиографических записок «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год». Наконец, в 1833 г. на 96 году скончался А. Т. Болотов — с его смертью окончательно сошло с исторической арены младшее поколение русских мемуаристов XVIII в. (старшее ушло из жизни не позднее середины и конца столетия). Но ни один из них, живших в первой трети XIX в., не увидел опубликованными свои мемуары. Даже записки А. Т. Болотова, пользовавшиеся в XIX в. необыкновенно широким вниманием издателей, историков, читателей и публиковавшиеся в общей сложности более полувека, впервые были напечатаны в отрывках только в 1839 г. — спустя 6 лет после смерти автора.

Теперь нам важно восстановить в точных количественных показателях хронологию движения публикаций мемуарных памятников XVIII в. на протяжении всего дореволюционного периода. Наиболее достоверным и наглядным способом решения данной задачи является построение погодной динамики движения мемуарных публикаций (собственно мемуаров и дневников) с 1801 по 1916 г. Динамические ряды погодных публикаций построены на основе дан-

ных, суммированных в таблицах I и II, отдельно для воспомина- ний и дневников, и сведены в табл. III. Показатели погодных дина- мических рядов сгруппированы по десятилетиям (табл. IV) и по более крупным историческим периодам (табл. V). Сводные показа- тели движения публикаций воспоминаний и дневников по десяти- летиям сведены в табл. VI, по более крупным историческим перио- дам — в табл. VII.

Несколько слов — о приемах учета мемуарных публикаций. Учитывались издания мемуарных памятников, выпущенных в Рос- сии на русском языке, а также и за ее пределами эмигрантскими издателями, в том числе и Вольной печатью А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Помимо публикаций самих текстов мемуарных про- изведений, принимались во внимание и обширные выдержки из них в составе биографических и исторических сочинений — в тех случаях, когда то или иное произведение впервые вводилось ими в оборот. Учету подлежали все виды печатной продукции, включая отдельные издания мемуарных произведений, их публикации во всякого рода книгах, собраниях сочинений авторов, в современной печати (журналы, периодические сборники), в том числе и в газе- тах, хотя ввиду необследованности содержания русских газет XIX — начала XX в. заведомо можно сказать, что газетные публи- кации учтены куда менее полно, нежели журнальные. Напомним, что ИДРВ газетных публикаций вообще не учитывает. Оттиски из журналов фиксировались как самостоятельные публикации.

Множественность публикаций одних и тех же мемуарных про- изведений XVIII в. повлекла за собой необходимость дифференци- ровать их на *первичные* и *повторные*. За первичные принимались публикации, впервые обнародовавшие то или иное мемуарное про- изведение — пусть даже частично, в отрывках, но и в этом уре- занном виде оно становилось предметом общественного внимания, что уже заключает в себе качество новизны, первоизданности. Все последующие публикации, в том числе и полные, учитывались как: повторные — важный показатель, выражающий целеустремлен- ность публикаторских усилий в области мемуаристики, устойчи- вость общественных интересов к ней, меру ее воздействия на чита- тельскую среду. Специально выделены также публикации мемуар- ных произведений в прессе, а также в виде отдельно изданных книг — это были, как правило, особо значительные в историче- ском и литературном отношении памятники, с которыми связаны наибольшие достижения в развитии мемуаристики.

Наконец, за временную единицу учета мемуарных публикаций принималась величина, равная году. Это значит, что если одно и то же мемуарное произведение последовательно печаталось в тече- ние ряда лет в периодике, то за каждый год «переходящая» публи- кация учитывалась как первичная. Такой принцип учета давал опти- мальную возможность для построения погодных динамиче- ских рядов.

Прежде всего бросается в глаза прерывистый ритм движения мемуарных публикаций от десятилетия к десятилетию и неравно- мерность их распределения по годам. В 1800-е годы — всего во-

семь публикаций, которые приходится, однако, на конец десятилетия: впервые мемуары XVIII в. появляются на страницах русской печати только в 1808 г. В последующее десятилетие примерно та же картина — семь публикаций, относящихся лишь к 1817—1819 гг. Но надо иметь в виду, что из 15 публикаций первых двух десятилетий 14-ю представлены воспоминания и только одной — дневники, причем в 1810-х годах публикации дневников вовсе отсутствуют.

1820-е годы сравнительно с 1810-ми дают сильное увеличение (более чем в 5 раз) — 37 публикаций, в 30-х наблюдается спад — 14 публикаций (и так же, как и в 1810-х годах совсем нет публикаций дневников), в 40-х годах — новый подъем (в 2 с лишним раза): 32 публикации, сменяющийся спадом в следующем десятилетии, но 1860—1870-е годы ознаменованы значительным ростом — в общей сумме 81 публикация.

Таким образом, явственно выделяются периоды наибольшей активности в движении мемуарных публикаций, своего рода подъемы, происходящие, повторяем, на 20-е, 40-е и 60—70-е годы XIX в. На эти четыре десятилетия падает почти половина (150 из 308) общего числа их публикаций за всю дореволюционную эпоху, охватывающую 116 лет. Эти же десятилетия характеризуются и наиболее высоким удельным весом такого важного показателя, как первичные публикации. Например, в 20-е годы их доля составляла 92 %, а в 60-е—58 % от общего числа всех мемуарных публикаций в пределах каждого десятилетия.

Если посмотреть теперь на движение мемуарных публикаций в масштабе более крупных исторических периодов, то мы увидим, что их численность на протяжении XIX в. неуклонно возрастает от тридцатилетия к тридцатилетию — высший пик роста приходится на время с 1861 по 1890 г. (105 публикаций против 68 в 1831—1860 гг. и 52 — в 1801—1830 гг., или соответственно 34 % против 22 % и 17 % от общего количества мемуарных публикаций за всю дореволюционную эпоху). Самым высоким удельным весом характеризуются в 1861—1890 гг. и дифференцированные показатели: первичные составляют 33 % (54) против 19 % (31) в 1831—1860 гг. и 27 % (43) в 1801—1830 гг., отдельные издания — 38 % (26) против 21 % (14) в 1831—1860 гг. и 12 % (8) в 1801—1830 гг. от общей численности публикаций за всю дореволюционную эпоху в пределах каждой из этих категорий (первичных — 159, отдельных изданий — 68).

Весьма красноречива динамика дифференцированных показателей, взятых относительно общего числа публикаций внутри каждого тридцатилетия. Так, в первое тридцатилетие отдельные издания составляли 16 %, во второе — 20, в третье — 25 %. Первичные публикации в первом тридцатилетии соответственно преобладают — 83 %, во втором — их доля падает до 45 %, в третьем тридцатилетии, в 1861—1890 гг. — возрастает до 50 %.

Но в следующий период, в 1891—1916 гг., наблюдается существенное снижение: общее количество мемуарных публикаций падает со 105 до 83, или на 21 %, численность первичных с 54 до 31, или

на 43 %. Соответственно возрастает доля повторных публикаций — с 17% в 1801—1830 гг. до 49 % в 1861—1890 гг.; когда они держатся примерно на том же уровне, что и первичные, и до 63 % в 1891—1916 гг. Из всего этого неоспоримо следует, что в конце XIX — начале XX в. наметилась тенденция к исчерпанию фонда ранее не опубликованных, неизвестных, сохранявшихся в рукописном виде мемуарных произведений XVIII в.

В целом же надо иметь в виду, что подавляющее большинство мемуарных публикаций (188 из 308, или 61 %) приходится на по-реформенную эпоху.

* * *

Количественные данные о движении мемуарных публикаций не вскрывают еще реального процесса вовлечения в общественный оборот мемуарных произведений XVIII в. Поэтому надо внимательно присмотреться к тому, как шел этот процесс от десятилетия к десятилетию.

Первыми воспоминаниями XVIII в., увидевшими свет в XIX в., были мемуарные рассказы о Петре I гвардейского унтер-офицера Н. И. Кашина, напечатанные в отрывках С. Н. Глинкой в 1808 г. в «Русском вестнике»¹⁴⁰. Вслед за тем в том же году в «Вестнике Европы» были опубликованы фрагменты из записок Я. П. Шаховского начинающим тогда журналистом и ученым, а впоследствии критиком, историком, главой «скептической школы» М. Т. Каченовским¹⁴¹. Мы уже отмечали, что в 1810 г. записки Я. П. Шаховского выпустил в своем подробном изложении сын А. Н. Радищева — Н. А. Радищев¹⁴². В 1810-м году вышел их полный текст в двух частях, изданный в Москве упомянутым выше Николаем Сергеевичем Всеволожским — литератором, путешественником, владельцем одной из лучших в России частных типографий, снабдившим книгу содержательным предисловием¹⁴³. (В 1821 г. это издание было перепечатано в Петербурге¹⁴⁴.)

В 1810 г. в журнале «Друг юношества» М. И. Невзорова увидел свет отрывок из записок Н. Б. Долгорукой — по рукописи, хранившейся в семейном архиве и предоставленной издателем ее внуком И. М. Долгоруковым. Помимо предисловия М. И. Невзорова, отрывок был сопровожден послесловием известного масона и общественного деятеля конца XVIII — начала XIX в. И. В. Лопухина, хорошо помнившего сочинительницу записок еще с детских лет по тесной дружбе с ней его матери¹⁴⁵. (В 1819 г. пространные выдержки из записок Н. Б. Долгорукой появились в сборнике биографий «Плутарх для прекрасного пола»¹⁴⁶.)

В 1810 г. выходят два издания записок К. Манштейна, до того, начиная с 1770-х годов, широко расходившихся, как уже было отмечено, в списках. Одно из них, неполное и в неточном переводе М. Матушкина, было выпущено в Москве типографией С. Селивановского¹⁴⁷, вызвав оживленные журнальные отклики, другое — в Дерпте, профессором здешнего университета Г. А. Глинкой (близ-

ким родственником будущего декабриста В. К. Кюхельбекера)¹⁴⁸. В 1823 г. записки К. Манштейна вышли третьим изданием в Москве¹⁴⁹.

Наконец, в том же 1810 г. в «Вестнике Европы» увидел свет (в извлечениях) дневник воспитателя великого князя Павла Петровича С. А. Порошина за 1764—1766 гг.— ценнейший по разнообразию и достоверности фактических сведений по истории XVIII в. мемуарный памятник¹⁵⁰. Источником публикации послужил список, хранившийся в Московском архиве коллегии иностранных дел и изготовленный его директором Н. Н. Бантыш-Каменским еще в 1787 г. по оригиналу, полученному от брата автора И. А. Порошина¹⁵¹.

Эта первая в XIX в. публикация дневника XVIII столетия была осуществлена, как указывается в литературе, М. Т. Каченовским — его криптонимом «К» подписано предпосланное дневнику предисловие¹⁵². Есть, однако, основание считать, что к публикации дневника был причастен и В. А. Жуковский, молодой поэт и журналист, — с 1808 г. редактор «Вестника Европы», издававший его в 1810 г. совместно с М. Т. Каченовским. Во всяком случае друзья В. А. Жуковского треть века спустя полагали, что именно ему принадлежит честь обнародования в журнале дневника С. А. Порошина. Когда в 1844 г. он вышел отдельным изданием, П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому: «Я поручил Плетневу отправить к тебе записки Порошина, некогда тобою изданные в извлечении», а сам П. А. Плетнев, выполняя поручение П. А. Вяземского, сообщал В. А. Жуковскому: «Книга эта Вам знакома уже отчасти. Мне помнится, что вы поместили из нее отрывки в Вестнике Европы»¹⁵³. (Не исключено, что В. А. Жуковский был прикосновенен к появлению на страницах «Вестника Европы» за два года до того и записок Я. П. Шаховского.)

Итак, в 1800 г. увидело свет пять мемуарных произведений XVIII в. В следующем десятилетии появятся еще четыре.

В 1817 г. вышли отдельной книгой упомянутые выше записки Э. Миниха¹⁵⁴. Опубликованы они были с небольшим предисловием, но без каких-либо пояснений и биографических сведений об авторе, о котором мало что знали тогда в России. Не было указано и имя издателя, не раскрывалось оно и в ряде рецензий, появившихся тогда в печати, но, как устанавливается по сведениям, сообщенным впоследствии П. И. Бартеневым и П. Н. Петровым, им был не кто иной, как М. С. Воронцов, напечатавший записки по упомянутому выше списку из своей богатейшей коллекции исторических материалов¹⁵⁵. Когда они вышли в свет, старик С. Р. Воронцов откликнулся на них даже письмом к сыну из Лондона (от 17/29 мая 1818 г.), в котором, вспоминая о знакомстве с Э. Минихом, похвально отозвался о его мемуарах как важном источнике для разъяснения затемненных обстоятельств истории XVIII в.¹⁵⁶

В 1818 г. «Сын отечества» напечатал небольшое мемуарное сочинение самого фельдмаршала Б. Миниха¹⁵⁷, в следующем году вышли в свет записи мемуарных рассказов А. К. Нартова о Петре I¹⁵⁸ и «Краткая повесть» Ф. Прокоповича о его кончине¹⁵⁹.

Стало быть, в первые 20 лет XIX в. увидело свет лишь девять мемуарных произведений XVIII в., но все они были созданы за 40—90 лет до того, а посвящены еще более отдаленному времени — главным образом петровской эпохе и событиям второй четверти столетия. Причем одни из них, как, скажем, «Краткая повесть» Ф. Прокоповича, были напечатаны в России еще в XVIII в., другие — записки К. Манштейна — получили широкую известность в Европе благодаря многократным изданиям, а в самой России расходились списками, третьи — записки Э. Миниха, Я. П. Шаховского — тоже распространялись в рукописях. Словом, публикации в 1800—1810 гг. этих мемуарных сочинений были в известной мере подготовлены их предшествующей судьбой.

Стремительный рост публикаций в 1820-х годах во многом связан с «Отечественными записками» П. П. Свиньина. В изучаемое нами время они сыграли весьма значительную и не оцененную еще по достоинству роль в историческом образовании русского общества, особенно во всем том, что касалось освящения XVIII в. П. П. Свиньина в этой связи называют даже «пионером <...> в деле публикации документов XVIII в.»¹⁶⁰ По подсчетам В. Ю. Афиани, 85 % исторических документов, появившихся в журнале за все время его существования, с 1820 по 1830 г., относились именно к этому столетию¹⁶¹.

Достаточно сказать, что три четверти мемуарных публикаций, по XVIII в., которыми отмечены 1820-е годы (28 из 37), появились в «Отечественных записках», при этом на их страницах увидело свет 10 ранее неизвестных мемуарных произведений XVIII в., в том числе такие первоклассного значения памятники, как дневники А. В. Храповицкого, жизнеописание И. И. Неплюева, отрывок из записок В. А. Назокина, мемуарно-poleмическое сочинение Э. Миниха «Замечания на Записки Манштейна о России».

Несколько уменьшается разрыв во времени между публикацией мемуарных произведений и эпохой, в них отображенной. Так, дневник А. В. Храповицкого касался еще злободневных в 1820-х годах событий — последнего периода екатерининского царствования, поэтому при печатании в журнале он подвергся сильному сокращению. По политическим мотивам были произведены купюры и в «Замечаниях» Э. Миниха на записки К. Манштейна.

Тем не менее в 1820-х годах было введено в оборот 18 новых воспоминаний и дневников.

Если до 1830-х годов включительно их публикации были рассчитаны на широкую читательскую среду, по приемам подготовки не отличались научной тщательностью и печатались как обычные литературные произведения, то в 1840-х годах они обретают в этом отношении более серьезный исторический характер.

Это выразилось прежде всего в том, что мемуарные произведения XVIII в. как предмет публикации привлекают к себе теперь внимание профессиональных, дипломированных ученых. Так, в основном историком, профессором Московского университета М. П. Погодиным журнале «Москвитянин» в специальном разделе «Материалы для русской истории и истории русской словесности»,

предвосхитившем публикаторскую практику наиболее солидных и долговременных русских исторических журналов пореформенного времени¹⁶², помещаются важные мемуарные источники XVIII в., например рассказы о Петре I в записи А. К. Нартова, начало жизнеописания И. М. Долгорукова, автобиография А. В. Суворова¹⁶³. Но вместе с тем стали меняться и сами принципы издания мемуарных памятников XVIII в., получившие свое более полное развитие, конечно, уже во второй половине века.

Еще в 1820 г. В. Н. Каразин (мы не касаемся здесь его сложной, противоречивой и до конца еще не проясненной роли в общественно-политической жизни России первых десятилетий XIX в., в декабристском движении и судьбе Пушкина) — разносторонне образованный ученый, просветитель, публицист, не чуждый и собственно исторических интересов, сам собиравший старинные книги и рукописи XVIII в. (он был женат на внучке известного историка И. И. Голикова, составителя «Деяний Петра Великого»), высказал в «Сыне отечества» весьма основательные критические соображения по поводу несовершенных с археографической стороны изданий мемуарных сочинений XVIII в. Сожалая, что «такого рода» сочинения и отрывки из них «издаются до сих пор у нас в виде романов, то есть без всяких доказательств о их дипломатической истине», В. Н. Каразин подкрепил свою мысль следующим примером: «Сего дня <...> имел я в руках Записки графа Миниха (сына славного фельдмаршала сего имени), напечатанные в Петербурге в 1817 г. Тщетно читать и перечитывать Предисловие сей книги, чтобы разрешить хотя один из множества вопросов, представляющихся читателю, а особливо читателю Россиянину, которого сердце дорожит подобными подлинниками: откуда поступают к нам сии записки? Кто ручается нам за достоверность, что они действительно суть произведений Миниха? На каком языке они были писаны? Где и в какое время? Кончены ли они были, а если нет, то по какой причине? Как они были сохранены, в подлиннике ли или только в переводе или списке, и где именно? Если в списке, то что ручается за его верность? По крайней мере, как он или подлинник или, может быть, перевод достались Издателю, отцу его или деду? Наконец, кто сей Издатель? Может статься, одно его имя послужило бы нам достаточным дипломатическим уверением, если б он открыл его нам, буде уже не хотел нас делать участниками прочих своих сведений о сем сочинении. Ничего этого нет: и крайнее любопытство наше, любопытство самое законное, остается безо всякого удовлетворения!» Упрекнув далее издателя в том, что не счел нужным сообщить даже имя сочинителя Записок, ограничившись только указанием на него как на сына фельдмаршала Миниха, В. Н. Каразин завершил свои «недоумения» конструктивным выводом: «Словом, я желал бы от всего сердца, чтоб у нас в подобных случаях следовали примеру почтенного нашего историографа Миллера. Предисловие его к ядру Российской истории князя Хилкова может послужить нам лучшим образцом к изданию таковых книг. Оно ничего не оставляет в неизвестности. Таковые указания и свидетельства необходимо нужны для драгоценных на-

ших дедовских рукописей, дабы они надежно поступили в область Истории»¹⁶⁴.

Очевидно, с целью публикации этого рода «дедовских рукописей» (т. е. прежде всего мемуарно-исторических сочинений и дневников XVIII в.) на строго археографических началах, с учетом достижений европейской публикаторской практики В. Н. Каразин несколько лет спустя предложил М. П. Погодину совместно издавать журнал «Отечественный архив». Вот как широко и основательно обосновывал он свой замысел в письме к нему от 13 августа 1828 г.: «В России не прежде, как с царствования Екатерины Великой, начали печатать в рукописях во множестве рассеянные исторические памятники, вот причина, почему некоторые из них невозвратно погибли в пожарах и другим образом. В нынешнее время издается оных довольно число. «Отечественные записки» и «Северный архив» представляют собрания такого рода. Но, пробегаая их, нельзя не пожелать, чтобы у нас существовало собрание, посвященное *единственно* сему предмету с сохранением дипломатической точности, указанием источников, поверкою оных, с наблюдением систематического порядка, по крайней мере совместно с таким собранием, словом, что-нибудь похожее на богатые сведениями Бюшинговы и Шлецеровы издания для Германии»¹⁶⁵.

Можно только подивиться научной проницательности В. Н. Каразина, источниковедческой, как мы сказали бы сейчас, зрелости его требований, высказанных почти 160—170 лет тому назад, к публикации мемуарных памятников XVIII в., впервые тогда извлекаемых из небытия. В сущности, здесь изложен глубоко и всесторонне продуманный план их научного издания на основе опыта, накопленного в публикации повествовательных источников более ранних исторических периодов. Однако замысел этот по меньшей мере на полтора-два десятилетия опередил свое время и вновь встал на повестку дня только в начале 1840-х годов, когда В. Г. Белинский выступил в пользу публикации мемуарно-исторических сочинений конца XVII—XVIII вв. «с верных или проверенных списков, с вариантов, не сводя несколько списков в один, не переделывая или дополняя их произвольно, — словом, так, как издает подобные вещи (т. е. письменные памятники Древней Руси. — А. Т.) Археографическая комиссия»¹⁶⁶.

В 1840-х годах появляются и первые издания воспоминаний и дневников XVIII в., подготовленные на современном для той эпохи археографическом уровне при участии крупных ученых, принимавших для этого текстологические и биографические разыскания и снабжавших их специальными предисловиями и примечаниями. Таких изданий в 1840-х годах пока еще немного, но они должны быть отмечены.

В 1841 г. фольклорист и знаток древней письменности И. П. Сахаров в упомянутом выше сборнике «Записки русских людей. События времен Петра Великого» публикует мемуарно-исторические сочинения И. А. Желябужского и А. А. Матвеева. В 1842 г. историк и археограф П. М. Строев, известный публика-

тор источников по истории средневековой Руси, выпускает отдельной книгой случайно попавшую к нему подлинную рукопись записок М. В. Данилова¹⁶⁷. В том же году археограф, переводчик, впоследствии академик Д. И. Языков издает полный текст жизнеописания В. А. Нащокина по автографу, полученному от его внука, В. В. Нащокина — брата пушкинского приятеля П. В. Нащокина¹⁶⁸. Еще в 1840 г. Д. И. Языков выпустил отдельной книгой комментированное, с привлечением вариантов, издание записок И. А. Желябужского¹⁶⁹. В 1844 г. профессор Петербургского университета В. С. Порошин печатает дневник двоюродного деда С. А. Порошина — по подлинной рукописи, сохранившейся в семейном архиве¹⁷⁰.

В общей сложности в дореформенный период стало достоянием публики 54 мемуарных произведения (42 воспоминания и 12 дневников) XVIII в. — из 135 напечатанных в 1801—1916 гг. Само по себе это не так уж мало — особенно на фоне крайней редкости публикаций мемуарных произведений в XVIII в. К тому же появление их в печати не проходило незамеченным. Публикации крупных мемуарных памятников XVIII в. вызвали заметный общественно-историографический интерес и сопровождался откликами в прессе. В дореформенный период значится более 30 журнальных и газетных рецензий на издания мемуаров и дневников XVIII в. Они принадлежали перу авторитетных в ту пору литераторов и критиков, например Н. И. Греча, Н. А. Полевого, П. А. Плетнева, А. В. Дружинина, наконец, В. Г. Белинского. Первые рецензии (на Записки К. Манштейна и Э. Миниха) относятся еще к 1810—1817 гг., но большая их часть была напечатана в 1840-х годах. Так, семь рецензий последовало на издание дневника С. А. Порошина 1844 г.¹⁷¹, шесть — на записки В. А. Нащокина 1842 г.¹⁷², пять — на записки И. А. Желябужского 1840 г.¹⁷³, четыре рецензии — на записки Данилова 1842 г.¹⁷⁴ и т. д.

Но все же преобладающая часть мемуарных произведений XVIII в. — 81 наименование, или 60 % от их общего числа, впервые было обнародовано в пореформенную эпоху. Напомним, что на эту эпоху приходится та же самая превалирующая доля мемуарных публикаций. Таким образом, всецело подтверждается вывод С. С. Дмитриева о том, что «подавляющее большинство русских воспоминаний, написанных в XVIII в. (и тем более дневников, добавим мы от себя. — А. Т.), увидело свет во второй половине XIX в.»¹⁷⁵ Именно теперь публикаторская деятельность в области мемуаристики XVIII в. получает наибольший размах и учено-историческую основательность благодаря развитию научных знаний о XVIII в., подъему исторической периодики, разносторонним усилиям архивистов, историков, издателей журналов, и в первую очередь П. И. Бартенева, М. И. Семевского, О. М. Бодянского, Л. Н. Майкова, В. А. Бильбасова. В «Русском архиве» было напечатано 23 мемуарных произведения XVIII в. (I, № 4, 17, 25, 26, 27, 33, 38, 42, 48, 64, 69, 83, 86, 87, 89, 90; II, № 1, 20, 28, 29, 47, 51, 55), в «Русской старине» — 14 (I, № 18, 28, 30, 32, 35, 61,

63, 68, 71, 75, 92; II, 32, 36, 39), в «Чтениях Общества истории и древностей Российских» — 10 (I, № 64, 66, 70, 79; II, № 17, 19, 27, 31, 46, 50). К этому надо добавить публикацию П. И. Бартевым ценных мемуарных источников XVIII в. в сборниках «Осьмнадцатый век» (I, № 16, 29; II, № 50) и «Архив князя Воронцова» (I, № 47, 55, 89; II, № 57).

Заново публикуются (в журналах и отдельными изданиями) в полном объеме доступных тогда текстов, тщательно выверенных и прокомментированных, воспоминания и дневники, ранее напечатанные неисправно и в отрывках. Среди этих фундаментальных публикаций, получивших в свое время общественно-научный резонанс и донныне не утративших археографического и историко-культурного значения, стоило бы назвать, например, издание П. И. Бартевым записок Н. Б. Долгорукой (1867), И. И. Неплюева (1871), Н. П. Барсуковым — дневника А. В. Храповицкого (1874 г. — при участии Д. В. Поленова и П. И. Бартева, переиздавшего дневник в 1901 г.), М. И. Семевским — записок А. Т. Болотова (1870—1873), Г. И. Добрынина и Я. П. Шаховского (1872), К. Манштейна (1875), Э. Миниха (1891), С. А. Порошина (наиболее полный сравнительно с предшествующими изданиями текст по списку, принадлежавшему Павлу I)¹⁷⁶, К. Н. Бестужевым-Рюминым — мемуаров Б. Миниха (1874), Л. Н. Майковым — «Достопамятных повествований» о Петре I А. К. Нартова (1891).

Нельзя обойти вниманием при этом и заметную роль зарубежной русской печати в обнаружении запретных мемуарных сочинений XVIII в. Так, впервые опубликованные еще в конце 1850-х годов в Лондоне Вольной типографией А. И. Герцена и Н. П. Огарева «О повреждении нравов в России» М. И. Щербатова и записки Екатерины II, в 1870-х годах не менее пяти раз выпускались в Лейпциге отдельными книгами издательством Э. Л. Каспровича.

Еще раз подчеркнем — то, что мы знаем ныне о русской мемуаристике XVIII в., наши представления о богатстве и разнообразии дошедших до нас ее памятников основаны главным образом на указанных выше изданиях и вообще публикаторских усилиях пореформенной поры. Историк русской литературы Л. Н. Майков был глубоко прав, когда в 1899 г. писал: «как немногочисленные издания памятников нашей недавней старины, то есть XVIII века, выпущенные в первой половине истекающего столетия»¹⁷⁷, — к мемуаристике это относилось в первую очередь. Поэтому в дореформенный период, особенно в начале XIX в., она предстала перед русским обществом куда в более скромном виде.

В первые годы нового столетия само существование мемуарной традиции XVIII в. виделось еще в весьма туманных и зыбких очертаниях. В 1808 г. М. Т. Каченовский в предисловии к выдержкам из записок Я. П. Шаховского, говоря о жизнеописаниях «славных людей осьмнадцатого столетия», отмечал: «Своих собственных записок исторических сего времени мы почти не имеем или, может быть, они еще никому не известны; очень мало осталось очевидных свидетелей царствования императрицы Елизаветы Петровны, а

еще менее таких, которые, сохраняя в памяти события времен Анны Иоановны, сообщили бы их прилежному собирателю для составления непрерывной цепи важнейших происшествий»¹⁷⁸. «Современные бытописания, известные под названием Записок (Memoires)» «во все времена и у всех просвещенных народов почитались драгоценными памятниками исторического беспристрастия», — писал два года спустя Н. С. Всеволожский, — и далее среди таких памятников, относящихся к «русской истории», указал только на записки «генерала Манштейна» и на представляемые им читателю «сии Записки господина действительного тайного советника и сенатора князь Якова Петровича Шаховского», «которым подобных на языке нашем еще не находится»¹⁷⁹.

В начале XIX в. ввиду редкости изданий отечественных мемуаров многим еще казалось, что история России XVIII в. освещена только записками иностранцев, в вопросе же о том, составлялись ли тогда воспоминания и дневники русскими людьми, а если составлялись, то сохранились ли, царяла полная неясность. В 1812 г. И. В. Лопухин в ответ на нападки современников на его собственные записки писал с горечью: «У нас их еще почти не водится, а на иностранном языке мало ли мемуаров читали?»¹⁸⁰ В 1817 г., отзываясь с похвалой о «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки, ярко отобразивших деятельность русских военачальников в походах 1812—1814 гг., Н. И. Греч обращался в этой связи к XVIII в.: «Какою благодарностию были бы мы обязаны тому из сподвижников Миниха, Румянцева и Суворова, который оставил бы нам Записки о своем времени! Мы с удовольствием читали Манштейна, де Линя, но удовольствие еще было бы вдвое сильнее, есть ли б сии воспоминания были нам оставлены русскими»¹⁸¹. Характерно, что Н. И. Греч, высоко оценивая записки Э. Миниха, писанные с «ясностью, простотою и истиною», наряду с ними не мог назвать в русской мемуарной литературе о XVIII в. ничего другого, кроме тех же записок К. Манштейна и жизнеописания Я. П. Шаховского¹⁸², — они, как помним, появились в печати еще в конце 1800-х годов.

Заметим попутно, что первые в XIX в. и, казалось бы, затерянные на страницах старинных журналов публикации мемуаров XVIII в. многие годы и даже десятилетия спустя продолжали жить в читательском обиходе, служа источником ознакомления с историей прошедшего столетия, хотя некоторые из мемуарных изданий начала века оказались, действительно, забытыми. Характерны в этом отношении записи в дневнике В. К. Кюхельбекера, который он вел в Свеаборгской тюрьме и куда заносил впечатления о только что прочитанных и особенно привлекших его внимание книгах. 8 сентября 1832 г. он отметил: «Записки князя Шаховского, помещенные в «Вестнике», чрезвычайно занимательны: очень желал бы я прочесть всю книгу, если она только напечатана (о чем, однако же, сомневаюсь)»¹⁸³, — В. К. Кюхельбекер имел здесь в виду «Вестник Европы» за 1808 г., где впервые появились в отрывках записки Я. П. Шаховского, но ему, как видим, остались неизвестны их книжные издания 1810 и 1821 гг. 19 сентября того же года он за-

писал в дневнике: «В 52 томе “Вестника” чрезвычайно занимательная статья “О детстве императора Павла Первого”: она извлечена из “Записки” Семена Андреевича Порошина. Жаль, что эти “Записки” не вполне напечатаны. Как бы я обрадовал матушку, если бы мог ей прочесть эту статью! Она всех людей, о которых тут говорится, лично знала; сверх того, память покойного императора ей драгоценна»¹⁸⁴. (Отец В. К. Кюхельбекера был близок к Павлу еще в бытность его наследником престола, в последние годы царствования снова вошел в милость — отсюда и столь необычная для декабристской среды теплота тона в отношении «покойного императора»). И вместе с тем такое длительное бытование мемуарных изданий начала XIX в. тоже есть свидетельство того, насколько они были еще труднодоступны в последующие десятилетия.

Но к исходу 1810-х годов стала намечаться известная переоценка прежних понятий о скудости мемуарного наследия XVIII в. «Мы, например, воображали лет за двадцать до сего, — писал в 1820 г. упомянутый выше В. Н. Каразин, — что никто из Россиян не записывал происшествий середины XVIII века и что История оного должна быть основана на мемуарах иностранцев, весьма недостаточных и большею частию исполненных кривотолков и неправд. Между тем явилось с тех пор не одно сочинение, укрывавшееся от взора нашего в дедовском шкафе и, — многозначительно добавлял В. П. Каразин далее, — самая еще малая часть из них открыта публике», а потому, «стоит только ударить челом перед почтенными нашими стариками, сберегающими в своих библиотеках драгоценнейшие исторические сведения»¹⁸⁵.

На этой переоценке прежде всего сказалось, естественно, появление к тому времени в печати — как в журналах, так и отдельными изданиями — ряда мемуарных памятников XVIII в., до того знакомых русской публике по устным преданиям или вовсе неизвестных. Поражал вместе с тем и сам прецедент их публикации оригинальным рукописям и авторитетным копиям — об их существовании никто ранее и не подозревал, теперь же они неожиданно всплывали на поверхность. Несомненно, однако, что за всем этим скрывалось еще одно немаловажное обстоятельство — не только печатное, но и потаенное распространение русских мемуарных сочинений в списках, именно в 1810-х годах ставшее особенно заметным. Об этом нельзя было сказать прямо, но намек на сей счет явственно улавливается из указания В. Н. Каразина на то, что «самая еще малая часть» мемуаров XVIII в. «открыта публике».

Можно было, конечно, «ударить челом» перед старожилами-владельцами и, возможно, самими авторами всякого рода записок XVIII в., хранившихся в «дедовских шкафах». Уже в 1820-е годы эти записки, как мы видели, сильно продвинулись в печать, но не будем забывать, что «дедовские шкафы» отпирались не так просто, что вовлечение в общественный оборот русских мемуаров и дневников XVIII в. проходило очень трудно, с немалыми перерывами, растянувшись на целое столетие.

Поэтому в первой половине XIX в. не раз еще раздавались голоса об их бедности сравнительно с записками иностранцев, от че-

то проистекают досадные и трудно восполнимые пробелы в освещении и крупных политических событий XVIII в., и его частной, домашней истории. «Все, что мы знаем об этом времени... знаем или от иностранцев, рассказывающих вкривь и вкось обо всем виденном и слышанном, или из официальных актов», но не из рассказов самих русских людей, современников Петра I и Екатерины I, Петра II и Анны Иоановны, Бирона и Елизаветы Петровны», — отмечали в 1842 г. «Отечественные записки» в рецензии на вышедшее тогда жизнеописание В. А. Нащокина¹⁸⁶. «Мы очень небогаты современными записками, — вторила ей другая рецензия на то же сочинение, — и в описании происшествий России в первой половине XVIII века должны прибегать к иностранцам, весьма недостоверным, а часто и неблагонамеренным»¹⁸⁷. Год спустя «Русский инвалид» по поводу записок М. В. Данилова писал: «Время, протекшее от кончины Петра Великого до кончины Екатерины II, не получило еще в истории определенного ясного образа <...> по недостаточности исторических материалов и преимущественно «записок» (memoires), которыми богаты другие европейские литературы»¹⁸⁸⁻¹⁸⁹. Указывая на отсутствие в России «порядочной истории» царствования Екатерины II и на недостатки «обнародованных сведений» о нем, «Литературная газета» в отклике на «Записки о Екатерине Великой статс-секретаря и кавалера А. М. Грибовского» сокрушалась о том, что и «самые записки о ее веке чрезвычайно редки»¹⁹⁰.

Когда П. П. Пекарский в середине 1850-х годов начал заниматься мемуаристикой прошедшего столетия, ему также представлялось, что «наша литература XVIII века, сравнительно с другими, бедна записками современников», что все записки русских людей того века «у нас известны наперечет»¹⁹¹. По этому поводу уже в нашем, XX в., исследовательница мемуаров Екатерины II Ф. Корнилович не без основания заметила, что он выразился так потому, что в 50-х годах «<...> мемуаров русских людей было известно немного»¹⁹². И в самом деле среди двадцати перечисленных П. П. Пекарским в его труде «Русские мемуары XVIII века» разного рода сочинений только половину составляли мемуарные произведения, относившиеся по времени создания к XVIII в. (воспоминания И. А. Желябужского, А. А. Матвеева, Э. Миниха, В. А. Нащокина, Н. Б. Долгорукой, И. И. Неплюева, М. В. Данилова, Я. П. Шаховского, А. Т. Болотова, дневник С. А. Порошина), остальные принадлежали к XIX в. или представляли собой повествования исторического, а не собственно мемуарного характера¹⁹³.

По нашим же данным, к середине 1850-х годов было опубликовано не менее 47 воспоминаний и дневников XVIII в., рассеянные, однако, в редких и малодоступных изданиях, они оказались, видимо, вне поля зрения П. П. Пекарского. Но справедливости ради надо сказать, что указанные выше произведения почти исчерпывали собой фонд наиболее значительных мемуарных сочинений XVIII в., приведенных к тому времени в известность.

Но даже в 1870 г. М. И. Семевский — великолепный знаток памятников русской мемуаристики XVIII в., столь много сделавший в последующие годы для их публикации, также писал о «весьма и весьма скудной литературе записок русских деятелей XVIII в.», особо оговорив, что «литература русской истории XVIII века не богата *печатными* мемуарами». Упомянув затем шестнадцать авторов, из которых к мемуаристам XVIII в. в строгом смысле слова может быть отнесено только десять (В. А. Нащокин, И. И. Неплюев, М. В. Данилов, Я. П. Шаховской, Екатерина II, М. М. Щербатов, А. Т. Болотов, А. В. Храповицкий, Д. Б. Мертваго, С. А. Порошин), М. И. Семевский заключал, что к данному перечню и сводятся имена «главнейших составителей *изданных* записок русских людей, сохранивших для отечественной истории сказания о событиях и деятелях XVIII в.»¹⁹⁴

*Перемены в сознании мемуаристов
начала века*

Первые симптомы нового понимания целей мемуаротворчества проявились в самом начале XIX в., еще до 1812 г. — в эпоху исторических сдвигов европейского масштаба, когда Россия пришла в непосредственное соприкосновение с военно-политическими последствиями Французской революции, а после свержения павловской тирании наметился либерально-конституционный курс Александра I, наступили надежды на общественное обновление, оживилось литературное движение, журналистика, идейная борьба. В эти годы уязвленные Аустерлицем и Тильзитом патриотические чувства обратили русское общество к своему прошлому, к национально-самобытным истокам государственного существования, к переоценке европейских культурных влияний, а на волне углублявшихся исторических интересов Н. М. Карамзин приступил к подготовке знаменитой «Истории государства Российского».

Именно в это время и возникают одно за другим обширные по замыслу и охвату событий мемуарно-автобиографические повествования, ориентированные на публикацию, — черта, ранее, как мы уже отмечали, не имевшая места в практике писания мемуаров в России.

Примечательно, что авторами этих повествований были лица, родившиеся еще в 40—50-х годах XVIII в., большую часть жизни прожившие в его пределах и по всем своим взглядам, привычкам, умонастроениям воплощавшие в себе его традиции. Конечно, традиции XVIII в. оставили свой отпечаток и на текстах их мемуаров — на их стиле, повествовательной манере, в некоторых случаях на лексике и т. д. В этом отношении они заключали в себе немало общего с упомянутыми выше записками Г. С. Винского, составленными тоже в начале XIX в. Но, начиная в первые годы XIX в. записывать воспоминания о пройденном ими жизненном пути, авторы повествований, о которых пойдет далее речь, уже поиному, чем их современники-мемуаристы конца XVIII в., смотрели на смысл и назначение своих автобиографических сочинений.

Видимо, в новых исторических условиях должно было что-то сильно измениться в культурном климате эпохи, в общественном сознании и историческом самоощущении личности, чтобы произошли столь заметные перемены в недрах мемуаротворчества,

чтобы ими оказались затронуты люди, вышедшие из глубин прошлого столетия.

В 1918 г. Б. Л. Модзалевский опубликовал по случайно и не-полно сохранившейся рукописи, обнаруженной в Киеве искусствоведом С. П. Яремичем, одно из таких произведений — «Жизнь и похождения Г. С. С. Б. Повесть справедливая, писанная им самим»¹. За этими сокращениями скрывалось имя Пафнутия Сергеевича Батурина — участника Семилетней и первой русско-турецкой войн, судебного чиновника в провинции, литератора, переводчика и драматурга, сотрудничавшего еще в «Собеседнике любителей Российского слова» Е. Р. Дашковой и Екатерины II, автора антимасонских трактатов и просветителя, ведавшего в Калуге местным театром и казенной типографией². П. С. Батурина умер в 1803 г. в возрасте 60 с лишним лет, а его автобиография была написана незадолго до того (авторизованная рукопись имела водяные знаки 1800 г.). В ней содержался подробный рассказ о семье, детстве, службе в гвардейском полку и на административных постах, литературно-издательской деятельности, театральной жизни в Петербурге и провинции³.

При всей своей житейско-бытовой конкретике жизнеописание П. С. Батурина было составлено как живое повествование по образцу, как предполагал Б. Л. Модзалевский, разобранного выше «Похождения некоторого Россиянина» П. З. Хомякова — человека одного с ним возраста и сходной военной биографии. Об этом свидетельствует не только общая с «Похождением» стилистическая манера, но и разительное совпадение с ним названия «Жизни» П. С. Батурина и чисто внешних приемов повествования, например зашифровка начальными буквами всех упоминаемых в тексте собственных имен. По мнению Б. Л. Модзалевского, «составляя свои правдивые воспоминания», П. С. Батурина «преследовал не только мемуарную, чисто историческую задачу, но имел в виду и цели литературные <...>, предполагая напечатать свою автобиографию; в ней он мог видеть много поучительного и <...> примером своей жизни, богатой приключениями и похождениями <...>, послужить на пользу другим или просто дать современникам занимательное чтение»⁴.

В начале века создаются и автобиографические записки знаменитой княгини Е. Р. Дашковой, сыгравшие полстолетия спустя столь важную роль в «рассекречивании» Вольной русской печатью политической истории XVIII в., высоко ценимые А. С. Пушкиным и А. И. Герценом, а ныне — после долгого перерыва — вновь вошедшие в круг живых исторических интересов читающей публики. Напомним, что после герценовской публикации записок Е. Р. Дашковой они привлекли к себе пристальное внимание русских историков, посвятивших им ряд интересных статей, но после серьезных работ на эту тему М. Ф. Шугурова и Н. Д. Чечулина и переиздания записок в конце прошлого — начале нынешнего века они почти на 70 лет выпали из культурно-исторического обихода, разделив в этом отношении судьбу многих мемуарных произведений XVIII в. И только в последние годы появился ряд трудов о запи-

сках и их авторе, среди которых следует отметить специальное исследование С. С. Дмитриева и Г. А. Веселой, предпосланное новому изданию памятника.

Помимо рассказа о заграничных путешествиях, встречах с Дидро и Вольтером, культурно-просветительской деятельности на посту руководителя двух русских академий, Е. Р. Дашкова откровенно освещала в записках придворные нравы конца елизаветинского времени, царствование Петра III, подоплеку заговора 1762 г. и воцарение Екатерины II, скрытые стороны ее управления государством и частной жизни, малопривлекательные поступки ее фаворитов и сановников, свои расхождения и ссоры с императрицей. Рассказывала Е. Р. Дашкова о судьбе А. Н. Радищева, его связях с А. Р. Воронцовым, о спорах на темы крепостного права и положения крестьян в России. Не утаивала она неприязни к Павлу I, посвятив ряд обличительных страниц тяжким годам его царствования и преследованиям, которым тогда подвергалась. Проскальзывали здесь и критические ноты в суждениях о молодом, недавно вступившем на престол Александре I.

Родственники и друзья уже не первый год уговаривали Дашкову заняться своими воспоминаниями. Но окончательно подвигли ее на этот труд настоятельные просьбы Марты Вильмот — дочери английских друзей Дашковой, гостившей у нее в 1803—1808 гг. в подмосковном имении Троицком, где давно отставленная от дел княгиня проводила остаток своей жизни. Там в 1804—1805 гг. и были составлены ее записки⁵, предваренные проникновенным посвящением автора Марте Вильмот.

С самого начала отметим, что это автобиографическое повествование, наполненное множеством запретных, острополитических сведений, Е. Р. Дашкова предназначала к распространению, полагая, что оно должно увидеть свет, когда ее не будет в живых. Отсюда, между прочим, и отбор фактов под определенным углом зрения, известная поза, «этикетность» в обрисовке своих поступков, самолюбование, выраженное на страницах записок достаточно отчетливо.

О публичном их назначении позволяют судить не только неоднократные обращения к читателю, но и «проговорки» автора относительно их цели. В одном из примечаний Е. Р. Дашкова, например, пишет: «Предупреждаю читателей, что мои записки, если они вообще увидят свет, будут изданы только после моей смерти», а в конце, упомянув о Марте Вильмот как инициаторе их создания, еще раз подчеркивает, что «написала эти мемуары, так как она очень этого хотела. Мисс Вильмот является единственной их распорядительницей с условием, что они будут напечатаны только после моей смерти»⁶.

Е. Р. Дашкова, заметил историк М. Ф. Шугуров, внимательно изучивший судьбу записок, хотела, чтобы они «были изданы в свет, так как <...> предназначала их не для удовлетворения любознательности и не для руководства в общественной или государственной деятельности того или другого лица, а для всей читающей публики»⁷. Следовательно, общественное назначение своих запи-

сок в отличие от предшественников — мемуаристов конца XVIII в. Е. Р. Дашкова понимала более широко и свободно. Позднее, в одном из писем к М. Вильмот, она признавалась: «Лишь из скромности я не решилась напечатать их при жизни»⁸. О желании Е. Р. Дашковой «насчет издания ее записок» хорошо знали, по свидетельству М. Вильмот, Ф. В. Растопчин, племянник княгини М. С. Воронцов и другие родственники. Знал об этом, конечно, и старший брат Е. Р. Дашковой, государственный деятель и дипломат А. Р. Воронцов, читавший незадолго до смерти первую часть записок; свою собственную автобиографию, о которой мы упоминали выше, он написал как раз в ответ на просьбы сестры сообщить необходимые для ее мемуарных занятий сведения о семье и политических событиях XVIII в.⁹

Из дневников М. Вильмот, недавно опубликованных у нас в отрывках, выясняется, что по мере составления записок, писавшихся по-французски, она копировала их и вместе с сестрой Кэтрин, которая тоже гостила тогда в Троицком, тщательно сверяла с оригиналом. Работа эта, завершившаяся в ноябре 1806 г.¹⁰, имела своим результатом создание двух французских списков, авторизованных Дашковой. Один из них остался в ее архиве, другой в 1807 г. был переправлен в Лондон с К. Вильмот. По-иному сложилась судьба автографа. В 1807 г. М. Вильмот решила вернуться на родину и, поскольку записки были посвящены и подарены ей, этот автограф (а также копию писем Екатерины II к Дашковой) взяла с собой. Однако ввиду обострения после Тильзитского мира отношений с Англией и полуопального положения Дашковой, близость к которой М. Вильмот была достаточно известна в верхах русского общества, правительство опасалось, что с М. Вильмот могут быть переправлены за границу сокровенные политические бумаги многознающей княгини. Для властей, видимо, не составляло секрета наличие в багаже молодой путешественницы и самих записок Дашковой. Не последнюю роль в этом сыграли происки Ф. В. Ростопчина, который, по словам М. Вильмот, «читал ее записки и посвящение и знал, что они были в моих руках». Хотя внешне он выказывал к Дашковой дружеские чувства и даже пользовался ее доверием, как человек крайне двуличный и вероломный был способен на тайный навет. Когда М. Вильмот была предупреждена одним осведомленным соотечественником об ожидающих ее преследованиях, а на таможене часть ее багажа и семейных бумаг подверглась досмотру, ей не оставалось ничего другого, как предать автограф сожжению¹¹.

Еще при жизни Е. Р. Дашковой (она умерла в январе 1810 г.) и, несомненно, при ее участии были предприняты и другие усилия по распространению записок и изготовлению с них списков. Прежде всего по ходу писания записок они переводились на английский язык, причем существовало два английских списка: подлинник перевода, выполненного к концу 1806 г. главным образом К. Вильмот, и его копия, изготовленная тогда же М. Вильмот¹². В ее дневнике за 11 сентября 1808 г. отмечено: «Кажется, вчера рассеялись чары, висевшие над “Записками” княгини. Она передала список...»¹³ Видимо, речь шла о каком-то списке, предназначавшемся,

с санкции Дашковой, для чтения, так сказать, на стороне. Один из таких ранних списков на языке оригинала и на бумаге с водяным знаком «1805» сохранился донныне в Пушкинском доме¹⁴.

Сразу после смерти Е. Р. Дашковой в Англии разгорается борьба вокруг публикации записок. Выполняя ее волю, М. Вильмот принимает в этом направлении энергичные меры, и в 1813 г. записки были подготовлены к печати (по списку, вывезенному из России К. Вильмот), причем выручку издательница собиралась пожертвовать в пользу пострадавших в России от наполеоновского нашествия¹⁵.

Однако эти попытки натолкнулись на неожиданные препятствия. М. Вильмот ознакомила с записками С. Р. Воронцова, послеотставки в 1806 г. с поста русского посла в Лондоне продолжавшего жить там на положении частного лица. Но он решительно воспротивился их публикации. Правда, в устных беседах с М. Вильмот и в последующей переписке с ней С. Р. Воронцов не назвал прямо истинных причин своего недовольства, но в целом они понятны. Старый вельможа страшился не только разглашения мемуарами сестры политических тайн и сокрушения репутации крупных государственных лиц прошедшего столетия. Он руководствовался и мотивами личного, фамильного порядка. Дело в том, что на страницах записок давались нелюбезные характеристики представителей многочисленной семьи Воронцовых и резко отрицательно изображался Петр III, к партии сторонников которого в пору его свержения и восшествия на престол Екатерины II принадлежал он сам. С. Р. Воронцов был готов даже поставить под сомнение подлинность записок Дашковой под тем предлогом, что отсутствуют их оригинал и они-де написаны «по памяти» самой М. Вильмот, пригрозив публично обвинить ее в подлоге¹⁶. В результате впервые они увидели свет в английском переводе только в 1840 г.— несколько лет спустя после кончины С. Р. Воронцова (эта первая публикация полного текста записок Дашковой легла в основу и первого русского их издания, осуществленного Вольной печатью А. И. Герцена в Лондоне в 1859 г.¹⁷).

В России рукописное распространение записок, начатое Е. Р. Дашковой, продолжалось и после ее смерти. Свой список она завещала М. С. Воронцову, но душеприказчик Е. Р. Дашковой поэт, сенатор, в прошлом статс-секретарь Павла I Ю. А. Нелединский-Мелецкий, обнаружив при разборе архива покойной княгини этот список, до 1812 г. не передавал его М. С. Воронцову, изготовив за это время свой список, который и послужил источником потаенного распространения дашковских мемуаров. Первым известным нам его свидетельством является запись в дневнике В. А. Мусина-Пушкина: «Март 1812 г. Весь день провел дома и по большей части читал "Жизнь Дашковой"»¹⁸.

В середине 1810-х годов со списка Ю. А. Нелединского-Мелецкого изготовил свой список П. А. Вяземский (бумага с водяным знаком 1814 г.)¹⁹ и, естественно, распространял его в кругу своих друзей. Так, в 1819 г. он давал его читать Н. М. Карамзину, который, видимо, ознакомил с мемуарами Е. Р. Дашковой и царскую

семью²⁰. В 1820-х годах этот же список П. А. Вяземского читал И. И. Дмитриев²¹, а позднее, в промежуток времени между 1833 и 1836 гг., он был предоставлен А. С. Пушкину, — в связи со своими историческими интересами к XVIII в., эпохе Екатерины II, работой над пугачевской темой и статьями о А. Н. Радищеве поэт читал этот список, оставлял на нем пометы и делал из него выписки, хотя впервые прочел записки Е. Р. Дашковой, вероятно, еще в 1823 г. в Одессе, где в его распоряжении мог оказаться авторизованный их список из библиотеки М. С. Воронцова²². (Именно этот сохранившийся по сию пору и признанный в литературе наиболее авторитетным список много лет спустя обнаружил П. И. Бартенев, разбирая воронцовский архив, и напечатал его на языке оригинала, а перевод его на русский язык был опубликован в известном издании Н. Д. Чечулина записок Дашковой 1907 г.²³⁻²⁴).

Историк и археограф А. Ф. Малиновский, после смерти Дашковой женившийся на ее племяннице — А. П. Исленьевой, упоминал о существовании ее записок «на русском и французском языках» — это, кстати, единственное свидетельство о хождении русских списков дашковских мемуаров²⁵.

До 1840-х годов, когда записки Е. Р. Дашковой были впервые опубликованы — сначала в Англии, а затем — отрывками — в «Москвитянине» М. П. Погодина и «Современнике»²⁶, они раскопались в России вообще более широко, чем мы можем сейчас предполагать, упоминания о них проникали даже в печать. В 1820 г. С. Н. Глинка поместил в «Русском вестнике» пространную биографию Е. Р. Дашковой, явно основанную на тексте записок и заключающую в себе намеки на их рукописное бытование²⁷. В 1836 г. Д. Н. Бантыш-Каменский впервые открыто сообщил в печати о существовании записок, указав на то, что по содержанию своему они еще не могут быть преданы гласности²⁸.

Еще более выразительный пример ориентации на публичное распространение являют собой «Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим».

По происхождению автор принадлежал к знатному роду, вознесшемуся в начальную пору царствования Петра I — его отец, киевский генерал-губернатор В. И. Лопухин приходился двоюродным племянником заточенной в монастырь царице Евдокии (сам И. В. Лопухин был, таким образом, троюродным племянником царевича Алексея Петровича). Он прожил почти все XVIII столетие (с 1703 по 1799 г.), помнил Петра I, его преемников на престоле, Б. Миниха и уже в преклонном возрасте делился своими воспоминаниями с близкими. Однако рассказы старшего Лопухина в записки сына не попали и П. И. Бартенев даже упрекал его в том, что он «не дорожил историческими преданиями своего семейства»²⁹. Зато они попали в записки чиновника и сенатора Ф. П. Лубяновского. Воспитанник и последователь И. В. Лопухина, сблизившийся с ним еще в 1790 г. в Москве, Лубяновский с его слов записал колоритные исторические рассказы о русской старине XVIII в. — о Петре I и его взаимоотношениях с опальной царицей Евдокией

Федоровной Лопухиной, Анне Иоановне, Петре Федоровиче в бытность его еще великим князем и т. д.³⁰

Проповедник добродетели и гуманистических идеалов, филантроп и моралист, прославивший на посту председателя Московской уголовной палаты бескорыстным защитником правосудия, видная фигура в масонско-просветительском движении конца XVIII в., участник «Дружеского ученого общества» и «Типографической кампании», И. В. Лопухин был ближайшим сподвижником Н. И. Новикова и И. П. Тургенева — отца известных в XIX в. братьев Александра и Николая Тургеневых. Оба они еще с детства боготворили Лопухина, видя в нем живое олицетворение высоких начал нравственности и человеколюбия. Культ Лопухина, царивший в этой семье, отразился в посвященной ему восторженно-похвальной речи А. Тургенева, произнесенной в 1801 г. в Дружеском литературном обществе — гражданственно настроенном кружке молодой дворянской интеллигенции³¹. В связи с разгромом кружка московских «мартинистов» И. В. Лопухин был привлечен в 1792 г. к следствию, ему грозила ссылка, но в конце концов Екатерина II оставила его в покое, разрешив поселиться в Москве у престарелого отца, где он и прожил до ее смерти под надзором полиции.

Павел I, вопреки репрессивной политике Екатерины II освободивший Н. И. Новикова и других пострадавших в последние годы ее царствования, выказал благоволение и к И. В. Лопухину, пожаловал его сенатором, но неподкупный и независимый, он не ужился с вздорным императором и отошел от двора. Александр I по воцарении тоже приближает к себе И. В. Лопухина, намеревается назначить его министром народного просвещения, при подготовке проектов государственных преобразований с И. В. Лопухиным советуется хорошо знавший его М. М. Сперанский, но масонское прошлое и здесь влияет на его судьбу. В окружении великой княгини Екатерины Павловны — центре консервативно-аристократической оппозиции либеральному курсу Александра I — заклятый враг «мартинистов» Ф. В. Растопчин плетет против И. В. Лопухина интриги, обвиняя его без всяких к тому оснований в «безнравственности», в масонском заговоре с целью умерщвления Екатерины II, и слухи об этом доходят до царя. По преданию, о клеветнических обвинениях в свой адрес Лопухин узнал от Лубянского, служившего тогда секретарем мужа великой княгини — принца Георгия Ольденбургского и знавшего о них не понаслышке³².

В такой атмосфере и велась работа над лопухинскими мемуарами (завершены к середине 1809 г.) с их отчетливо проведенной оправдательной тенденцией.

По словам П. И. Бартенева, они «имеют значение не столько автобиографии, как апологии: это самозащита одного из главных представителей русского масонства»³³. Впрочем, П. И. Бартенев был не совсем прав в оценке содержания записок И. В. Лопухина. Автобиографический материал на фоне описания событий общественной жизни и административной деятельности автора, дружеских связей с членами новиковского кружка, процесса 1792 г.,

службы при дворе Павла I и в московских департаментах Сена-та — все это занимает в записках достаточно много места. Вместе с тем вряд ли справедливо мнение Н. Эйдельмана — автора новейших работ о Лопухине, — что «формально записки не заключают в себе ничего противоцензурного»³⁴. Конечно, И. В. Лопухин осторожен и ряда щекотливых злободневных тем избегает касаться. Так, он ничего не пишет о взаимоотношениях Александра с Павлом I, обходит молчанием обстоятельства его устранения с престола и кончины, антиправительственные настроения в послетильзитский период. Но в записках то и дело проскальзывают совершенно недозволённые с цензурной точки зрения сведения и рассуждения. Рассказывая об учинённом над ним следствии, И. В. Лопухин не скрывает того, что главная цель допросов, руководимых самой императрицей, состояла в выяснении причастности к московским «мартинистам» великого князя Павла Петровича: «Все метилось на подозрение связей с той ближайшею к престолу особой, как я упоминал выше; прочее же было, так сказать, подобрано только для расширения завесы»³⁵. «Что же сказать о жизни придворской? — пишет И. В. Лопухин, рассказывая о службе статс-секретарем при Павле I. — Картина ее весьма известна и всегда та же, только с некоторою переменою в тенях. Корысть — идол и душа всех ее действий. Угодничество и притворство составляют в ней весь разум, и острое словцо в толчок ближнему — верх его»³⁶.

Со стоической прямоотой отзывается И. В. Лопухин об образе действий Екатерины II, высказывая свои нравственно-просветительские представления о том, как вообще должны складываться отношения между подданными и монархом в правильно устроенном государственном общежитии: «И государи могут ошибаться», а «ежели государя, не имея прямого понятия о какой-нибудь доброй вещи, дурных об ней мыслей, то никакого нет долга соображаться с таким ее заключением, и угождать ему была бы величайшая подлость». «Я думаю, — продолжает он в другом месте, — что не представлять государю о правде и о том, что требует общее государства благо, есть похищение истинной славы государевой и собственности общего и частного благосостояния, татьба, важнейшая многих родов ее, с крайнем бесчестьем строго по законам наказуемых»³⁷.

О том, что И. В. Лопухин предназначал свои записки для читателей, указывал он сам в их тексте: «Пишу только для приятелей и для любопытных, из коих, может быть, охотники до сказок будут быть мою читать тем охотнее, что это подлинно было и тетрадка та может быть приятна будет их любопытству»³⁸. Круг «любопытных» был, однако, весьма широк. В 60—80-х годах XIX в. биографы И. В. Лопухина и издатели его записок — А. Н. Афанасьев, О. М. Бодянский, П. И. Бартенев, люди в высшей степени осведомленные, — отмечали, что он сам активнейшим образом распространял их в обществе, даря их списки «многим своим знакомым», «в разные руки и места». Завершив работу над ними, И. В. Лопухин наладил изготовление списков. «Он тогда же, — писал П. И. Бартенев, — начал раздавать рукописные их книжки своим

приверженцам и приятелям. Все эти книжки одинаковой величины, в четверку, красивого письма»³⁹.

Один из таких списков с препроводительным письмом от 15 июня 1809 г. И. В. Лопухин послал в Белев В. А. Жуковскому, связанному с ним по давней дружбе с тургеневской семьей. В августе В. А. Жуковский сообщал А. И. Тургеневу, что И. В. Лопухин «подарил мне экземпляр своих записок; я велел уже для тебя, с его позволения, списывать», а в сентябре, делясь впечатлениями от прочитанной рукописи, писал: «Записки И. Вол. списываются для тебя, но очень медленно <...> я доставлю их тебе, в этом будь уверен. Что ни говори, но Иван Володимирович <...> есть человек необыкновенный, и, прочитав его “Записки” пожелаешь, чтобы таких людей было поболее, а для себя сочтешь счастьем пользоваться их дружбою. Не читав их, я был будто в нерешимости, любить ли его или нет, но, прочитав, решил к нему привязаться более и более»⁴⁰. Вероятно, в то же время список был послан И. В. Лопухиным и М. М. Сперанскому, специально просившему его об этом⁴¹.

В январской книжке «Друга юношества» за 1810 г. вслед за отрывком из автобиографии Н. Б. Долгоруковой с послесловием И. В. Лопухина было помещено письмо на имя последнего от некоего Г. В. И. В. Лопухин, как сказано там, «прислал к нему манускрипт своих записок о некоторых обстоятельствах жизни своей и службы».

И далее этот неведомый нам Г. В. публично благодарил сочинителя за столь ценный подарок, с высокой похвалой отозвался о содержании записок и высказывался о том, как они могут быть восприняты читателями⁴². Письмо Г. В. датировано 18 ноября 1809 г., следовательно, «манускрипт» И. В. Лопухин отправил ему примерно тогда же, когда начал рассылать списки «Записок» друзьям и знакомым.

Год спустя он озаботился и тем, чтобы записки стали достоянием одного из крупнейших русских архивохранилищ той эпохи — Московского Главного архива коллегии иностранных дел. 24 декабря 1810 г. И. В. Лопухин направил археографу и историку А. Ф. Малиновскому список своих мемуаров с письмом, из которого следует, как высоко понимал он их историческое значение. «Ваше превосходительство, как просвещенного любителя великих произведений истории и словесности и отличающегося в них искусством, а при том по всегдашней приязни, осмеливаюсь делать моим душеприказчиком, вручая книгу моих “Записок”, с просьбою поставить ее в библиотеку Архива, где есть и должно быть собрание всего — не одной только золотой древности»⁴³. В фондах Московского Главного архива сохранились два списка записок, на одном из которых помечено: «В библиотеку Московского архива Государственной коллегии иностранных дел поставил сам Лопухин. 24 декабря 1810 г.», на другом — запись аналогичного содержания с указанием на уведомляющее об этом письмо И. В. Лопухина на имя Н. Н. Бантыш-Каменского⁴⁴. Свидетельством деятельных мер И. В. Лопухина по «размещению» записок среди приятелей и зна-

комых может служить наличие в собрании отдела рукописей ГБЛ двух их списков начала XIX в. с авторскими дарственными надписями⁴⁵.

На этом, однако, распространение записок не остановилось. В том же самом «Друге юношества» — журнале, издававшемся его сподвижником и учеником по прежней масонской деятельности, писателем и управляющим типографией Московского университета М. И. Невзоровым, — И. В. Лопухин в начале 1812 г. напечатал пространный фрагмент из записок⁴⁶, а в мартовской книжке журнала за следующий год поместил небольшие выдержки из них в составе статьи «Примеры истинного геройства, или князь Репнин и Фенелон в своих собственных чертах»⁴⁷.

Еще до того записки И. В. Лопухина в списках получили известность среди столичной дворянской интеллигенции. Теперь же, после публикации, вокруг них завязалась открытая полемика. На автора посыпались нападки, о которых мы можем судить по печатным возражениям И. В. Лопухина в «Друге юношества», — в анонимной, но, несомненно, принадлежащей ему статье «Несть пророка в отечестве своем». «<...> Меня пожаловали в такого самолюбца, каково де другава и не сыщешь. И что особливо будто потому, что я написал записки некоторых обстоятельств моей жизни и пр. Возопили, иль прямее сказать, лихо зашептали против них некоторые, — правда, немногие, — большая часть, и особы истинно почтеннейшие, удостаивают их своего внимания. Знаю, что очень немногие, хотя некто и уверяет меня, что мои записки не одному ему не понравились, а всякому, кто их читал; не поверить ли уже ему? <...> И этот один так на меня напал, с приятельскою будто кручиною о вреде доброму моему имени, что как бы я тяжкое уголовное преступление учинил, что записки мои писал <...>. Ну, де, что за беда есть мои записки <...>, а записки без придирки можно “охотнику“ побранить только того, у кого в них ложь, а в моих, право, ее ни крошечки <...>»⁴⁸.

Видимо, первых читателей записок обескураживала их непривычная резкость и прямота в изображении мрачных сторон русской действительности, обнажение ее пороков и неурядиц. Но, надо думать, не только это, а само стремление столь откровенно написанное автобиографическое повествование, вопреки общепринятым нормам и вековой традиции, сделать достоянием гласности. Именно в этом и заключался смысл обвинений И. В. Лопухина в «самолюбии» и в том, зачем он вообще «записки свои писал». Любопытно, что даже братья Тургеневы — младшие друзья И. В. Лопухина — склонны были усматривать в распространении им записок своего рода самопрославление.

Сообщая 13 декабря 1809 г. В. А. Жуковскому о чтении только что присланного их списка, А. Тургенев признавался, что поначалу решил было составить на них свои возражения — «некоторые примечания» «на многие места в этой биографии, на многие черты в жизни его и на многие из мнений И. В.». Неудовлетворение вызвал среди прочего сам прецедент распространения автором своих мемуаров с их сосредоточенностью на личной судьбе в напряжен-

ных, политических обстоятельствах эпохи и с их оправдательно-полюемическим пафосом. А. Тургенев даже опасался, что это сильно повредит репутации Лопухина среди людей, плохо его знавших: «Вообще желал бы я, чтобы сии Записки не были пущены в публику при жизни его, но тогда уже, когда зависть и злоба умолкнут и одни дела останутся; чтобы сии записки были читаны только искренними друзьями его и беспристрастными его почитателями. Иначе они представят И. В. совсем в ложном свете. Они могут подумывать, что И. В., будучи так часто собственным своим панегиристом, уже ничего не упустил сказать в свою пользу <...> Я поступил бы против совести, если бы не признался, что в некоторых местах даже мне казалось, что И. В. позволяет себе иногда быть самолюбиву»⁴⁹. Точно так же отзывался тогда А. Тургенев о записках и в письме к Н. Тургеневу в Геттинген. Отвечая, тот выразил полное согласие с мнением брата и уже от себя добавил, что Лопухин, «кажется, видя, что люди к нему несправедливы и не отдают должной справедливости великим заслугам, решился сим хвалить себя!»⁵⁰.

Во всем этом нетрудно различить запоздалые отголоски тех же упреков в «самолюбии и охоте к прославлению себя», в недопустимости прижизненного обнародования автором своей автобиографии, которые за 20 с лишним лет до того раздавались по поводу выхода в свет «Похождения некоторого Россиянина» П. З. Хомякова. Разумеется, с тех пор в культурном сознании русского общества многое изменилось, и притом необратимо. Но сами эти отголоски, их острота не должны нас удивлять — ведь записки И. В. Лопухина явились первым в XIX в. мемуарно-автобиографическим сочинением, которое сразу же по составлении получило общественную огласку и проникло в печать не просто при жизни автора, а благодаря его собственным целеустремленным усилиям. И в этом отношении И. В. Лопухин, как увидим далее, намного опередил свое время. Поэтому ничего удивительного нет и в том, что понадобилось почти полвека, чтобы записки И. В. Лопухина могли быть опубликованы в России.

Но зато после его смерти они чрезвычайно широко расходились в списках. Об этом свидетельствуют, в частности, неоднократные упоминания о них в мемуарах и переписке современников. Так, декабрист В. И. Штейнгель, вспоминая в 1858 г. о том, как, будучи после Отечественной войны управляющим канцелярией московского главнокомандующего А. П. Тормасова, разбирал архив его предшественника Ф. В. Ростопчина и нашел там ценнейшие документы о преследовании Екатериной II масонов, заметил: «Все это довольно подробно описано в неизданных записках Ивана Владимировича Лопухина, очень интересных»⁵¹, — ясно, что Штейнгель был знаком с ними по одному из имевших хождение списков.

Еще в 1846 г. Н. И. Греч в рецензии на воспоминания Ф. В. Булгарина, отмечая особую занимательность мемуаров русских людей XVIII — начала XIX в., чем-либо примечательных, писал, что «у нас, в России есть несколько драгоценных книг в этом роде», но сетовал на то, что «многие существуют только в ру-

кописи: таковы, между прочим, прелюбопытные записки И. В. Лопухина»⁵². И конечно, их «рукописной» известности положили начало усилия самого автора, не пропавшие, как видим, даром. Достаточно сказать, что в архивохранилищах Москвы и Ленинграда сохранилось не менее 46 их списков (дальнейшие разыскания умножат это число), все они датируются первой половиной XIX в., причем некоторые относятся к его началу, — трудно найти другой мемуарный памятник той эпохи, который имел бы столь насыщенную рукописную традицию⁵³.

В печать же тексты записок Лопухина снова начинают проникать с 1830-х годов. Небольшие отрывки из них публикуются в 1832 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»⁵⁴ А. Ф. Восейкова, хорошо знавшего о записках Лопухина и даже напечатавшего о нем свои воспоминания⁵⁵. В 1836 г. о записках упоминает с пространном их цитированием Д. Н. Бантыш-Каменский в известном своем «Словаре»⁵⁶. В 1848 г. предполагалась публикация записок Лопухина в «Сыне отечества», о чем читающая публика была извещена издателями еще в конце предшествующего года, однако ужесточение цензурных стеснений в связи с революциями в Европе и брожением внутри страны помешало осуществлению этого замысла⁵⁷. В 1850 г. готовил лопухинские записки к печати К. А. Полевой, но и это намерение не было воплощено в жизнь⁵⁸.

С новой силой внимание к ним вспыхивает во второй половине 1850-х годов, в пору демократического подъема и широкого общественного движения за «открытие» запретных дотоле сторон политической истории России последних полутора веков. Уже тогда, в начале своего научно-археографического поприща, живой интерес к лопухинским мемуарам проявляет П. И. Бартнев, писавший в ноябре 1857 г. Н. В. Сушкову: «Подлинных записок Лопухина у меня нет, а есть лишь выписки из них, которые я лично сообщу вам»⁵⁹.

В те же годы личность Лопухина и его записки попадают в поле зрения фольклориста и историка А. Н. Афанасьева, известного своими демократическими убеждениями и негласно снабжавшего Герценовскую «Полярную звезду» потаенными историко-литературными материалами⁶⁰. Он занимал видный пост в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, где не только ознакомился с тем списком записок, который еще в 1810 г. был передан туда автором, но и снял с него копию. Именно эта копия и послужила основой для выпуска Герценом в 1860 г. в Лондоне отдельной книгой записок Лопухина — первой полной публикации их текста⁶¹. Существует весьма вероятное предположение, что копия записок была передана Герцену самим Афанасьевым во время его заграничного путешествия в середине того же года⁶².

Но за два года до того, когда в России не был снят еще запрет с лопухинских мемуаров, Афанасьев прямо ссылается на них в статье о Н. И. Новикове, помещенной в редактируемых им «Библиографических записках»⁶³, а в начале 1860 г. — до выхода лондонского издания записок — пишет статью уже о самом Лопухине,

основанную на их тексте, ссылаясь непосредственно на их список из Главного архива Министерства иностранных дел⁶⁴.

К этому же списку восходит и подготовленная О. М. Бодянским публикация записок Лопухина в ноябрьской и декабрьской книжках «Чтений в Обществе истории и древностей российских» за 1860 г., где она появилась с существенными цензурными изъятиями. «В Историческом нашем обществе,— извещал Афанасьев П. П. Пекарского в ноябре того же года,— идет открытая война с богомерзкою цензурою, которая <...> вторглась в наши пределы и предала поражению большую часть третьей книжки: пролились целые потоки красных чернил! <...> Придирки цензуры — верх нелепости! Гиляров*, например, недоволен тем местом записок Лопухина, где автор отдает преимущество греко-российскому исповеданию пред всеми прочими, и недоволен на следующем основании: как де можно сравнивать нашу веру с другими чуждыми нам религиями!» Лишь благодаря поддержке президента Общества либерального сановника С. Г. Строгонова Бодянскому удалось отстоять записки Лопухина хотя бы в таком урезанном виде⁶⁵.

Таковы вкратце основные вехи их посмертной и многотрудной издательской истории. Как видим, на протяжении первой половины XIX в. не раз предпринимались попытки предания гласности записок Лопухина, но в значительной мере — тщетно, ибо полный текст его мемуаров увидел свет только четверть века спустя после лондонского издания, когда Бартенева напечатал их в «Русском архиве» по списку В. А. Жуковского, полученному из семьи Елагиных⁶⁶.

А. И. Герцен видел в нравственном складе таких людей, как Е. Р. Дашкова и И. В. Лопухин, в самом запечатлении ими в мемуарах своего жизненного пути новый человеческий тип, разбуженный «петровским разгромом», выходящий «из своего затворничества», заявляющий свою способность и свое право на участие «в деле государственном»,— существеннейший итог культурно-исторического развития русского общества к исходу XVIII в.⁶⁷ «Живая, свободная личность, даже существенно отличающаяся своими воззрениями от потомков,— для Герцена одно из важных завоеваний русского XVIII столетия»⁶⁸.

Не боясь впасть в преувеличение, можно поэтому сказать, что не только создание Е. Р. Дашковой и И. В. Лопухиным своих мемуаров, но и небывалое, новаторское для того времени стремление добиться их публичного распространения и тем придать своим автобиографическим повествованиям значение «дела общественного» тоже было итогом векового процесса самоутверждения личности, проявлением ее внутреннего освобождения и духовной зрелости.

На зарождение в русской мемуаристике первых лет XIX в. тенденции к предназначению писавшихся в те годы воспоминаний к печати определенным образом влиял и опыт публикаций мемуарных произведений XVIII в., начало которого относится как раз к рубежу 1800—1810-х годов. Как бы мало ни было тогда таких

* Н. П. Гиляров-Платонов, публицист и философ, цензор Московского цензурного комитета.

публикаций, но ими вводились в оборот особо значимые в историческом отношении памятники, и почти каждая из них привлекала к себе внимание историков, литераторов, критиков и просто любителей чтений.

Уже первые появившиеся в печати мемуары XVIII в. осмыслились их издателями не только как предмет занимательного чтения, но и как произведения глубокого общественного смысла, поучительные для гражданского и нравственного воспитания. Публикуя в 1810 г. в «Друге юношества» отрывки из автобиографии Н. Б. Долгорукой, М. И. Невзоров, который через два года обнаружит там фрагмент записок И. В. Лопухина, обратился к публике со знаменательными словами: «Мы уповаем через то доставить читателям нашего журнала не только приятное препровождение времени, но истинную пользу, особливо для сердца. Здесь представлена нам картина непостоянства наружного счастья человеческого, из которого мы можем и должны научиться»⁶⁹. По поводу двухтомного жизнеописания Я. П. Шаховского в издательском предисловии Н. С. Всеволожского говорилось, что его «весьма лестно и любопытно для каждого благомыслящего Россиянина читать», ибо «сия книга содержит в себе превосходные уроки и примеры для благонравия»⁷⁰.

Казалось бы, речь шла о предании гласности памятников, и по времени своего создания, и по эпохе, в них отраженной, отдаленных от современности длительной исторической дистанцией. Но в журнальных откликах на появлявшиеся тогда мемуары прошедшего столетия проблема их публикации начинает обсуждаться с более широких общественно-исторических позиций, и уже одно это не могло не наводить на ассоциации, выходящие за пределы XVIII в. В 1810 г. в «Вестнике Европы» была помещена очень важная в этом отношении рецензия на московское издание записок К. Манштейна. Рецензия, подписанная криптонимом «Т», принадлежала вероятнее всего другу издателя журнала В. А. Жуковского, уже не раз упомянутому нами выше А. И. Тургеневу — петербургскому чиновнику, критику и историку, ученику А. Шлёцера по Геттингенскому университету. Именно так он подписывал свои рецензии и статьи, печатавшиеся в 1809—1810 гг. в «Вестнике Европы»⁷¹. В ней, в частности, говорилось: «Манштейновы записки о России давно уже известны любителям отечественной истории, которые могли читать их или в немецком подлиннике, или во французском переводе*. Не без основательной причины многие жаловались, почему для всей русской публики останутся в неизвестности записки, содержащие в себе происшествия самого любопытнейшего периода времени. Теперь жалобы сии должны уничтожиться, или, по крайней мере, уменьшиться. Можем заметить, что не одна только беспечность издателей и переводчиков стесняет круг исторических сведений о нашем отечестве; большею частью какие-то странные опасения и кривые толки людей, от излишества щекотливых, охочих предвещать беды и напасти, лишают целое общество полезных

* Рецензент ошибался — подлинник записок К. Манштейна был написан по-французски. ¹

сочинений». Говоря далее о том, что русская публика достойна из первых рук судить о мемуарно-исторических памятниках прошлого, даже если их авторы пристрастны и несправедливы в своих суждениях, рецензент пишет: «В некоторых случаях и самую несправедливую клевету надобно сделать всем известною, чтобы тем удобнее показать ее свету в настоящем гнусном ее виде. Просвещенной, критическим умом одаренной читатель не соблазнится ложным повествованием, ибо у него всегда готовы противоположные доказательства, между тем он хочет знать заблуждения, принадлежащие как самому сочинителю, так и людям, жившим с ним в одно время»⁷².

Это была принципиальная установка на образованного, мыслящего, осознающего свои гражданские права, живо интересующегося исторической литературой читателя, и она, естественно, подводила к вопросу о том, «почему для всей русской публики остаются в неизвестности» многие мемуарные произведения и не столь отдаленного прошлого. Несколько лет спустя, приветствуя выход в свет записок Э. Миниха, Н. И. Греч писал в «Сыне отечества»: «Желательно, чтоб сей пример побудил и других любителей бытий отечественных издавать в свет рукописи, хранящиеся под спудом»⁷³, а в обзоре русской литературы 1817 г., выразив от имени «всей отечественной публики» благодарность «издателю сей книги», еще в более решительных тонах повторил свое пожелание: «Смело можем <...> просить всех любителей и собирателей редких, любопытных рукописей об издании их в свет. Рукопись в руках частного человека капитал мертвый, печатная же книга почти бессмертна»⁷⁴.

Ясно, что в этой образной формуле, вобравшей в себя уже достаточно развившиеся понятия об общественном назначении мемуаристики, заключалась идея издания самого широкого круга мемуарных произведений; в том числе тех, которые писались и в сравнительно недавнее время.

Сближение с текущей печатью

Как же претворилось это новое, возникшее еще до 1812 г. понимание целей мемуаротворчества в его последующей практике, иными словами, как реально шел процесс сближения мемуаристики с современной печатью на протяжении дореформенного периода?

Для исчерпывающего освещения этого процесса надо прежде всего иметь точные данные об изменении величины временного разрыва между написанием и публикацией относительно всего массива мемуарных произведений, созданных в 1801—1860 гг. (как дневников, так и собственно мемуаров, причем не ограниченных только их автобиографической разновидностью, а взятых в целом). Методический стержень решения такой задачи — построение и последующее совмещение двух хронологических рядов: хронологии создания мемуарных произведений и хронологии движения их публикаций⁷⁵. Это, естественно, упирается в датирование всего корпуса мемуаров дореформенной эпохи (дневники автоматически дати-

руются временем их ведения). Но о том, когда было составлено подавляющее их большинство, мы не располагаем сколько-нибудь надежными сведениями. Лишь отдельные мемуары имеют авторские указания на время составления, но они нуждаются в проверке, датировки же, установленные в ряде случаев публикаторами и биографами мемуаристов, не могут быть приняты без предварительного уточнения.

Вообще надо сказать, что не только решение, но даже сама постановка подобной задачи была бы практически невозможна, если бы мы не имели в своем распоряжении упомянутый выше библиографический справочник по мемуаристике — ИДРДВ. В нем отмечено более 4000 названий, относящихся к дореформенному периоду⁷⁶. По нашим ориентировочным подсчетам, около 2500 из них составляют мемуары русского происхождения. Правда, это число регистрирует не созданные в дореформенный период произведения, а более широкий круг всех посвященных ему — многие мемуары о событиях и людях первой половины XIX в. писались уже в пореформенное время и в XX в. Вместе с тем некоторое число мемуаров, обращенных своим содержанием в последние десятилетия XVIII в., составлялись, как мы уже отмечали, тоже в первой половине XIX в., но зарегистрированы они в предшествующем томе ИДРДВ⁷⁷ — и их непременно следует учитывать в корпусе мемуаров, созданных в дореформенный период.

Короче говоря, при всех корректировках речь идет о датировании и текстологическом изучении громадного числа мемуаров — порядка более 2000 наименований. В первой главе настоящей работы были изложены итоги датирования примерно 250 русских мемуаров, посвященных XVIII в., — но это ведь почти десятая доля того мемуарного массива, который предстоит датировать по первой половине XIX в. В свое время мы датировали лишь незначительную его часть, относящуюся к эпохе 1812 г., — около 300 опубликованных произведений (из общего числа 411 посвященных этой эпохе)⁷⁸. Но это потребовало нескольких лет источниковедческих разысканий. Ясно, что датирование всего корпуса мемуаров дореформенной эпохи невыполнимо в рамках данного исследования — это дело будущего, осуществимое коллективными усилиями ученых.

Поэтому при нынешнем уровне источниковедческого изучения мемуаристики мы вынуждены ограничиться построением лишь хронологического ряда движения публикаций мемуаров, созданных в дореформенную эпоху, — ими фиксируется конечный результат сближения мемуаристики с современной печатью. Но и такого рода данные заключают в себе немало важного для характеристики интересующего нас процесса.

Этот ряд представлен в форме погодной динамики движения мемуарных публикаций за 1801—1860 гг. (табл. VIII). (В нем не учтены публикации мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г. — их погодная динамика была составлена ранее⁷⁹.) Он базируется на тех же принципах учета, которые были охарактеризованы выше при выявлении корпуса мемуарных произведений

XVIII в. и движения их публикаций в течение 1801—1916 гг. Источником таблицы погодной динамики послужили библиографические сведения, суммированные в соответствующих томах ИДРДВ, они были дополнены данными из других источниковедческо-библиографических изданий⁸⁰ и каталогов московских библиотек.

Показатели динамических рядов сгруппированы по десятилетиям и более крупным историческим периодам (табл. IX).

Какие же выводы можно извлечь из этих статистико-библиографических данных?

Общее число мемуарных публикаций за 1801—1860 гг. (мы оставляем пока в стороне публикации за этот период произведений, специально посвященных эпохе 1812 г., — они будут рассмотрены далее) составляет 529 наименований. Поскольку некоторые воспоминания и дневники (полностью и в отрывках) публиковались многократно, численность их самих несколько меньше — 376 названий.

Итак, в дореформенный период увидело свет 376 мемуарных произведений, созданных в его хронологических рамках. Определить удельный вес данной величины в общем количестве возникших в этот период произведений не представляется возможным, но с точки зрения сближения мемуаристики с современной печатью она весьма значима — вспомним, что за весь XVIII в. было напечатано лишь 11 мемуарных произведений, созданных в его пределах.

Сопоставляя далее даты публикаций этих 376 произведений с библиографическими сведениями об авторах, мы без труда устанавливаем, что не менее 233 из них было напечатано прижизненно — и это число опять же чрезвычайно показательно в сравнении с XVIII в., когда при жизни авторов увидело свет всего шесть произведений.

Посмотрим теперь, как мемуарные произведения дореформенного периода, опубликованные в его пределах, распределяются хронологически (табл. б).

На протяжении всего периода численность произведений неуклонно нарастает, но в первые четыре десятилетия уровень абсолютных показателей, исчисляемых десятками, еще невысок. Резкий скачок наступает с 40-х годов, когда счет идет уже на сотни, и два предреформенных десятилетия дают более трех четвертей общего их числа за 1801—1860 гг.

Та же картина вырисовывается и при обращении к данным по прижизненно опубликованным произведениям — абсолютные показатели первых четырех десятилетий незначительны, но на два предреформенных падают те же три четверти общего числа произведений этой категории за 1801—1860 гг. Отсюда следует, что процесс сближения мемуаристики с современной печатью с 40-х годов XIX в. существенным образом убыстряется. Нельзя вместе с тем не отметить высокий удельный вес прижизненно опубликованных произведений в первом и втором десятилетиях относительно общего их числа в пределах этих десятилетий: 92 % (13 названий из

Таблица 6

Мемуарные произведения дореформенного периода
в хронологической динамике

Годы	Мемуарные произведения дореформенного периода, опубликованные в его пределах (1801—1860 гг.)		В том числе опубликованные прижизненно	
	абс.	%	абс.	%
1801—1810	1		1	
1811—1820	13	3	12	5
1821—1830	23	6	17	7
1831—1840	42	11	30	13
1841—1850	99	26	48	21
1851—1860	198	52	125	54
1801—1840	79	21	60	26
1841—1860	297	79	173	74
Итого	376	100	233	100

14). Проще говоря, почти все мемуары и дневники, увидевшие тогда свет, публиковались при жизни авторов.

Уже из этих данных ясно, что 40-е годы XIX в. обозначают собой четкую грань в развитии дореформенной мемуаристики.

Посмотрим под этим углом зрения на движение мемуарных публикаций.

Прежде всего из погодного динамического ряда (см. табл. VIII) явствует, что, если не считать двух-трех произведений, опубликованных в 1810 и 1812 гг. в журналах (в том числе и отрывок из упомянутых выше записок И. В. Лопухина), процесс публикации воспоминаний и дневников начинается, в сущности, после окончания наполеоновских войн — с середины 1810 г. — и продолжается затем практически непрерывно. Степень насыщенности мемуарными публикациями русской печати гораздо выше, чем тот же показатель по воспоминаниям и дневникам XVIII в. Если последние в течение дореформенного периода не публиковались в общей сложности 23 года (см. табл. III), то мемуарные произведения первой половины XIX в. — 13 лет.

Далее. Данные по десятилетиям (см. табл. IX) подтверждают сформулированный выше вывод о преимущественном развитии мемуаристики в два предреформенные десятилетия, на которые приходится 77 % (408 из 529) мемуарных публикаций от общего их числа за 1801—1860 гг. Существенно, что на эти десятилетия падает абсолютное большинство первичных публикаций — 84 % (332 из 394) и отдельных изданий — 77 % (47 и 61) от суммарной численности каждой из указанных категорий за 1801—1860 гг.

Следовательно, если судить о состоянии мемуаристики по тому, как она была представлена в печати, то именно в эти десятилетия отмечается стремительный взлет, до того же, т. е. большую часть

дореформенного периода, ее развитие в целом совершалось относительно замедленно.

Бурный рост мемуаристики в предреформенные десятилетия, выразившийся в громадном увеличении мемуарных публикаций, и особенно внушительный в 50-х годах (на них приходится вообще половина всех публикаций за 1801—1860 гг.: 263 из 529), объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, обстоятельствами, так сказать, внутреннего порядка: подспудным, но очень интенсивным развитием с 40-х годов общественной мысли, углублением идейной поляризации, затем наступившим со второй половины 50-х годов в условиях подготовки крестьянской реформы и назревания революционной ситуации общественным подъемом — оживлением печати, смягчением цензурных стеснений, обострением интереса к прошлому, возможностью публичного освещения многих прежде скрытых его сторон и т. д. Во-вторых, Крымской войной — крупнейшим после 1812 г. военно-политическим событием национального значения, уже во второй половине 50-х годов, вызвавшим целый поток воспоминаний ее участников.

Знаменательно, что эти же предреформенные десятилетия отмечены и наиболее высокими темпами сближения мемуаристики с печатью. Едва ли не первостепенными для количественной характеристики этого процесса являются данные о доле мемуарных публикаций в прессе сравнительно с другими их видами. Как следует из табл. IX, в пределах каждого десятилетия удельный вес журнально-газетных публикаций устойчиво держится в дореформенный период на преобладающем высоком уровне 70—80 %, а в 40—50-х годах составляет 77 % от общего их числа за 1801—1860 гг. (322 из 413). Значение этой величины выявится еще отчетливее, если мы сопоставим ее с удельным весом журнально-газетных публикаций мемуарных произведений XVIII в. за те же предреформенные десятилетия — на их долю приходился 41 %, или 33 публикации из 80 (см. табл. VI).

Хронологически неравномерный характер развития мемуаристики — замедленные темпы до 1840-х годов и интенсивный рост в два предреформенных десятилетия — вскрывается и наблюдениями над тематикой мемуарных публикаций (повторяем, мы пока исключаем из круга этих наблюдений публикации, посвященные эпохе 1812 г.).

В первые 15 лет XIX в. их, как уже отмечалось, вообще крайне мало, во второй половине 10-х и в 20-е годы в тематическом отношении они довольно пестры и случайны: например публикации воспоминаний о А. В. Суворове и драматурге Ф. Ф. Иванове, о П. А. Румянцеве и театральном деятеле конца XVIII в. П. А. Плавильщикове, о голландской экспедиции 1799 г. и т. д. Отсутствуют сколько-нибудь устойчивые тематические циклы, единственное исключение — серия публикаций об экспедиции русского флота в Архипелаг в 1806—1807 гг., о чем мы еще скажем далее. Почти отсутствует и военная тематика — мемуарные произведения этого рода появляются в печати только на исходе 20—30-х годов. Усиление внешнеполитической активности царизма в Восточном вопросе,

победное завершение войн с Персией и Турцией, повышение военного престижа России — все это выдвигало на передний план и военную тематику в мемуарных публикациях, посвященных, однако, не только самим этим войнам (ряд походных записок русских офицеров — участников боевых действий на Кавказе конца 20-х годов), но и войнам начала XIX в. (до 1812 г.), — благодаря главным образом публикации военно-мемуарных очерков Д. В. Давыдова (о них тоже речь впереди).

Только с конца 20-х годов начинают появляться воспоминания писателей и вообще мемуарные публикации на литературные темы — о Н. М. Карамзине, И. И. Дмитриеве, А. С. Грибоедове, Н. И. Грече (и самого Н. И. Греча о ранних годах жизни и вступлении на журнальное поприще), А. Ф. Вельтмана и т. д. В конце 30-х годов впервые печатаются отрывки из автобиографии А. С. Пушкина. Но таких публикаций в целом еще немного. Также невелики и мемуарные публикации об исторических событиях XVIII в. — упомянем среди них отрывки из записок Ю. В. Долгорукова, С. А. Тучкова, ранее не известная в литературе публикация фрагмента из записок И. В. Лопухина, уже отмеченная нами ранее⁸¹.

Сказанным, в сущности, исчерпывается основной круг мемуарных публикаций 1801—1840 гг. Как видим, тематически они весьма скудны и разрозненны, в них почти не представлено само русское общество в его социальном и культурном разрезе, помещичья среда, городская жизнь, просвещение и т. д.

В 1840—1850-х годах перед нами уже совершенно иная картина. Прежде всего ранее намечившиеся темы обрастают множеством разнообразных мемуарных публикаций. Заметно умножаются в 40-е годы на страницах печати воспоминания о XVIII в. (они следуют параллельно, рука об руку, с введением в общественный оборот в те же годы, как мы помним, и мемуарных произведений о XVIII в., возникших в его собственных пределах). Именно в те годы впервые публикуются отрывки из записок Е. Р. Дашковой, И. И. Дмитриева, статс-секретаря Екатерины II А. М. Грибовского, ее пажа и флигель-адъютанта Павла I А. А. Башилова, С. Н. Глинки, писателя и переводчика, профессора Харьковского университета И. Ф. Тимковского, ряд воспоминаний современников о Г. А. Потемкине. В конце 50-х годов ввиду цензурных послаблений становится возможным издание отдельными книгами, посвященными преимущественно XVIII в., мемуаров Г. Р. Державина, Л. Н. Энгельгардта, И. В. Лопухина, а в Лондоне, как уже отмечалось, — записок того же И. В. Лопухина и Е. Р. Дашковой. Появляются в русской печати и написанные уже в XIX в. воспоминания о пугачёвском движении — записи памятных рассказов его участников и старожилов, а также мемуары тех, кто на стороне правительственных войск подавлял восстание.

Значительно возрастают сравнительно с предшествующим десятилетием публикации литературных мемуаров — и по тематике, и по профессиональной принадлежности авторов. Трудно найти сколько-нибудь заметного писателя конца XVIII — первой половины XIX в., имя которого не возникло бы в мемуарных публикаци-

ях 40—50-х годов — Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, И. Ф. Богданович, А. С. Шишков, Н. П. Николев, Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков, С. Е. Раич, В. Г. Тепляков, И. А. Крылов, Н. М. Языков, А. В. Кольцов, В. А. Жуковский, М. Н. Загоскин, Н. И. Надеждин и т. д. Печатаются воспоминания о литературном движении начала века, о борьбе «Арзамаса» с «Беседой любителей русского слова». Богаты эти десятилетия мемуарными публикациями о А. С. Пушкине и Н. В. Гоголе, появляются первые воспоминания о М. Ю. Лермонтове и В. Г. Белинском. Событием становятся публикации (сначала журнальные, а затем и книжная) «Мелочей из записки моей памяти» поэта и критика М. А. Дмитриева — собрание мемуарных миниатюр о литературно-общественной жизни конца XVIII — первой трети XIX в. и о крупнейших писателях.

Продолжается публикация мемуарных произведений военно-исторического характера. Они концентрируются вокруг трех тем: русско-турецкая война 1828—1829 гг., кавказские войны 1830—1850-х годов, а с 1854 г. нарастает лавина мемуарных публикаций о Крымской войне — их численность составляет более четверти всех мемуарных публикаций за 50-е годы (69 из 263). Однако воспоминания о других военных событиях первой половины XIX в. в публикациях не представлены, если не считать перепечаток в собраниях сочинений Д. В. Давыдова 1848 и 1860 гг. его ранее увидевших свет мемуарных очерков о кампаниях 1806—1807 гг. и русско-шведской войне 1808—1809 гг.

Заметно увеличиваются мемуарные публикации о русских военачальниках: Ф. Н. Глинки о М. А. Милорадовиче, А. И. Михайловского-Данилевского о И. И. Дибиче, А. Маковеева о Н. М. Сипягине, адмирала А. И. Грена о Д. Н. Сенявине. Особенно обильно в 40—50-х годах печатаются воспоминания о А. В. Суворове его родных и друзей, боевых сподвижников в походах 1790-х годов, офицеров и солдат — ветеранов Итальянского и Швейцарского походов. Записи их позднейших рассказов о великом полководце появляются не только в журналах, но и отдельными сборниками.

В предреформенные десятилетия мемуарные публикации существенно обогащаются и за счет новых, прежде не проникавших на их страницы тем. Одна из них — театральная жизнь России конца XVIII — первой половины XIX в., история отдельных трупп и спектаклей, творческий путь и биографии актеров, драматургов, режиссеров (И. А. Дмитриевского, А. А. Шаховского, Ф. Ф. Кошкина, Е. С. Семеновой, В. А. Каратыгина, Н. И. Хмелевского, Ш. Л. Дидло, А. П. Глушковского и многих других). Публикации эти особенно заметны благодаря утвердившейся именно в этот период театральной прессе и появлению мемуаров таких крупных актеров, как, например, М. С. Щепкин и А. Е. Асенкова, и таких замечательных театралов, как С. П. Жихарев и С. Т. Аксаков. Другое новшество — воспоминания о художниках, в частности о К. П. Брюллове, А. Г. Венецианове, П. А. Федотове. Впервые публикуются и мемуары об ученых (их, правда, совсем немного) — физике П. Н. Стракове, китаисте Н. Я. Бичурине, этнографе и экономисте академике П. И. Кеппене, историках Т. Н. Грановском и П. Н. Кудрявцеве.

Принципиально новая черта мемуарных публикаций — освещение ими (особенно к концу предреформенного периода) внутренней жизни русского общества: столичной и провинциальной, дворянской и купеческой, крепостного быта, разночинных городских слоев, студенчества, деятельности губернской администрации, воспитания домашнего и военного (в кадетских корпусах), университетского образования и т. д.

В расчете на гласность

По мере расширения тематического диапазона мемуарных публикаций и повышения доли прижизненно опубликованных произведений складывается обычай писать мемуары *с прямым расчетом на обнаружение*. С такой целью составляются мемуары, увидевшие свет уже вскоре после завершения наполеоновских войн.

В 1815 г. в Москве в типографии известного книгопродавца С. И. Селивановского были отпечатаны «Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 г., самим им писанные». Автор — подполковник (впоследствии генерал-майор, участник походов 1812—1814 гг.), служивший в войне с Турцией при штабе командующего русской армией на Дунайском театре фельдмаршала А. А. Прозоровского, был послан с ответственной военно-дипломатической миссией к верховному визирю Мустафе-паше Байрактару и во время своей поездки вел подробные поденные записи — в несколько переработанном виде они и были выпущены отдельной книгой в 1815 г. Но еще в 1810 г. в самый разгар войны с Турцией А. Г. Краснокутский передал отрывок из своих записей в «Русский вестник» С. Н. Глинки⁸². Заметим, это была первая публикация дневника XIX в.

Предназначались к печати и два обширных и тоже основанных на поденных записях мемуарно-исторических описания экспедиции в Архипелаг русского флота под командованием вице-адмирала Д. Н. Синявина в 1806—1807 гг. Одно из них принадлежало П. П. Свиньину, прикомандированному к эскадре Д. Н. Сенявина в качестве дипломатического чиновника, другое — тоже участнику сенявинской экспедиции, В. Б. Броневскому, в будущем генерал-майору, военному писателю, автору известной в 1830-х годах «Истории Донского войска» и критического разбора «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. Оба сочинения вышли отдельными книгами⁸³, а отрывки из них многократно печатались в прессе, и в общей сумме все эти издания (15 наименований) составили подавляющую часть мемуарных публикаций конца 1810-х — начала 1820-х годов. И в последующем многие появлявшиеся в печати до-реформенной России военно-походные записки русских офицеров и моряков о войнах с Францией, персидской и турецкой кампаниях второй половины 1820-х годов, о боевых действиях на Кавказе и тем более о Крымской войне составлялись с явным прицелом на их публикации, преимущественно в журналах и газетах.

На этой основе уже в первые десятилетия XIX в. формируется особый тип литератора — военного мемуариста, систематически

выступающего в печати с воспоминаниями о своем недавнем боевом прошлом или с дневниковыми корреспонденциями о только что завершившихся кампаниях. В конце 1810-х — начале 1830-х годов в такой роли на страницах «Московского телеграфа» подвизается полковник-артиллерист, комендант крепости Эрзерум М. И. Соболев⁸⁴, в 1830—1840-е годы часто печатает в разных журналах свои походные записки о войне с Турцией в 1828—1829 гг. армейский офицер П. Н. Глебов, позднее генерал-лейтенант, военный историк, известный своими записками и о Крымской войне⁸⁵. Но самый яркий в этом отношении след на поприще русской военной мемуаристики оставил ее, в сущности, пионер, прославленный поэт и партизан 1812 г. Д. В. Давыдов.

Не касаясь сейчас военно-теоретических, публицистических сочинений Д. В. Давыдова и его мемуарной прозы на темы 1812 г. (о ней речь еще далее), кратко отметим его выступления в периодике 1820—1830-х годов с мемуарными очерками о войнах начала XIX в.

Вероятно, в конце 1823 г., выйдя в отставку после безуспешных попыток добиться перевода к А. П. Ермолову на Кавказ, Д. В. Давыдов пишет в Москве воспоминания о финляндской кампании 1808—1809 гг. и встречах с одним из популярнейших военачальников того времени генералом Я. П. Кульневым, применившем еще тогда партизанские методы боевых действий и погибшем в 1812 г. И тут же, видимо, по предварительной договоренности, он печатает их в альманахе продекабристской ориентации «Мнемозина», который был только что основан В. Ф. Одоевским и В. К. Кюхельбекером — цензурное разрешение на выпуск альманаха в свет датировано 17 января 1824 г.⁸⁶

В 1830-х годах окончательно покинув военную службу и всецело отдавшись мемуарно-историческим трудам, Д. В. Давыдов возобновляет писание воспоминаний о войнах начала XIX в., специально предназначая их к печати, и чуть ли не ежегодно публикует в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского и в других журналах памятные записки о А. В. Суворове и Н. М. Каменском и серию мемуарных очерков о войне с Францией в 1806—1807 гг.⁸⁷ В 1836 г. он намеревался даже выпустить их все отдельной книгой при содействии А. И. Михайловского-Данилевского, но план этот не осуществился. В 1837—1838 гг. Д. В. Давыдов объединяет их в один цикл и готовит, по предложению А. Ф. Смирдина, для собрания своих сочинений, вышедшего, однако, уже после его смерти, в 1840 г.⁸⁸ Наряду с увидевшими тогда свет историко-публицистическими статьями и мемуарами о 1812 г. эти воспоминания о войнах начала века главным образом и снискали Д. В. Давыдову известность виднейшего военного писателя 1830-х годов.

Такой же тип литератора-мемуариста складывается не только в военной, но и в чисто гражданской среде, и едва ли не чаще других появляется в журнальной мемуаристике 30—50-х годов имя Ф. В. Булгарина, оставившего по себе столь недобрую славу у современников и потомства. Не гнушавшийся в средствах литератор-коммерсант, удачливый беллетрист, имевший массового по тем

временам читателя, он точно улавливал новомодные литературные веяния и менявшиеся запросы публики, умел приспособляться к ее вкусам, и само сочинение и публикация им множества всякого рода воспоминаний (в том числе и многогомого автобиографического повествования, о котором мы еще скажем далее) служат убедительным доводом в пользу того, как сильно распространилась в русском обществе того времени тяга к мемуарно-исторической литературе.

А Булгарину было что вспомнить. Он родился в Польше в небогатой, но родовитой шляхетской семье, воспитывался в сухопутном кадетском корпусе в Петербурге, служил в уланском полку, участвовал в войнах с Францией в 1806—1807 гг. и Швецией в 1808—1809 гг., затем вернулся в Польшу, воевал на стороне французов в Испании и в рядах «великой армии» Наполеона против России, за что был награжден орденом Почетного легиона, в 1814 г. попал в плен, в 1819 г. перебрался в Петербург, сблизился с Н. И. Гречем и через него с влиятельными журналистами и издателями. За свою долгую жизнь Ф. В. Булгарин накопил богатейший запас впечатлений о политических и литературных событиях эпохи, встречался со множеством самых разных людей и был известен не только гонениями на А. С. Пушкина и писателей его круга, не только доносами на неугодных ему лиц, пресмыкательством перед властью имущими и темными связями с жандармским ведомством, но и прикосновенностью в первой половине 20-х годов к декабристам, дружеским знакомством с В. К. Кюхельбекером, А. О. Корниловичем, К. Ф. Рылевым, А. и Н. Бестужевыми, А. С. Грибоедовым, И. А. Крыловым, общением с крупными деятелями русского театра⁸⁹. Обладая цепкой памятью и острой наблюдательностью, он охотно и быстро писал мемуарные очерки-портреты исторических лиц, живые описания нравов, быта, человеческих характеров. Некоторые его воспоминания (например, о А. С. Грибоедове и И. А. Крылове), полные ценных биографических подробностей, сохраняют значение и поныне.

С 20-х до начала 50-х годов XIX в. отмечено десятка полтора таких сравнительно небольших по размерам мемуарных сочинения Ф. В. Булгарина, которые он тут же по их составлении печатал в «Библиотеке для чтения», в театральной периодике, отдельными брошюрами, в собрании своих сочинений, но более всего — в издававшейся им и стяжавшей столь же печальную славу, как и он сам, хотя, наверное, и наиболее читаемой тогда в России газете «Северная пчела»⁹⁰.

Можно назвать и ряд других русских мемуаристов первой половины XIX в., писавших воспоминания с той главным образом целью, чтобы увидеть их напечатанными, — например, литератора и этнографа М. Н. Макарова, помногу публиковавшего в журналах мемуары о русских писателях, театральной и общественной жизни конца XVIII — начала XIX в.⁹¹, московского поэта и критика Н. Д. Иванчина-Писарева, часто печатавшего мемуарные зарисовки литературного быта, записи устных воспоминаний о А. В. Суворове⁹² и т. д.

Таблица 7

Авторы мемуарных произведений дореформенного периода, опубликованных в его пределах

Годы	Всего авторов	Авторы, чьи произведения опубликованы с указанием их имени	В том числе прижизненно	Авторы, чьи произведения опубликованы без указания их имени
	абс.	абс.	абс.	абс.
1801—1810	1	1	1	—
1811—1820	12	12	11	—
1821—1830	20	16	11	4
1831—1840	31	25	17	6
1841—1850	70	54	27	16
1851—1860	173	139	99	34
1801—1840	64	54	40	10
1841—1860	243	193	126	50
Итого	307	247	166	60

Но вряд ли есть смысл умножать подобного рода примеры. Важно иметь в виду, что приобщение мемуаристов к авторству уже в первой половине XIX в. начинает принимать заметный размах. Это отчетливо видно из количественных показателей состава мемуаристов. Они получены путем анализа приведенных выше данных о мемуарных произведениях дореформенного периода, опубликованных в его пределах. На основе этих данных был составлен общий список мемуаристов, в котором фиксировались имена авторов, чьи произведения были опубликованы прижизненно и чьи — анонимно. Результаты подсчетов отражены в следующем ряду (табл. 7).

Как помним, в дореформенный период было опубликовано 376 мемуарных произведений, созданных в его хронологических пределах. Они представлены 307 авторами. Произведения 247 авторов публиковались с указанием их имени, не менее 60 — анонимно или под криптонимами. Следовательно, каждый пятый мемуарист не считал возможным открыто заявить свое авторство в печати (или оно не было обозначено издателями). И чем более расширялся в социальном и культурном отношении состав мемуаристов, публикующих свои произведения, тем больше было печатавших их анонимно. Если в первые четыре десятилетия XIX в., когда мемуары и дневники публиковались главным образом верхушкой дворянской интеллигенции и образованных кругов офицерства, авторы-«анонимы» составляли 17 % от суммарной их численности за 1801—1860 гг. (10 произведений из 60), то в предреформенный период, отмеченный наплывом в печать мемуаристов из более «низовых», демократических, слоев, соответственно — 83 %.

Конечно, надо учитывать, что анонимные публикации имели в ту эпоху вообще значительное распространение в критике, публицистике, прозе и т. д., и мемуаристы как бы следовали принятой в литературе манере. Но могли быть при этом и причины иного свойства, в том числе и злободневно-политического, чисто цензурного.

Так, в декабрьской книжке «Отечественных записок» за 1827 г. П. П. Свиньин начал печатать пространные извлечения из «Журнала Российского посольства в Персии 1817 года», принадлежавшего никому иному, как легендарно известному «проконсулу» Кавказа, генералу А. П. Ермолову, который весной того же года был смещен Николаем I с поста главнокомандующего в Грузии. «Журнал» (или дневник) велся А. П. Ермоловым во время дипломатической миссии к персидскому шаху для переговоров о выполнении Гюлистанского трактата 1813 г., освещая, таким образом, важное направление русской восточной политики⁹³. П. П. Свиньин, публикуя извлечения из «Журнала», не только не указал имени автора, но существенно отредактировал текст с целью изъятия всех реальных, могущих служить хотя бы намеком на личность А. П. Ермолова — главного действующего лица описываемых событий. В краткой вступительной заметке П. П. Свиньин писал: «Любопытная статья сия получена издателем от одного знаменитого литератора нашего, всегда готового содействовать распространению просвещения, наделявшего неоднократно Отечественные записки весьма полезными статьями», и затем привел сопроводительное письмо этого «знаменитого литератора», кончавшееся явной похвалой в адрес не названного автора «Журнала», — он составлен «с большою наблюдательностью, острою и знанием сердца человеческого»⁹⁴.

Надо сказать, что эта публикация, видимо в силу ее анонимного характера, прошла незамеченной современниками, не получила она отклика и в исторической литературе. Обычно, когда заходит речь об этом военно-дипломатическом эпизоде биографии А. П. Ермолова, ссылаются на «Чтения в Обществе истории и древностей российских» за 1863 г., где «Журнал» персидского посольства 1817 г. был напечатан полностью. Поэтому никто никогда и не пытался выяснить, кем был этот «знаменитый литератор», служивший посредником между А. П. Ермоловым и издателем «Отечественных записок» и был ли он вообще? Возможно, что П. П. Свиньин «вымыслил» это лицо, как и его «письмо», с целью утаивания своих связей с пребывавшим в царской немилости генералом (подобные мистификации издатель «Отечественных записок» нередко применял в своей журнальной практике).

Дело в том, что он поддерживал с семьей А. П. Ермолова личные отношения — его отец, П. А. Ермолов, проживавший в Орле, в том же 1827 г. присылал П. П. Свиньину корреспонденции для помещения в журнале⁹⁵. Именно в Орел, покинув Грузию 3 мая 1827 г., и направился А. П. Ермолов. Он прибыл туда только 15 июня, а еще 30 мая П. П. Свиньин конфиденциально сообщал из Петербурга А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Ермолов в

Орле у отца своего», неприязненно отозвавшись о полных «зависти и злобы» его гонителях⁹⁶. Уже одна эта более чем оперативная осведомленность П. П. Свинына в ближайших намерениях А. П. Ермолова выразительно свидетельствует о том, насколько тесно связан был с ним издатель «Отечественных записок».

Скорее всего непосредственно от А. П. Ермолова и были получены извлечения из персидского «Журнала». В любом случае они не могли появиться в «Отечественных записках» без его согласия, и сама публикация их П. П. Свиныным явилась в тех условиях скрытой демонстрацией сочувствия к опальному генералу, поступком, не укладывавшимся в принятые нормы отношений издателей журналов с властью.

Но таких случаев, когда проникновение на страницы печати мемуарных произведений имело под собой столь острую политическую подоплеку, было, думается, немного.

Памятуя же о том, что в мемуаристике открытое выявление личности автора более значимо, чем в других родах литературной деятельности, составляя имманентную, заданную, так сказать, самой природой жанра черту, 20 % мемуаристов, публиковавших свои произведения фактически анонимно, следует признать величиной достаточно внушительной и далеко не случайной. В этом могло сказаться влияние не изжитых еще в полной мере культурно-этических традиций XVIII в. с их неприятием права человека, пишущего мемуары, на выступление с ними в печати.

Существенно, далее, что из 247 авторов, обозначивших свое имя в печати, 166 публиковали свои мемуары и дневники прижизненно — или писали их с прямым расчетом на публикацию, или ранее составленные произведения сами передавали в редакции журналов, газет и книгоиздателям. В первые сорок лет XIX в. численность таких мемуаристов еще невелика — всего 40 человек, но в предреформенные десятилетия она возрастает в трехкратном размере — до 126 человек, или до 76 % от общего числа мемуаристов данной категории.

Понятно, среди этого количественно обширного круга мемуаристов выделяется, как следует из всего сказанного, сравнительно небольшая группа профессиональных журналистов, критиков, презабиков, чаще других публикующих свои мемуары, — для них это было дело привычное, не таящее в себе ничего исключительного. В основном же мемуаристы этого круга — люди различного общественного и профессионального положения, образовательного ценза, не искушенные, как правило, в литературном труде, — выступают с мемуарными произведениями в печати редко, быть может, один-два раза за всю жизнь, но даже через эти единичные мемуарные публикации они все равно приобщаются к «авторству», «втесняются», по старинному выражению Г. С. Винского, «в лик творцов сочинений».

Таким образом, уже в 10—20-х годах XIX в. в России возникает то, что всего точнее можно было бы обозначить, как «авторское самосознание мемуариста», хотя еще и осложненное, как мы видели, представлениями старого времени. Если в XVIII в. мемуаристы

чаще всего умалчивали о своих воспоминаниях и дневниках, сама мысль о публикации которых казалась предосудительной, то теперь мемуаротворчество начинает признаваться одним из равноправных родов литературного творчества в целом, доступным если не каждому, то во всяком случае многим, а сам мемуарист постепенно осознает себя участником текущей литературной жизни, автором от своего имени выступающим на ее арене. С особой же силой этот процесс сближения мемуаристики с современной пресой и книжным делом вообще выявляется в 40—50-х годах, когда оно становится широко распространенным, если не сказать, массовым явлением.

Не случайно, именно в эти предреформенные десятилетия в критике и публицистике поднимается вопрос об общественном статусе мемуариста и признании его полноценной фигурой литературного движения. В 1847 г. П. А. Вяземский — великолепный знаток русской и западноевропейской мемуаристики, в статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина», опубликованной, правда, только в 1879 г., писал: «Мы уже видим, что на Западе многие не принадлежавшие к касте так называемых литераторов пишут и печатают свои записки (memoires), путевые впечатления, письма и так далее. Они литературою, так сказать, не промышляют и не живут, но все-таки они сподвижники в деле книгопечатания и признают Гуттенберга своим предком». В России же, полагает П. А. Вяземский, «привычка отдавать себя в печать» еще не привилась среди тех, кто ведет свои памятные записки, они не стали пока «сподвижниками в деле книгопечатания», и «авторство» на поприще мемуаристики еще «почетное исключение». Из всех пишущих на Руси именно к мемуаристам более всего относились слова П. А. Вяземского о том, что «люди, не принадлежащие к разряду присяжных писателей, боятся выставить себя на показ, боятся причислить себя к известному ремеслу и вписаться в известный цех сочинителей»⁹⁷. Последние строки поразительно напоминают фразеологию Г. С. Винского, когда он писал о том, как понимает назначение своей автобиографии. Но здесь они употреблены, так сказать, с обратным знаком.

Десять лет спустя сходный с П. А. Вяземским взгляд выразил отставной артиллерийский генерал И. Т. Радожицкий — лицо, настолько примечательное в истории русской мемуаристики первой половины XIX в. и настолько прочно забытое, что о нем стоит сказать несколько подробнее.

Участник походов 1812—1815 гг., служивший затем в квартирмейстерской части Главного штаба, где был сосредоточен цвет военно-дворянской интеллигенции, И. Т. Радожицкий в 1823 г. уже в чине полковника, попадает в Отдельный Кавказский корпус, входит в тесно спаянный круг офицеров-«ермоловцев», в 20-х годах печатает в «Тифлисских ведомостях» и столичной прессе военные корреспонденции, очерки, повести, в 1829 г., в турецкую кампанию, встречается с приехавшим в армию И. Ф. Паскевича А. С. Пушкиным⁹⁸, в 1831 г. уезжает с Кавказа, поселяется в Туле, управляя там оружейным заводом. В 1835 г. И. Т. Радожицкий

издает в Москве в четырех томах «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год», зашифровав свое авторство инициалами «И...Р...». Это одно из интереснейших по историческому размаху, безупречной правдивости, благородно-демократической интонации повествование о наполеоновских войнах — своего рода офицерский мемуарный эпос — сразу же по выходе в свет завоевало популярность в читающей публике. Появились на него и многочисленные рецензии в прессе (среди них и рецензия Н. В. Гоголя в пушкинском «Современнике»⁹⁹), но ни в одной из них имя автора названо не было. В 50-х годах сам он не без иронии вспоминал, что на его книгу «отзывались каждый и каждая, по своему духу одобрительно, но даже многие дамы читали мои записки с удовольствием. Я это знаю и принимаю самую лестную награду, потому что завлечь русских дам читать военные записки артиллериста есть не последнее счастье»¹⁰⁰.

И. Т. Радожицкий умер в апреле 1861 г., а несколько лет спустя Л. Н. Толстой, собирая материалы для «Войны и мира», обратился к его давним запискам — они послужили претворенным источником при воссоздании в романе батальных сцен, походного быта и психологии рядовых тружеников войны¹⁰¹.

Войне на Кавказе, к которому, по словам И. Т. Радожицкого, «судьба меня приковала, с которым я сроднился душою и мыслями», он посвятил другое свое крупное мемуарное сочинение, полностью не изданное и поныне, — «Походные записки артиллериста в Азии», являющиеся, по замыслу автора, естественным продолжением военно-походных мемуаров об эпохе 1812 г. Записки эти — тоже в четырех томах, — охватывающие период с 1823 по 1831 г., И. Т. Радожицкий в 1839 и 1846 гг. пытался выпустить отдельной книгой, но — безуспешно.

Военная цензура, возглавляемая А. И. Михайловским-Данилевским, решительно воспротивилась их публикации и по причинам достаточно веским, с ее точки зрения. Как отмечалось в рапорте цензора П. К. Ломовского от 8 мая 1846 г., в записках шла речь о «некоторых злоупотреблениях и неисправностях по службе», «описания военных действий и соображений главнокомандующего не согласны с реляциями правительства», притом, что «славу, стяженную» И. Ф. Паскевичем, другими «генералами и русскими войсками» в войне с Турцией, автор явно принижает, а «образованность и образ жизни как военных, так и гражданских чиновников <...> в Грузии и на Кавказе» выставляет «весьма с невыгодной стороны». Было также замечено, что «смерть Грибоедова, Бурцова (декабриста, сосланного на Кавказ и погибшего там в 1829 г. — А. Т.) и тому подобные предметы должны быть согласны с тем, что было обнародовано Правительством»¹⁰². В сущности, дело касалось «совершенной переделки» представленной И. Т. Радожицким рукописи. И только в 1857 г., в пору высвобождения русского общества от тридцатилетнего застоя, он сумел опубликовать отрывок из «Походных записок артиллериста в Азии» в «Военном журнале» — уже под своим полным именем и с указанием на то, что ему при-

надлежат и «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год», напечатанные анонимно, «в 1835 году в Москве, в четырех частях»¹⁰³.

В заключение к «Походным запискам артиллериста в Азии», как бы отвечая давним своим оппонентам из военной цензуры, И. Т. Радожицкий выдвинул свое — в духе передовых общественных веяний — понимание гражданского долга мемуариста и его исторической ответственности за правдивое запечатление эпохи: «Русские историки и путешественники бывают часто сухи в своих описаниях, потому что они хотят везде видеть у себя хорошее, как будто стыдятся показать грубую подкладку национальности, умалчивают о погрешностях или раскрашивают с натяжкой блески добра <...>. Гораздо полезнее всегда говорить правду, хвалить хорошее и признаваться в своих недостатках. Иначе мы никогда не исправимся и не достигнем совершенства <...>. Старые истории, говорившие всегда о победах и героях, хороши были в свое время, когда во вражде народов национальное самолюбие требовало побед, но современники смеялись над такими историями, потому что очевидцы всегда скоро в публице распускают правду, и потомство не верит старым историям». Для новой же, «настоящей» истории всего важнее «записки очевидцев», поэтому, призывает далее И. Т. Радожицкий, «пусть ведут записки генералы, правители, судьи, медики, военные, помещики, купцы и всякий образованный человек. О, какой богатый запас материалов составилсЯ бы из всего не только для военной, политической, гражданской и народной истории, но даже для нравоописательных романов и драматических представлений». И знаменательно, что главную преграду на пути создания широких «мемуарных», как мы сказали бы, предпосылок этой истинно «народной истории» И. Т. Радожицкий видит в том, что в России не развилось еще в должной мере литературное самосознание мемуариста, скованного предрассудками прошлого, что не сложилась еще «привычка» открыто выступать с мемуарами на страницах печати, — сама возможность этого была вполне осознана лишь в борьбе за гласность во всех других родах общественной деятельности в эпоху подготовки буржуазных реформ на рубеже 50—60-х годов XIX в. «Взгляните на Европу, на Англию, Францию, Германию, Италию, — пишет И. Т. Радожицкий, — там деловые и должностные люди не пренебрегают писать мемуары и сочинять, не стыдятся быть литераторами <...>. Много ли у нас военных писателей, должностных сочинителей? И давно ли они показались? Не это ли предубеждение к литературным занятиям известных особ заставляет сочинителей скрываться в своих произведениях под вымышленными именами или под несколькими буквами, чтобы не казаться прямыми уродами среди хромого общества?» И эту тираду в защиту авторских прав мемуариста, обличающую вместе с тем отжившие литературные нравы, И. Т. Радожицкий завершает чрезвычайно характерным в контексте изменившихся общественных условий автобиографическим признанием: «В первых моих записках и я следовал этому примеру, а теперь, когда узнали меня, не стыжусь»¹⁰⁴.

Разумеется, политические воззрения, литературно-общественные позиции, жизненные судьбы И. Т. Радожицкого и П. А. Вяземского были весьма различны. Тем симптоматичнее совпадение их разделенных десятилетий дистанцией взглядов на состояние русской мемуаристики в ее сопоставлении с западноевропейской. Правда, оба они, пожалуй, слишком пессимистично оценивали ход сближения ее с современной печатью — к тому времени появились уже сотни обнародованных авторами мемуаров, хотя рассеянные во множестве журнальных и газетных публикаций они, действительно, были трудно обозримы в своей целостности. Как бы то ни было, сама постановка П. А. Вяземским и И. Т. Радожицким проблемы публикации в России мемуарных сочинений в связи с пробуждением авторского самосознания мемуаристов свидетельствовала о том, что к середине XIX в. проблема эта все более выдвигалась на повестку дня.

Ее актуальность чутко улавливал в те же годы и А. И. Герцен. В 1855 г. в предисловии к одной из частей «Былого и дум» он отмечал: «В настоящее время нет такой страны, в которой мемуары были бы так полезны, чем в России. Мы — благодаря цензуре — очень мало привыкли к гласности. Она пугает, удивляет и оскорбляет нас», а в другом месте добавлял: «У нас особенно полезно *печатание современных записок*»¹⁰⁵.

В свете сказанного стоило бы уточнить мнение С. С. Дмитриева насчет того, что «в дореформенной России авторы воспоминаний обыкновенно не предполагали прямо их публикацию», допуская возможность напечатания своих произведений «в неопределенном будущем»¹⁰⁶. Если иметь в виду дореформенную мемуаристику в целом, отвлекаясь от автобиографической ее разновидности, о чем мы еще скажем далее, то дело обстояло несколько иначе. Хотя множество мемуаров и тем более дневников первой половины XIX в. увидело свет во второй его половине и даже в XX в., когда их авторов давно уже не было в живых, сам обычай составления этого рода сочинений для печати вполне определился еще в дореформенное время.

С. С. Дмитриев, в частности, считает, что только со второй половины XIX в. «издатели и редакторы периодических органов стали заинтересованными в постоянном обеспечении своих изданий» произведениями «о реальных событиях и деятелях прошлого», что только с той поры «установилась практика заказывания редакторами и издателями мемуаров», лишь тогда людей, «которым было что вспомнить, начали привлекать к авторству»¹⁰⁷. Действительно, во второй половине XIX и начале XX в. благодаря развитию общей периодики и исторической журналистики, и в первую очередь усилиям М. И. Семевского, П. И. Бартенева, С. Н. Шубинского, направленная на печать практика писания мемуаров вошла, так сказать, в обиход общественно-литературной жизни. Но зародилась она, как мы видели, все же намного раньше, и уже в первые десятилетия XIX в. привлечение издателями журналов потенциальных мемуаристов к авторству прослеживается вполне отчетливо.

Свою лепту внесли в это журналы (и некоторые газеты) общеполитические, литературные, рассчитанные на массового по тем временам читателя. Собственно, все сколько-нибудь влиятельные органы русской периодики этого общего типа публиковали воспоминания и разного рода памятные заметки, написанные специально для печати, а нередко и по заказу самих издателей. Начиная с 1816 г. помещал на своих страницах таким образом возникшие мемуарные очерки современников «Сын отечества», особенно часто, когда его издавал Н. И. Греч. Но время от времени они появлялись, как мы видели, и в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (а затем — Н. И. Греча и Н. А. Полевого), в «Друге юношества» и «Вестнике Европы», в «Соревнователе просвещения и благотворения», издававшемся Вольным обществом любителей российской словесности — литературным филиалом ранних декабристских организаций, в «Северном архиве» и «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина, в «Московском телеграфе» братьев Полевых, «Телескопе» Н. И. Надеждина, в «Русском инвалиде» с его «Литературными прибавлениями» А. Ф. Воейкова, «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского, «Современнике» П. А. Плетнева и т. д.

Но наибольшую роль в приобщении мемуаристов к «авторству» сыграли два русских журнала дореформенного времени, ориентированные на историческую тематику. В 20-х годах это не раз упомянутые ранее «Отечественные записки» П. П. Свиньина, которые по своему профилю явились в какой-то мере предтечей русских исторических журналов второй половины XIX в.¹⁰⁸ Неумолимый путешественник и собиратель памятников русской старины, создатель одного из первых в России частных музеев национального значения, художник, беллетрист, историк, этнограф-бытописатель, П. П. Свиньин основал в 1820 г. это журнальное издание в ответ на возросшую после 1812 г. в русском обществе потребность в национально-историческом самопознании. Во взглядах П. П. Свиньина довольно рано стали проявляться консервативно-верноподданнические черты, но это не помешало тому, что поначалу журнал был связан с прогрессивно настроенной средой литераторов и военных, что в нем сотрудничали декабристы И. Г. Бурцов, Ф. Н. Глинка, А. О. Корнилович, М. Ф. Орлов, К. Ф. Рылеев. Уже после восстания П. П. Свиньин напечатал в нем рецензию на «Опыт теории налогов» «государственного преступника» Н. И. Тургенева, а публикуя в 1830 г. список авторов журнала, не побоялся назвать имена этих осужденных и преданных царизмом забвению людей. В «Отечественных записках» печатались также Н. А. Полевой и П. А. Вяземский, начинал свой литературный путь Н. В. Гоголь. Выше мы отмечали, как много было сделано «Отечественными записками» для введения в оборот мемуарных памятников XVIII в. Не меньшими были усилия П. П. Свиньина, вообще отдававшего предпочтение живому повествовательному материалу, и по изданию и популяризации мемуарных произведений современников. Помимо извлечений из «Персидского журнала» А. П. Ермолова в «Отечественных записках» был напечатан и ряд других походных

записок и воспоминаний, «добытых» П. П. Свиным у их авторов¹⁰⁹.

В 40-х — первой половине 50-х годов аналогичная, но куда большая по своим масштабам и значению была археографическая деятельность М. П. Погодина в «Москвитянине» (и когда он редактировал журнал совместно с С. П. Шевыревым, и когда в его издание включилась «Молодая редакция»).

«Москвитянин» обычно рассматривается в нашей литературе в трудах по истории русской журналистики или при оценке политических взглядов М. П. Погодина, проводившего на страницах своего издания идеи «официальной народности». Но политические позиции и общественно-научные воззрения М. П. Погодина, тесно связанного с писателями карамзинско-пушкинского круга, с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и многими славянофилами, не были столь однозначно реакционными во все периоды его журнальной деятельности, заключая в себе существенные оттенки, не вскрытые в историко-литературной науке. Недооценивалась и просветительская деятельность М. П. Погодина в области истории. Видимо, все это повлияло и на то, что из поля зрения исследователей ускользает роль «Москвитянина» во введении в общественный оборот множества исторических источников, и прежде всего мемуарных. На это, кстати, не обращается внимания и в историографических работах, посвященных деятельности М. П. Погодина как историка. Единственное исключение — обзор русской исторической журналистики С. С. Дмитриева, отметившего, что «Москвитянин» как бы предвосхитил в данном отношении позднейшую публикаторскую практику «Русского архива» П. И. Бартечева^{109а}.

За пятнадцатилетнее существование журнала публикации мемуарных произведений занимали в нем чрезвычайно большое место (в этом отношении «Москвитянин» еще ждет своего специального изучения). В общем балансе мемуарных публикаций в русской прессе этого времени удельный вес тех, что появлялись на его страницах, был очень высок. Из суммарного числа 185 публикаций в журналах и газетах за 1841—1855 гг., на долю одного «Москвитянина» приходится 65, т. е. более трети (См. табл. VIII, IX). М. П. Погодин обнаруживал в эти годы не менее 56 мемуарных произведений, из которых только пять были созданы в XVIII в. (мы упоминали их выше), остальные — это мемуары и дневники, возникшие уже в первой половине XIX в. Не забудем, что именно в «Москвитянине» впервые увидели свет отрывки из записок Е. Р. Дашковой (в переводе с английского издания 1840 г.)¹¹⁰, И. И. Дмитриева (по рукописи, представленной его племянником и душеприказчиком М. А. Дмитриевым)¹¹¹, интереснейшие мемуары статс-секретаря Екатерины II А. М. Грибовского¹¹², К. Н. Батюшкова¹¹³, Ю. А. Нелединского-Мелецкого¹¹⁴.

В «Москвитянине» был опубликован и такой ценный мемуарный источник по XVIII в., как записка полковника М. Н. Пекарского о восстании Пугачева и подавлении его правительственными войсками. А. С. Пушкину во время работы над «Историей Пугачева» она не была известна и попала к нему только в 1836 г. из кру-

гов, близких к журналу Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина «Сын отечества и Северный архив», где они намеревались напечатать ее, но натолкнулись на сопротивление цензурного ведомства. Цензор П. А. Корсаков, найдя записку «принадлежащую к разряду материалов исторических, на издание которых нужно высшее разрешение», представил ее в Главное управление цензуры. С. С. Уваров, на том основании, что «о бунте Пугачевском не было доселе ничего иного, кроме сочинения г. Пушкина, которое напечатано по особому разрешению правительства», направил записку А. Х. Бенкендорфу, а тот не нашел «возможным дозволить оную напечатать»¹¹⁵. Но в 1841 г. М. П. Погодину удалось каким-то образом миновать цензурные стеснения, и записка М. Н. Пекарского увидела свет в его журнале¹¹⁶.

Но более всего появившихся в «Москвитянине» мемуарных произведений (около 30 наименований) было передано в журнал самими авторами в ответ на запросы и даже прямые заказы М. П. Погодина. Так, для «Москвитянина» составлялись в 40-х годах мемуарные очерки о М. А. Милорадовиче его адъютантом и сподвижником по наполеоновским войнам Ф. Н. Глинкой, постоянно сотрудничавшим тогда в журнале М. П. Погодина¹¹⁷. Таким же путем попадают на его страницы воспоминания дипломата и писателя религиозно-мистического толка А. С. Струдзы о Н. М. Карамзине, В. А. Жуковском, Н. В. Гоголе и литературных объединениях начала XIX в.¹¹⁸ В начале 40-х годов М. П. Погодин узнает о иностранных, охватывающих время с конца 1770-х годов до 1815 г. мемуарах ветерана войны с Наполеоном полковника М. М. Петрова, жившего тогда в Воронеже, и, по желанию автора, публикует отрывки из него в своем журнале¹¹⁹.

В начале 1850-х годов литератор, профессор Харьковского университета И. Ф. Тимковский пишет воспоминания о детских годах, воспитании, встречах с Г. Р. Державиным, И. И. Дмитриевым, М. М. Херасковым, о последующей службе — и вскоре они появляются в «Москвитянине»¹²⁰. Как свидетельствовал П. П. Пекарский, записки И. Ф. Тимковского были писаны «по просьбе г. Погодина»¹²¹.

В 1850 г. ему передает для публикации в «Москвитянине» свои памятные заметки о А. С. Пушкине его кишиневский знакомый В. П. Горчаков¹²². С 1853 г. М. П. Погодин печатает в нем «Дневник студента» С. П. Жихарева, ярко запечатлевший театральную жизнь Москвы и Петербурга в начале XIX в.¹²³ Этот замечательный памятник русской мемуарной культуры сразу же при своем появлении вызвал живую реакцию современников. И. С. Тургенев, например, тогда же писал П. В. Анненкову: «Дневник студента в Москвитянине прекрасная вещь, и продолжения его жду с нетерпением», а в 60-х годах Л. Н. Толстой широко использовал «Дневник» в работе над «Войной и миром»¹²⁴.

В 1853 г. М. А. Дмитриев помещает в «Москвитянине» «Мелочи из запаса моей памяти»¹²⁵, а за два года до того — и свои воспоминания о И. М. Долгорукове, предназначавшиеся им для «Москвитянина»¹²⁶. В ноябре 1850 г. М. П. Погодин сообщил об этом

П. А. Вяземскому: «Дмитриев написал о князе И. М. Долгорукове. Вот, если бы и вы наградили нас воспоминаниями о Нелединском-Мелецком». О том, что они были уже написаны, М. П. Погодин, видимо, знал. 1 января 1849 г. П. А. Вяземский сообщал В. А. Жуковскому (вслед за упоминанием о составлении А. О. Смирновой ее записок): «Я также начал писать мои воспоминания о Нелединском. С ним сливаются воспоминания о моем отце и нашем московском доме. Тут и ты, вероятно, явившись в свою очередь. Не помнишь ли чего о Нелединском, каких-нибудь слов его etc.? Сообщи, если отроешь в памяти»¹²⁷. М. П. Погодин вместе с тем просит П. А. Вяземского, а заодно и В. А. Жуковского вообще пополнять свой журнал мемуарным материалом: «Москвитянин пошел очень хорошо и припадает к вам о содействии. Еще, может быть, год и наша возьмет <...> и возвратимся к преданию. Помните же, просим вас убедительно и замолвите слово у Василия Андреевича, который, верно, ведь не останется в праздности. Вы одолжили бы меня много, если б прислали хотя заглавия ваших писес, коих можно б было поместить в объявлении»¹²⁸. Вяземский и Жуковский своих воспоминаний в «Москвитянин» не прислали, но приведенные строки выразительно характеризуют разносторонние усилия М. П. Погодина по привлечению современников к писанию мемуаров для своего журнала.

Еще в 1844 г., когда «мемуарный» профиль журнала вполне определился, М. П. Погодин, публикуя автобиографические записки И. М. Долгорукова, имел все основания заявить: «Москвитянин делается таким образом беспрестанно более и более сокровищницею отечественных преданий»¹²⁹.

Мемуарные автобиографии дореформенной эпохи

Говоря о сближении дореформенной мемуаристики с современной печатью, нельзя не отметить еще одной существенной черты этого процесса. Речь идет о крайней немногочисленности публикаций крупных, развернутых по замыслу и исполнению, с широким охватом исторического фона эпохи мемуарно-автобиографических повествований — наиболее развитой, можно сказать, классической формы мемуаротворчества, достижениями которой и определялся общий уровень мемуарной культуры. А, надо сказать, что первая половина XIX в. — время расцвета, бурного подъема мемуарно-автобиографических повествований. Выше мы внимательно рассмотрели эту ведущую разновидность мемуаристики применительно к XVIII в. — ее стилистические истоки, социальный облик и ритм развития, трудные пути жанровой кристаллизации, наконец ее количественные параметры. Выяснилось, в частности, что за весь XVIII в. насчитывается немногим более 30 такого рода произведений, причем наибольшая их доля (по начальной дате составления) относится к последним четырем десятилетиям века. В дореформенный же период количество мемуарно-автобиографических повест-

вованый самого разного типа и социокультурной принадлежности исчисляется уже, видимо, не десятками, а сотнями наименований.

Между тем в выявленном корпусе мемуарных публикаций этого периода преобладают произведения по своим сюжетам и темам «внешнего» по отношению к биографии автора характера — типа «записок о событиях», как мы их обозначили выше. Это своего рода мемуарные отклики на отдельные явления, политической, литературной, театральной жизни 1800—1850-х годов на военные кампании, дипломатические акции и т. д. или воспоминания о государственных деятелях, военачальниках, писателях, ученых, художниках и т. д. Причем представлены они чаще всего отрывочными заметками, статьями, зарисовками, набросками, или, если употребить точное определение С. С. Дмитриева, «тематической мемуаристикой малых форм»¹³⁰. С этим, между прочим, связана чрезвычайно высокая доля на протяжении всего дореформенного периода мемуарных публикаций журнально-газетного типа.

Что касается отдельных изданий мемуаров и дневников (61 название), то основную их часть составляли небольшие по размерам брошюры, касавшиеся различных эпизодов, встреч, происшествий, свидетелями и участниками которых по тем или иным поводам доводилось быть авторам, или оттиски из журналов. Мемуарных же произведений, подготовленных специально для выпуска в виде отдельных изданий, очень мало. Даже одно из самых заметных «литературных» воспоминаний дореформенного времени — «Мелочи из запаса моей памяти» М. А. Дмитриева — были выпущены в 1854 г. как оттиск из «Москвитянина». (Второе, более полное и уточненное по рукописи их подлинно книжное издание, которым главным образом и пользуются исследователи, появилось в 1869 г. — уже после смерти автора.)

Значительные по объему и исторической содержательности мемуарные книги «внешнесобытийной» тематики, которые вызывали живой интерес читателей и критики, подобные, например, трехтомным «Воспоминаниям на флоте» П. П. Свинына (СПб., 1818—1819) и «Запискам морского офицера» В. Б. Броневского (СПб., 1818—1819, переиздание — СПб., 1836—1837), являются редкостью даже в середине века.

Столь же редки в дореформенный период издания в виде книг и целостных, хронологически последовательных мемуарно-автобиографических повествований.

Посмертные их публикации появляются не ранее 40-х годов — «Воспоминания и дневники» А. М. Грибовского (М., 1847 — тоже, кстати, оттиск из «Москвитянина»; составлены в конце 20-х — начале 30-х годов), «Записки» Л. Н. Энгельгардта (М., 1859; 1860 — написаны примерно тогда же), Г. Р. Державина, полное издание А. И. Герценом упомянутых выше записок И. В. Лопухина и Е. Р. Дашковой.

Уместно здесь вообще сказать, что основная масса возникших в первой половине XIX в. и наиболее известных произведений этого рода, как, скажем, автобиографические повествования А. Д. Борова, Ф. Ф. Вигеля, Ф. Н. Голицына, В. Н. Головиной, Н. И. Гре-

ча, Е. Ф. Комаровского, Ф. П. Лубяновского, А. И. Михайловского-Данилевского, Д. П. Рунича, Я. И. де Санглена и много других (перечислить даже малую их часть нет никакой возможности), увидела свет спустя многие годы и десятилетия после смерти авторов — во второй половине XIX в. и начале XX в.

Еще хуже обстояло дело с прижизненными публикациями мемуарно-автобиографических произведений (как в виде книг, так и в периодике). Мы уже видели, что первый опыт такого рода был предпринят накануне Отечественной войны, когда И. В. Лопухин напечатал в «Друге юношества» отрывки из своих записок. В изменившейся коренным образом в последующие годы общественно-политической обстановке это начинание не получило продолжения, в эпоху николаевского царствования оно почти глохнет, и в целом в первой половине XIX в. прижизненные публикации таких произведений, за несколькими исключениями, о которых мы еще скажем далее, практически отсутствуют.

Писание крупных автобиографических произведений с расчетом на печать и их публикации самим автором возобновляются только с середины XIX в.

Одним из первых становится на этот путь А. И. Герцен, приступивший в 1852 г., после духовного кризиса и тяжелейшей личной драмы, к созданию «Былого и дум» — великой мемуарной эпопеи, которая, как известно, явилась крупнейшей вехой в развитии европейской мемуаристики, но в равной степени может считаться замечательным памятником литературы и публицистики, философской и социально-исторической мысли XIX в. Пожалуй, одна из наиболее характерных, необычных для своего времени черт Герцена-мемуариста состояла в теснейшей связи самого процесса писания «Былого и дум» (растянувшегося, кстати, до конца 60-х годов) с их изданием, с непосредственным их предназначением русскому и зарубежному читателю, — разумеется, за исключением тех глав, которые Герцен не считал возможным предавать гласности по общественно-этическим, личным, политическим мотивам. Действительно, по мере подготовки тех или иных разделов «Былого и дум» очень скоро — иногда в том же году, когда были завершены, иногда год, полтора-два спустя — как журнальные статьи на животрепещущие историко-публицистические темы они появляются в изданиях Вольной печати. Так, уже в 1854 г. в Лондоне выходит отдельной книгой недавно написанная вторая часть «Былого и дум» — «Тюрьма и ссылка», а с 1855 г. Герцен едва ли не ежегодно публикует в «Полярной звезде» и другие части своих мемуаров¹³¹.

Однако их истоки восходят еще к ранним мемуарно-биографическим опытам 1830-х годов, когда Герцен, будучи еще очень молодым, едва переступив порог 20-летия, впервые ощутил особый характер своего творческого призвания, сочетавшего исповедально-лирическое начало с приверженностью к факту реальной, действительно бывшей, не вымышленной, действительности. Не случайно уже с середины 30-х годов автобиографические писания превращаются в центральное направление его литературной деятельности.

В приобщении Герцена к практике мемуаротворчества немалую роль сыграло и его живейшее участие летом 1836 г., во время пребывания в Вятке, в составлении записок ссыльного архитектора А. Л. Витберга. В ту же пору у Герцена созревают и замыслы собственного автобиографического повествования, контуры которых вырисовываются из переписки с московскими друзьями. Еще в апреле 1836 г. он писал Н. А. Захарьиной: «Я решительно хочу в каждом сочинении моем видеть отдельную часть жизни души моей. Пусть их совокупность будет иероглифическая биография моя, которую толпа не поймет, но поймут люди». А два месяца спустя делился с ней планом автобиографического труда, во многом предвосхитившего, как увидит читатель, сюжетную и идейно-психологическую канву первых частей «Былого и дум»: «От 1818 до 1835 ребячество, бессознательное состояние, зародыш человека; но тут вместе с моею жизнью сопрягается и пожар Москвы, где я валялся шести месяцев на улицах, и стан Иловайского, где я сосал молоко под выстрелами. Перед 1825 годом начинается вторая эпоха; важнейшее происшествие ее — встреча с Огаревым. Боже, как мы были тогда чисты, поэты, мечтатели; эта эпоха юности своим девизом будет иметь дружбу. Июль месяц 1834 окончил учебные годы жизни и начал годы странствования <...>»

Вскоре, в 1837—1841 гг. этот план был воплощен в автобиографической повести «О себе» и в «Записках одного молодого человека», а впоследствии — в несравненно обогащенном и преображенном виде — и в самой мемуарной эпопее 50—60-х годов. Но замечательно, что еще в разгар работы над ранними автобиографическими произведениями Герцена уже не оставляет мысли об их публикации. 14 января 1839 г., имея в виду повесть «О себе», он писал Н. И. Астракову из Владимира: «Я опять принялся за свою биографию и довольно удачно, написал “Университет” и “Холера”. Теперь пишу “Вятка”. *Смертельно хочется печататься* — или уже подождать освобождения?» (Курсив мой.— А. Т.). Непосредственно к печати предназначал Герцен и «Записки одного молодого человека», появившиеся (в неполном, правда, виде из-за цензурных стеснений) в 1840 и 1841 гг. в «Отечественных записках»¹³².

Во второй половине 50-х годов широко публикует в России свою мемуарно-художественную прозу С. Т. Аксаков, — писатель, в чьем творчестве автобиографическое начало, «воспоминания прежней жизни» также занимали главенствующее место. В 1856 и в 1858 гг. он печатает в целостном виде отдельными изданиями «Семейную хронику», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания», «Литературные и театральные воспоминания», ранее появлявшиеся лишь отрывками в журналах¹³³.

В 1830 г. выходят в свет и только что составленные автобиографические записки чиновника Синода Ф. Ф. Исмаилова¹³⁴.

Однако права гражданства практика прижизненных публикаций мемуарно-автобиографических произведений получает уже в пореформенную эпоху, когда сами авторы по мере составления своих жизнеописаний передают их в редакции журналов или выпускают отдельными книгами, а иногда даже и умирают, не успев

завершить их полностью. Дабы не ходить далеко за примерами, сошлемся на историю создания по заказу М. И. Семеvского воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет» и их публикацию в 70-х годах в «Русской старине» и трехтомной книгой¹³⁵. Подобных случаев было тогда множество¹³⁶.

Тем важнее внимательно присмотреться к изначальным росткам этой практики в дореформенный период и имевшим место тогда пусть даже и не вполне осуществившимся попыткам прижизненных публикаций мемуарно-автобиографических произведений.

Первая известная нам после записок И. В. Лопухина попытка такого рода связана с воспоминаниями И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь».

Видный поэт и государственный деятель, Иван Иванович Дмитриев родился в 1760 г. в старинной и богатой дворянской семье, с юных лет был определен в Семеновский полк, но, тяготясь военной службой, в 1796 г., получив чин капитана, собирался выйти в отставку, затем по ложному доносу в покушении на только что вступившего на престол Павла I был арестован, очень скоро прощен и, как это часто бывало в те времена, неожиданно возвышен. Став товарищем министра уделов и обер-прокурором Сената, он в 1799 г. увольняется со службы, в 1806 г. Александр I назначает его в Московский департамент Сената, а в 1810 г. — членом Государственного совета и министром юстиции, и на этом посту И. И. Дмитриев пребывает до 1814 г., после чего в высшем гражданском чине действительного тайного советника окончательно уходит в отставку и уже до конца своих дней (он умер в 1837 г.) живет в Москве на положении частного лица, председательствуя, правда, в Комиссии по оказанию помощи жителям столицы, пострадавшим в 1812 г. от французского вторжения.

Друг и единомышленник Н. М. Карамзина, прославленный в 1790-х — 1800-х годах баснописец, автор стихотворных сказок, сатир, эпиграмм, один из создателей «нового слога» в русской словесности, И. И. Дмитриев был соратником едва ли не всех крупных писателей той поры. Внутренне независимый, сохранивший личное достоинство и прямоту взглядов, презиравший придворные интриги и искательства, строгий блюститель светских приличий, в бытовом обиходе несколько суховатый и чопорный, И. И. Дмитриев пользовался непререкаемым литературным и нравственным авторитетом в просвященном дворянском обществе, будучи особенно почитаем младшими своими современниками, последователями Н. М. Карамзина, которые видели в нем живое воплощение культурных традиций и исторической памяти XVIII — начала XIX в.

Он был известен в этой среде и как великолепный рассказчик — мастер устной, стилистически отточенной мемуарной новеллы, охотно делившийся слышанными от разных лиц преданиями и богатейшим запасом впечатлений о литературном и общественном быте, о встречах со знаменитыми людьми, о закулисных тайнах правительственной политики, в которых по роду своей государственной деятельности, по близости ко двору при Павле I и Александре I был отлично осведомлен.

Из этой стихии устных мемуарных рассказов и вырос в конце 1810-х — начале 1820-х годов замысел создания записок И. И. Дмитриева, побуждаемого к тому уговорами друзей. Еще в ноябре 1818 г. В. А. Жуковский писал из Петербурга: «Не забудьте, что вы обещали писать свои записки. Здесь мы все говорим, что вам их писать надобно и писать так, как вы говорите. Никто не сравнится с вами в искусстве рассказывать, и не знаю, много ли найдется таких, которые бы так умели замечать и умели столько заметить в том, что обыкновенно у всех перед глазами»¹³⁷. «Здесь мы все» — это, помимо В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, и вообще бывшие тогда в Петербурге «арзамасцы» и знакомые И. И. Дмитриева. Стало быть, во второй половине 1810-х годов складывается некое групповое «общественное мнение», ратовавшее в пользу будущих его воспоминаний. В ответ на очередное обращение В. А. Жуковского с энергичным призывом: «Записки! Записки! Для них очинено перо ваше, острое и живописное!»¹³⁸ — И. И. Дмитриев писал 11 февраля 1823 г.: «Что же касается до записок, я часто и сам помышляю о них и в то же время роблю. Карамзин давно отчаял меня сочинять в прозе; однако ж, не во гневе его таланту, может и примусь за прозу, если удастся мне пожить на просторе в деревне. Увы! Я вспомнил, что Шаховской дописал свои записки в подмосковной, а мне уже за 60 лет, и нет еще начала»¹³⁹. Речь шла о не раз упомянутом нами жизнеописании Я. П. Шаховского, составлявшемся также по выходе в отставку, в уединении сельской жизни, о чем мечтает и И. И. Дмитриев. Интересно, как живо чувствует он свою связь — государственного человека в отставке — и с личной судьбой Я. П. Шаховского, и с мемуарной традицией XVIII в.: еще не приступив к собственным мемуарам, он уже мысленно обращается к одному из ярких ее образцов.

«Начало» записок не замедлило, однако, явиться — 20 июля 1823 г. датировано «Введение» к ним. 24 сентября Н. М. Карамзин пишет И. И. Дмитриеву: «Вчера был у меня Свиньин и сказывал, что ты пишешь исторические записки: я душевно обрадовался, это будет приятно для других, приятно и для тебя самого. Как бы мне хотелось стоять у тебя за плечами и следовать глазами за твоим пером! <...> Верно никто не будет читать твоих записок с таким любопытством, как я»¹⁴⁰. А. И. Михайловский-Данилевский, в том же 1823 г. узнавший от автора о начатом им труде, вспоминал несколько лет спустя: «Дмитриев составляет свое <...> жизнеописание, которое, по моему мнению, будет образцовым сочинением на нашем языке, потому что ему в 1823 году было более шестидесяти лет, и он сохранил память и свежесть воображения молодости; сверх того, переходя разного рода службы, он занимал важные государственные места, был при дворе, в связях со всеми отличными людьми своего времени и, следовательно, мы найдем в жизни его картину отечества нашего в течение пятидесяти лет»¹⁴¹.

Основной текст записок И. И. Дмитриев закончил в апреле 1825 г. 7 августа он писал В. В. Измайлову: «Три части записок моих кончены. Первая уже и переписана набело. Теперь занима-

юсь примечаниями по всем частям» — последние помечены 10 января 1826 г.¹⁴²

А. И. Михайловский-Данилевский в целом верно уловил исторический размах и общую значимость этого мемуарного труда. Охватывая несколько эпох жизни русского общества — от 1760-х до начала 1820-х годов он содержал красноречивый рассказ о провинциальном быте, детстве и воспитании, военной и административной службе, о Пугачевском восстании, смерти Екатерины II, воцарении Павла I, земском ополчении 1806 г., государственных преобразованиях накануне войны, о кружке московских «мартинистов», отношениях с Н. И. Новиковым, Г. Р. Державиным, Д. И. Фонвизиным, И. П. Елагиним, В. В. Капнистом, М. М. Херасковым и более всего, конечно, с Н. М. Карамзиным.

Тем не менее первые читатели и позднейшие критики¹⁴³ сочли записки И. И. Дмитриева недостаточно подробными, откровенными и явно уступающими его устным рассказам. По словам Н. П. Барсукова, они представляли собой «только скелет его живых разговоров»¹⁴⁴, а П. А. Вяземский еще в 20—30-х годах полагаю, что записки И. И. Дмитриева «слишком голы», и «хотя содержат много любопытного и на неуражае нашем питательны <...> он пишет их в мундире». «По настоящему, — добавлял далее П. А. Вяземский, — должно приложить бы к ним словесные прибавления, заимствованные из его разговоров». «Каждые два часа беседы с ним могут дать материалов на том записок»¹⁴⁵.

П. А. Вяземский был прав: «словесные прибавления» представляют интерес ничуть не меньший, чем текст «Взгляда на мою жизнь». Они записывались многими собеседниками И. И. Дмитриева — самим П. А. Вяземским в «Старой записной книжке», племянником поэта М. А. Дмитриевым — его «Мелочи из запаса моей памяти» наполовину состоят из рассказов дяди, А. С. Пушкиным в «Застольных разговорах», А. И. Михайловским-Данилевским в дневниках и воспоминаниях, Д. Н. Бантыш-Каменским, М. П. Погодиным и т. д. (Рассеянные в разных печатных и архивных источниках, эти записи до сих пор не собраны и в своей целостности нам, в сущности говоря, не известны).

Все это не умаляет, однако, ценности «письменных» мемуаров. Оформляя их текст, осторожный и избегавший крайностей И. И. Дмитриев опустил ряд пристрастных оценок, острых деталей, не подлежащих оглашению обстоятельств недавней политической истории России. Но даже в этом смягченном и не вполне удовлетворявшем современников варианте записки И. И. Дмитриева заключали в себе многое такое, что по цензурным условиям исключало возможность появления их в печати на протяжении 40 последующих лет и только в 1866 г. благодаря ходатайству близкого тогда к царской семье П. А. Вяземского перед Александром II удалось издать полностью «Взгляд на мою жизнь» с предисловием М. А. Дмитриева и примечаниями историка литературы и библиографа М. Н. Лонгинова¹⁴⁶.

Но сам И. И. Дмитриев предназначал записки к печати, что недвусмысленно дал понять во «Введении» к ним: «Может быть, со

временем записки мои будут известны; может быть, некоторые из читателей моих обвинят меня в том, что я, скудный в делах и мыслях, по самолюбию моему мечтал равняться с значительными людьми и, подобно им, продлить о себе память»¹⁴⁷. В этих словах, кстати, нетрудно увидеть оттенок некоторого самоуничижения, идущего еще от мемуаристов XVIII в. с их нежеланием предавать свои произведения гласности, дабы не быть заподозренными читающей публикой в тщеславии и авторском самолюбии. Но такой извиняющийся, самоуничижительный тон был уже явно неуместен в 20-х годах XIX в. в устах И. И. Дмитриева — знаменитого поэта и важного в недавнем прошлом государственного лица.

С. П. Шевырев в некрологе И. И. Дмитриеву сообщал, что после него «должны остаться <...> записки, которые, как он сам говорил, могут быть напечатаны только по смерти его»¹⁴⁸. Между тем при своей жизни И. И. Дмитриев, по свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, вовсе «не делал тайны из сих записок»¹⁴⁹ и распространял их довольно свободно. Выдержки из записок он сам охотно читал на литературных вечерах или давал на прочтение людям из своего окружения¹⁵⁰. В ходе работы над мемуарами он регулярно отправлял выписки из подготовленных частей Н. М. Карамзину — письма последнего с осени 1823 по весну 1825 г. пестрят просьбами и напоминаниями И. И. Дмитриеву о присылке «листочков из твоих записок», благодарностями за «живое удовольствие, с которым я читал и прочитывал твои милые выписки», и т. д.¹⁵¹ В Петербурге Н. М. Карамзин делился этими выписками со многими общими с И. И. Дмитриевым знакомыми. «Теперь чтение твоих записок, — писал он ему 5 марта 1824 г., — услаждает Жуковского. Все жалеют, что они коротки и с нетерпением хотят читать остальные <...> Будь милостив ко мне и другим петербургским, достойным твоей доверенности»¹⁵².

Более того, не испросив согласия автора, Н. М. Карамзин ознакомил с фрагментами записок царскую семью: «Я давал читать твои любезные отрывки императрице Елизавете Алексеевне. Она читала их с живейшим удовольствием и хвалила твою живопись», — писал он И. И. Дмитриеву 17 августа 1824 г., а в начале сентября уведомлял о том, что передал императрице другой отрывок, который она «списывает собственною рукою для государя, желавшего знать, как ты описываешь случай, ему известный»¹⁵³. «Известный», очевидно, еще ранее по устному преданию «случай» — это тот самый эпизод из биографии И. И. Дмитриева, когда в начале павловского царствования по ложному доносу он оказался под арестом. Любопытно, что Александра I заинтересовало то, как об этом эпизоде, характеризующем самовластие Павла I, рассказано теперь самим И. И. Дмитриевым в его записках¹⁵⁴. Списки отрывка из записок с рассказом об этом эпизоде распространялись в первой половине XIX в. Один из таких списков, который восходил, вероятно, к копии, снятой для Александра I Елизаветой Алексеевной, сохранился в архиве близкого к царю П. М. Волконского с пометой П. А. Вяземского: «Из неизданных записок Ив. Ив. Дмитриева»¹⁵⁵, А. И. Михайловский-Данилевский,

видимо, с его собственных слов, также сообщал, что «император Александр читал его записки, и они ему столь понравились, что по желанию его величества императрица Елизавета Алексеевна делала для него разные из них выписки»¹⁵⁶.

Наконец, по указанию М. Н. Лонгинова, «при жизни своей автор этих записок сообщил их в трех списках: Д. Н. Блудову, Д. В. Дашкову и князю П. А. Вяземскому»¹⁵⁷. Сам П. А. Вяземский свидетельствовал, что свои записки И. И. Дмитриев «мне <...> еще при жизни отдал», а после его смерти, считая себя даже душеприказчиком мемуарного наследия поэта, сообщил о том В. А. Жуковскому: «Записки свои завещал он по духовной своей мне, по крайней мере, как сказывал мне не один раз»¹⁵⁸.

В условиях достаточно широкой в литературных и вообще столичных кругах известности записок И. И. Дмитриева рождаются и первые замыслы продвижения их в печать — издатели журналов, зная о содержании записок, хорошо понимали, что даже небольшими выдержками из них могут привлечь читательскую аудиторию. В 1825 г. у И. И. Дмитриева просит отрывки из записок для помещения в «Полярной звезде» А. А. Бестужев, но получает отказ, хотя старый поэт относился к молодым издателям декабристского альманаха благожелательно и печатал в нем свои стихи¹⁵⁹. Например, в письме к своему петербургскому корреспонденту О. Е. Франку от 13 мая 1824 г. И. И. Дмитриев просит доставить книжную посылку «гвардии драгунского полка поручику или штабс-капитану Александру Александровичу Бестужеву» или «товарищу его (по «Полярной звезде») Рылеву»¹⁶⁰.

15 сентября 1826 г., едва узнав о возвращении А. С. Пушкина из Михайловской ссылки в Москву, А. А. Дельвиг шлет ему поздравление и призывает заручиться согласием местных литераторов на участие в альманахе «Северные цветы»: «Вербуй хорошенькие пьески мне, а более всего своего, Вяземского и Евгения. Тебе и Дмитриев не откажет хотя бы страничку из его журнала. Надеюсь на тебя, как на каменную стену»¹⁶¹. Замечательна сама уверенность А. А. Дельвига в том, что А. С. Пушкин, который шесть с лишним лет отсутствовал в столицах, непременно должен быть осведомлен о записках И. И. Дмитриева, — значит, можно предположить, что о них ему стало известно еще в Михайловском из сообщений друзей. Однако в сохранившейся переписке А. С. Пушкина за 1823—1826 гг. каких-либо упоминаний на этот счет нет. Об обращении А. С. Пушкина с этой просьбой к И. И. Дмитриеву тоже нет никаких данных. Во всяком случае, в «Северных цветах» тексты из его записок не появлялись.

Однако в 30-х годах позиция И. И. Дмитриева в этом вопросе изменилась — он дважды давал согласие на публикацию отрывков из своих записок.

Весной (или в начале лета) 1833 г., в самый разгар работы над «Историей Пугачева» А. С. Пушкин пишет И. И. Дмитриеву учтивое, исполненное подчеркнутого уважения письмо, где, сообщив о намерении выпустить ее в свет, обращается со следующей просьбой: «В Исторических записках (которые дай бог нам прочесть воз-

можно позже) Вы говорите о Пугачеве — и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену мсему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины»¹⁶². Как следует из этих слов, А. С. Пушкин хорошо представлял себе к тому времени содержание мемуаров И. И. Дмитриева и, видимо, был знаком с их текстом (часто наезжая после 1826 г. в Москву, он встречался с И. И. Дмитриевым и бывал у него в доме, с записками он мог ознакомиться и по списку П. А. Вяземского). Именно потому А. С. Пушкин и сбронил странную, на первый взгляд фразу о предпочтительности того, чтобы записки были прочтены «возможно позже», — поэт прекрасно понимал, в какой мере полный их текст непроеходим через цензуру 30-х годов.

Но «строки» записок, о которых шла речь, представляли для А. С. Пушкина совершенно особый интерес. Дело в том, что И. И. Дмитриев 15-летним юношей оказался в Москве на Болотной площади при казни Пугачева и с живыми, выразительными подробностями передал свои впечатления того дня в записках. Это уникальное, не имевшее себе никаких аналогий в источниках свидетельство А. С. Пушкин и надеялся поместить в своем историческом труде, растворив его в общем потоке повествований.

В декабре 1833 г. отрывок из записок И. И. Дмитриева с рассказом о казни Пугачева был получен при посредничестве М. П. Погодина, который 8 декабря 1833 г. записывал в дневнике: «<...> к Дмитриеву за рукописью Пушкину, которая меня очень тревожит»¹⁶³. В несколько усеченном виде А. С. Пушкин включил этот отрывок в последнюю, VIII главу своей «Истории» с предваряющим пояснением: «Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славой поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище»¹⁶⁴. Полный же текст отрывка он напечатал в примечаниях, где прямо указал на источник: «Из неизданных записок И. И. Дмитриева»¹⁶⁵. А. С. Пушкин явился, таким образом, первым их публикатором.

Вторая попытка была предпринята П. А. Вяземским. В 1836 г. он задумал издание «исторического и литературного сборника» «Старина и новизна», где предполагал печатать документальные источники, биографические, литературные и мемуарно-эпистолярные материалы преимущественно о XVIII — начале XIX в. Среди тех, к кому он обратился, был и И. И. Дмитриев. Переговоры с ним вел поначалу участвовавший в сборе материалов для «Старины и новизны» А. И. Тургенев, который 29 октября 1836 г. писал П. А. Вяземскому о том, что «заезжал к Дмитриеву» и «опять спросил, есть ли надежда для тебя на отрывок из его «Записок»». Дмитриев отвечал уклончиво¹⁶⁶. Тогда П. А. Вяземский сам обращается к нему с официально-почтительным письмом: «Я намерен издать исторический и литературный сборник и желал бы упрочить достоинство его вашим милостивым участием. Не соблаговолите ли

<...> наградить меня отрывками из ваших записок, напр., относительно до Державина, Карамзина, ваших первоначальных трудов и пр., или тем, что угодно будет вам»¹⁶⁷. На этот раз И. И. Дмитриев откликнулся и обещал «кое-что выбрать из моих записок», а к концу ноября прислал пространные выдержки о Т. Р. Державине, В. П. Петрове, Н. И. Новикове и Н. М. Карамзине¹⁶⁸. (П. А. Вяземский, располагавший списком записок, нуждался, видимо, для предполагаемой публикации в отражающих последнюю авторскую волю текстах).

В составленном им извещении о предстоящем издании «Старины и новизны» в числе литературных материалов были упомянуты и отрывки из «собственноручных записок Ив. Ив. Дмитриева». Извещение с этим упоминанием появилось в IV томе пушкинского «Современника», в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1837, № 3) и в «Сыне отечества» (1837, № 2). Таким образом, издание записок И. И. Дмитриева было трижды объявлено тогда в прессе. Сборник «Старина и новизна» не был опубликован — дальше собирания материалов и этих извещений дело не двинулось¹⁶⁹. Но для нас существенно само согласие И. И. Дмитриева на публикацию отрывков из записок, отражающее его стремление увидеть их напечатанными при своей жизни.

К 1830-м годам относятся попытки прижизненного обнародования еще одного автобиографического произведения — записок С. Н. Глинки, известных по изданию их отдельной книгой в 1895 г.¹⁷⁰, текст которой и до сего времени представляется аутентичным и вполне каноническим. Между тем это далеко не так — публикация записок С. Н. Глинки имеет сложную и весьма запутанную историю, в литературе никогда еще не рассматривавшуюся.

С. Н. Глинка (1776—1847) прожил долгую, полную невзгод и неожиданных поворотов жизнь, оставаясь при этом всегда самим собой, и его общественный облик не исчерпывается однозначной квалификацией «ретроградно-монархический», которая нередко встречается применительно к нему в историко-литературных трудах¹⁷¹.

Выходец из старинного рода смоленских дворян, С. Н. Глинка, как и младший его брат — будущий декабрист Ф. Н. Глинка, воспитывался в Петербурге в Сухопутном Кадетском корпусе — расаднике волномыслия и передовых военно-педагогических идей. Здесь он получил основательное по тем временам европейское образование в духе античных классических традиций и европейской философии XVIII в. С. Н. Глинка поклонялся тогда Вольтеру, Руссо, Монтескье, с восторгом встретил Французскую революцию, сочувствовал трагической участи Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, а любимым героем его был начинавший тогда свою блистательную карьеру Наполеон.

В эти годы сформировался и нравственный склад С. Н. Глинки — человека внутренне цельного, наивно-прямодушного, не в меру восторженного и экспансивного, свято верившего в добро и достоинство личности безотносительно к ее сословной принадлежности. Неприязнь к «барскому сиятельному чванству», к «богатой

и чиновной аристократии», к помещичьему произволу, уважение к «крестьянам-земледельцам» — «почтенным питателям рода человеческого» (сама мысль о том, что он может «иметь человека как собственность» глубоко коробила его) сочетались у С. Н. Глинки с приверженностью к устоям крепостного строя, который представлялся ему в патриархально-идиллических тонах. Ими были пронизаны и его взгляды на государственное устройство. Политическим идеалом С. Н. Глинки всегда оставалась монархия, но монархия, основанная на правосудии, на «твердых законах», которые строго блюдет «добрый царь» — так же, как и «добрый помещик» отечески печется о благе своих крестьян¹⁷².

Объективную и психологически точную характеристику С. Н. Глинки дал в свое время некрасовский «Современник», и она тем ценнее для нас, что архаичность его социальных воззрений не могла не быть чуждой журналу разночинно-демократического направления: «<...> Глинка был настоящий, искренний патриот, но вместе с тем и самостоятельный характер. Правда была для него главным указателем его действий, и он смело высказывал ее высокопоставленным людям», что подвергало его «чувствительным для него гонениям и житейским неудобствам, и готовность выдержать эти неудобства ради своего убеждения придает его личности действительную нравственную привлекательность»¹⁷³.

Окончив в 1795 г. Кадетский корпус, С. Н. Глинка поступает в армию, подолгу живет в Москве, завязывает здесь литературные связи, выйдя затем в отставку, три года учителем на Украине, а вернувшись в столицу, занимается переводами, пишет стихи и драмы, с успехом идущие на московской сцене.

После Тильзитского мира С. Н. Глинка становится на консервативные позиции. Тогда-то он и снискал шумную известность изданием «Русского вестника», пользовавшегося широким спросом в среде провинциального дворянства, городского престолярства и московской знати. В духе православно-монархического патриотизма он яростно обличал в этом журнале Наполеона и вообще все французское, противопоставляя им в качестве некоего идеала допетровскую Русь со всем ее общественным и культурным укладом, и стал наряду с А. С. Шишковым и Ф. В. Ростопчиным рупором охранительных умонастроений дворянского общества.

1812 год — апогей популярности С. Н. Глинки. Едва ли не первым записавшись в Московское ополчение, он взял на себя роль проповедника, «трибуна» народной войны (но «трибуна законного, трибуна правительства», — по меткому уточнению П. Вяземского¹⁷⁴), то и дело появлялся на улицах и площадях, неустанно возбуждая своими разговорами с жителями и печатно — через «Русский вестник» — патриотические чувства.

После войны «Русский вестник» утрачивает белую славу, а в 1824 г. и вовсе угасает. С. Глинка — плодовитый писатель, выступающий чуть ли не во всех жанрах литературы и публицистики, составляет многотомную «Русскую историю», пробует свои силы на педагогическом поприще, но все его начинания приносят одни долги. С. Глинка поступает в Московскую цензуру, но за нежелание

придерживаться «чугунного», как он писал сам, Устава 1826 г., превращающего «Цензурный комитет в инквизицию»¹⁷⁵, в 1830 г. смещается со своего поста, оставшись без средств к жизни. Тогда за него ходатайствуют перед влиятельными знакомыми П. А. Вяземский и А. С. Пушкин¹⁷⁶. Затем он уезжает из Москвы, живет в деревне у брата, надеется получить место директора Смоленской гимназии, в 1835 г. переселяется в Петербург.

Собственный житейский опыт заставляет шире взглянуть на современную политическую действительность, франкофобство эпохи наполеоновских войн сменяется новым увлечением французской культурой, усиливаются критические настроения. С. Глинка возмущается злоупотреблениями царских сановников: «От самоуправления министров будут вспыхивать каждый день четырнадцатые декабря», — заявляет он однажды во всеуслышание¹⁷⁷.

В то же время С. Н. Глинка болезненно переживает оттеснение с литературной арены: «Правительство меня забыло, — жалуется он в 1836 г., — иные за могилой оживают на поприще сочинителей, а я при жизни выпал из разряда писателей современных»¹⁷⁸. «Времени давно опередило его, почтенного ветерана нашей литературы! — писал несколько позднее В. Г. Белинский. — Мы видим его славу, знаем его имя, но сочинений его старых не помним, а новых не читаем»¹⁷⁹.

Но к середине 30-х годов, в атмосфере оживившихся интересов к истории Отечественной войны, фигура С. Н. Глинки вновь приковывает к себе общественное внимание. «Первый ратник Московского ополчения» становится как бы символом ее национально-патриотического начал: «Имя его сделалось народным до такой степени, что нет ни одного человека, который не знал бы Глинки, русского патриота»¹⁸⁰. Публично признается и его право на выступление с мемуарами о прожитой жизни: «С. Н. Глинка был молод в славную эпоху жизни России, — ему есть о чем вспомнить с гордостью и упоением»¹⁸¹.

Поэтому появление в конце 1836 г. «Записок о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения», а год спустя его же «Записок о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года» было воспринято публикой и прессой как естественный отклик престарелого ветерана на исторические запросы современности. Казалось, что обе книги были специально написаны к юбилейным торжествам 1812 г. Однако это было верно лишь отчасти.

В 1903 г. историк литературы И. А. Шляпкин опубликовал неизвестные до того бумаги из архива А. С. Пушкина, в том числе письмо к нему С. Глинки от 26 марта 1836 г.:

«Милостливый государь,
Александр Сергеевич!

На голос сердечный сердце быстро откликается. А потому две первые части моих записок, которые прошли горнило цензуры, представляю Вам в субботу, около того времени, когда севодни был у Вас <...> Участие души, вызывающей голос сердца, осветляет и туман жизни <...> Ваш Современник будет Сопотомственни-

ком. Это термин моего изобретения, но гения не изобретешь. Он рождается под влиянием своей звезды и продолжает жить в потомстве»¹⁸².

Прежде всего устанавливается не обращавший на себя должного внимания в литературе факт посещения Пушкина С. Глинкой 26 марта 1836 г., в ходе которого зашла речь о записках последнего, — С. Глинка, видимо, сам рассказывает о них, а Пушкин просит прислать рукопись. Ободренный и растроганный, С. Глинка благодарит Пушкина и обещает незамедлительно выполнить просьбу: «на голос сердечный (т. е. «голос» Пушкина — свидетельство его живого интереса к запискам.— А. Т.) сердце быстро откликается», — пишет С. Глинка в начальной фразе письма, как бы продолжая только что прерванный разговор.

Можно полагать, что о записках Глинки Пушкин впервые узнал именно из этой беседы, 26 марта, поскольку в отправленном за несколько дней до того письме его к Глинке о записках нет ни слова, а сообщается лишь в ответ на «любезное» (и не дошедшее до нас) письмо С. Глинки, что первый том «Современника» еще не издан, но будет подарен ему как только появится в свет¹⁸³.

Вероятно, переплетение в письме от 26 марта темы о «Современнике» с вопросом о записках С. Глинки и дало основание Б. Л. Модзалевскому в комментарии к пушкинской переписке высказать весьма правдоподобную гипотезу о том, что «их, по-видимому, Пушкин предполагал печатать в своем «Современнике»»¹⁸⁴. И действительно, Глинке в письме от 26 марта совершенно незачем было бы указывать на прохождение записок через цензуру, если бы Пушкин хотел просто ознакомиться с рукописью и между ними предварительно не обсуждалась бы возможность их публикации. Но о каких именно записках Глинки шла в данном случае речь, Модзалевский не уточнил. Не сделал он этого и в предисловии к публикации дневника Пушкина, где в сжатом обзоре его мемуарных интересов отметил лишь, что в марте 1836 г. Пушкин «сносится с С. Н. Глинкой по поводу его Записок»¹⁸⁵ — «записок» вообще, никак не конкретизировав своего предположения. Таким образом, вопрос о том, что представляли собой «мои записки» Глинки, был оставлен открытым.

Однако в 1943 г. С. Н. Дурьлин без всякой тени сомнения утверждал, что «когда «Записки о 1812 году» были закончены, Пушкин <...> желал печатать их в своем «Современнике»»¹⁸⁶. В 1949 и 1959 гг. эта точка зрения была закреплена в XVI и Справочном томах Академического собрания сочинений А. С. Пушкина, где в алфавитных указателях упоминаемые С. Н. Глинкой «мои записки» были идентифицированы с «Записками о 1812 году»¹⁸⁷. С тех пор это мнение прочно утвердилось в литературе: в издании писем А. С. Пушкина последних лет¹⁸⁸, в справочнике Л. А. Черрейского (С. Н. Глинка «посетил Пушкина в связи с предполагавшейся публикацией в «Современнике» записок о 1812 г.»)¹⁸⁹, в недавнем издании переписки поэта — относительно фразы из письма от 26 марта о «моих записках» здесь уже прямо сказано: «С. Н. Глинка передал Пушкину «Записки о 1812 году» <...>»¹⁹⁰.

Сторонников указанной точки зрения должно было бы насторожить то обстоятельство, что обещанные Глинкой Пушкину «мои записки», как мы видели, получили цензурное разрешение еще до 26 марта, тогда как «Записки о 1812 году» были выпущены из цензуры лишь 8 апреля 1836 г. Не совпадала с ними и структура «моих записок», как ее обозначил Глинка, — он писал об их первых двух «частях», а изданный текст «Записок о 1812 году» делится на «книги».

Уже из этих несовпадений ясно, что «мои записки» Глинки — отнюдь не «Записки о 1812 году». В письме от 26 марта 1836 г. подразумевалось другое мемуарное произведение. Но какое именно?

После смерти С. Н. Глинки его архив был рассеян и его остатки образуют ныне лишь два небольших личных фонда в ЦГАЛИ и ОР ГПБ¹⁹¹, причем в последнем содержатся и некоторые тексты мемуарно-исторических трудов Глинки. Но основное собрание их рукописей, поступившее некогда в редакцию «Русской старины», хранится в Пушкинском доме¹⁹². До последнего времени эти рукописи почти не привлекались исследователями (лишь В. Г. Базанов бегло указал на них в одной из своих работ¹⁹³), между тем наряду с позднейшими копиями здесь находится значительное число автографов записок Глинки¹⁹⁴. Это, однако, не окончательно оформленные беловики, а «рабочие» рукописи различных редакций, представленные разрозненными фрагментами с вырванными внутри листами и часто обрывающиеся на полупhrазе. Среди них выделяются четыре сильно попорченные рукописи, схожие по характеру бумаги, почерка, чернил, правки, имеющие двойную пагинацию (первоначальную авторскую и более позднюю архивную), наконец, в отличие от остальных автографов Глинки из этого собрания несущие на себе следы прохождения рукописей через цензуру (например, наличие на каждом листе цензурной скрепы)¹⁹⁵. Аналогичен им по указанным внешним признакам и автограф записок из ГПБ — явный осколок основного собрания их рукописей¹⁹⁶.

Совокупность этих автографов есть не что иное, как текст, правда дошедший до нас далеко не полностью, трех первых частей «моих записок» Глинки, из которых две первые и упоминаются в его письме к Пушкину от 26 марта 1836 г. Мы не будем приводить здесь всех аргументов текстологического и палеографического порядка в пользу данного вывода — это увело бы слишком далеко в сторону (его обоснование оказалось особенно сложным ввиду пробелов в рукописях и распыленности текстов одной и той же части в разных единицах хранения и даже в различных архивохранилищах). Ограничившись общими итогами проведенной реконструкции¹⁹⁷, укажем лишь на то, что представляется важным в плане нашего изложения, в частности на наличие на титульном листе одного из автографов с авторским заголовком: «Записки Сергея Глинки от 1776 до 1778. Часть первая» делопроизводственной отметки о поступлении рукописи к цензору: «76. 29 февраля 1836» и разрешения к изданию, подписанного цензором П. А. Корсаковым и датированного 3 марта 1836 г., а кроме того, и печати Петербург-

ского цензурного комитета¹⁹⁸. Часть вторая, титульный лист которой утрачен, такой пометы не содержит, но в «Реестре рукописей и печатных книг по С.-Петербургскому Цензурному комитету в 1836 году», разрешение ее к печати датировано так же 3 марта¹⁹⁹. Часть третья с сохранившимися начальными листами имеет отметку о поступлении рукописи к цензору: «78. 29 февраля», разрешение на выпуск к изданию с подписью П. А. Корсакова, датированное вначале 24 марта, затем — по исправлении — 22 марта и так же печать С.-Петербургского цензурного комитета²⁰⁰.

Отметим еще некоторые внешние признаки автографов двух первых частей записок С. Н. Глинки. Первоначальный текст написан чернилами, ныне сильно порыжевшими, выцветшими, и имеет небольшое число авторских исправлений. Именно к этому начальному слою автографа относятся цензорские скрепы на полях, вымарки ряда текстов и развернутые замечания красными чернилами рукой П. А. Корсакова. Есть вместе с тем признаки вторичного слоя: многочисленные зачеркивания, вставки, редакционно-стилистическая правка рукой С. Н. Глинки чернилами более густого, темного цвета, а также и карандашом — явные следы позднейшего обращения автора к автографам. Кроме того, на них немало карандашных подчеркиваний, главным образом на полях волнистой вертикальной чертой, но чьей рукой они сделаны — сказать трудно.

Вполне проясняется, таким образом, во-первых, что именно эти цензурные экземпляры первых двух частей записок, допущенные к печати еще за три недели с лишним до того, Глинка обещал прислать Пушкину, и, во-вторых, почему он ограничился только ими — 26 марта Глинка скорее всего еще не знал о том, что фактически лишь накануне дано разрешение и на третью часть записок и, наверное, не получил ее из цензурного комитета. Пушкину же по его издательским интересам важно было, видимо, иметь в своих руках прежде всего то, что уже прошло «горнило цензуры».

Однако «мои записки» Глинки не исчерпывались только тремя частями — в упомянутом выше «Реестре» Петербургского цензурного комитета за 1836 г. отмечено представление автором 27 февраля и передача цензору П. А. Корсакову 29 февраля одновременно пяти частей «Записок Сергея Глинки», из которых четвертая была одобрена к печати 24 марта, а пятая — 8 апреля 1836 г.²⁰¹ В «Реестре», между прочим, указано количество страниц каждой части записок. Это дает возможность определить размеры утраченных (или пока неразысканных) текстов в первых трех частях, реконструированных нами по рукописям РО ИРЛИ и ОР ГПБ. Первая часть в «Реестре» насчитывает 256 с., в рукописях — 124 с., вторая часть соответственно 248 и 228 с., третья — 283 и 111 с. Таким образом, из 727 с. трех частей мы располагаем 462 с., причем наиболее полно сохранилась часть вторая — примерно 90 % текста, части же первая и третья дошли до нас лишь в половине их первоначального объема.

Судя по совпадению даты в «Реестре» (8 апреля) с числом, которым помечено цензурное разрешение «Записок о 1812 году», и

отсутствию в том же «Реестре» каких-либо записей об их поступлении в 1836 г. в цензурный комитет в качестве самостоятельной рукописи, можно заключить, что они-то и составляли пятую часть «моих записок» Глинки. Сам он во вступлении к ним дважды отослал читателя к следующей в них далее «картине» «тысяча восемьсот двенадцатого года»²⁰². Тот факт, что «Записки о 1812 году» входили в их состав, подтверждается и письмом Глинки к А. Михайловскому-Данилевскому от 21 апреля 1836 г., в котором он общал: «Записок моих пять частей из цензуры вышли. Много заперщения, *особенно касательно 1812 года*», и это даже зародило у автора сомнение в том, стоит ли ему вообще братья за издание записок: «При жизни своей не стану тиснуть моей жизни»²⁰³. Цензурный же экземпляр пятой части до нас не дошел, и это не позволяет судить о первоначальном тексте «Записок о 1812 году», о характере и направленности цензурских изъятий.

Еще более проясняется общий состав мемуарного труда С. Глинки из обнаруженных нами двух подписных объявлений, в сущности сжато изложенных программ «моих записок».

Одно из них — типографски отпечатанный в виде билета листок, найденный в библиографических заметках С. Д. Полторацкого о С. Глинке:

Записки
Сергея Глинки, в шести частях
от 1775 года по 1834 год.

Объем сего времени содержит в себе:

1 Историческое и политическое обозрение событий отечественных.

2. Изображение действовавших лиц.

3. Начертание быта общественного; современные анекдоты и различные обстоятельства жизни сочинителя.

Подписная цена тридцать рублей²⁰⁴.

Билет не датирован, но так как в нем значится уже шесть частей записок, а в конце февраля 1836 г. Глинка представил в цензурю только пять, можно предположить, что это объявление отражает последующее расширение состава записок (шестая часть явно заключала в себе «Записки о Москве» — непосредственное продолжение «Записок о 1812 году»). Поэтому его следует отнести к несколько более позднему времени — скорее всего к апрелю 1836 г. Уже 21-го апреля Глинка напоминает А. Михайловскому-Данилевскому, что совсем недавно, будучи у него дома, «оставил я с подписанием имени Вашего билет на мои записки», а 5-го мая просит его доставить «мне следующие за билет тридцать рублей»²⁰⁵.

Другое объявление напечатано в январе 1837 г. в «Северной пчеле» после текста рецензии на «Записки о 1812 году»:

Почтенных особ, удостоивших подпискою мои записки в шести частях, честь имею известить, что первая отдельная часть, под заглавием: Записки первого ратника Московского ополчения о 1812 году, отпечатана и раздается в квартире сочинителя, живущего на Сергиевской улице, в доме генерала Болдырева. Подписка на остальные пять частей продолжается: в них будут заключаться следующие предметы:

1) Записки о заграничных и Московских событиях от 1813 до половины 1815 года. К ним присовокуплен Дневник военных действий от начала войны Отечественной до половины 1815 года, с соображением событий 12-го года наших предков и всех печатных известий о нашем 12-м годе.

2) Четыре части исторических и частных Записок от 1777 года до 1836 года.
Объем их:

1. Взгляд на политические происшествия того времени.
2. Обзорение нравов, быта общественного и хода Отечественной словесности.
3. Очерки лиц, действовавших на военном и гражданском поприще.
4. Анекдоты и частные записки сочинителя <...>²⁰⁶.

Перед нами поражающий своим размахом замысел мемуарного труда — и по временной протяженности (60 лет жизни автора), и по охвату освещаемых в них явлений и лиц, и по объему: шесть его частей составляли не менее 1500 страниц рукописного текста. Еще раз возвращаясь к хронологическим рамкам каждой части, напомним, что часть первая охватывала 1776—1785 гг., часть вторая — 1785—1795 гг., часть третья — 1795—1806 гг. Поскольку часть пятая отводилась «Запискам о 1812 годе», а шестая — «Запискам о Москве», очевидно, что периоду с 1806 г. до середины 30-х годов посвящена часть четвертая. Однако тексты этой части записок Глинки за 30-е годы не обнаружены ни в сохранившихся рукописях, ни во всех известных публикациях, о которых будет сказано далее.

Глинка не случайно называл свой труд «Историческими и частными записками» — автобиографический рассказ о личных «обстоятельствах» жизни дополнялся панорамой портретных характеристик современников, изображением быта и нравов, политических, военных и общественно-литературных событий последней четверти XVIII — первой трети XIX в.

К составлению записок Глинка приступил не в 30-е годы, а значительно раньше — сразу же по окончании Отечественной войны и, надо полагать, не без влияния пережитых тогда впечатлений. В 1865 г. Василий Глинка свидетельствовал, что «отрывками они ведены были и после 1812 до 1830 г., но эту часть их отец мой, как он сам говорил, в порыве досады уничтожил»²⁰⁷.

Краткие наброски воспоминаний о раннем периоде жизни — от вступления в Кадетский корпус до основания «Русского вестника» — Глинка впервые напечатал еще в 1830 г.²⁰⁸, и с тех пор вынашивал идею издания «моих записок», делясь ею с окружающими. 27 марта 1832 г. А. Михайловский-Данилевский, только что выпустивший второе издание своих воспоминаний о походах 1814—1815 гг., писал Глинке: «С нетерпением ожидаю появления Ваших Записок; заранее уступаю Вам первенство в сей прекрасной отрасли словесности и заранее восхищаюсь успехом вашего творения»²⁰⁹. Основная работа над записками, судя по хронологическим реалиям в тексте черновых рукописей и датирующим признакам авторской правки, проводилась в конце 20-х — первой половине 30-х годов. Возвращался С. Н. Глинка к тексту записок, создавая уже последующие редакции в конце 30-х — 40-х годах — собственноручно, а затем, когда ослеп, под диктовку близких²¹⁰. «Эти записки, — отмечалось в одном из некрологов Глинке, — драгоценные воспоминания старца о бедственных и вместе с тем славных временах нашего Отечества... он диктовал еще детям... за несколько дней до кончины своей, лежа на смертном одре»²¹¹.

Итак, записки С. Глинка составлял в течение 35 лет — половину прожитой им жизни. В эпитафии к одной из их редакций Глинка отметил: «К “Русскому” моему “Вестнику” <...> присовокупляю мои Исторические и частные записки»²¹². Поставив их в один ряд с прославившим его имя «Русским вестником», Глинка тем самым расценил эти записки едва ли не главным своим делом.

Сличая далее две программы записок (а они разделены меньше, чем годом), мы видим, как уточняется и обогащается их замысел. В первой программе три пункта, характеризующих общий «объем» повествования, во второй — уже четыре. Пункт 1-й первой программы — «историческое и политическое обозрение событий Отечественных», слишком расплывчатый и уместный скорее в сочинении чисто исторического плана, но трудно осуществимый в мемуарах, заменяется во второй программе более соответствующей их профилю формулировкой: «Взгляд (т. е. собственный “взгляд” автора записок. — А. Т.) на политические происшествия того времени». Вместо «начертания быта общественного» (пункт 3-й первой программы) дано более полное и расчлененное его толкование: «Обозрение нравов, быта общественного и хода Отечественной словесности». Появляется, таким образом, новая тема — литературное движение эпохи, к которому автор записок был причастен самым непосредственным образом. Пункт 2-й первой программы: «Изображение действовавших лиц» дан во второй программе (пункт 3-й) несколько детальнее и точнее: «Очерки лиц, действовавших на военном и гражданском поприще». «Различные обстоятельства жизни сочинителя» в 3-м пункте первой программы заменены во второй (пункт 4-й) более сжатой формулой: «Частные записки сочинителя». Разницы содержательной здесь нет, но измененная редакция позволяет судить о том, какой смысл вообще вкладывал Глинка в понятие «частные записки» — под ними он подразумевал лично-автобиографический пласт своего повествования. Несколько расширяются и его конечные хронологические рамки: если в первой программе оно завершалось 1834 г., то во второй — 1836 г.

Теперь после всего изложенного следует подчеркнуть, что, вопреки принятому в пушкиноведческой литературе мнению, в конце марта 1836 г. С. Н. Глинка вел переговоры с А. С. Пушкиным не о «Записках о 1812 г.», а о своем многотомном автобиографическом труде «Исторические и частные записки», первые две части которых он и обещал ему доставить. Этот весьма обширный во всех отношениях мемуарный труд, обнимающий собой время с 70-х годов XVIII в. до середины 30-х годов XIX в., т. е. как бы врастающий в живую современность, С. Г. Глинка предполагал печатать в полном его объеме — замысел не просто необычный, а даже дерзкий по тем временам. И первый, к кому он с этой целью обратился, частично проведя зимой 1836 г. записки через цензуру, но еще до выпуска в апреле объявления о подписке с их программой, был А. С. Пушкин.

Тесно связанный с литературным и дружеским окружением поэта, С. Н. Глинка рассчитывал прежде всего на выпускавшийся

тогда А. С. Пушкиным «Современник», где должны были быть широко представлены «документальные» жанры-хроники, корреспонденции, путешествия, биографии, воспоминания и т. д. Как раз в то время, когда С. Н. Глинка обратился к А. С. Пушкину, составлялся II том журнала, для которого тот готовил отрывок из записок о 1812 г. Н. А. Дуровой, а во второй половине марта 1836 г. в письме к ее брату — давнему своему знакомцу В. А. Дурову — выразил желание издать отдельной книгой записки «кавалерист-девицы», в целом полагая, что «полные “Записки”, вероятно, пойдут успешно после того, как я и о них протрублю в своем журнале»²¹³.

Живое участие А. С. Пушкина в судьбе записок Н. А. Дуровой вряд ли укрылось от С. Н. Глинки. Но, понимая, что в «Современнике» удастся напечатать лишь фрагменты из «Исторических и частных записок», он мог думать, что журнальная публикация обратит на них внимание читателей и критики и тем облегчит издание записок в полном составе. Во всяком случае, благоприятное в тот момент отношение А. С. Пушкина к запискам вселяло некоторые надежды, что, видимо, отразилось в письме С. Н. Глинки к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 5 мая 1836 г.: «Кажется, что милость божия пролагает мне пути к напечатанию моих горемычных записок»²¹⁴.

Подтверждением сказанному служит найденное недавно письмо самого С. Н. Глинки к влиятельному чиновнику Министерства народного просвещения, цензору и литератору К. С. Сербиновичу, которому несколько лет спустя он переслал автограф первой части «Исторических и частных записок». Письмо не имеет даты, но по ряду признаков датируется серединой 1840-х годов: «Я не успел вам сказать, что в Записках моих делал заметки карандашом не цензор, но поэт наш А. С. Пушкин. Он читал мои Записки незадолго до бедственной своей кончины с В. А. Жуковским, князем Вяземским и другими и намерен был кое-что переместить из них в «Современник»²¹⁵.

Напомним, что, узнав еще 26 марта из устного сообщения С. Н. Глинки о его «Исторических и частных записках», А. С. Пушкин проявляет к ним несомненный интерес и просит прислать рукопись. Получив же две первые части записок, он, как мы видим, не только прочел их, но поначалу, действительно, собирался поместить отрывок в «Современнике» и обсуждал вопрос о публикации в кругу сотрудников журнала, в том числе и со своими друзьями и единомышленниками В. А. Жуковским и П. А. Вяземским. (Об этом издательском намерении А. С. Пушкина и самом факте чтения им записок С. Н. Глинки, которые увидят свет спустя лишь 60 лет после смерти поэта, не было до сих пор известно его биографам.)

Что же до указания С. Н. Глинки в письме к К. С. Сербиновичу на карандашные пометы А. С. Пушкина в рукописи записок, то, возможно, имелись в виду упомянутые выше отчеркивания карандашом на полях в первоначальном слое автографа. Нельзя, однако, упускать из виду, что до нас дошло примерно 60 % текста

рукописи первых двух частей и не исключено, что пушкинские пометы могли быть и на утраченных страницах автографа. А о значительности этих утрат можно судить, например, по тому, что П. А. Плетнев в известном мемуарном жизнеописании И. А. Крылова воспроизвел выдержку из записок С. Н. Глинки, которую тот прислал после кончины баснописца. Текст выдержки с чрезвычайно любопытным рассказом о встречах С. Н. Глинки с И. А. Крыловым в его молодости и в годы расцвета его славы в описанных выше автографах отсутствует. Нет его и в издании записок 1895 г. и в других их публикациях²¹⁶.

Интерес А. С. Пушкина к запискам С. Н. Глинки имел тогда глубокие основания. Один из самых ревностных в России поборников «мемуарной словесности», ее собиратель, критик, пропагандист, озабоченный тем, что «память замечательных людей скоро исчезнет по причине недостатка исторических записок»²¹⁷, А. С. Пушкин именно в 30-х годах особенно настойчиво побуждает всех, кому было что рассказать о прошлом, записывать свои воспоминания. Так, в 1831 г. он уговаривает Д. В. Давыдова составить жизнеописание мемуарного типа о генерале Н. Н. Раевском, а Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева — такой же труд о недавно умершем А. А. Дельвиге. В 1832 г. убеждает А. О. Смирнову «писать свои записки» и даже дарит ей альбом с заголовком «Исторические записки А. О. С.». Около 1835 г. А. С. Пушкин «вербует» в ряды мемуаристов кишиневского приятеля Н. С. Алексеева, в мае 1836 г. склоняет к писанию автобиографии М. С. Щепкина и сам записывает ее начальные строки, примерно тогда же получает по давней своей просьбе автобиографические записки П. В. Нащокина, тщательно их редактирует и тоже готовит для «Современника», а за несколько дней до смерти завещает П. А. Плетневу писать свои мемуары»²¹⁸. В ряду этих энергичных усилий по привлечению современников к мемуаротворчеству так и кажется, что, не зная А. С. Пушкина о существовании «Исторических и частных записок» С. Н. Глинки, он и его непременно упрашивал бы записывать свои воспоминания.

Но главное, конечно, — это само содержание двух первых частей записок С. Н. Глинки, воссоздававших широкую картину екатерининской эпохи: детские впечатления от императрицы, помещичий быт на Смоленщине, обучение в Кадетском корпусе, соученики С. Н. Глинки, обретшие впоследствии громкую известность на разных поприщах, — А. Х. Востоков, Я. П. Кульнев, К. Ф. Толь, А. А. Тучков, Ф. Ф. Монахтин, масонские ложи в русской армии, видные придворные и военные деятели того времени — А. А. Безбородко, П. В. Завадовский, И. И. Бецкой, П. А. Зубов, М. И. Кутузов, литературная и театральная жизнь Петербурга, встречи с Д. И. Фонвизиним, Г. Р. Державиним, И. А. Крыловым, Н. И. Новиковым, знаменитым драматургом Я. Б. Княжниним с интереснейшими сведениями о его таинственной кончине и т. д. Словом, записки С. Н. Глинки органически вливались в русло исторических занятий А. С. Пушкина, задумавшего в первой половине 30-х годов в плане общих своих интересов к прошедшему столетию

«обозрение» екатерининского царствования, и в разыскание им живых свидетельств современников, которые черпались главным образом из устной и рукописной мемуарной традиции XVIII в.

И тем не менее от публикации в «Современнике» записок С. Н. Глинки А. С. Пушкин в конечном счете отказался, вернув их автору через П. А. Вяземского. Об этом мы узнаем из также не известного ранее письма к нему С. Н. Глинки, датированного не позднее июля 1836 г.: «Ваше сиятельство, милостивый государь Петр Андреевич! Александр Сергеевич Пушкин говорил мне, что рукопись двух моих первых частей Записок у вас. Прошу мне рукопись мою прислать немедленно <...>»²¹⁹.

Мотивы отклонения А. С. Пушкиным записок С. Н. Глинки — особый сюжет, нуждающийся в специальном изучении и выходящий за рамки наших задач. Укажем только, что мотивы эти вряд ли были вызваны цензурными соображениями, поскольку рукопись первых частей записок была уже допущена к печати. Не могло иметь значения и несходство выпренно-риторической, велеречивой фразеологии записок С. Н. Глинки со сжато-лаконичным стилем пушкинской прозы — ведь чуждое эстетическим установкам А. С. Пушкина авантюрно-романтическое обрамление Записок Н. А. Дуровой ничуть не помешало ему тогда же, отредактировав текст, напечатать их в своем журнале.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что отказ А. С. Пушкина публиковать записки, для С. Н. Глинки, видимо, неожиданный и огорчительный, не отклонил его самого от мысли продолжить усилия по полному изданию своего мемуарно-автобиографического труда. В конце 30-х — начале 40-х годов он пытается заинтересовать ими своих знакомых и журнально-издательские круги. Ю. Н. Бартнев — чиновник почтового ведомства, литератор и сам мемуарист — записал тогда одну из бесед с ним: «Заговорили о современных записках, составляемых Глинкою и которые хотел он мне презентовать», не прошло и двух дней, как этот «Агамемнон современных Записок, Нестор писателей» присылает «ко мне первый том своих Записок»²²⁰. В эти же годы С. Н. Глинка предоставляет их в распоряжение театрального деятеля Ф. А. Кони, который включает материал записок в свои очерки по истории московской сцены начала XIX в.²²¹ В 1843 г., добиваясь от правительства разрешения перенести выпуск «Русского вестника» в Москву, в числе имевшихся у него и «одобренных уже цензурою материалов», которые намеревался опубликовать, С. Н. Глинка называет «шесть частей Исторических и частных моих Записок»²²². Он стремится заручиться поддержкой профессора Петербургского университета и опытного цензора А. В. Никитенко, затем К. С. Сербиновича, редактировавшего тогда «Журнал Министерства народного просвещения»: «С благодарностью откликаюсь на душевный Ваш голос касательно моих Записок, препровождаю к Вам первую оных часть», и далее уведомляет, что «процензурованных у меня Записок пять частей»²²³.

Отдельные отрывки из них С. Н. Глинка при содействии тех же К. С. Сербиновича и Ф. А. Кони, а также П. А. Плетнева и

Н. И. Греча печатает в журналах близкой к нему общественной ориентации²²⁴, а за год до смерти выпускает и небольшую книжку с разрозненными воспоминаниями о русских писателях XVIII в.²²⁵ Рассеянные, однако, в малопопулярных или узкоспециальных изданиях, не имевших широкой аудитории, эти публикации не пользовались читательским успехом, проходили почти незамеченными критикой и, не оправдав надежд автора, очень скоро оказались забытыми вовсе.

Выпуск же записок в полном объеме натолкнулся в 30—40-е годы XIX в. на непреодолимые препятствия — у самого С. Н. Глинки не было необходимых для этого средств, плохо шла дважды объявленная подписка, не удавалось подыскать какого-либо другого издателя, взявшегося бы за столь громоздкое и не сулившее крупных доходов предприятие.

После смерти С. Глинки, в 60—70-х годах фрагменты из записок печатаются в журналах различной идейно-литературной направленности: в консервативном «Русском вестнике»²²⁶, либеральном «Вестнике Европы»²²⁷, в органах демократической периодики — «Современнике» и «Русском слове»²²⁸. Все эти публикации базировались на рукописях, полученных главным образом от В. С. Глинки. В 1865 г. он пытался напечатать отрывки из записок в «Русском архиве», обратившись к посредничеству М. П. Погодина. «После отца, — писал он ему, — остались “Записки”, много любопытного, много нецензурного, но много можно и напечатать; я бы желал знать, не возьмет ли журнал “Архив” у меня некоторые отрывки?»²²⁹. В 1874 г. В. С. Глинка хотел поместить их в «Древней и Новой России»²³⁰. В 1886 г. издание записок С. Н. Глинки готовилось А. С. Сувориним, но в свет не вышло — сохранились корректуры начальных глав²³¹.

Еще в 1874 г. редакция «Русской старины» объявила о предстоящей публикации записок С. Н. Глинки за 1797—1830 гг.²³², но только два десятилетия спустя ей удалось напечатать, наконец, относительно связный их текст (от рождения автора до 1830 г.) — то самое издание 1895 г., на которое мы не раз ссылались выше. Благодаря ему записки и вошли в научно-исторический обиход.

Протографом текста этого издания послужила рукопись, представленная другим сыном Глинки, Ф. С. Глинкой, до нас, видимо, не дошедшая, равно как и соответствующий ей наборный экземпляр, — в архиве «Русской старины» и в фондах С. Н. Глинки они отсутствуют. Происхождение этой рукописи и ее связь с остальными автографами записок далеко не ясны. В рукописи были пропуски, и издатели восполнили их, как указывали в предисловии, «печатным материалом», т. е. публикациями 40—70-х годов. Сравнительно с ними и сохранившимися автографами текст издания 1895 г. имеет существенные разночтения (иногда и со значительными превышениями в пользу автографов и журнальных публикаций). Оно воспроизводит, таким образом, не целостную и завершенную авторскую рукопись, а разновременные редакции записок и совсем не всегда по подлинникам. В целом издание «Русской старины» может быть квалифицировано как сводно-контраминирован-

ное, и установление полного канонического текста «Исторических и частных записок» Глинки — задача еще не решенная.

Издательской судьбой в 30—40-х годах записок С. Н. Глинки раскрывается одна из наиболее значительных в дореформенной России попыток прижизненного обнародования крупного мемуарно-автобиографического повествования. В самом деле, вынашивая мысль о напечатании «Исторических и частных записок», С. Н. Глинка употребил на это десять последних лет жизни, сумел провести их через цензуру, рекламировал свой мемуарный труд в прессе, привлек к нему внимание журналистов, литераторов, издателей, видных чиновников, наконец, на первых порах заинтересовал своим издательским замыслом А. С. Пушкина и близких к нему писателей — и тем не менее его постигла полная неудача. Если отвлечься от причин частного, приводящего характера то, думается, более всего она была связана с самой необычностью для норм книгоиздательского дела и литературно-этических понятий эпохи публикации автором своего жизнеописания, да еще в виде отдельного многотомного издания.

О живучести этих норм и понятий можно судить по той реакции, которая последовала на появившиеся в печати еще при жизни С. Н. Глинки «Воспоминания» Ф. В. Булгарина — единственно удавшийся в первой половине XIX в. опыт прижизненного издания мемуаров подобного типа.

Шеститомные «Воспоминания» Ф. В. Булгарина, освещавшие раннюю пору его жизни (конец XVIII — 1810 г.), печатались несколько лет подряд²³³, и каждая книга сопровождалась полемикой, затрагивавшей в первую очередь одиозную репутацию автора, его беспринципность как издателя «Северной пчелы», реакционно-репительную общественную позицию, низменные нравы, насаждавшиеся им в журналистике, и т. д. Не было недостатка и в критике содержания «Воспоминаний», но сам выход их в свет вызвал разногласные отклики.

«Всякий, как бы ни был маловажен, в праве написать и напечатать свою биографию» — так оценивал издание Ф. В. Булгарин своих мемуаров рецензент из «Сына отечества», и далее поставил их в определенный историко-культурный контекст: «Булгарин первый ввел у нас в моду роман; он же первый принимается за мемуары в широком объеме, в грандиозном стиле, чего нельзя сказать о Записках князя Я. П. Шаховского и Порошина»²³⁴. В таком же духе оценивал появление в печати первых двух частей воспоминаний Булгарина и его многолетний журнальный «двойник» Н. И. Греч, сам уже не раз публиковавший свои мемуарные очерки: «Булгарин, смело и счастливо выступивший вперед на многих стезях, до него не изведанных, в русском романе, в оригинальных статьях нравоописательных, отважился издать и Воспоминания о своей жизни»²³⁵.

Принципиальная важность выхода его мемуарных книг была отмечена «Современником»: «Мы страшно бедны записками (мемуарами), которыми так страшно богаты французы. Старина наша исчезает со дня на день, не оставляя по себе ни следа, ни воспоми-

нания <...> И вот тем-то более спасибо всякому, кто, много живши, много видевши, много слышавши, сохранит для публики хотя несколько черт прошедшего времени. В «Воспоминаниях» Булгарина есть такие черты. Конечно, книга его могла быть и лучше; но <...> не должно забывать, что *такого рода книги у нас еще не могут быть слишком хороши*»²³⁶.

Включился в журнальную полемику и В. Г. Белинский. Он подверг острым обличениям всю предшествующую деятельность Ф. В. Булгарина, но попытался объективно оценить значение его книги, преодолеть «личное ожесточение против автора». ««Воспоминания» г. Булгарина, несмотря на все их недостатки, принадлежат скорее к числу хороших, нежели дурных сочинений. В их содержании много любопытного и интересного, рассказанного местами живо и увлекательно», — писал В. Г. Белинский, указав далее на познавательную ценность повествования о войнах и общественном быте западных окраин России конца XVIII — начала XIX в., нигде дотоле не изображенного так подробно. Но при этом он высказал отличный от мнений других критиков взгляд на появление мемуаров Ф. В. Булгарина в печати: «Не входя в рассуждение о том, имел ли право г. Булгарин издавать свои «Воспоминания», т. е. занимать публику самим собою, скажем, что доньше у великих людей водилось обыкновение оставлять записки о самих себе, воспоминания и всякие автобиографические заметки до конца дней своих. Великий человек умер, — являются его записки <...> Но зато записки появлением своим как бы продолжают на некоторое время существование своих авторов <...> Что же заставило г. Булгарина отступить от этого установившегося и естественного порядка. Почему издал он записки свои при жизни?»²³⁷.

При всем ироническо-язвительном подтексте этих слов нельзя отмахнуться от констатации в них реального, «установившегося порядка» в русской мемуарной литературе, в свете которого выход автобиографии Ф. В. Булгарина представлялся далеко не бесспорным. Даже для В. Г. Белинского — теоретика и популяризатора мемуарного жанра, не раз сожалевшего в 30—40-х годах о недостатке в России хороших мемуарных книг, вопрос о том, может ли мемуарист «занимать публику самим собой», выносить рассказ о своей жизни на открытый суд читателей, не имел, как видим, однозначно положительного решения.

Но и 20 лет спустя после полемики вокруг автобиографической книги Ф. Булгарина моральное право мемуариста на такую издательскую акцию казалось еще делом исключительным, нуждающимся в защите и публичной поддержке. Об этом в 1869 г. писал в предисловии к своим воспоминаниям Ю. Н. Голицын — талантливый музыкант, «либеральный князь», одно время связанный с «Колоколом» А. Герцена, метко названный им «характеристическим обломком всяя России»²³⁸. Сетуя на то, что автобиографические записки «иногда читаются их автором только в тесных дружеских кругах», он писал: «Мне кажется, *хотя это необычно*, было бы правильнее издавать свои записки при жизни»²³⁹.

Поэтому, если вести речь не о всей русской мемуаристике первой половины XIX в., а об ее автобиографической разновидности, то надо признать, что эта последняя была еще слабо затронута процессом сближения с современной печатью. «Внутреннеинтимные» цели мемуаротворчества, хотя и не были господствующими, как в XVIII в., но и не сошли еще окончательно с арены. Характерным признаком этого являются сами авторские указания в названиях ряда автобиографических повествований на предназначенность их детям, семье, потомкам. Выше мы приводили примеры таких названий в мемуарных произведениях конца XVIII — первой трети XIX в. Но и в дальнейшем, в 40—50-е и более поздние годы не раз встречаются мемуарно-автобиографические сочинения, в заглавиях которых авторы считают нужным непременно пояснить, что пишут их не для публики, не для печати, а преимущественно с «семейными» целями: «Записки собственно для моих детей» — В. Н. Геттун (1771—1848)²⁴⁰, «Поздние воспоминания о давно минувших временах. Для моих детей и внучат» — А. Д. Шумахер (1820—1898)²⁴¹, «Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков», СПб., 1900 — Н. Я. Грот (1825—1899).

О том, как трудно пробивали себе дорогу новые взгляды на назначение этой разновидности мемуаристики, позволяють судить мемуарные материалы А. Я. Булгакова (1781—1863) — колоритной фигуры дворянского общества первой половины XIX в.

Служебное поприще А. Я. Булгаков начал в русской миссии в Неаполе, в 1809 г. вернулся на родину и с тех пор до 1832 г. числился в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В 1812 г. — единомышленник и апологет Ф. В. Ростопчина — он был назначен в его канцелярию чиновником по секретной переписке и одновременно публиковал антинаполеоновские брошюры и памфлеты. В 1832—1856 гг. А. Я. Булгаков занимал пост московского почт-директора, и это было время наиболее полного проявления его личности, расцвета его общественной и административной деятельности. По натуре своей необыкновенно общительный, он поддерживал короткие знакомства со множеством самых разных людей из высших правительственных, дипломатических и военных сфер, из старинной титулованной аристократии, ученого, театрального и литературного мира, дружил, в частности, с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, братьями Тургеневыми, Д. В. Давыдовым и, наделенный к тому же даром легко и непринужденно излагать свои мысли на бумаге, переписывался в течение нескольких десятилетий чуть ли не со всем просвещенным дворянством России. Вдумчивый наблюдатель политических событий, летописец слухов и новостей, А. Я. Булгаков вместе с тем, по свидетельству лично знавшего его П. И. Бартенева, «любил занятия историографические», к чему его склонял еще Н. М. Карамзин²⁴². Неудивительно, что большую часть жизни он вел всякого рода памятные заметки, — ему принадлежат ряд ценных мемуарных сочинений, среди которых наиболее известны воспоминания об эпохе 1812 г.²⁴³

С конца 1825 по 1862 г. (т. е. почти до смерти) А. Я. Булгаков составлял «Современные происшествия и воспоминания мои» —

своеобразный сплав синхронных и мемуарных записей. Эта поразительная по насыщенности, систематичности и полноте хроника общественно-политической и литературной жизни России 20—50-х годов, составляющая 17 исписанных мелким почерком объемистых тетрадей, почти не опубликована — увидел свет лишь фрагмент из первой части, посвященный восшествию на престол Николая I и откликам на восстание декабристов²⁴⁴. После смерти А. Я. Булгакова его огромный архив был распылен, и рукопись «Современных происшествий» исчезла на долгие годы. В начале XX в. она была в распоряжении издателя исторических сборников «Старина и новизна» С. Д. Шереметева — мужа внучки П. А. Вяземского, к которому попала часть архива А. Я. Булгакова, ныне образующая его фонд в ЦГАЛИ. Здесь и хранятся 2—17-я части «Современных происшествий»²⁴⁵. Первая же часть, отколовшаяся от шереметевского собрания, находится в ОР ГПБ²⁴⁶.

Из предисловия к ней, где, рассказав о своих мемуарных занятиях, А. Я. Булгаков коснулся происхождения «Современных происшествий», выясняется, что он стал составлять их еще в молодости, в первые годы XIX в., при отъезде в русскую миссию в Неаполь по настоянию отца Я. И. Булгакова — знаменитого дипломата и государственного деятеля времен Екатерины II и Павла I. Я. И. Булгаков, один из просвещеннейших людей конца XVIII в., драматург, переводчик французской историко-политической литературы, сотрудничавший и друживший с Д. И. Фоявизиным, Н. И. Новиковым, Г. Р. Державиным, В. В. Капнистом, Н. Н. Бантыш-Каменским, бережно хранивший свой архив и вообще умевший ценить исторические реликвии, сам вел дневники и памятные записки. Потому совет, данный им сыну, имел особый авторитет в глазах последнего. «Я повиновался воле отца, — вспоминал он, — завел три книги и тщательно вписывал в них все по предписанию его» — «малейшие подробности и происшествия каждого дня». Когда по возвращении в Россию в 1809 г. А. Я. Булгаков показал отцу эти записки (или, как он их еще называл, «Журнал мой»), содержащие рассказ об интимной жизни автора, его любовных похождениях и т. д., Я. И. Булгаков отозвался о них неодобрительно и рекомендовал посвятить «Журнал» общественно-значимым явлениям современной действительности, многозначительно добавив: «Кто знает, со временем могло бы все это быть напечатано». И «эти отцовские слова, — свидетельствовал А. Булгаков, — врезались глубоко в память мою»²⁴⁷.

Выполнил ли он тогда этот завет, сказать трудно, так как доведенный до 1812 г., «Журнал» погиб вместе с богатейшей булгаковской библиотекой в огне московского пожара. Но, снова приступив в дни междуцарствия к своему мемуарному труду, А. Я. Булгаков писал: «Мне приходится теперь мысль выполнить совет, данный мне отцом. Я начну заниматься составлением «Современных моих записок». Я буду стараться говорить, сколь можно менее о всем, до меня лично касающемся, ограничиваясь рассказом того, что происходит любопытного и примечания достойного в России вообще <...>»²⁴⁸. Ведение этих записок А. Я. Булгаков всегда ощущал как

продолжение семейной мемуарной традиции и уже на склоне лет признавался: «Я пишу записки мои потому, что так приказано мне было моим отцом, когда отправлял он меня в чужие края на службу, и это упражнение сделалось для меня от того времени нечувствительно привычкою (скажу: почти необходимостью), которую я по сей час сохраняю»²⁴⁹.

В приведенных выше и столь твердо усвоенных сыном словах старика Булгакова, олицетворявшего в своем облике культурные нормы переходной эпохи конца XVIII — начала XIX в., мы видим несомненный поворот в сторону признания общественной значимости мемуарно-автобиографических записок, отображавших не только отдаленное прошлое, но и близкие к современности события. Однако мысль о сколько-нибудь скорой их публикации еще не допускается — они могут быть обнародованы лишь «со временем», в будущем, но ни в коем случае не «сейчас» и не самим автором.

И этой точки зрения о непредназначенности автобиографических воспоминаний к публикации А. Я. Булгаков неотступно держался почти всю свою жизнь, несмотря на то что многократно выступал на страницах столичной печати как литератор, публицист, критик, автор биографических сочинений о своих современниках²⁵⁰. Более того, однажды в 1843 г. он даже напечатал в «Москвитяине» свои воспоминания «внешнесобытийного» характера — упомянутый выше мемуарный очерк на темы 1812 г. «Разговор неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М. А. Милорадовичем на аванпостах <...>».

На него горячо откликнулся В. А. Жуковский, писавший А. Я. Булгакову, что «этот отрывок напомнил мне живо о великом для России времени», и примечательно, что именно его чтение привело В. Жуковского к мысли о том, чтобы А. Булгаков вообще занялся публикацией своих мемуаров. «Ты прилично записывал все, что видел и слышал в течение твоей жизни. Верно, у тебя запас порядочный записок. Хорошо бы ты сделал, когда бы сам сделал из них выбор и выдал в свет то, что годится для выдачи»²⁵¹. Но уговоры друзей ничуть не подвинули тогда А. Булгакова на издание его записок.

Изменил он свой взгляд на этот счет лишь во второй половине 50-х годов, в совершенно новых общественных условиях, отмеченных повсеместным интересом к мемуарно-исторической литературе и проникновением всякого рода частных записок на страницы воспрявшей от цензурного гнета печати. В 1857 г. он помещает в «Санкт-Петербургских ведомостях», а в 1858 г. в более расширенном варианте в «Библиографических записках» «Отрывок из записок старого дипломата» — навеянные смертью С. С. Уварова воспоминания о встречах с ним в первые годы XIX в. на дипломатическом поприще. В начале «Отрывка» А. Булгаков охарактеризовал свои прежние мемуарные установки. «Я нимало не дорожу записками, с давнего времени мною составляемыми. Рассказы мои, часто до меня лично касающиеся, могут доставлять некоторое удовольствие приятелям моим и современникам, имевшим сношения с лицами, о которых говорю. По сим уважениям не сообщал я нико-

му записок моих, довольствуясь читать иной раз статьи из оных в ограниченном кругу моего семейства»²⁵². Рассказывая дальше о том, что же все-таки побудило его опубликовать этот «Отрывок», А. Булгаков пишет, что «первое изъятие из правила сего» ему пришлось сделать «в пользу Серг. Дм. Полторацкого», с которым он издавна был связан и личными узами, и общими интересами по собиранию литературно-исторических документов.

Младший современник А. Я. Булгакова, С. Д. Полторацкий (1803—1884) был воспитанником Ришельевского лицея в Одессе и Московской школы колонновожатых Н. Н. Муравьева, откуда вышли многие декабристы, в 1827 г. покинул военную службу, подолгу жил в Европе, с сочувствием встретил французские революции 1831 и 1848 гг., очевидцем которых ему довелось быть, в молодости пользовался репутацией вольнодумца, состоял в приятельских отношениях с А. С. Пушкиным, пропагандируя его творчество во Франции, в зрелые годы был корреспондентом «Полярной звезды» А. И. Герцена, но более всего прославился своими библиографическими и книговедческими трудами²⁵³.

Вскоре по возвращении в 1855 г. из очередного заграничного путешествия С. Д. Полторацкий встретился с А. Я. Булгаковым и, увидев у него рукопись «Отрывка», стал добиваться согласия «на напечатание этой статьи в каком-нибудь из московских журналов». В ответ на упорные отказы А. Я. Булгакова Полторацкий обрушил на него целый каскад доводов: «Для того ли пишут, чтобы написанное в землю закапывать?», «ты, как Шатобриан хочешь, чтобы тебя читали только после смерти твоей», «ты не хочешь печатать записок своих ни до, ни во время, ни после смерти твоей? Прекрасно, прошу же теперь сказать мне: зачем же пишешь ты записки свои?»²⁵⁴.

Этот чрезвычайно любопытный с бытовой и социально-психологической стороны разговор очень ясно отобразил типичное для эпохи столкновение двух противоположных тенденций в истолковании задач мемуаротворчества и ту эволюцию, которую претерпело в этом отношении русское общественное сознание на протяжении первой половины XIX в. А. Я. Булгаков, верный заветам отца, отстаивает архаичную в сущности позицию, восходящую еще к культурно-этическим нормам XVIII в., с характерным для него взглядом на мемуары как на нечто семейно-интимное, не подлежащее оглашению. Его собеседник и антагонист С. Д. Полторацкий, человек иного поколения, более приобщенный к книгоиздательству, журналистике, литературной борьбе, тесно связанный с передовыми общественными течениями во Франции — признанной родине мемуарной литературы, наконец, вообще тоньше улавливавший культурные запросы современности, выступает в данном случае как «новатор».

Примерно те же самые по своему типу мемуарные записки, которые в начале XIX в. старший Булгаков считал возможным напечатать лишь в отдаленном будущем, С. Д. Полторацкий полвека

спустя полагает необходимым публиковать теперь же, сразу по их написании, самим автором, и это кажется ему вполне закономерным, само собой разумеющимся, иные цели создания мемуарно-автобиографических сочинений Полторацкому попросту непонятны: иначе зачем они вообще пишутся — недоумевает он в споре с А. Я. Булгаковым.

Именно теперь, в середине XIX в., среди людей, пишущих такого рода сочинения, возникает и иное, чем прежде, понимание своих литературно-правственных прав. Чиновник Синода, профессор богословия Ф. Ф. Исмаилов выпустил незадолго до смерти свое жизнеописание, которое было оценено критикой как «первый опыт автобиографии современного нам человека из духовного звания». Вот как объяснил он мотивы, по которым решил его напечатать: «Во всякой эпохе моей жизни прикосновенны многие немаловажные обстоятельства. За отсутствием гласности они погибли бы в реке забвения: вот причина, почему я исповедую себя пред публикой»²⁵⁵.

В отличие даже от конца XVIII в., когда воспоминания как форма запечатления опыта участия человека в исторической жизни еще не связывались, как мы видели, с мыслью об их обнародовании, ныне предание этого опыта гласности начинает осознаваться наиболее надежным способом сохранения его от забвения, и заявляет о себе взгляд на право всякого пишущего такие воспоминания «исповедоваться» перед читающей публикой.

Естественно, что подобные воззрения и первые попытки их воплощения в жизнь стали возможны не сами по себе, а лишь в условиях глубоких перемен в общественном сознании на рубеже 50—60-х годов и борьбы за раскрепощение печати. Эта связь нового понимания прав мемуариста-«автобиографа» с общественными сдвигами того времени была верно подмечена в рецензии «Современника» на книгу Ф. Ф. Исмаилова: «Наша литература начинает все больше и больше поощрять гласность; до сих пор уже многие авторы воспользовались ей для открытия частных и общественных недостатков <...> Теперь г. Исмаилов <...> из принципа предаст гласности собственную прошедшую жизнь»²⁵⁶.

Таков был один из важных итогов полуторавекового развития русской мемуаристики. В плане их осмысления симптоматичны заметки Н. Г. Чернышевского о «Семейной хронике» С. Т. Аксакова — автобиографической по своему исходному материалу книге. Объясняя истоки ее популярности тем, что она «удовлетворяла слишком сильной потребности нашей в мемуарах <...> находящей слишком мало пищи в нашей литературе», критик особо отметил, что речь идет о мемуарах, «относящихся до близкого к нам времени», они «везде читаются с жадностью, везде приносят много пользы и наслаждения <...> Да где же они? Дайте их!» — энергически восклицал Н. Г. Чернышевский, призывая эти близкие к современности автобиографические записки широко продвигать в русскую печать²⁵⁷.

1812 год и судьбы мемуаристики

Ранее мы не касались вопроса о том, как отразилась на сближении дореформенной мемуаристики с современной печатью эпоха 1812 г. — переломная веха в духовной жизни русского общества, оставившая глубокий след и в мемуарной культуре. Теперь самое время остановиться на этом вопросе подробнее.

Влияние эпохи 1812 г. на судьбы русской мемуаристики, прежде всего на материале корпуса посвященных этой эпохе произведений, уже было рассмотрено нами в указанной выше монографии. Посредством количественных, статистико-библиографических методов установлено, в частности, что в первые сорок лет XIX в. русская мемуарная литература (как она была тогда представлена в печати) развивалась в значительной мере за счет мемуаристики, отбравшей 1812 г., которая занимала в ней доминирующие позиции. И только в два предреформенных десятилетия мемуаристика 1812 г. начинает утрачивать их, поглощаясь всей остальной мемуарной литературой, не связанной с отражением 1812 г.²⁵⁸

Эти наблюдения основывались на анализе суммарных данных о тематическом репертуаре публикаций мемуаров, появившихся в печати на протяжении дореформенного периода и посвященных как самому этому периоду в целом, так и XVIII в., но вне зависимости от того, когда эти мемуары создавались. Ныне, когда мы располагаем дифференцированными данными о движении публикаций мемуарных произведений, созданных в пределах дореформенного периода, есть возможность сопоставить с ними соответствующие показатели движения мемуарных публикаций по эпохе 1812 г. (табл. 8). Это даст нам исторически более точное и источниковедчески более обоснованное представление о месте мемуаристики 1812 г. в общем процессе развития русской мемуарной литературы, возникшей именно в дореформенный период (1801—1860 гг.)

Показатели движения мемуарных публикаций по этому периоду (исключая публикации по 1812 г.) взяты в табл. IX настоящей работы, показатели по 1812 г. — из таблиц 1 и 3 указанной монографии, причем они были уточнены и дополнены сведениями о публикациях дневников по эпохе 1812 г., которые в этих таблицах не учитывались.

Приведенные данные подтверждают ранее полученные выводы. Наибольшее число мемуарных произведений, посвященных 1812 г., приходится на 1810-е и 1830-е годы — периоды высшего подъема общественно-исторических интересов в России к Отечественной войне²⁵⁹: в 1810-е годы эти публикации составляют около двух третей всех мемуарных публикаций, в 30-е годы — менее половины. В эти же два десятилетия по мемуаристике 1812 г. сравнительно с остальной мемуарной литературой весьма внушителен и такой существенный показатель, как численность отдельных изданий: в 1810-х годах — 11 названий против 5, в 30-х годах — 19 против 6 (см. табл. IX)²⁶⁰. Отметим также особенно большое количество мемуарных публикаций по 1812 г. в первой половине 1810-х годов — 23 названия²⁶¹, тогда как остальные появлявшиеся в эти же

Таблица 8

Движение публикаций всех мемуарных произведений
дореформенного периода на протяжении 1801—1860 гг.

Годы	Всего публикаций по дореформенному периоду		Публикации по дорефор- менному периоду (исключая публикации по 1812 г.)		Публикации по 1812 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1801—1810	1	100	1	100	—	—
1811—1820	68	100	25	37	43	63
1821—1830	47	100	31	66	16	34
1831—1840	114	100	64	56	50	44
1841—1850	184	100	145	79	39	21
1851—1860	306	100	263	86	43	14
1801—1840	230	100	121	52	109	48
1841—1861	490	100	408	83	82	17
Итого	720	100	529	73	191	27

годы мемуарные публикации составляли всего 4 названия (см. табл. VIII).

В первые сорок лет XIX в. на публикации по Отечественной войне приходится почти половина общего числа мемуарных публикаций этого времени (48 %), т. е. каждая вторая из появившихся тогда публикаций мемуаров была посвящена эпохе 1812 г. — очевидный признак ведущего положения посвященной ей мемуаристики в данный период, которое она утрачивает в два предреформенных десятилетия, когда на ее долю падает всего 17 % общей численности мемуарных публикаций этих десятилетий.

Выше уже указывалось, что до 30-х годов военная тематика в мемуарной литературе, не связанной с отображением эпохи 1812 г., почти не была представлена. Отсюда очевидно, что именно Отечественная война дала мощный импульс становлению в России военной мемуаристики.

Такую же важную роль сыграл 1812 г. и в процессе сближения русской мемуаристики с современной печатью. Обобщенным показателем его влияния на этот процесс могут служить статистические сведения об удельном весе мемуаров об эпохе 1812 г., опубликованных в период своего создания*, относительно всех возникших в его хронологических пределах (за вычетом дневников, которые в данной связи не рассматриваются). В методическом отношении эти сведения служат более точным критерием степени связи целевой установки мемуаров с их публикацией, нежели данные о прижизненных изданиях вообще. Ведь последние могли быть выпущены

* За таковые мы принимаем мемуары, напечатанные в год написания, в следующем году, но не более чем по истечении трех лет.

автором по прошествии многих лет, а иногда и десятилетий после написания мемуарного произведения, которое тогда и не предназначалось для читательского круга и лишь изменившиеся впоследствии обстоятельства общественного, литературного, личного порядка, возбуждая интерес к ранее созданным мемуарам, могли подтолкнуть автора к их обнародованию. Если же тот или иной мемуарный памятник попадает в печать сразу после завершения работы над ним (или отдельными отрывками в процессе его подготовки), то вероятность того, что он был непосредственно рассчитан на публикацию — и очень часто в каком-то определенном печатном органе, — неизмеримо выше.

Этот критерий представляется вместе с тем и более объективным, чем собственные признания мемуаристов относительно цели написания своих произведений и даже чем их прямые обращения к читающей публике. Например, один из жителей Москвы, выходец из духовной среды, анонимный автор драматического рассказа о пребывании в ней французов, составленного еще в начале 1813 г., не раз адресовался к «любезному читателю», «любезным соотичам», апеллировал к их сочувствию, патриотическим настроениям и т. д., явно рассчитывая увидеть свое повествование тогда же обнародованным. Между тем по каким-то неясным для нас причинам ни в то время, ни в последующие годы оно напечатано не было, увидев свет спустя почти полвека²⁶².

Стало быть, данный критерий фиксирует не те или иные субъективные пожелания мемуаристов, которые не всегда могли быть воплощены в жизнь, а реальный, доведенный до своего логического конца, завершающийся в практике множества публикаций ход сближения мемуаристики с современной печатью.

Корпус мемуаров об эпохе 1812 г. складывается из двух групп произведений — из воспоминаний, специально ей посвященных, и из обширных мемуарных повествований с текстами о событиях этой эпохи. Для получения искомых сведений прибегнем к совмещению хронологии создания и хронологии публикации мемуаров за период с 1812 по 1816 г.²⁶³, и его результаты сгруппируем раздельно для произведений двух указанных выше групп (табл. X).

По первой группе интересны прежде всего суммарные данные: 156 воспоминаний, или 53 % ко всему числу (293 произведения) и 57 % к численности собственно мемуаров — 272 названия. (Выделение этого признака целесообразно, поскольку воспоминания об эпохе 1812 г. существовали и в форме иных видов источников, например ведомственных донесений, частных писем, социальные функции которых никак не были связаны с установкой на их публикацию). Следовательно, более половины всех мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., было напечатано в период своего создания — величина сама по себе весьма значительная.

Перейдем теперь к хронологически дифференцированным показателям. По первой группе в 1812—1859 гг. было опубликовано в период создания 89 произведений — 42 % от всех возникших в данный период, или 50 % относительно собственно мемуаров, в 1860—1916 гг. — 67 произведений, или 80 %. Более четкую кар-

тину нарастания на протяжении XIX в. доли мемуаров об эпохе 1812 г., опубликованных в период своего создания, дают данные по 30-летиям:

1812—1839	— 64 произведения,	или 40 % и 50 %
1840—1869	— 41 «	или 55 % и 57 %
1870—1900	— 51 «	или 86 % и 86 %

Таким образом, удельный вес мемуаров об эпохе 1812 г., предназначенных в момент создания к публикации, в течение XIX в. неуклонно повышается и в целом за столетие увеличивается вдвое. Но если для пореформенного времени численно высокое значение этого показателя вполне закономерно как отражение общего направления в развитии мемуаристики, все более тесно смыкавшейся с печатным делом, то для 10—30-х годов, когда писание воспоминаний с прицелом на публикацию было менее распространено, 40 % и 50 % данной категории мемуаров об одной только эпохе 1812 г. (64 произведения) представляются фактом достаточно выразительным.

Особенно бросаются в этом смысле в глаза показатели по послевоенному восьмилетию — на 1812—1819 гг. падает соответственно 48 % и 64 % указанной категории мемуаров об эпохе 1812 г., или 36 произведений, тогда как публикаций всех остальных русских мемуаров по XIX в. насчитывалось тогда лишь 22 названия. Разительны данные за 1812—1815 гг. — 40 % и 64 % мемуаров (23 названия), опубликованных в период создания, но в те же самые годы, как мы помним, вышло в свет всего четыре публикации остальных русских мемуаров начала XIX в. (Заметная разница между процентными величинами объясняется тем, что именно в этот период доля мемуаров в форме иных видов источников была наиболее высокой).

Весьма рельефно значение рассмотренных выше показателей по группе мемуаров, специально посвященных этой эпохе, вскрывается при сравнении их с аналогичными данными по группе мемуаров с обширными хронологическими рамками. Есть все основания трактовать эту последнюю не только просто как некоторую часть, но и как своего рода выборку из всей совокупности памятников русской мемуарной литературы XIX в., сформированную по одному достаточно случайному признаку — наличию текстов о 1812 г. — и потому предельно отражающую главные тенденции ее развития.

Суммарное число всех мемуаров, опубликованных в период своего создания, в первой группе (156 произведений, или 53 %) превосходило по удельному весу тот же показатель во второй группе (28 произведений, или 24 %) в два с лишним раза, в дореформенное время соответственно в три с половиной раза (89 произведений, или 42 %, и 8 произведений, или 12 %). На 1812—1840 гг. мемуаров, опубликованных в период создания, приходится в первой группе 64 (40 %), тогда как во второй не отмечено вообще ни одного такого случая, в 1841—1870 гг. данные по первой группе (41 произведение, или 55 %) превышают соответствующие показатели по второй (12 произведений, или 22 %) в два с лишним раза,

в 1870—1900 гг. (51 произведение, или 86 %, и 16 произведений, или 61 %) на 25 %. Мы видим, что в ближайшие к 1812 г. десятилетия разрыв между показателями первой и второй групп наиболее высокий, в середине века он, хотя и становится меньше, но еще весьма значителен, к началу XX столетия сокращается уже довольно сильно, но и теперь показатели по первой группе и абсолютно и относительно преобладают.

В итоге неоспоримо устанавливается кардинальный для нашей темы факт: в группе мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., сближение с современной печатью идет гораздо интенсивнее, более ускоренными темпами сравнительно с остальной массой мемуарных памятников. В этом отношении мемуаристика 1812 г. намного опережала развитие остальной русской мемуарной литературы.

За внешне сухими цифровыми данными скрываются качественные сдвиги в глубинах мемуаротворчества, прежде всего в понимании его целей, привнесенные эпохой 1812 г. Для уяснения этих сдвигов первостепенный интерес представляют суждения самих мемуаристов 1812 г. первых послевоенных лет.

Так, В. И. Штейнгель, один из декабристов старшего поколения, сражавшийся в 1812—1813 гг. в рядах Петербургского ополчения, в выпущенных вскоре после войны походных записках писал: «Наконец, должен я сказать, что не из тщеславия, не из лести и пристрастия, не из выгод личных употребил я слабые способности мои для начертания сего повествования»²⁶⁴. «Издавая в свет сии записки, я не ищущу ни славы писателя, ни одобрения журналистов», — варьировал ту же тему в своих воспоминаниях и А. Ф. Раевский, боевой участник заграничных походов, поэт и переводчик, тесно связанный с передовым общественным движением конца 1810-х — начала 1820-х годов, брат «первого декабриста» В. Ф. Раевского²⁶⁵.

Поначалу может показаться, что эти декларации чуть ли не дословно повторяют приведенные выше признания мемуаристов последней трети XVIII в., более всего опасавшихся быть заподозренными в авторском тщеславии. В каком-то отношении В. И. Штейнгель и А. Ф. Раевский отдают еще некоторую дань традиционным для предшествующего столетия представлениям на этот счет. И только постижение великого исторического смысла борьбы с наполеоновским нашествием заставляет обоих авторов поиному взглянуть на задачи своих мемуарных сочинений. И тот и другой утверждают во мнении об их высокой публичной ценности, о праве на широкую известность. В. И. Штейнгель, как он пишет, принялся за записки «единственно в той сильной уверенности, что всякий сын Отечества должен все телесные и умственные силы свои употребить для пользы и славы своих соотечественников как современных, так и будущих», ибо «все относящееся до необыкновенных и чудных в наше время событий, достойно сохранено быть в различных видах для наших потомков, которые с трудом будут верить тому, что мы въявь видели». А потому «само повествование о военных действиях» он стремился «для вся-

кого мирного гражданина возможно сделать и занимательным и приятным»²⁶⁶.

Также и А. Ф. Раевский, чуждый мысли посредством издания своего мемуарного труда снискать «славу писателя», заявляет, что лишь «приятное воспоминание трудов и опасностей, понесенных Россиянами в знаменитые брани последних годов, побудило меня излагать мысли мои на бумаге, дабы тем удобнее сохранить их для добрых моих сослуживцев», равно как и вообще для своих «соотечественников»²⁶⁷.

Сходные мотивы подтолкнули и Д. В. Давыдова к публикации «Дневника партизанских действий», который он начал составлять еще в 1814 г. в Париже²⁶⁸ и по возвращении на родину продолжил работу над ним. В 1817 и 1818 гг. в «Военном журнале», издававшемся при штабе Гвардейского корпуса, было сообщено, что партизанские действия 1812 г. «уже описываются прекрасным пером известного партизана писателя нашего Д. В. Давыдова», который «скоро издст в свет сие произведение пера своего»²⁶⁹. В 1818 г. он извещал П. А. Вяземского: «В праздные часы я занимаюсь приведением в порядок “Дневника” моих “поисков”, и уже почти половину написал. Там я весь: дурен ли, хорош ли, но чувства и мысли мои — все там»²⁷⁰. Отрывки из «Дневника» в этой первой, не вполне завершенной редакции Д. В. Давыдов в начале 20-х годов поместил в «Отечественных записках». (Сохранилась положенная в основу этой публикации авторизованная копия начальной редакции: «Дневник поисков и набегов партизана Дениса Давыдова» на бумаге с водяным знаком 1818 г.²⁷¹) С их обнародованием в русскую мемуарную литературу вошла совершенно новая тема партизанского движения, свободной стихии народной войны, ранее не освещавшаяся в немногочисленных еще воспоминаниях участников событий 1812 г. и в казенно-монархическом духе трактовавшаяся в официальных изданиях.

По этому поводу между Д. В. Давыдовым и его близким другом тех лет Дежурным генералом Главного штаба А. А. Закревским завязалась переписка. В своем письме А. А. Закревский (оно до нас не дошло, но его содержание проясняется из ответа Д. Давыдова) сильно корил автора за эту публикацию, не понимая, зачем он вообще отдал «Дневник» в журнал — «такие сочинения должно одним приятелям читать». А. Закревский явно еще держался консервативно-элитарных, разделявшихся военно-дворянской верхушкой взглядов на назначение близких к современности мемуаров, полагая, что если их и следует распространять, то только в рукописи для чтения в дружеской корпоративно-офицерской среде, но ни в коем случае не пускать в печать. Тем более не надо было оглашать во всеобщее сведение, «такое сочинение», как «Дневник» Д. Давыдова, в котором столь полно выразилась раскованная личность поэта-партизана, его резкая оппозиционность по отношению к военной бюрократии и насаждаемым казарменным порядкам в русской армии. «А я думаю, напротив, — решительно возражает Д. Давыдов, усиливая этот энергический возглас аргументом, полным чувства достоинства и гражданского долга. — Благо есть что про се-

бя сказать, почему не говорить! Особенно в такое время, в которое стараются предать забвению и события, и людей, ознаменовавших сию великую эпоху, коей слава есть собственность России». Жалуясь на то, что в военно-придворных кругах попирают «славу партизанства» 1812 г., а подвиги его самого, А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера, Н. Д. Кудашева стремятся затмить незаслуженно выдвигаемыми фигурами, Д. Давыдов пишет, что «надо открыть глаза» всем, — «вот причина, отчего я бросил отрывки мои в журнал и готовлюсь весь дневник мой напечатать»²⁷².

Это его намерение вырастает, таким образом, из необходимости прославить героев войны, запечатлеть для ныне живущих поколений и для потомства память о ней, очистить ее от официальных искажений. Одушевленный столь благородной и исторически ответственной задачей, Д. Давыдов убежденно отстаивает и неотъемлемое право на доведение до читающей публики рассказа о своем личном участии в великих событиях 1812 г. («Благо есть что *про себя* сказать, почему не говорить?»). Эти знаменательные слова (равно как и сама полемика Д. Давыдова с А. Закревским по данному поводу), на несколько десятилетий предвосхитили рассмотренный выше спор С. Д. Полторацкого с А. Я. Булгаковым. Те взгляды на право мемуариста публиковать воспоминания, окрашенные в автобиографически-личностные тона и вообще «исповедоваться» перед современниками о своем прошлом, которые в русской мемуарной литературе в целом завоевывают признание лишь в 50—60-х годах XIX в., зарождаются, как видим, еще в 10-х — начале 20-х годов под впечатлением 1812 г., как прямой результат ясно осознанной потребности сохранить и сделать достоянием гласности его непреходящий исторический опыт.

Наиболее благоприятные предпосылки для сближения мемуаристики с современной печатью складывались в периоды обострения общественно-исторических интересов к эпохе 1812 г. Уже 1812—1815 гг. ознаменовались ранее не имевшим никаких аналогий в русской мемуарной литературе появлением множества воспоминаний, написанных по горячим следам событий с прямым расчетом на широкую читательскую аудиторию. Это не только мелкие мемуарные очерки и статьи, увидевшие свет на страницах периодики, но и около десятка мемуарных книг с красноречивыми рассказами очевидцев о военных событиях того времени и о судьбе Москвы в 1812 г.²⁷³

Московский купец П. Жданов в вышедших в начале 1813 г. воспоминаниях писал, что издает их «не с тем, чтобы расстраиывать раны ваши кровавые, сограждане! Я хочу токмо поведать вам как любезным братьям — что со мною приключилось». Чиновник Министерства финансов Ф. Корбелецкий, попавший в плен при вступлении французов в русскую столицу и воочию наблюдавший Наполеона и его окружение, через полгода издал об этом свои записки, где предуведомлял читателя: «Сие-то событие <...> почел я себе за обязанность описать в точном порядке и по всей исторической строгости, и тем доставить удовольствие моим соотичам, желающим знать все подробности, относящиеся к Наполеону и Моск-

ве»²⁷⁴. Студент Московского университета, впоследствии секретарь Московского общества сельского хозяйства, известный общественный деятель, один из ревнителей памяти об Отечественной войне С. А. Маслов в мемуарном описании своих приключений в занятой французами Москве в подобных же выражениях извещал публику: «Издавая в свет описание моего путешествия в Москву, я ничего более не желаю, как только сообщить соотечественникам и друзьям моим те замечания, которые <...> мог я сделать над всем, особенно заслуживающим мое внимание»²⁷⁵.

30-е годы, отмеченные новым оживлением общественного внимания к истории наполеоновских войн, дают в этом отношении еще более ощутимые плоды. В прессе тех лет горячо и заинтересованно обсуждается вопрос о скорейшем выпуске в свет составленных тогда же мемуаров современников 1812 г., в журналах и газетах то и дело появляются призывы к ним не просто записывать свои воспоминания, но активно продвигать их в печать. В рецензиях на записки о 1814 и 1815 гг. А. И. Михайловского-Данилевского «Московский телеграф» отмечал: «Нельзя сказать, чтобы у нас таких воспоминаний «вовсе <...> не записывалось, напротив», их пишут, но «прячут!», и драгоценные исторические памятники «гниют после того в родовых библиотеках и шкафах, а издаются в свет кое-какие выборки из реляций» — «у нас, видно, еще не настало время издавать записки»²⁷⁶. «Нельзя не пожелать, чтобы остающиеся в живых участники того времени издали записки о своем служении в 1812 году», — высказывался в том же духе несколько лет спустя сам А. И. Михайловский-Данилевский²⁷⁷. «Еще недавно некоторые наши журналы вызывали участников в бессмертной войне, советуя им издавать свои воспоминания или записки», — писал в 1837 г. автор одной из книг об Отечественной войне, передавая впечатления о размахе подобного рода призывов²⁷⁸.

Напомним, что такие крупные, вышедшие отдельными изданиями мемуарные памятники 30-х годов, как «Краткие записки» А. С. Шишкова, цикл записок о кампаниях 1813—1815 гг. А. И. Михайловского-Данилевского, два тома записок С. Н. Глинки, «Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя» декабриста В. С. Норова, «Походные записки артиллериста» И. Т. Радожицкого, «Рассказы о походах 1812 и 1813 годов» Р. М. Зотова, «Рассказы артиллериста о деле Бородинском» Н. Любенкова, записки Н. А. Дуровой, «Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов» Н. Б. Голицына, наконец, «Очерки Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки²⁷⁹ — все они были задуманы и написаны как книги военных мемуаров, непосредственно предназначенных для читательской публики.

В эти же годы и Д. В. Давыдов готовил к изданию «Дневник партизанских действий» — главный мемуарный труд своей жизни, над которым он работал в общей сложности четверть века. К началу 1830-х годов была завершена самая значительная по насыщенности историческим материалом и остроте общественно-политического звучания редакция, наиболее полно выражавшая авторскую

волю²⁸⁰, и Д. В. Давыдов стремился разными способами продвигать ее в печать. Лучшим из них представлялся, конечно, выпуск «Дневника» отдельной книгой. Но, понимая, что в условиях нарастания в 30-х годах цензурного гнета осуществить этот замысел не удастся, Д. В. Давыдов, несколько переработав текст «Дневника», включил его в цикл военно-исторических сочинений «1812 год», который составлял вторую часть задуманного им тогда обширного мемуарного труда о своем военном прошлом «Материалы для современной военной истории» (первая часть посвящалась кампаниям 1806—1807 гг. третья — участию в боевых действиях на Кавказе в 1826—1827 гг., четвертая — польской войне 1831 г.)²⁸¹. Но и в этом виде «Дневник» также не удалось напечатать и, таким образом, в полном своем составе при жизни Д. В. Давыдова он света так и не увидел (заметим, что наиболее полная и исправная редакция «Дневника» не опубликована и до настоящего времени), что не должно скрыть от нас самого факта издательских усилий Д. В. Давыдова в этом направлении.

Стимулировал сближение мемуаристики с современной печатью и подъем общественного внимания к Отечественной войне в конце 50-х — начале 60-х годов, связанный, в частности, с ее 50-летним юбилеем в 1862 г. В это время со специальной целью издания в виде отдельных книг и журнально-газетных публикаций пишется также немало мемуарных сочинений современников эпохи наполеоновских войн²⁸².

Любопытным примером того, насколько сильно эта атмосфера общественного возбуждения вокруг наследия 1812 г. влияла на сближение мемуаристики с печатью, может служить судьба «Воспоминаний ветерана 1813—1814 гг.» пензенского дворянина П. И. Юматова, в молодые годы пережившего наполеоновское вторжение и участвовавшего в рядах местного ополчения в заграничных походах. Описание этих событий (в том числе и полный живых подробностей рассказ о бунте ратников Пензенского ополчения) занимает лишь часть текста «Воспоминаний ветерана», в целом повествующих о всей жизни автора. Составленные в 1861 — начале 1862 г., они первоначально предназначались исключительно для родственного круга. «Воспоминания эти писаны мною для моих детей, которые желали иметь на письме то, что я им рассказывал о моей прожитой жизни», — указывал П. И. Юматов, и это была не фраза: весь текст пронизывали интимно-доверительные интонации («к вам обращаюсь я, милые мои дети!») и такие сведения, которые ясно свидетельствовали, что автор никак не предполагал публиковать свои семейные записки. И все же очень скоро — в том же 1862 г. — они были напечатаны в известном издании Н. Калачева «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» — с ведома и согласия П. И. Юматова, сопроводившего публикацию своими примечаниями. Думается, что такую метаморфозу в авторской установке можно объяснить лишь общими условиями эпохи, вызвавшими усиленный интерес научно-исторической общественности к любым свидетельствам очевидцев о кампаниях 1812—1814 гг.

В этом смысле примечательно уже то, как названы записки: «Воспоминания ветерана 1813 — 1814 годов». Если бы в них, действительно, повествовалось только о походах 1813—1814 гг., то в таком заглавии не было бы ничего удивительного. Но при том, что воспоминания П. И. Юматова охватывали весь его жизненный путь — от 90-х годов XVIII в. вплоть до 50-х годов XIX в., в них явно проскальзывало намерение подчеркнуть особое значение рассказа об оваянных легендарной славой событиях эпохи 1812 г., именно их выделить как ведущую тему повествования, сосредоточить на ней преимущественное внимание читателя, мотивировав тем самым факт публикации пространных автобиографических записок в юбилейной ситуации 1862 г.

Благодаря усиленному 1812 г. сближению мемуаристики с современной печатью рождаются и самые первые в XIX в. опыты привлечения мемуаристов «к авторству», именно в этой обстановке начинает складываться обычай заказывания воспоминаний издателями и редакторами журналов. В русской мемуарной литературе, не связанной с освящением эпохи 1812 г., единичные случаи такого рода относятся, как указывалось выше, лишь ко второй половине 10-х годов — не ранее 1816 г., когда в «Сыне отечества» появились отрывки из «Воспоминаний на флоте» П. П. Свиньина. Но еще в 1813 г. тот же «Сын отечества» выступил с призывом к участникам Отечественной войны «сообщить публике» свои записки о только что минувших событиях²⁸³, как бы взяв на себя тем самым обязательство помещать их на своих страницах. И действительно, начиная с 1813 г. «Сын отечества», пожалуй, чаще, чем другие периодические издания, печатает воспоминания очевидцев об отдельных эпизодах войны, о русских полководцах, мемуарные очерки в форме «Писем к издателям» журнала²⁸⁴.

Чаще других публикует в нем фрагменты из дневниковых «журналов» упомянутый выше не раз А. И. Михайловский-Данилевский — адъютант М. И. Кутузова в 1812 г., доверенное лицо начальника Главного штаба П. М. Волконского, находившийся в самом центре военно-политических событий эпохи, после войны — полковник Гвардейского Генерального штаба и флигель-адъютант Александра I. Позднее он вспоминал, что «история 1812 года, возобновив в воображении моем величие и славу Отечества нашего», побудила «издать в печать некоторые отрывки из моих журналов» за военные годы и поместить «их в одном из известнейших периодических изданий того времени “Сыне Отечества”»²⁸⁵. Одновременно А. И. Михайловский-Данилевский печатает мемуарные очерки об Отечественной войне и заграничных походах в «Вестнике Европы» и «Русском вестнике». Уже в 30-х годах С. Н. Глинка писал, что «он из первых спешил дарить нас драгоценными статьями о войне Отечественной, которыми украшался и мой “Русский вестник”, что А. И. Михайловский-Данилевский «первый, собрав и сообразив все известия о войне заграничной, опытным пером своим представил их в живом объеме историческом»²⁸⁶. Оценив читательский успех этих военно-мемуарных очерков, издатели стали обращаться к А. Михайловскому-Данилевскому с новыми

заказами, и возникла даже идея выпустить все его воспомина-ния тех лет, как он указывал сам, в виде «особой книги моих статей»²⁸⁷.

Свой актив мемуаристов складывается и вокруг «Военного жур-нала», который в те годы был средоточием лучших сил военной интеллигенции, связанной с ранними декабристскими организаци-ями. Программа журнала, составленная их редактором Ф. Н. Глин-кой в духе просветительских установок, предусматривала публиков-ать «вернейшие записки о военных действиях Отечественной вой-ны и заграничных походов <...> разных особ, участвовавших в успехе и славе оных». Некоторые из них — А. Ф. Ланжерона, Н. Б. Голицына, А. Х. Бенкендорфа — Ф. Н. Глинка непосредст-венно побуждает передать в журнал их мемуарно-исторические со-чинения об этих походах²⁸⁸.

В 20-х годах заметную роль в приобщении современников со-бытий 1812—1814 гг. к сотрудничеству в качестве авторов военно-мемуарных произведений сыграли «Отечественные записки» П. П. Свиньина. Одним из первых, кого он привлек с этой целью, был тот же А. И. Михайловский-Данилевский — в 4-м номере «Отечественных записок» за 1820 г. появился его мемуарный очерк «Черты из жизни князя Кутузова-Смоленского». Во вступительной заметке П. П. Свиньин проявил осведомленность в наличии об-ширного собрания рукописей мемуаров А. И. Михайловского-Дани-левского: он «принадлежит к числу тех счастливых, кои наблюде-ния свои предав бумаге, составил для себя навсегда драгоценное сокровище воспоминаний, а для будущего историка (когда время придет поведать их *сполна свету*) богатый источник событий, кои замечены глазом верным, беспристрастным, и в коих одно *слово* в лице или предмете пояснит, может быть, многие дипломатические диссертации и решит противоречия о важных случаях сей любо-пытной эпохи XIX столетия» (с.120). Впоследствии П. П. Свиньин стремится получить для своего журнала и другие мемуарные сочи-нения А. И. Михайловского-Данилевского (о путешествиях по России с Александром I и т. д.), напоминая о давнем обеща-нии «украсить “Отечественные записки” бесценными труда-ми своими». Их же П. П. Свиньин предполагает печатать в за-думанном в 1830 г. альманахе «Галицийский отшельник» и тог-да же ведет переговоры с А. С. Шишковым, который обещает доставить для публикации в нем «Отрывок из похода своего в 1812 году» — т. е. из записок, изданных год спустя отдельной книгой²⁸⁹.

Именно по инициативе П. П. Свиньина появляются в 1820—1822 гг. в «Отечественных записках» выдержки из «Дневни-ка партизанских действий» Д. Давыдова. В сопроводительных при-мечаниях П. П. Свиньин тонко отметил самостоятельный характер военно-общественных взглядов автора, его независимость от придворных авторитетов и глубину содержания «Дневника» — в нем присутствуют «замечания искусного военного челове-ка и исторические истины сей любопытной эпохи, истины, ук-рывшиеся, может быть, от пронизательности многих современни-

ков и важные для будущего Историка Отечественной войны 1812 года, кои одно только время, разрывающее цепи снисхождения к личности и дворских связей, позволяет открывать свету»²⁹⁰.

П. П. Свиныну принадлежит открытие и «Походных записок артиллериста» И. Т. Радожицкого, отрывки из которых (правда, в иной сравнительно с отдельным изданием редакции) были напечатаны в «Отечественных записках» в 1823, 1824 и 1826 гг. Сохранившиеся за эти годы письма автора из Кавказского корпуса к П. П. Свиныну ясно показывает, что как раз по его запросам И. Т. Радожицкий стал оформлять тексты записок для их публикации. «Вы сами изъявили доброе желание получить какие-либо статьи для Вашего журнала», — писал он в мае 1823 г., а в июле сообщал: «Относительно моих “Походных записок“, я привожу их ныне в систематический порядок и начал с 812 года; посему, если позволите, то Вам пересылать буду отрывками из сего, покуда доберусь до последующих трех лет»²⁹¹. Как выясняется из тех же писем, тесные дружеские и журнальные отношения связывали И. Т. Радожицкого с братьями Николаем и Ксенофонтом Полевыми — это проливает свет на публикацию отрывков из «Походных записок» в «Московском телеграфе»²⁹².

Другой влиятельный журналист того времени — А. Ф. Воейков, сам участник Отечественной войны и автор мемуаров о ней, также прилагает энергичные старания по розыску ее современников, могущих выступить на страницах редактируемых им изданий с воспоминаниями об эпохе 1812 г. В результате в конце 20-х и в 30-х годах в «Славянине» и «Русском инвалиде» появляется в извлечениях не менее десятка офицерских мемуаров²⁹³. А. Ф. Воейкова привлекает и фигура А. Михайловского-Данилевского как исключительно осведомленного мемуариста. В 1824 г., ссылаясь на некогда данное им обещание «украсить» «Сын отечества» «отрывками из любопытных записок», «занимательных для современников, еще занимательнейших для потомства», он обращается с просьбой прислать эти воспоминания, касавшиеся наполеоновских войн: было бы непростительно, «если бы такие, как вы, писатели, славные спутники и сподвижники Александра и Кутузова, не обогатили нас своими драгоценными гостинцами»²⁹⁴. В «Сыне отечества» воспоминания А. Михайловского-Данилевского в середине 20-х годов не были напечатаны, но в 30-е годы выдержки из них, посвященные походам 1813 и 1815 гг., публикуются в «Русском инвалиде».

Отметим, наконец, в этом кратком обзоре усилий русских журналистов по привлечению «к авторству» мемуаристов — участников событий эпохи 1812 г. и А. С. Пушкина. По его предложению и при активном редакторском участии были напечатаны в 1836 г. во II томе «Современника» упомянутые выше записки Н. Дуровой, а в IV томе — яркий мемуарно-полемический очерк Д. В. Давыдова «Занятие Дрездена в 1813 году» с характерным подзаголовком, не воспроизведенным, кстати, во всех последующих изданиях: «Из дневника партизана Дениса Давыдова»²⁹⁵.

Отмечая влияние эпохи 1812 г. на сдвиги в целевой установке мемуаротворчества, мы должны сказать еще об одном весьма симптоматичном в этом смысле явлении. Речь идет о том, когда из обширных по временному охвату мемуарно-автобиографических повествований, которые полностью не предназначались к напечатанию или не могли увидеть свет по издательским и цензурным условиям времени, самими же авторами вычленились тексты об Отечественной войне и заграничных походах и после известной переработки публиковались в текущей печати. Обычно это также имело место в периоды приливов общественного внимания к эпохе 1812 г., и не случайно, что первые попытки такого рода относятся к 30-м годам. Одна из них связана с записками А. С. Шишкова.

Государственный секретарь, составитель царских манифестов в 1812—1814 гг., он становится после войны президентом Российской Академии, членом Государственного совета, Министром народного просвещения и в 1818 г. начинает писать воспоминания о своей жизни — «Памятные» или, как именовал их сам, «Домашние мои записки». Их последняя, наиболее подробная редакция датируется 1828 г. (но и в дальнейшем — вплоть до смерти в 1841 г. — А. С. Шишков возвращался к их тексту, внося незначительные поправки и дополнения²⁹⁶). Дошедшая до нас часть «Домашних записок», озаглавленная в рукописи «Остальная половина моей жизни», освещала время со смерти Екатерины II, воцарения Павла I и до 1814 г. А. С. Шишковым были написаны и утраченные ныне воспоминания о предшествующих годах его жизни. На первых же страницах «Остальной половины...» он свидетельствовал: «В ином месте описал я бывшие со мною в молодости приключения, а именно: рождение мое, домашнее воспитание, бытность мою в морском кадетском корпусе, упражнения в науках и словесности <...> Теперь приступаю к описанию важнейшей части моей жизни, начинающейся с кончины Екатерины Великой <...>»²⁹⁷

Таким образом, в целом «Домашние записки» представляли собой автобиографическое повествование о всем жизненном пути А. С. Шишкова — от детских лет (50-е годы XVIII в.) до завершавшего их описания Отечественной войны и заграничных походов.

Проникнутые простодушно-откровенной интонацией — а Шишкова, чуждого личной корысти, отличала прямота и нелицеприятность суждений, — выдержанные в манере последовательно-неторопливого рассказа о закулисных сторонах общественной и военной жизни, о державшихся в глубокой тайне событиях и далеко не безобидных нравах своего времени, «Домашние записки» не выходили из традиционного для конца XVIII — начала XIX в. круга русских мемуаров с их внутренне-семейным назначением. В предисловии к запискам, написанным, видимо, в 1828 г. и многозначительно названном автором «Завещанием», он предостерегал от обнаружения их и после своей смерти, предпочитая даже, чтобы в противном случае они были уничтожены: «Благонравный чита-

тель! Если когда-либо достанутся тебе сии *домашние мои записки*, собственно рукою мною писанные, прошу тебя сохранить их при себе или предать огню, хотя и не заслуживают они осуждения быть погребенными во мраке тайнства; ибо нет в них ничего противного истине и благонравию. Но как я писал их не для света, а собственно для себя, или для весьма немногочисленных моих друзей, то желаю, чтобы и после меня судьба их была та самая. Когда ты найдешь в них что-нибудь любопытное, имей их у себя; когда же нет, то послушайся меня — не дай им скитаться по рукам, брось в печку: ты меня тем одолжишь»²⁹⁸. «А. С. Шишков записал Записки, — отмечал в своем дневнике в апреле 1841 г. после рассказа о его похоронах И. П. Сахаров. — Д. И. Языков говорил, что он эти записки хотел, запечатавши, положить на хранение в Академию»²⁹⁹.

Нетрудно понять после всего этого, почему «Домашние записки» в России вообще не были изданы. В 60-е годы они расходились в списках, одним из них воспользовался М. И. Богданович при подготовке «Истории царствования Александра I»³⁰⁰, и только в 1870 г. были, наконец, напечатаны в Берлине известным славянофилом Ю. Ф. Самариным и сотрудником «Русского архива» Н. С. Киселевым в составе двухтомного издания «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова». Однако и тогда их распространение в России встретило на своем пути серьезные препятствия. В том же 1870 г. один из рецензентов с сожалением отмечал, что «русской публике едва ли придется пользоваться этим изданием, так как оно напечатано за границей и может быть вывезено в Россию лишь с дозволения предварительной цензуры», которая, как он считал, сделает все, чтобы не пропустить их внутрь страны³⁰¹.

Поскольку в состав «Домашних записок» входило повествование о войнах 1812—1814 гг. (А. С. Шишков прямо указывал, что описание его деятельности в 1812 г. и пребывание при Александре I «находится в Домашних моих записках»³⁰²), завещательное распоряжение со столь твердо заявленным желанием не предавать их гласности всецело относилось и к данному повествованию.

Между тем очень скоро сам же А. С. Шишков в известной мере нарушил свою авторскую волю.

Произошло это в 1830 г., когда под натиском антифеодальных и революционных движений заколебались позиции самодержавия внутри и вовне страны, а в придворно-правительственных и дворянских кругах обострился интерес к Отечественной войне и заграничным походам, поднявшим престиж царизма в Европе. В этой тревожной обстановке воспоминания о них А. С. Шишкова обрели злободневное звучание и могли способствовать утверждению феодально-легитимистских начал в истолковании и прошлого, и живой современности. Это и послужило толчком для выделения из «Домашних записок» текстов, посвященных этим войнам, и подготовки на их основе отдельной книги, выпущенной автором в 1831—1834 гг. тремя изданиями, — «Кратких записок адмирала А. Шишкова, вехенных им во время пребывания его при блажен-

ной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну»³⁰³. Они были составлены в очень сжатые сроки — в июле 1830 г. разразилась революция во Франции, открывшая собой полосу кризисных для самодержавия событий, а 2 сентября на заседании С.-Петербургского цензурного комитета было заслушано заключение цензора П. Гавевского о представленной автором еще в августе рукописи, которая уже тогда была, видимо, завершена³⁰⁴. (Выдержки именно из этой рукописи — «Отрывки из похода своего в 1812 году» — А. С. Шишков, как помним, обещал передать летом того же года для «Галицийского альманаха» П. П. Свинына.)

В «Предуведомлении» к ней А. Шишков стремился завуалировать происхождение «Кратких записок», изобразив их изначально возникшими в том виде, в каком он и выносил их на суд публики. Однако Н. Киселев и Ю. Самарин, печатая в 1870 г. «Домашние записки», верно отметили, что «Краткие записки» извлечены из их текста, который в результате «был напечатан с пропусками и смягчениями», — «автор мог иметь особые причины — цензурные требования или личные соображения, чтобы иное место выкинуть, другое смягчить»³⁰⁵.

Действительно, тексты об эпохе 1812 г., как они были в свое время написаны для «Домашних записок», по характеру их содержания, не могли увидеть света в начале 30-х годов и подверглись весьма основательным изменениям. А. С. Шишкову пришлось изъять из них немало полных животрепещущего интереса сведений о политике правительства и действиях командования в эпоху 1812 г., критических замечаний об обстановке в Главной квартире и в адрес Александра I, о своих разногласиях и спорах с ним, в которых А. С. Шишков занимал позиции куда более консервативные, чем сам царь. Из «Домашних записок» были исключены все сомнения в стойкости и способности Александра I к продолжению бескомпромиссной борьбы с Наполеоном, упреки во вмешательстве в руководство войсками, отчего происходила только путаница и неразбериха, в покровительстве иностранцам, в гибельных для России, но по сути дела крайне преувеличенных им, либеральных поползновениях царя и т. д.³⁰⁶

Вместе с тем для «Кратких записок» были написаны дополнения, усиливающие их охранительно-монархическую направленность³⁰⁷. Эту же цель преследовало включение в них изданных еще во время войны от имени царя шишковских манифестов с их церковно-проповеднической и казенно-патриотической риторикой. Торжественно-приподнятый, изобилующий старославянскими речениями стиль манифестов был придан и текстам, перенесенным из «Домашних записок», и, будучи искусственно вырваны из прежнего окружения, они обрели существенно иной смысл. Переосмысление мемуарного материала в духе манифестов 1812 г., провозгласивших идею единения монархической власти и народа, было с восторгом встречено официально настроенными рецензентами «Кратких записок»: «Записки сии начертаны тем пером, — напоминали «Санктпетербургские ведомости», — которое в достославный 1812

год и в последующую за сим эпоху служило воле и намерениям Александра Благословенного. Записки очевидцев современных происшествий всегда любопытны; но тем любопытнее замечания мужа Государственного, имевшего участие в важнейших событиях политических, и какое участие! Потомство будет удивляться и благодетель пред высокими чувствами в тех воззваниях, кои возбуждали стремление любви к отечеству, одушевляли сердца мужеством и доблестью, двигали душою России и были бедственны для Наполеона»³⁰⁸.

В итоге домашне-интимное назначение автобиографических записок сменилось воинствующе-публицистическим замыслом новой мемуарной книги. И этот замысел решительно не совпадал с представлениями А. С. Шишкова о цели создания «Домашних записок». Если относительно последних А. Шишков более всего опасался, чтобы они «не скитались по рукам» и при первой же возможности публикации записок завещал предать их огню, то в «Предупреждении» к «Кратким запискам» прямо заявил: «Рассудилось мне издать их в свет, дабы многие тогдашние приключения и обстоятельства не остались для любопытного читателя в совершенной неизвестности».

Сходным образом в начале 30-х годов появились на свет и записки А. И. Михайловского-Данилевского. В первые послевоенные годы он был близок к прогрессивной офицерской молодежи продекабристского толка, но по мере успешного совершения карьеры и «поправления» правительственного курса все более отходит от былых идеалов, а после 1825 г. отрекается от них вовсе. Однако с воцарением Николая I, как и другие приближенные покойного императора, сам оказывается в опале, уходит в отставку, три года проводит в своих имениях и только в 1831 г. окончательно возвращается на службу. Во время пребывания в отставке А. И. Михайловский-Данилевский составляет громадный мемуарный труд (полностью, правда, не заверченный) на основе дневниковых «журналов», которые систематически вел с 1808 по 1826 г.³⁰⁹

Важное место в составе мемуарных «журналов» занимали воспоминания об эпохе 1812 г. Еще в ходе кампаний А. И. Михайловский-Данилевский глубоко осознал исторический смысл развертывавшихся перед ним событий и свое призвание стать их летописцем. Уже тогда его нарекли в штабе Кутузова «историографом армии»³¹⁰. Он понимал, что должен «смотреть на людей», с которыми соприкасался в высших сферах, в сражениях, на маршах, «не обыкновенными глазами, а с вниманием историка», и что его имя «перейдет в потомство в сочинениях», которые он успел начать во время войны, собираясь завершить их «по прекращению беспокоев в Европе»³¹¹. Поэтому все, чему был тогда свидетелем, фиксировал в своих «журналах» с особой тщательностью.

И хотя оформляя их в мемуары, А. И. Михайловский-Данилевский многое переосмыслил сквозь призму изменившихся идейно-политических воззрений, здесь сохранилось немало острых наблюдений над современной действительностью, придворными нравами, критических, порой обличительных суждений о русских обще-

ственных порядках, лицах из царского окружения и даже о самом Александре I. Сохранились здесь и интереснейшие сведения о встречах с передовыми людьми эпохи и записанные в разное время рассказы о потаенной политической истории России XVIII — первой четверти XIX в.

Ясно, что свои мемуары А. И. Михайловский-Данилевский никак не мог предназначать к публикации.

В мемуарном «журнале» за 1823 г. содержится как бы случайно оброненная фраза: «Ежели сии записки дойдут до моих сыновей <...>»³¹² Значит, ему было ясно, что его мемуары лишь по прошествии длительного времени могут стать известными детям и потомкам. Не случайно рукописи «Журналов» А. И. Михайловский-Данилевский бережно хранил в своем кабинете, лишь незадолго до его кончины какие-то сведения о них стали просачиваться за пределы семейного круга и только когда назначенная Николаем I Комиссия приступила к разбору архива А. И. Михайловского-Данилевского, выяснился и сам факт существования мемуарных «Журналов» и их значение как многотомного жизнеописания историка. Неудивительно поэтому, что в относительно целостном виде «Журналы» за указанные годы стали проникать в печать спустя 60 с лишним лет по их составлении — в 90-х годах XIX в.³¹³

По прямым авторским указаниям на время составления и по косвенным хронологическим признакам в рукописных и печатных текстах они датируются 1827—1829 гг. Данная датировка подтверждается и соответствующим пунктом «Описи № 2 сочинениям покойного генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского», составленной при посмертном разборе его бумаг осенью 1848 г., где, кстати, ясно определен и мемуарный характер этого комплекса «Журналов»: «Картон с надписью *Memoires de générale Danilefsky 1828*, в коем находятся 14 тетрадей *in octavo*, в рукописи на русском языке. Журнал А. И. Данилевского, начиная с 1811 по 1825 год»³¹⁴.

Не прошло, однако, и двух лет по завершении работы над журналами, как в атмосфере стремительно возросшего после польского восстания и июльской революции интереса к заграничным походам эти первоначальные установки А. И. Михайловского-Данилевского по поводу цели создания его мемуаров существенно трансформировались.

В конце 1830 — январе 1831 г. он обращается к рукописям «Журналов» о войнах 1814 и 1815 гг., окончательно сокрушивших французское господство в Европе, выбирает из них созвучные обстановке описания, дополняет их вновь написанными текстами и мемуарно-историческими очерками о тех же кампаниях, напечатанными еще в русской прессе 1816—1819 гг., и весной 1831 г. издает две книги воспоминаний, одна из которых охватывает события 1815 г., другая — 1814 г. В 1832 г., собрав их в один том и слегка подновив текст, он выпускает второе издание этих воспоминаний, в 1836 г. — третье, а в 1841 г. — и четвертое. Одновременно в 1832—1833 гг. А. И. Михайловский-Данилевский на основе «Журнала» за 1813 г., обогащенного военно-оперативной документа-

цией, создает мемуарно-историческое повествование и об этом первом заграничном походе русской армии, дважды напечатав его — в 1834 и в 1836 г.³¹⁵ Все эти мемуарные книги имели явный публицистический подтекст и всячески прославляли Александра I за восстановление легитимных порядков в Европе, истолковывая народно-освободительные начала войн с Наполеоном в духе верноподданнических и охранительных установок.

Хорошо знавшие А. Михайловского-Данилевского современники ясно представляли себе генезис этих фрагментарно изданных в 30-е годы записок о наполеоновских войнах, их органическую связь с рукописями пространныго мемуарно-автобиографического труда. К. А. Полевой по поводу книги воспоминаний о 1814 и 1815 гг. указывал, например, что «это только отрывки из Записок покойного Михайловского-Данилевского, которые он постоянно вел», будучи «свидетелем множества исторических современных событий»³¹⁶. Биограф А. Михайловского-Данилевского Л. Брант, упомянув о том, что «между многочисленными бумагами его найдена обширная рукопись, заключающая в себе материалы для автобиографии покойного», счел нужным особо оговорить, что «записки 1814—1815 гг. суть только отрывок» из этой «автобиографии»³¹⁷.

Но если принадлежность к крупным мемуарным комплексам воспоминаний о событиях 1812—1815 гг. А. С. Шишкова и А. И. Михайловского-Данилевского не составляла тайны для их биографов, то аналогичное происхождение упомянутых выше «Записок о 1812 годе» и «Записок о Москве» С. Н. Глинки — ярких памятников русской мемуаристики и общественно-исторической мысли 30-х годов (нет буквально ни одного серьезного исторического труда, в котором бы они не привлекались для характеристики эпохи) оставалось не распознанным в историографии.

Между тем, как мы видели, они тоже являлись частью обширнейшего автобиографического повествования и по первоначальному намерению автора должны были быть опубликованы в его составе. И только неудача попытки осуществить это грандиозное предприятие натолкнула С. Н. Глинку в условиях оживленной подготовки юбилея 1812 г. на мысль выделить из общего объема «Исторических и частных записок» посвященные ему части и выпустить их отдельными книгами. Можно думать, что отказ А. С. Пушкина содействовать изданию записок в целом и явился тем последним толчком, который побудил С. Н. Глинку на этот шаг.

Специально для «Записок о 1812 годе» он пишет предисловие, куда включает целый кусок из историко-философского вступления к «Историческим и частным запискам»³¹⁸. Предисловие датировано 18 июля 1836 г.³¹⁹ — к тому времени и был, вероятно, решен им вопрос о выпуске «Записок о 1812 годе» отдельным изданием. Очевидно, их имел в виду Ю. Н. Бартнев, отметивший в октябре 1836 г., что С. Н. Глинка «издает свои мемуары»³²⁰. 2 декабря 1836 г. «Литературные Прибавления к Русскому инвалиду» рекламировали ожидавшуюся со дня на день книгу: «Записки первого ратника Московского ополчения Сергея Николаевича Глинки печатаются — и, наверное, будут на подхват раскуплены». Отпечатаны

они были благодаря влиятельному покровительству А. С. Шишкова в типографии Российской Академии, В. А. Жуковский же привлек к ним внимание придворных кругов. Год спустя выходят в свет и «Записки о Москве».

Отметим также неизвестную ранее в литературе попытку С. Н. Глинки спустя 5 лет выпустить «Записки о 1812 году» вторым изданием. Основательно переработав их, дополнив историко-публицистическими размышлениями, полемическими заметками, личными воспоминаниями об общественной жизни Москвы перед французским вторжением, он подготовил фактически новую редакцию записок и в сентябре 1841 г. представил ее в С.-Петербургский цензурный комитет, но она вызвала придирчивые замечания цензора А. В. Никитенко (им были вычеркнуты даже тексты, допущенные в издание 1836 г.) и не получила одобрения³²¹.

Автограф этой редакции был обнаружен нами в одном из дел фонда С. Н. Глинки в ОР ГПБ — рукопись на 238 листах с цензурскими пометами в переплете, но без заглавия. В начале рукописи помещен рисунок с аллегорическим изображением памятника в честь Отечественной войны, сопровождаемый пояснениями С. Н. Глинки, с названием: «Памятник Москве 1812 года», которое было ошибочно воспроизведено на архивной обложке дела и в описи фонда уже как заглавие всей рукописи, — это, видимо, и помешало распознаванию ее в качестве текста «Записок о 1812 году»³²². Но в том же фонде Глинки хранится другое дело с автографом титульного листа именно этой рукописи и с заглавием, указывающим на ее соотношение с изданием 1836 г.: «Записки о 1812 году вновь дополненные, изданные Сергеем Глинкою, первым ратником Московского ополчения по мере событий от 12 июня по 24 декабря» и с пометой на обороте, проясняющей связь рукописи с общим комплексом мемуаров С. Н. Глинки: «Из второй части исторических и частных моих записок»³²³.

Остановиться подробно на происхождении записок А. С. Шишкова, А. И. Михайловского-Данилевского, С. Н. Глинки представлялось важным прежде всего потому, что в русской мемуарной литературе это были вообще первые прецеденты, когда из обширных мемуарных повествований извлекались столь крупные по объему и историческому значению тексты для издания их в качестве самостоятельных мемуарных произведений. Но не только в этом, конечно, смысл этих примеров. Благодаря им оказалось возможным чрезвычайно зримо, через личные судьбы мемуаристов и живую, конкретную историю отдельных мемуарных памятников увидеть, как под влиянием 1812 г., его ближайших и отдаленных последствий трансформируются первоначальные установки мемуаротворчества, как рождается сам замысел выделения из пространного автобиографического повествования текстов злободневной исторической тематики с целью их публикации и как этот замысел воплощается в жизнь. Это позволило, таким образом, глубже проникнуть во внутренний механизм процесса сближения мемуаристики с современной печатью.

Мы рассмотрели этот процесс на разных его стадиях и в различных формах и можем теперь подвести некоторые итоги.

На сближение мемуаристики с «повседневной, меняющейся действительностью», с современной печатью и прессой как на существеннейшую черту эволюции мемуарного жанра в России впервые в литературе обратил внимание в одной из своих работ начала 70-х годов С. С. Дмитриев³²⁴. На это его методологическое наблюдение мы и опирались в нашей работе. Но хронологически сближение мемуаристики с современной печатью С. С. Дмитриев приурочивал преимущественно к буржуазной эпохе, противопоставляя в данном отношении пореформенный период дореформенному, когда признаки этого процесса, по его мнению, практически, видимо, отсутствовали или были еле-еле заметны.

Думается, однако, что в свете сказанного следовало бы противопоставлять с этой точки зрения не вторую половину XIX в. первой, а XIX век в целом веку XVIII, еще же точнее — период, последовавший за Отечественной войной, всему предшествовавшему.

Важнейшим рубежом явился 1812 год, ибо именно он, как мы видели, чрезвычайно ускорил процесс сближения мемуаристики с текущей печатью, и уже в первые послевоенные десятилетия (и даже годы) эта тенденция проявилась вполне отчетливо.

В этой связи вряд ли верно было бы объяснять распространение данной тенденции одним лишь прогрессом печатного дела — тем, например, что в первой половине XIX в. «объективные возможности для скорой» публикации мемуаров «были ограниченными», а в пореформенный период «возможности для печатания мемуаров стали более доступными»³²⁵. Само по себе это, безусловно, справедливо. Без определенного уровня развития книгопечатания, общей и отраслевой периодики вообще не могло бы идти речи о публикации мемуаров, как, впрочем, и любых других произведений письменности, в сколько-нибудь широких масштабах. Значение этого обстоятельства как внешнего фактора сближения мемуаристики с современностью никак нельзя сбрасывать со счета. Но, как уже отмечалось выше, мемуарный жанр складывается и длительное время существует независимо от успехов книгопечатания. Естественно, что и импульсы к сближению мемуаристики с современностью возникают вне его — в недрах самого мемуаротворчества, в сфере духовной жизни эпохи, в глубинных процессах развития общественно-исторического самосознания.

В самом деле, уже во второй половине XVIII в. наблюдается оживление печати, журналистики, литературно-издательской деятельности, а мемуары тем не менее в печать не проникают. С точки зрения общего состояния печати и прессы первое десятилетие XIX в. не столь уж сильно отличается от последующего. Но до Отечественной войны мемуары в России почти не публикуются, на страницах повременной печати — они еще редкость, тогда как послевоенное десятилетие дает бурный взлет мемуарных публикаций.

На этом фоне еще отчетливее выявляется роль 1812 года в развитии указанной выше тенденции. 1812 год не только пробудил духовные силы нации, вызвав громадные сдвиги в жизни общества, народа и государства. Он углубил и ощущение прикосновенности каждого отдельного человека, независимо от его сословного положения, к жизни отечества и тем самым по-новому осветил опыт его личного участия в истории. По словам С. Н. Глинки, лишь после потрясших всю Россию событий 1812 года «на поприще историческом умы взяли совсем иное направление» и «появился новый взгляд на историю»³²⁶. Понимание нерасторжимой связи своей собственной судьбы с общим ходом исторического процесса, укоренившееся в русском обществе в последующие десятилетия, получило свой импульс именно в этом, определенном 1812 годом сдвиге в историческом самосознании личности.

Вместе с тем в указанной выше работе С. С. Дмитриев полагал, что только в буржуазный период, «когда классовая борьба чрезвычайно обострилась», мемуары приобретают «публицистическое назначение», и «мемуарист-публицист, сознательно стремившийся не только вспомнить и закрепить прошлое, но по-сильно участвовать в изменении настоящего, выдвигается на передний план»³²⁷. Указание на связь возрастания публицистического начала в мемуаристике с обострением социально-классовых противоречий точно раскрывает общие условия ее развития в пореформенный период, принципиально важно оно и в общеметодологическом плане. Тем не менее и эта тенденция уходит своими корнями в более отдаленное время — еще в послевоенные десятилетия. Именно 1812 год, ускорив эволюцию русской мемуаристики в направлении сближения ее с современной печатью, способствовал и превращению автора мемуаров в публициста, непосредственно вторгшегося в общественно-идейную жизнь своей эпохи.

«Живая струя» в «гражданском движении»

Начало этого превращения мы увидим, обратившись снова к упомянутой выше серии мемуарных книг, авторы которых (П. Жданов, Ф. Корбелецкий, С. Маслов и др.), пережив осенью 1812 г. французскую оккупацию, уже в 1813 г. выпускают их в свет с откровенно пропагандистской установкой. Обличая иноземную агрессию в духе традиционных постулатов монархического патриотизма и православия, они более всего стремились к возбуждению гнева и непримиримости к захватчикам, к мобилизации духовных сил «сограждан» на продолжение войны — в тех условиях, когда на просторах Германии разыгрывались ожесточенные сражения, и наполеоновская армия была еще далеко не сокрушена.

Другой, не менее яркий, но в идейном плане совсем иного характера пример публицистической нацеленности мемуаристики послевоенных лет связан с также упомянутыми выше «Воспоминаниями о походах 1813 и 1814 годов» А. Ф. Раевского. Изданные в 1822 г., они возникли еще во второй половине 1810-х годов в декабристском окружении «Военного журнала» — периферийного ор-

гана Союза спасения и Союза благоденствия. Естественно, что автор не мог не испытывать на себе влияния их идеологических принципов, их просветительской программы воздействия на общественное мнение, в том числе и путем популяризации опыта наполеоновских войн³²⁸.

Подробный рассказ об участии в боевых действиях в Польше и Германии А. Ф. Раевский насытил, насколько это было возможно в печати того времени, тираноборческими мотивами, историко-политическими размышлениями о военном деспотизме Наполеона, поклонившегося с освободительными устремлениями французской революции, крайности которой, впрочем, автор порицал, выступив сторонником «законной» монархии, ограниченной конституционными установлениями. Замечательная особенность «Воспоминаний» А. Ф. Раевского — закрепление в них разносторонних впечатлений от быта, культурных достопримечательностей, обычаев, социального устройства европейских стран с явно критическим подтекстом относительно крепостнических порядков в России.

Здесь явно отразился комплекс умонастроений, весьма типичных для раннего декабризма, и прежде всего — осмысление дворянской молодежи, прошедшей 1812 г. и заграничные кампании, их исторических и социально-нравственных уроков.

Публицистическое начало в мемуарной литературе об Отечественной войне усиливается в 30-е годы, когда официально-охранительному, доминирующему в ней направлению противостоит прогрессивно-демократическое крыло. Не вдаваясь специально в этот вопрос, уже освещавшийся в историографии³²⁹, отметим здесь посвященные войнам 1812—1814 гг. «Краткие записки» А. С. Шишкова, на происхождении и идейно-стилистическом облике которых мы останавливались выше. Напомним только, что в тревожной для самодержавия обстановке начала 30-х годов — в «хлопотливые нынешние времена», как указано самим автором в «Предупреждении» к запискам, — они явились в печати мемуарным откликом одного из столпов феодально-монархической реакции на европейские революции и сыграли свою немаловажную роль в историческом обосновании оформлявшейся тогда доктрины «официальной народности», опередив в данном отношении пропагандистские усилия самого правительства.

Уже из сказанного вполне очевидно, что к 30-м годам мемуаристика становится заметным фактором идейно-политической жизни, а фигура мемуариста-публициста, стремившегося «не только вспомнить и закрепить прошлое, но и посылно участвовать в изменении настоящего» (С. С. Дмитриев), выдвигается на передний план. Это, разумеется, вовсе не значит, что все предназначавшееся авторами к напечатанию мемуаров той эпохи по выходе в свет непременно преобразовались в публицистику. Многие мемуарные произведения этого рода, появившиеся в периодике и книжными изданиями, вызывали лишь специальный исторический интерес в относительно элитарном кругу читателей. Многие оставались вовсе незамеченными и никакого влияния на текущую общественную жизнь, понятно, не оказывали.

Было бы и неверно думать, что публицистическая тенденция в мемуаристике, которая, кстати, не угасла даже в николаевское царствование, когда общеполитические и цензурные условия уже сточились, проявлялась только применительно к 1812 г. Публицистическое начало обнаруживало себя в мемуаристике, затрагивавшей весьма широкий спектр событий социально-политической и военной истории конца XVIII — первой трети XIX в. и деятельность крупнейших исторических лиц эпохи. Не позднее, чем в 20-е годы, мемуарист-публицист, критик, полемист включается и в текущую литературную жизнь и в журнальную борьбу.

* * *

Идейно-общественные функции мемуаристики не будут в полной мере поняты, если не учесть рукописных способов ее распространения.

Выше уже отмечалось, что на протяжении почти всего XVIII в. Россия не знала бытования мемуарных рукописей в сколько-нибудь широкой читательской среде. Редкие исключения, связанные, например, с хождением списков воспоминаний Х. Манштейна или Я. П. Шаховского, лишь подтверждают данное положение. И это при том, что в течение всего XVIII в., да и много позже, в силу недостаточной развитости книгопечатания и иных причин в культурном обиходе русского общества наряду с собственно печатным воспроизведением получило право гражданства рукописное распространение разного рода литературных и исторических сочинений светского типа.

С середины XVIII в. в недрах этой давней и обширной рукописной традиции возникает новое явление. Подъем просветительского движения, ростки политического самосознания передовой части дворянства, превращение литературы в относительно самостоятельную общественную силу — все это создавало предпосылки для зарождения рукописной «словесности» вольного, фрондирующего, иногда и антисамодержавного толка, независимой от правительственной идеологии и официальной печати.

Разнообразная по составу, в первую очередь за счет поэтических жанров — стихотворных воззваний и сатир, эпиграмм, пародий, басен, гражданственных од, гимнов, переложений псалмов и т. д., эта «презревшая печать» литература не была чужда и запретной политической прозы — вплоть до знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, хотя прозаически произведения ввиду сложности содержания и заметно большего объема, как правило, хуже поддавались массовому копированию и были менее мобильны в качестве агитационных документов, нежели обличительная поэзия малых форм. Поэтому в репертуар вольной рукописной литературы попадали лишь особо значительные прозаические сочинения, могущие представить для читателя незаурядный общественный интерес.

Распространяясь во множестве списков, вольная рукописная «словесность» наибольший размах приняла в первые десятилетия

XIX в., когда она стала самостоятельной отраслью творческой деятельности, влиявшей не только на собственно литературное движение, но и на общественную мысль и политические настроения эпохи³³⁰. На ее специфическую роль в духовной жизни русского общества указывал в свое время Н. И. Тургенев: «В деспотической стране, как Россия, где пресса задушена цензурой, судить об общественном мнении можно только из разговоров, знаний фактов или из рукописной литературы <...> Эта подпольная литература <...> показывала господствующее направление умов <...>»³³¹.

Однако если «подпольная» литература, прежде всего в своей поэтической части, уже давно явилась предметом специального изучения, собирания и научных публикаций, то вопрос о принадлежности к ее составу рукописной мемуаристики в историографии вообще не ставился. Между тем на него было обращено внимание еще 130 лет назад, когда в Лондоне готовился к изданию сборник «Русская потаенная литература XIX века», включавший лишь поэтические произведения, тексты которых удалось тогда разными путями получить из России. В своем предисловии к сборнику Н. П. Огарев, объясняя читателю эту ограниченность его содержания, отмечал важное значение в рукописной традиции ее прозаического разряда, а в нем особо выделил мемуарную прозу: «В подземной литературе отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе <...> Конечно, в задачу должен бы входить не только стихотворный отдел, но и проза. Но прозу собрать гораздо труднее, чем кажется. Она разбросана в мемуарах и частных письмах, известных только немногим и тщательно скрываемых, чем стихи, из боязни слишком определенно подвергнуться под долгую лапу жандарма <...> но записки и письма... дело великое <...> Если наши библиофилы помогут нам когда-нибудь напечатать за наше столетие сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мертвых, эти пропадающие отрывки из жизни многих людей <...> ярко восстановили бы историю нашего развития», и это помогло бы, — заключал свою мысль Н. П. Огарев, — «проследить наше гражданское движение»³³².

При всей выразительности этой характеристики Н. П. Огарев был все же не совсем прав, полагая, что в результате сокрытия из-за угрозы полицейских преследований подобного рода записки «известны только немногим». На самом деле нелегальная рукописная мемуаристика уже с середины 1810-х годов получает распространение в придворно-аристократических, военных, литературно-ученых кругах.

Собственно, мы видели это ранее в рассказе о судьбе записок Е. Р. Дашковой и И. В. Лопухина. Составленные еще в первом десятилетии XIX в. с ясно осознанным намерением предать их гласности, они примерно в указанное время начинают расходиться в списках по почину самих авторов, причем записки И. В. Лопухина тиражируются во множестве экземпляров.

Аналогичным образом обрела известность мемуарная записка Ф. В. Ростопчина «Последний день жизни Екатерины II и первый

день царствования Павла I», написанная, видимо, тоже на исходе 1800-х годов. Поэт и критик М. А. Дмитриев называл ее «драгоценным документом правдивой истории», а П. И. Баргнев считал, что она относится «к лучшим страницам нашей новейшей летописной словесности»³³³.

Автор, бывший камер-юнкером великого князя, описал предсмертную болезнь императрицы, поведение в этой критической ситуации приближенных и самого наследника с такими подробностями, которые дискредитировали дворцовые нравы. Понятно, что записка не могла в то время появиться в русской подцензурной печати и была опубликована лишь полвека спустя после составления³³⁴. Но до того в течение нескольких десятилетий она расходилась в списках³³⁵. Их обладателями были А. И. Тургенев, П. В. Долгоруков, М. П. Погодин, Н. А. Старынкевич³³⁶. В архивохранилищах Москвы и Ленинграда выявлено не менее восьми списков записок, относящихся к первой половине XIX в.³³⁷; дальнейшие разыскания наверняка умножат это число.

С достаточной долей вероятности можно полагать, что начало обращения записки положил сам Ф. В. Ростопчин, не делавший из нее тайны. Так, в марте 1810 г. он переслал текст записки в Тверь великой княгине Екатерине Павловне³³⁸, а в сентябре 1824 г. А. Я. Булгаков сообщил брату, К. Я. Булгакову, что Ростопчин «кое-что мне читал» из своих мемуаров, «напр., первый день восшествия на престол Павла, кончине Екатерины, все это очень любопытно и принадлежит к истории»³³⁹.

Содействовал рукописному распространению своих воспоминаний на совершенно запретную в XIX в. в России тему дворцового переворота 1801 г. и А. Ф. Воейков. Они входили, видимо, в его более пространный (и до нас недошедший) мемуарный труд «Записки о жизни моей и современные происшествия», который в целом автор не предполагал тогда каким-либо образом обнародовать. «Современники, — писал он, — не увидят моих записок. Они должны выйти в свет после моей смерти»³⁴⁰. Но в середине 30-х годов А. Ф. Воейков вычленил из них фрагмент с описанием военной деятельности Л. Л. Беннигсена и с его цинически откровенным рассказом об антипавловском заговоре и цареубийстве 11 марта. С одобрения своего старинного приятеля, жандармского генерала Л. В. Дубельта, А. Ф. Воейков предназначал этот фрагмент, как сам указывал, «для многих» и с помощью знакомых пустил его в оборот, разрешив снимать списки с автографа³⁴¹. Вероятно, этот самый фрагмент имел он в виду, когда в декабре 1835 г. препровождал А. И. Михайловскому-Данилевскому «выписку из некоторой рукописи, о которой я имел честь Вам докладывать»³⁴². Во всяком случае, в 30—50-х годах списки фрагмента были на руках значительного числа лиц (некоторые из этих списков сохранились до наших дней). О широком их хождении свидетельствует, в частности, тот факт, что Герцену, напечатывавшему «павловскую» часть записки А. Ф. Воейкова в 1861 г. во второй книжке «Исторического сборника», ее текст предлагали многие русские корреспонденты³⁴³.

В рукописной мемуаристике первой половины XIX в. значительное место занимали воспоминания об эпохе 1812 г. — многие из них расходились в списках также задолго до того, как были опубликованы. Наиболее интересны в этом отношении записки прославленного генерала А. П. Ермолова.

Судя по письмам А. П. Ермолова к А. А. Закревскому, первоначально записки об Отечественной войне были составлены им во время пребывания в Грузии в конце 1810-х — начале 1820-х годов³⁴⁴. Резкими чертами, сочетаая живость военного описания с чеканным слогом латинской прозы, запечатлел он в них важнейшие события кампании, сокрытые до того сведения о выработке стратегических планов, соперничестве «партий» в главной квартире, о ходе сражений, партизанских действий и т. д. При всей, однако, крупности своей натуры и недюжинном уме А. П. Ермолов не был лишен таких малопривлекательных черт, как двуличие, честолюбие; ревнивое недоброжелательство к окружающим, и эти его черты то и дело давали себя знать в тексте записок. Непомерно возвеличивая в ряде случаев свою роль в руководстве боевыми операциями, умалчивая о заслугах своих коллег-военачальников, он с желчным сарказмом отзывался о многих из них, что сказалось, в частности, в мастерски написанных, но злых, уничижительных и далеко не справедливых характеристиках М. И. Кутузова, М. Б. Барклайя де Толли и других генералов. Нетрудно догадаться, что в таком виде А. П. Ермолов своих записок к печати тогда не предназначал — слишком очевиден был риск болезненно затронуть репутации недавно умерших или еще живших деятелей 1812 г., овеянных национально-героическим ореолом, и тем навредить собственному авторитету.

В феврале 1827 г., в ожидании смещения с поста Главноуправляющего в Грузии, опасаясь, что его личные бумаги по указанию Николая I могут быть опечатаны, А. П. Ермолов сделал все, чтобы скрыть автограф записки от посторонних глаз³⁴⁵.

На склоне лет он решил подготовить записки к печати. Этому способствовали не только уговоры друзей, но и повсеместно пробудившиеся после смерти Николая I внимание к личности легендарного, но опального полководца и хлынувшие потоком на страницы подцензурной печати мемуарно-исторические сочинения, прежде в России не имевшие шансов увидеть свет. Так или иначе, но в 1858 г. А. П. Ермолов принялся за переработку старого текста записок, занимаясь ею до смерти, последовавшей в апреле 1861 г.³⁴⁶ Фактически была создана их вторая редакция — более пространная, дополненная военно-историческими соображениями и конкретными данными, но, главное, А. П. Ермолов несколько приглушил прежнюю обличительную тональность своего повествования: некоторые тенденциозные суждения были смягчены, а полководческие усилия военачальников, ранее изображенные с вызывающей резкостью, оценивались теперь более спокойно. В этой новой редакции записки А. П. Ермолова и увидели свет: в 1863 г. их издал за границей политический эмигрант П. В. Долгоруков, а в

1864—1865 гг. в Москве — двоюродный племянник автора Н. П. Ермолов^{347—348}.

Однако в течение четырех предшествующих десятилетий факт существования мемуаров А. П. Ермолова о 1812 г. был хорошо известен русской образованной публике — упоминания об их бытовании встречаются в переписке современников и прессе дореформенной эпохи³⁴⁹. Еще в 1827 г. один из сподвижников А. П. Ермолова по Кавказскому корпусу Н. Н. Муравьев-Карский, откликаясь на записки, отметил в дневнике, что «давно уже» о них «слышал. Молва превозносила записки сии как сокровещехранительницу, содержащую самые занимательные сведения о войне 1812 года, никому не известные»³⁵⁰.

Столь очевидная популярность неизданного мемуарного памятника имела в своей основе хождение списков первоначальной его редакции — на этот счет сохранились указания близких к А. П. Ермолову людей³⁵¹. Отчасти это подтверждается и наличием в наших архивах огромного количества ее списков, датированных 1820-ми — 1850-ми годами, — они еще ждут своего внимательного изучения³⁵².

И хотя в последние годы жизни А. П. Ермолов в разговорах с близкими отрекался от этой расходившейся по всей России редакции записок, высказывая даже сомнение в ее подлинности, собеседники престарелого генерала мало верили его объяснениям и догадывались, что он сам был прикосновенен к ее распространению³⁵³. Лишенный в начале 1820-х годов возможности увидеть свои записки в печати, он, видимо, решил хотя бы таким образом сделать их достоянием читателей.

Если к 1827 г. о содержании записок, как свидетельствовал Н. Н. Муравьев, уже давно расходилась на Кавказе молва, то это произошло прежде всего потому, что их списки широко бытовали среди офицеров Отдельного Кавказского корпуса, без ведома же А. П. Ермолова в той обстановке и при тех взаимоотношениях, которые связывали его с подчиненными, это вообще не могло бы иметь места.

Уникально в этом плане показание ветерана Отечественной войны и собирателя ее мемуарного наследия И. П. Липранди об имевшемся у него списке записок А. П. Ермолова. В 1873 г. он извещал о нем историка А. Н. Попова в связи с его занятиями 1812 г.: «...это первобытный экземпляр, который впоследствии во многом смягчен <...> лет 50 более я их приобрел от близкого лица к А. П.»³⁵⁴. Ясно, что речь шла о раннем списке первоначальной редакции, снятом еще в начале 1820-х годов с автографа («первобытный экземпляр») в непосредственном окружении А. П. Ермолова.

В январе 1825 г. он просил А. А. Закревского вернуть «списанные для тебя записки мои о кампании 1812 г.» для внесения «некоторых поправок»³⁵⁵. Трудно допустить, чтобы посланный перед тем А. А. Закревскому текст не послужил источником последующего размножения списков первоначальной редакции. Да и в предисловии к ней (она была издана в 1863 г. в Москве одним из сыновей

генерала) А. П. Ермолов не скрывал, что заинтересован в ее распространении, надеясь, что она станет «известной лучшим моим приятелям»³⁵⁶.

Рукописное распространение с изначально заданной авторской установкой мемуаров, имевших в первой половине XIX в. публицистическое звучание, не исчерпывалось, конечно, приведенными выше примерами. Но нет, думается, нужды продолжать их перечень, поскольку феномен этот уже достаточно прояснен.

К сказанному остается добавить, что на рубеже 1810 — 1820-х годов извлекаются из небытия мемуарные памятники второй половины XVIII в., многие годы державшиеся под спудом и дотоле мало кому вообще известные. Объяснение этому мы находим в оживлении в начале XIX в. исторических интересов к екатерининской эпохе, которая воспринималась общественным мнением сквозь призму животрепещущих политических ассоциаций.

Прежде всего это наисекретнейшие мемуары самой Екатерины II о закулисных сторонах жизни двора и аристократической верхушки, о нравах елизаветинского времени и династических тайнах императорской фамилии.

Их автограф был обнаружен еще в ноябре 1796 г. при разборе архива только что скончавшейся императрицы другом Павла I Александром Борисовичем Куракиным. С его дозволения он снял для себя с автографа список и стал, вероятно, знакомить с ним своих близких, например осенью 1801 г. давал читать его Н. П. Панину. Но еще во второй половине 90-х годов по каким-то спискам с мемуарами Екатерины II ознакомились М. М. Сперанский и А. П. Ермолов³⁵⁷. Затем, однако, они выпадают из обихода почти на два десятилетия, когда снова всплывают на поверхность.

После смерти А. Б. Куракина в 1818 г. с его рукописи удалось снять список А. И. Тургеневу³⁵⁸. По справедливому замечанию П. И. Бартенева, «отсюда пошли все списки, существовавшие в России»³⁵⁹. А. И. Тургенев, действительно, сыграл очень большую роль в негласном ознакомлении современников с записками Екатерины II.

В ноябре 1821 г. их читает его брат — Н. И. Тургенев. Весной 1822 г. тургеневский список получает Н. М. Карамзин, оповестивший о том И. И. Дмитриева: «“Записки Екатерины“ у нашего любезного Тургенева; но прошу об этом не говорить: он хранит их как зеницу ока, списав с экземпляра куракинского»³⁶⁰. Тогда же А. И. Тургенев предоставляет этот список П. А. Вяземскому и М. С. Воронцову, а они снимают с него свои списки³⁶¹ (с воронцовского списка была, видимо, снята копия А. Н. Раевским, попавшая позднее в руки Т. Н. Грановского). В начале 1820-х годов А. И. Тургенев давал читать свой список великой княгине Марии Павловне, императрицам Елизавете Алексеевне и Марии Федоровне (последней в 1824 г. был поднесен Алексеем Куракиным самый ранний список, принадлежавший его брату)³⁶².

Наконец, к тургеневскому списку восходит датируемый 1831—1832 гг. список А. С. Пушкина, с которым он познакомил великую княгиню Елену Павловну (жену великого князя Михаила

Павловича). «Великая княгиня, — отмечал он в дневнике 8 января 1835 г., — взяла у меня Записки Екатерины II и сходила от них с ума». Пушкинский список могли прочесть Л. В. Дубельт и В. А. Жуковский, разбиравшие после смерти поэта его архив³⁶³. В. А. Жуковский, впрочем, мог ознакомиться с записками Екатерины II еще ранее по тургеневскому списку.)

Их отрывки по неизвестным нам рукописям читали в конце 1830-х годов А. Н. Голицын и Ю. Н. Бартенеv, а в начале 1850-х годов — В. А. Черкасский и П. И. Бартенеv³⁶⁴.

По указанию Б. Л. Модзалевского, несколько полных списков екатерининских мемуаров хранились в библиотеке Зимнего дворца³⁶⁵.

Известно немного случаев, когда источником их чтения служил сам подлинник. Например, в 1827 г., когда по повелению Николая I была предпринята генеральная ревизия государственных архивов, Д. Н. Блудов наткнулся среди бумаг Зимнего дворца на «собственноручные тетради» с записками императрицы, а в начале 1830-х годов к ним был допущен К. И. Арсеньев, преподававший историю XVIII в. великому князю Александру Николаевичу³⁶⁶.

Одновременно с записками Екатерины II в ту же столичную культурную среду проникает дневник А. В. Храповицкого.

Поэт, переводчик, знавший в молодости М. В. Ломоносова, сподвижник А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина, опытный чиновник-«письмоводец», А. В. Храповицкий с начала 1782 по сентябрь 1793 г. занимал пост статс-секретаря Екатерины II. На протяжении 11 лет и 7 месяцев он почти стенографически в регулярных подневных заметках фиксировал все, чему был свидетелем у кормила правления: свои наблюдения над официальным и частным бытом императрицы, над ходом дипломатических и внутренних дел. Ценность дневника обуславливалась, однако, не только исторической значимостью того периода екатерининского царствования, который в нем отражен. Как ловкий и услужливый царедворец, А. В. Храповицкий, пользуясь до известного момента неограниченным расположением императрицы, умел вызывать ее на доверительные разговоры. В большей части дневник и состоял из записей предельно откровенных высказываний Екатерины II на самые разные темы, в том числе и достаточно щекогливого свойства; о своих фаворитах и вельможах, о литературе и морали, о театре и истории, философии и общественной жизни.

Мы не будем касаться здесь сложной и запутанной судьбы дневника, тесно вплетенной в развитие русской археографии и исторической мысли XIX в., — это особая тема, заслуживающая специального рассмотрения, а затронем ее лишь в той мере, в какой дневник участвовал в рукописном обращении.

А. В. Храповицкий был холост и, когда умер в 1801 г., автограф дневника был унаследован его племянниками Н. В. и П. В. Сушковыми. До конца 1810-х годов сведений о нем никуда не проникало, и даже И. И. Дмитриев, друживший с А. В. Храповицким в последние годы его жизни, бывавший у него в доме, о существовании дневника все это время, по-видимому, не знал.

И только осенью 1819 г. у него оказалась рукопись дневника, возможно, и сам автограф. Скопировав некоторые извлечения, И. И. Дмитриев переслал их из Москвы в Петербург Н. М. Карамзину, и тот, по его собственному признанию, читал эти извлечения с «живейшим удовольствием»³⁶⁷.

Летом 1820 г. автограф попадает к А. И. Тургеневу. (Факт — весьма примечательный, ибо в результате неустанных поисков потаенных исторических рукописей примерно в то же время он становится обладателем не только списка мемуаров Екатерины II, но, как мы помним, и записок Г. С. Винского.) Вероятнее всего, А. И. Тургенев получил автограф непосредственно у его обладателя — Н. В. Сушкова, доброго своего знакомого по совместной службе в столичных административных учреждениях.

На А. И. Тургенева дневник произвел чрезвычайно сильное впечатление — и по богатству исторических данных, и по глубоко личному ощущению им эпохи, запечатленной в записях А. В. Храповицкого с их неоднократными упоминаниями близких людей — старших современников А. И. Тургенева, и по безыскусственной правдивости, исполненной изобличающей силы в отношении наиболее одиозных фигур и неприглядных сторон екатерининского царствования. Сообщая П. А. Вяземскому в Варшаву о чтении дневника, он писал: «<...> право, почти история, но, конечно, прекрасные материалы к ней; характеристики людей <...> анекдоты, изображающие нравы века и двора того времени. Сколько живых еще подлецов, сколько подлецов уже мертвых, но бессмертных по милости сих записок <...> Многие скрыли стыд свой в гроб, но если дело истории изводить на свет правду, то они пожелали бы зарыть с собою эти записки»³⁶⁸.

Понимая политически опасный характер, как и в случае с «секретными» мемуарами Екатерины II, любых действий по распространению дневника («много хлопот и от одного экземпляра, впрочем, и с копией нужна большая осторожность», — сообщал он в другом письме к П. А. Вяземскому³⁶⁹), А. И. Тургенев тем не менее пренебрегает этим и дает читать автограф А. Н. Голицыну, А. Я. Булгакову, К. Я. Булгакову, которому разрешает снять с него список, изготавливает списки для себя и П. А. Вяземского³⁷⁰. Повидимому, по тургеневскому списку ознакомились с дневником В. А. Жуковский и П. А. Плетнев³⁷¹.

Все это не могло пройти незамеченным в литературно-научных и журнальных кругах Петербурга, поползли слухи о том, что у братьев Сушковых есть оригинал столь ценного памятника. По позднему свидетельству П. В. Сушкова, он давал читать его, очевидно, в конце 1820 г. генералу и сенатору, основателю «Общества поощрения художников» П. А. Кикину, от него о дневнике А. В. Храповицкого узнал П. П. Свиньин³⁷². В январе-феврале 1821 г. Сушковы предоставили ему автограф, он снял с него список³⁷³, который и был положен в основу публикации дневника начиная с мая того же года в «Отечественных записках», правда, со значительными редакторскими и цензурными изъятиями: за преде-

ламин этой публикации осталось около трети записей А. В. Храповицкого.

Тем временем П. П. Свиньин пустил свой список в оборот. Как можно судить по ряду признаков, не позднее 1822 г. с него снимаются еще два списка, владельцем одного из них был богатейший вельможа и меценат Н. Б. Юсупов, другой — впоследствии принадлежал известному историку литературы, академику Я. К. Гроту³⁷⁴.

Новое оживление рукописного распространения дневника относится уже к следующему десятилетию и связано отчасти с одним недостаточно проясненным эпизодом в творческой биографии А. С. Пушкина.

В 1833 г. П. П. Свиньин решил выпустить отдельной книгой полный текст дневника с «историческим предисловием», примечаниями и переводами иноязычных выражений — словом, была задумана научная по тем временам его публикация, и она явилась бы первым в России изданием такого типа мемуарного памятника XVIII в. К осуществлению же своего замысла П. П. Свиньин намеревался привлечь А. С. Пушкина. Его отношение к этому издательскому предприятию не документируется пока в полной мере источниками. Тем не менее, вполне вероятно, что на первых порах поэт дал свое согласие участвовать в нем. Не удовлетворенный урезанной публикацией дневника в «Отечественных записках», А. С. Пушкин со своей стороны был заинтересован в ознакомлении с его рукописным экземпляром в связи с созревшим тогда замыслом написания исторического труда о екатерининском царствовании и вообще своими разысканиями в области политической истории XVIII в. Короче, в феврале 1833 г. он получил свиньинский список дневника, имел его в своем распоряжении до августа, внимательно его читал и, видимо, делал на нем отчеркивания и пометы³⁷⁵. Можно, кроме того, предполагать, что со свиньинского списка он скопировал для себя список или хотя бы отдельные выписки, так как все случаи использования и цитирования им в своих произведениях текста дневника А. В. Храповицкого приходятся на 1834—1836 гг., т. е. на то время, когда свиньинского списка уже давно не было у него на руках.

Для предполагаемого издания дневника П. П. Свиньин изготовил копию — во второй половине 1830-х и в 1840-е годы она послужила протографом для еще двух списков, принадлежавших историку Н. Г. Устрялову и коллекционеру и археологу А. С. Уварову³⁷⁶.

Итак, ныне выявлено восемь списков дневника за 1820—1840-е годы (помимо перечисленных выше, сохранился еще один неполный список начала XIX в. из чертковской библиотеки, восходящий к автографу³⁷⁷). Установлено также существование в свое время еще нескольких списков (в том числе П. А. Вяземского, К. Я. Булгакова), пока не разысканных. Видимо, бытовали и другие списки, нам неизвестные. Н. В. Сушков, стоявший у истоков копирования автографа, вспоминал в 1844 г., что с него «много взято списков»³⁷⁸.

Поэтому, если мы хотим представить себе подлинный масштаб потаенного обращения дневника А. В. Храповицкого в читательской среде первой половины XIX в. (в такой же мере, впрочем, это относится к запискам Екатерины II и к другим рукописным мемуарам эпохи), следует принимать в расчет не только сами дошедшие до нас списки — как бы верхнюю часть айсберга,— но множественный характер их хождения в обществе.

* * *

В начале 1860-х годов С. Г. Волконский, сетуя на судьбу записок многознающего руководителя тайной полиции при Александре I Я. И. де Санглена, вспоминал: «Жаль, если его записки поступили в архив правительства и, вероятно, так. Наше правительство следит за всеми, кто пишет записки, и, по смерти лица, покупает их дорогой ценой у наследников. Записки Беннигсена подверглись этой участи, и мне известно, что все бумаги после смерти князя Платона Александровича Зубова были, по поручению императора Александра, взяты <...>»³⁷⁹.

Конкретно в данном случае шла речь, как видим, об активных участниках цареубийства 1801 г. И непосредственно замешанный в нем Александр, и его преемник на престоле жестко пресекали документальное разглашение этой одной из самых зловещих тайн самодержавия. Действительно, едва только осенью 1826 г. дошла весть о смерти в Ганновере проживавшего там на покое с 1818 г. Л. Л. Беннигсена, как петербургские власти через дипломатические каналы вынудили вдову отдать (по другой версии приобрели за солидное вознаграждение) его обширные мемуары с предписанием не оставлять у себя копий. По доставлении в Россию та часть мемуаров, где рассказывалось об убийстве Павла I, поступила в один из дворцовых архивов — и до сих пор не разыскана, будучи скорее всего уничтоженной³⁸⁰. Также исчезли потом из архивов конфискованные в 1822 г. личные бумаги П. А. Зубова, могущие пролить свет на заговор 1801 г. По кончине в 1826 г. в своем курляндском имении главы заговора графа П. А. Палена власти предприняли аналогичные меры по изъятию его мемуаров. Во всяком случае, внук графа камергер П. И. Медем довел вскоре «до высшего сведения», что «все военные и политические его записки им самим перед смертью уничтожены»³⁸¹.

Однако правительство искореняло «свидетельские показания» не только об антипавловском заговоре. Оно пристально «следило», как это и подчеркивал С. Г. Волконский, вообще за всем, что так или иначе было чревато оглаской темных сторон «императорского» периода русской истории и за всеми теми, кто потенциально был способен что-либо о них рассказать. Вспомним хотя бы, как еще в первые годы XIX в., в сравнительно либеральную пору александровского царствования, власти, по наущению Ф. В. Ростопчина, пытались воспрепятствовать вывозу из России записок Е. Р. Дашковой, в результате чего был уничтожен их авторграф.

В условиях, когда мемуаристика выдвинулась на арену идейно-политического движения, когда в публике появилось множество списков потаенных произведений такого рода, преследование «мемуарного инакомыслия» становится важным элементом борьбы правительства с оппозиционным общественным мнением. В сущности это было не чем иным, как узурпацией самодержавием исторической памяти общества.

С особым рвением «следила» верховная власть за записками, исходившими от особ императорской фамилии. Так, Николай I лично сжег после смерти в мае 1826 г. императрицы Елизаветы Алексеевны ее полный конфиденциальных сведений о жизни двора и государственном управлении дневник, который она завещала Н. М. Карамзину. То же произошло и с 28-ю томами дневника умершей два года спустя императрицы Марии Федоровны — здесь содержались, по ее признанию, «отзывы и характеристики о лицах», которые опасно было оглашать. И его Николай I вместе с великим князем Михаилом Павловичем предал сожжению³⁸².

В «великой тайне» держались правительством записки Екатерины II. Сам подлинник, прочтенный по ее смерти Павлом I, был надолго замурован в дворцовых архивах и только через тридцать лет с ним познакомился Николай I, повелевший снова его запечатать. Нет точных данных о том, читал ли его Александр I, хотя известно, что вскоре по воцарении он забрал его в свой кабинет³⁸³. Подлинник этой «государственной автобиографии» в 1820—1840-е годы был недоступен, как мы видели, членам царской семьи — и вдовствующая и царствующая императрицы, и великие княгини могли ознакомиться с мемуарами Екатерины II лишь негласным образом, по спискам, полученным от частных, не принадлежавших к династии лиц, — от А. И. Тургенева, А. С. Пушкина, А. Б. Куракина. Даже наследник престола Александр Николаевич при жизни отца не мог прочесть заветной рукописи и лишь, заняв престол, в 1855 г. запросил в архиве автограф записок своей прабабки, распорядившись затем снова хранить их «запечатанными вплоть до восстановления»³⁸⁴.

Строжайший запрет был наложен на рукописное распространение екатерининских мемуаров. В 1830-х годах правительство силами III Отделения устроило буквально охоту за имевшими хождение списками, стремясь навсегда искоренить их из обращения. После гибели А. С. Пушкина найденный в его кабинете список был затребован Николаем I и глубоко упрятан в недрах библиотеки Зимнего дворца (пролежав там не обнаруженным до 1949 г.!). В 1838 г. через А. Х. Бенкендорфа Николай I вынудил расстаться со своим списком П. А. Вяземского. В том же году в ответ на запрос обескураженного А. И. Тургенева, у которого тоже был отобран список, А. Н. Голицын извещал его: «...что же до самого экземпляра Записок <...>, то онный возвращен Вам быть не может, потому что несколько уже экземпляров сих самых Записок, как не поддающихся известности и относящихся к делам фамильным императрицы Екатерины II, были отобраны у разных лиц, имевших у себя сию рукопись и, по воле его величества, преданы сожжению»³⁸⁵.

Во всем этом правительство сильно преуспело — с тех пор до середины 50-х годов хождение списков крамольных мемуаров было, видимо, приостановлено. Недаром в декабре 1853 г. близкий к придворно-правительственным кругам П. А. Васильчиков отметил в дневнике, что «“Записок императрицы Екатерины“ на свете существует только 3 или 4 экземпляра: один у государя, другой у кн. Воронцова, третий <...> писанный рукой Пушкина»³⁸⁶.

По принятию в царствование Николая I обыкновению, когда уходило из жизни какое-либо государственное или придворное лицо, посвященное в скрытые пружины внутренней политики, дипломатии, военного дела, немедленно наряжалась комиссия для опечатывания и разбора его бумаг. При этом первейшее внимание уделялось ко всякого рода памятным записям, дневникам, мемуарам, и наиболее сокровенные из них изымались для передачи на государственное хранение. Таким образом по указанию Николая I были изъяты, например, летом 1826 г. воспоминания скончавшегося Ф. В. Ростопчина с их темпераментным рассказом о московских событиях 1812 г. и памфлетно-саркастическим изображением виднейших деятелей того времени. На 60 лет они были погребены в архивах III Отделения и военных ведомств и только в 1889 г. предоставлены для публикации в «Русской старине»³⁸⁷. А в 1842 г. сходным образом поступили с дневником статс-секретаря императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламовым — сразу же по его смерти «более 30 томов его записок по распоряжению императора Николая были к нему доставлены»³⁸⁸.

Дух сурового запретительства пронизывал собой и цензурную политику в области мемуаристики. Без особого разрешения Министерства двора или иных высоких инстанций не дозволялось печатать памятные рассказы, записки, «анекдоты» с их бытовыми подробностями и личными характеристиками о членах августейшей фамилии — как «ныне здравствующих», так и «в бозе почивших», дабы в подобные сочинения «не вкрадывалось ничего могущего ослабить чувство преданности, верности и добровольного повиновения высочайшей власти». Такими принципами руководствовались цензурные учреждения в 1820 — 1840-х годах, подвергая существенным изъятиям или запрещающая вовсе к печати тексты ряда мемуарных памятников XVIII — начала XIX в., в том числе и рассмотренные выше³⁸⁹.

С этой точки зрения весьма показательны некоторые перипетии цензурной истории дневника А. В. Храповицкого. Подготовленная П. П. Свиным рукопись полного издания дневника в конце 1833 г. была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет, но, пролежав здесь несколько месяцев, была возвращена «без одобрения к печати». Между тем П. В. Сушков, оспаривавший издательские права П. П. Свинына, решил сам выпустить дневник в полном объеме и в ноябре 1837 г. внес его в цензуру. Итогом длительного рассмотрения явилась одобренная Николаем I докладная записка министра народного просвещения и главы цензурного ведомства С. С. Уварова от 7 июня 1838 г. В ней, в частности, говорилось, что, поскольку дневные записки А. В. Храповицкого «относятся к

последнему времени царствования императрицы и обнаруживают некоторое ослабление в правительственной власти и какую-то несоответственность в отношениях и действиях лиц, приближенных ко двору, и колебания в началах государственных», то напечатание их «вполне будет, кажется, в политическом отношении преждевременным».

Но на этом дело не кончилось. В январе 1839 г. П. П. Свиньин снова обратился в С.-Петербургский цензурный комитет с просьбой разрешить ему издание «в особой книге» хотя бы тех текстов дневника, которые уже были напечатаны «разбросанными в 30-ти книжках журнала Отечественных записок», наивно полагая, что «многие тайны, бывшие за 10 лет, теперь уже раскрыты и обсужены». Однако и на сей раз последовал отказ, ибо, как отмечалось не без лицемерия в ответном письме комитета П. П. Свиньину, «издание Записок Храповицкого по-прежнему в отрывках с большими исключениями, не сохранит драгоценного материала для Истории»³⁹⁰. Следовательно, то, что, что в 20-е годы можно было, пусть и с купюрами, провести в печать, в конце 30-х годов, при усилении цензурно-репрессивного режима, оказалось совершенно не подлежащим огласке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили пути развития русской мемуаристики в первые полтора века ее существования. Как литературно-исторический жанр она зарождается в России в начале XVIII в. на почве разбухшего петровскими преобразованиями во всех сферах культуры интереса к человеческой личности. И все последующее развитие мемуаристики, прежде всего ее автобиографической разновидности, есть в конечном счете выражение сдвигов в развитии самосознания личности.

На первых порах — до 50-х годов XVIII в. включительно — мемуаристика скована летописно-анналистической традицией и следует ее канонам. В 60—70-х годах XVIII в., в условиях крупных общественно-культурных перемен предбуржуазного характера совершается переход от летописного способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному повествованию с выдвижением на передний план индивидуальной биографии автора и его внутреннего духовного мира. Возникновение этого нового типа мемуарно-автобиографических повествований, явившееся результатом пробуждения исторического самосознания личности, совпало с самосознанием самой мемуаристики: мемуаристы впервые начинают задумываться над смыслом и назначением мемуаротворчества — то и другое следует расценивать показателем его жанрового самоопределения.

На протяжении всего XVIII в. мемуаротворчество измеряется масштабами личного душевного опыта автора и истории его рода, в нем господствуют «внутреннеинтимные» цели, мемуары пишутся для детей, семьи, потомков и какое-либо иное назначение мемуаристики решительно исключается — таковы изначальные ее функции, таково исходное состояние, с которого начинается ее эволюция.

Лишь в самом конце XVIII в. появляются весьма слабые еще ростки нового — общественно-современного — понимания целей мемуаротворчества, что отразилось в первых попытках рукописного распространения отдельных мемуарных жизнеописаний (например, Я. П. Шаховского) и в крайне редких случаях их публикаций. Однако это были не собственно мемуарные сочинения, а произведения, наделенные наряду с мемуарной еще и другими общественно-культурными функциями, ради реализации которых они и попадали в печать.

Решающий рубеж в исторической эволюции мемуаристики приходится уже на первую половину XIX в. Перелом в сближении ее с текущей печатью, едва наметившийся в первые годы нового столетия (записки Е. Р. Дашковой, И. В. Лопухина), наступает после

1812 г. под мощным влиянием вызванных им сдвигов в общественной жизни и культуре, в осознании личностью своей причастности к общему движению истории.

Сближение мемуаристики с современной печатью, заметно усилившееся по темпам и интенсивности в 40—50-х годах XIX в., проявляет себя в самых разнообразных формах, но наиболее явственно — в значительном росте прижизненных публикаций мемуаров (особенно в журнальной периодике), в становлении обычая писать их с прямым расчетом на обнародование, в первых опытах печатания при участии авторов крупных мемуарных жизнеописаний (записки И. И. Дмитриева, С. Н. Глинки, Ф. В. Булгарина), наконец, в формировании литературного самосознания мемуаристов. Иными словами, в течение первой половины XIX в. ориентация мемуаротворчества на печать обретает характер устойчивой тенденции и благодаря этому оно превращается в подлинно общественное явление духовной культуры.

На этой основе после великих потрясений 1812 г. мемуаристика обретает и ярко выраженные публицистические функции, втягивается в живую современность, в идейно-политическое и литературное движение, проявляя эти свойства как в подцензурных публикациях, так и в сфере потаенного рукописного распространения. Самодержавная власть в этих условиях, особенно в 30—40-е годы, стремится жесткими мерами воспрепятствовать выходу мемуаристики на общественную арену, подчинить ее своему влиянию, приглушить ее злободневное, а в иных случаях и обличительное звучание. Демократический подъем эпохи буржуазных реформ, «рассекретивший» целые пласты недавней русской истории и открывший для ранее запретных мемуарных произведений страницы печати, обнаруживает бесперспективность попыток самодержавия утвердить свою монополию на историческую память общества.

В итоге полуторавекового развития к середине XIX в. окончательно складываются видовые качества мемуаристики в адекватных ей формах и завершается процесс ее жанровой кристаллизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ В ТЕМУ

- 1 Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 64—65.
- 2 См., например: Русские мемуары: Избранные страницы, XVIII век. М., 1988; Русские мемуары: Избранные страницы, 1800—1825 гг. М., 1989; Русское общество 30-х годов XIX в.: Люди и идеи: Мемуары современников. М., 1989; Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.
- 3 Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М., 1989; Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990; Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. М.: Книга, 1990; Записки императрицы Екатерины Второй. Элиста, 1990.
- 4 Дашкова Е. Р. Записки. 1743—1810. Л., 1985; Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987; Записки княгини Е. Р. Дашковой. Лондон. 1859. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990; Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков. М., 1986; Записки А. Т. Болотова. Тула, 1988. Т. 1—2; Русские мемуары: Избр. страницы, XVIII век. С. 73—116.
- 5 Державин Г. Р. Избр. проза. М., 1984. С. 23—272; Державин Г. Р. Соч. Л., 1987. С. 275—402.
- 6 Дмитриев И. И. Соч. М., 1986. С. 268—375; Дмитриев М. А. Московские элегии. М., 1985. С. 141—302.
- 7 Россию поднял на дыбы... М., 1987. Т. 1—2.
- 8 Записки сенатора И. В. Лопухина. Лондон, 1860. Репринтное воспроизведение. М., 1900; Грибовский А. Записки о императрице Екатерине Великой. Репринтное воспроизведение издания 1864 года. М., 1989; Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.
- 9 См., например: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни // Наше наследие. 1989. 4 (10). С. 77—86.
- 10 «Минувшее меня объемлет живо...»: Воспоминания русских писателей XVIII — начала XX в. и их современников: Рек. библиогр. энциклопедия. М., 1989.
- 11 Андерсен В. [Рец. на указанный выше «Обзор...» С. Р. Минцлова] // Русский библиофил. 1912. № 5. С. 84.
- 12 История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях (далее: ИДРДВ). Т. I. XV—XVIII вв. М., 1976; Т. II. 1801—1856, ч. 1—2. М., 1977—1978; Т. III. 1857—1894, ч. 1—4. 1979—1982; Т. IV. 1895—1917, ч. 1—4. 1983—1986; Т. V, ч. 1/2. 1988—1989.
- 13 Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковед. изуч. М., 1980.
- 14 Там же. С. 263.
- 15 Краснобаев В. И. Русская культура XVIII века: Предмет и задачи изучения // История СССР. 1976. № 6. С. 33—34, 38.
- 16 Куряева Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 104.
- 17 Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 9—14.
- 18 Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы: Ист.-теорет. очерк. Минск, 1986. С. 32—33.
- 19 Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 314; Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. М., 1963. С. 47—70; Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 89; Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 160; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1970. С. 120.
- 20 Чечулин Н. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 9—10.
- 21 Курносоев А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории, 1976: Сб. ст. М., 1977; Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3. С. 124—125.

- 22 См.: *Воронкова С. В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985.
- 23 *Елизаветина Г.* «Последняя грань в области романа...» // *Вопр. лит.* 1982. № 10. С. 148.
- 24 *Дмитриев С. С.* Воспоминания, дневник, частная переписка // *Источниковедение истории СССР*. М., 1973. С. 396—401.
- 25 *Миц С. С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // *История СССР*. 1979. № 6. С. 55.
- 26 *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика XIX в. // *Там же*. С. 86—94.
- 27 Подробнее о них см: наст. изд., гл. 1, примеч. 1.
- 28 Обширный обзор русской мемуарной литературы XVIII — начала XX в. содержится в неопубликованном 3-м томе «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова, см.: *Ю Архива АН СССР. Разр. II Оп. 1. Д.* 249—251, 255; *Археографический ежегодник за 1977 г.* М., 1978. С. 323—335.
- 29 *Пекарский П. П.* Русские мемуары XVIII в. // *Современник*. 1855. № 4, 5, 8.
- 30 См., например: *Охинченко А. Ф.* К вопросу о мемуарах как источнике по истории русской общественной мысли начала XIX в. // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории*. Днепропетровск, 1983; *Чегруха В. Г.* Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1983. Вып. 14; *Булгакова Л. А.* Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России // *Там же*. Л., 1985. Вып. 16.
- 31 *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 5—7.
- 32 *Источниковедение истории СССР*. М., 1981. С. 14.
- 33 *Миц С. С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера: (К постановке вопроса) // *История СССР*. 1979. № 6, С. 63, 64, 69, 70.
- 34 *Источниковедение истории СССР*. М., 1973. С. 396.
- 35 *Источниковедение истории СССР*. М., 1981. С. 11—12; *Тартаковский А. Г.* Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения. С. 112—125.
- 36 *Эйхенбаум Б.* О прозе. О поэзии: Сб. ст. Л., 1976. С. 342.
- 37 *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 23—24.
- 38 *Гаранин Л. Я.* Указ. соч. С. 25.
- 39 *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1971. С. 12.
- 40 *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. Т. 6. С. 238. (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып. 308).
- 41 *Чудакова М.* Беседы об архивах. М., 1980. С. 11, 149
- 42 *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 35—39.
- 43 *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 120, 121, 137; *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 114; *Кон. И. С.* Открытие «Я» М., 1978. С. 175, 180, 189, 190, 195.
- 44 Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. Отд. V. С. 1—3.
- 45 ОПИ ГИМ. Ф. 404. № 96. С. 2.
- 46 *Кораллов М.* Опыт нажитый, опыт осознанный // *Вопр. лит.* 1974. № 4. С. 60.
- 47 *Гаранин Л. Я.* Указ. соч. С. 51.
- 48 *Пыпин А. Н.* История русской литературы. 4-е изд. СПб., 1913. Т. IV. С. 187 (Курсив мой. — А. Т.).
- 49 Там же.
- 50 *Краснокутский В. С.* Дневник Герцена и русская мемуарная литература XIX века // *А. И. Герцен — художник и публицист*. М., 1973. С. 58.
- 51 Там же. С. 58—59.
- 52 *Елизаветина Г.* «Последняя грань в области романа...» С. 184.
- 53 *Шукинский сборник*. М., 1910. Вып. 2. С. 226—227.
- 54 ОПИ ГИМ. Ф. 404. № 96. Л. 2—4.

Глава первая

ВЕК XVIII

1 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития русской мемуарно-биографической литературы XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969; *Она же*. К вопросу о возникновении русской мемуарной литературы // *Сборник аспирантских работ/Хабар. гос. пед. ин-т*. 1967. Т. 3; *Она же*. К вопросу о развитии русской мемуарной литературы в 70-е годы XVIII века: («Записки» Я. П. Шаховского) // *Учен. зап. Тр. каф. рус. лит. МГПИ им. Н. К. Крупской*. 1968. Вып. 12; *Она же*. Проблемы личности и индивидуальности в мемуарно-автобиографической литературе конца XVIII века: (Записки Г. И. Добрынина) // *Там же*. 1969. Вып. 13; *Елизаветина Г. Г.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века и А. И. Герцен // *Изв. АН*

СССР. Сер. лит. и яз. 1967. № 1; Она же. «Последняя грань в области романа...»: (Русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования) // Вопр. лит. 1982. № 10; Она же. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982; Билински М. Я. Проблема мемуарного жанра в русской литературе первой трети XVIII в. // Вопросы эстетики и поэтики. Ярославль, 1976; Он же. Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х годов XVIII в. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979; Чайковская О. «И в прозе глас слышен солдатын...»: (Заметки о документальной литературе XVIII в.) // Вопр. лит. 1980. № 11.

² Чайковская О. Указ. соч. С. 209; Елизаветина Г. Г. «Последняя грань в области романа...» С. 148; Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 108.

³ См.: Румянцева М. Ф. Мемуары как источник по истории бюрократии второй половины XVIII в. // Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 25—28; Изюмский А. Б. Записки современников как источник по истории российского крестьянства XVIII в.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1986; Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII — первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1981; Она же. Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XVIII — первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.

⁴ Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983; Он же. Очерки истории русской культуры XVI века. М., 1987; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985—1988. Ч. 1—3.

⁵ Елизаветина Г. Г. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века и А. И. Герцен. С. 43; Гюбиева Г. Е. Этапы развития...: Автореф. С. 16; Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 108.

⁶ Пылин А. Н. История русской литературы. СПб., 1913. Т. 4; Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909—1910. Т. 1, вып. 1, 2 (XVIII век).

⁷ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 108; Елизаветина Г. Г. «Последняя грань в области романа...» С. 164; Чайковская О. Указ. соч. С. 213.

⁸ Чайковская О. Указ. соч. С. 199—208.

⁹ Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978. С. 113.

¹⁰ Елизаветина Г. Г. «Последняя грань в области романа...» С. 170.

¹¹ Русские мемуары: Избранные страницы, XVIII век. М., 1988.

¹² Пекарский П. П. Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. № 4. С. 58.

¹³ От редакции // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 4. О восприятии XVIII в. «в его целостности» см.: Краснобаев Б. И. Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. С. 11.

¹⁴ ИДРДВ. М., 1976, т. I. № 232—867; 1989. Т. V, ч. 2 (Дополнения...). № 22—66.

¹⁵ О методах датирования мемуаров нового времени подробнее см.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковед. изуч. М., 1980. С. 123—137.

^{15а} Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 104—140.

¹⁶ См., например: Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. М., 1951; Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указ. рукописей. М., 1976; История СССР в воспоминаниях и дневниках: Аннотир. кат. рукописей: Конец XVIII. Л., 1975. Ч. 1/2. 1917. Отметим, что составленный М. И. Пыляевым перечень «Записки русских людей» воспоминаний и дневников за XVIII в. вообще в себя почти не включал. См.: Исторический вестник. 1890. № 1. С. 232—234.

¹⁷ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 108. См. также: Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 236.

¹⁸ Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3. С. 127—128.

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1949. Т. 12. С. 313; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 2. С. 14; Телетова Н. К. К «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала // Пушкин: Исслед. и материалы. М., 1982. Т. 10, ч. 2. С. 272—285; Эйдельман Н. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 330—351.

²⁰ Благой Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960. С. 35; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 213.

²¹ Гукровский Гр. Вступительная статья // Русская литература XVIII в. Л., 1937. С. VII, XI.

- 22 *Богословский М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906. С. 19—20; *Конанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Л., 1988. С. 116—123, 129.
- 23 *Луилов С. П.* Книга в России в послепетровское время, 1725—1740. Л., 1976. С. 205.
- 24 История русской литературы. Л., 1977. Т. 4. С. 190; Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., 1970. С. 48.
- 25 *Сивовский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. 1, вып. 1, 2 (XVIII век); *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 12—13; *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 242, 251.
- 26 *Сивков К. В.* Автобиография крепостного-интеллигента конца XVIII в. // Исторический архив. М., 1950. Т. 5. С. 289—290; *Альтшуллер М. Г.* Крестьянский поэт и переводчик Николай Смирнов // Французский ежегодник, 1967. М., 1968. С. 260—265; *Орлов П.* Ранний сентиментализм. М., 1977. С. 162—172; *Лезин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в. // Эпоха Просвещения. Л., 1967. С. 73—74.
- 27 *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984.
- 28 *Гюбиева Т. Е.* Этапы развития... Дис. С. 75.
- 29 *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 140—144; *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 63—68.
- 30 Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Ч. 3. С. 186—191.
- 31 *Гуковский Г.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.; Л., 1936. С. 9.
- 32 *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 261.
- 33 *Чайковская О.* Указ. соч. С. 261.
- 34 Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 195—216.
- 35 *Билинкис М. Я.* Взаимоотношения документальных жанров... С. 12.
- 36 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10. С. 505—506.
- 37 *Ключевский В. О.* Соч. М., 1958. Т. 4. С. 296.
- 38 *Богословский М.* Указ. соч. С. 37—38.
- 39 *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.
- 40 *Гаранин Л. Я.* Мемуарный жанр советской литературы: Ист.-теорет. очерк. Минск, 1986. С. 54.
- 41 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Дис. С. 4; *Елизаветина Г. Г.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен. С. 43.
- 42 *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России, первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 9.
- 43 *Пешич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1971, ч. 1. С. 199.
- 44 *Мильчина В. А.* Из путевого дневника Н. П. Голицыной // Зап. ОР ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 97.
- 45 Оснадацатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 361—365.
- 46 А. В. Суворов: Сб. документов. М., 1949. Т. 1. С. 32.
- 47 Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 130—133, 135—140.
- 48 Исторический архив. 1950. Т. 10. С. 289—299.
- 49 Русский архив. 1876. № 1. С. 33—59.
- 50 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Дис. С. 80.
- 51 Письмо М. П. Болотова М. И. Семеновскому от 14 октября 1873 г. // РО ИР-ДИ. Ф. 537. № 40. Л. 2; № 9, 10; ОР ГПБ. Ф. 89, 32; Русская старина. 1889. № 6. С. 537; *Щепкина Е.* Болотов А. Т. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. 5. С. 104.
- 52 Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Т. I. С. 41—43.
- 53 Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. Кнаппе—Кюхельбекер. С. 572—579; *Пешич С. Л.* Указ. соч. Ч. 1. С. 112—119; Архив князя Ф. А. Куракина. Т. I. С. 41—328; СПб., 1892. Т. III. С. 301—314; *Павленко Н. И.* «История о царе Петре Алексеевиче» Б. И. Куракина // Россию поднял на дыбы... М., 1977. Т. 1. С. 353—356.
- 54 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Дис. С. 68—69.
- 55 *Шмурло Е.* Новый свидетель эпохи преобразований // ЖМНП. 1891. № 1. С. 200.
- 56 Архив князя Ф. А. Куракина. Т. I. С. 244.
- 56а *Шмурло Е.* Указ. соч. С. 200.
- 57 *Билинкис М. Я.* Взаимоотношения документальных жанров... С. 10.
- 58 Там же. С. 11.
- 59 *Пытин А. Н.* История русской литературы. СПб., 1913. Т. 4. С. 66.
- 60 *Федотов А.* О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839. С. 9—10.
- 61 *Ключевский В. О.* Соч. М., 1959. Т. 6. С. 20.

- 62 Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 377.
- 63 *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 219.
- 64 Тихомиров М. Н. Русские летописи. М., 1979. С. 253.
- 65 Билинкис М. Я. Взаимоотношения документальных жанров... С. 13.
- 66 Пештич С. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 114.
- 67 Архив князя Ф. А. Куракина. Т. I. С. 245, 248, 253.
- 68 Шукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 14, 19, 23.
- 69 Рукою Пушкина. М; Л., 1935. С. 118.
- 70 Записки В. А. Нащокина. СПб., 1842. С. 1—2, 4.
- 71 Русский архив. 1871. № 4/5. С. 579, 581, 651.
- 72 Вестник Европы. 1868. № 3. С. 479.
- 73 Именно так были расценены, например, записки В. А. Нащокина их издателем Д. И. Языковым (Записки В. А. Нащокина. С. VI), первыми рецензентами (Библиотека для чтения. 1842. Т. 54. Отд. V. С. 21, 26) и позднейшими исследователями (*Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 260).
- 74 Записки В. А. Нащокина. С. 20—21.
- 75 *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 238—239; Билинкис М. Я. Взаимоотношения документальных жанров... С. 13—14.
- 76 Шукинский сборник. Вып. 6. С. 14.
- 77 Русская старина. 1872. № 6. С. 791.
- 78 Архив князя Ф. А. Куракина. Т. I. С. 43, 51, 52 и др.
- 79 Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии // *Вопр. истории.* 1948. № 9. С. 26.
- 80 Библиотека для чтения. 1842. Т. 54, Отд. V. С. 19, 21; Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 11. С. VI.
- 81 Современное обозрение. 1868. Т. 2. № 4. Отд. 3. С. 38—39.
- 82 Пештич С. Л. Указ. соч. Ч. 1. С. 84.
- 83 *Краснобаев Б. И.* Основные черты новой русской культуры // *Вопр. истории.* 1976. № 9. С. 93.
- 84 *Благов Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 70.
- 85 *Павленко Н. И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 389—427; *Он же.* Петр I: (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1979. С. 40—102; *Гуковский Гр.* Вступ. ст. // Русская литература XVIII в. Л., 1937. С. XIV, XVI; *Он же.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.; Л., 1936. С. 10; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. I. С. 426, 546; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1983. Ч. 3. С. 220—223.
- 86 *Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. С. 112.
- 87 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 7—8.
- 88 Там же. С. 11—12.
- 89 *Краснокутский В. С.* Дневники Герцена и русская мемуарная литература XIX века // А. И. Герцен — художник и публицист. М., 1977. С. 63.
- 90 *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 241.
- 91 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 8—9; *Макогоненко Г. П.* Русская проза в эпоху Просвещения // Русская проза XVIII века. М., 1971. С. 9.
- 92 *Ходасевич В.* Державин. М., 1988. С. 19.
- 93 Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грета. СПб., 1876. Т. 6. С. 395—802; *Грот Я. К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и историческим документам. СПб., 1880. С. 899—900; *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 144—163; *Державин Г. Р.* Соч. Л., 1987. С. 24—25, 474.
- 94 Записки Ново-Оскольского дворянина И. О. Острожского-Лохвицкого. Киев, 1886.
- 94 Там же. С. 5.
- 95 Жизнь Ефима Петровича Чемессова, 1735—1801 // Русская старина. 1891. № 10. С. 1—7.
- 96 Шукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 34—129.
- 97 Там же. Вып. 6. С. 202—268.
- 98 Заметки из автобиографии архиепископа Антония Знаменского // Странник. 1868. № 12. С. 108—114; Келейная запись или краткое начертание разнообразных должностей ... священника Михаило-Архангельской церкви Симеона Егорова... // Ярославские епархиальные ведомости. 1893. № 28. С. 439—445.
- 99 Летопись о событиях в г. Твери тверского купца Михаила Тюльпина. Тверь, 1902. С. 1, 10, 11, 13, 19, 24.
- 100 Русский архив. 1907. № 5. С. 107—129.

- 101 *Краснобаев Б. И.* Русская культура XVIII в.: Предмет и задачи изучения // История СССР. 1976. № 6. С. 45; *Шапиро А. Л.* Историография с древнейших времен по XVIII в. Л., 1982. С. 106.
- 102 *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 138, 149, 150; *Розов Н. Н.* Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова // Сб. Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. Вып. 2. С. 128—129; *Он же.* Русская рукописная книга. Л., 1971. С. 96—103; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 591.
- 103 *Лихачева В. Д., Лихачев Д. С.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 73; История русской литературы: Т. 1. С. 408.
- 104 *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 734; Сочинения Ап. Григорьева. СПб., 1876. Т. 1. С. 490.
- 105 *Лихачева В. Д., Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 72; *Розов Н. Н.* Русская рукописная книга. С. 98; *Луилов С. П.* Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалетии XVIII в. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 190—191.
106. Сочинения Ап. Григорьева. Т. 1. С. 493 (Курсив мой.— А. Т.).
- 107 *Плюханова М. Б.* История юности Петра I у П. Н. Крекшина // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 19.
- 108 *Пештич С. Л.* Указ. соч. Ч. 1. С. 36, 86—87; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XIX века. Л., 1980. С. 81.
- 109 *Лотман Ю. М.* Пути развития русской прозы 1800-х—1810-х годов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1961. Т. IV. С. 42—48. (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып. 104).
- 110 *Еремин И. П.* Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М; Л., 1966. С. 97; *Эйхенбаум Б. М.* Черты летописного стиля в литературе XIX в. // Тр. ОДРЛ. М., 1958. Т. 14. С. 545—550; *Кумпан К.* Черты летописного мышления и элементы историзма в мировоззрении В. А. Жуковского // Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972.
- 111 См., например: *Шмидт С. О.* Церковно-приходские летописи как источник по истории русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. Вильнюс, 1974. С. 397—404.
- 112 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.
- 113 Вестник Европы. 1872. № 1. С. 402.
- 114 Киевская старина. 1884. № 7. С. 423—424.
- 115 Сын отечества. 1815. № 3. С. 98.
- 116 Русское слово. 1864. № 11. С. 1.
- 117 Современник. 1839. Т. IX, кн. 1. С. 85.
- 118 *Остен-Сакен Д. Е.* Отрывок из летописи Елизаветградского гусарского полка // Военный сборник. 1870. № 10. С. 237—238.
- 119 Остросельские записки. 1866. Т. 169, № 24. С. 284.
- 120 *Черняев Н. И.* «Капитанская дочка» Пушкина. М., 1897. С. 20.
- 121 Краткие записки адмирала А. Шишкова. СПб., 1831.
- 122 Телескоп. 1831. № 18. С. 255—260 (Курсив мой.— А. Т.).
- 123 Русские летописи. 1870. № 43. Ст. 1522—1523.
- 124 Русский библиофил. 1912. № 5. С. 84.
- 125 *Дружинин Н. М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопр. истории. 1951. № 1. С. 74; *Он же.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 433—456.
- 126 *Краснобаев Б. И.* Русская культура второй половины XVII—начала XIX в. С. 167—186; *Благой Д.* История русской литературы XIX века. М., 1945. С. 198; История русской литературы. Т. 1. С. 572, 584; *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 23—29; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2. С. 11—13; *Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 294—322; М., 1988. Ч. 3. С. 191—201.*
- 127 *Чайковская О.* «И в прозе глас слышен соловьиный». С. 210—211.
- 128 История русской литературы. Т. 1. С. 461.
- 129 Русский архив. 1883. № 2. С. 225.
- 130 Там же. 1905. № 11. С. 292.
- 131 Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные им в 1771 году. М., 1842. С. 3—4.
- 132 Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. 1. С. 3.
- 133 *Благой Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 85—86, 172, 192—193.
- 134 *Купрянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Указ. соч. С. 103—105; *Чайковская О.* Указ. соч. С. 211.
- 135 Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... им самим писанная... СПб., 1872. С. 3.

- 136 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 10—11.
- 137 *Биллинкс М. Я.* Взаимоотношения документальных жанров... С. 24.
- 138 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 5; *Она же.* К вопросу о развитии русской мемуарной литературы в 70-е годы XVIII века. С. 131; *Биллинкс М. Я.* Взаимоотношения документальных жанров... С. 14—16 (Курсив мой. — А. Т.).
- 139 *Русский архив.* 1905. № 11. С. 289—340; *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867. С. 487; *Сидоренко С. А. П. И. Рычков как историк //* Вопр. истории. 1975. № 7.
- 140 *Бартенев П. И.* Памятные записки Н. Б. Долгорукой // *Русский архив.* 1867. № 1. С. 1—2.
- 141 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 10; *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 243.
- 142 *Русский вестник.* 1815. Кн. 1; С. 3—47; *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 177—180, 598—599; *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 78.
- 143 *Анхимов Е. В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. С. 167, 181, 182.
- 144 *Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные им самим в 1771 году.* М., 1842.
- 145 *Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т. Дабеллов-Дядьковский. С. 80—81; *Северная пчела.* 1843. № 5; *Русский инвалид.* 1843. № 14, 15; *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1. С. 239—240.
- 146 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... С. 11; *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 257—259.
- 147 *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1950. Т. 1. С. 350, 351, 359. Ссылается на записки М. В. Данилова Н. А. Добролюбов и в своей работе «Русская сатира в века Екатерины» (Там же. М., 1852. Т. 2. С. 374).
- 148 *Коган И. И.* Рукописи Ф. И. Соймонова в собрании Государственного Исторического музея // *Проблемы источниковедения.* М., 1959. Вып. 15. С. 228—238; *Пештич С. Л.* Указ. соч. Л., 1971. Ч. 3. С. 126—127.
- 149 *Записки князя Я. П. Шаховского.* СПб., 1872; *Пекарский П. П.* Русские мемуары XVIII века // *Современник.* 1855. № 8. С. 74—75; *Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т. Чаадаев—Швитков. С. 590—596; *Гюбиева Г. Е.* К вопросу о развитии русской мемуаристики в 70-х годах XVIII века: («Записки» Я. П. Шаховского). С. 131; *Наумов В. П.* «Записки» Я. П. Шаховского // *Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980.* С. 28—31; *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. С. 250—257.
- 150 *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1847). М., 1963. С. 200.
- 151 *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1. С. 279—283.
- 152 *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим... Пг., 1916. С. 9, 16.
- 153 *Москвитянин.* 1844. № 11. С. 196—213; 1845. № 2. С. 21—43.
- 154 *Сочинения Долгорукова (Князя Ивана Михайловича).* СПб., 1849. Т. 2. С. 485—539.
- 155 *Лонгинов М. Н.* Известие о записках князя И. М. Долгорукова // *Русский архив.* 1865. Ст. 964—968; *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... С. 1—2.
- 156 *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... С. 7.
- 157 *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. С. 968.
- 158 *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... С. 165, 230.
- 159 *Сочинения Долгорукова (князя Ивана Михайловича).* Т. 2. С. 455.
- 160 *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. С. 968.
- 161 *Лазарев В.* Сокровенная жизнь. М., 1978; *Новиков С.* Болотов: Документ.-ист. повесть. М., 1983; *Ганцнев В.* Тульский энциклопедист. Тула, 1986; *Любченко О. Н. А. Т. Болотов.* Тула, 1988; *Бердышев А. П. А. Т. Болотов — выдающийся деятель науки и культуры.* М., 1988.
- 162 *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков.* М., 1986; *Записки А. Т. Болотова.* Тула, 1988. Т. 1, 2; *Русские мемуары: Избранные страницы, XVIII век.* М., 1988. С. 73—116.
- 163 *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1. С. 114—117.
- 164 *Сын отечества.* 1839. № 4; *Отечественные записки.* 1850. № 4; *Библиотека для чтения.* 1851. № 3.
- 165 *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков.* СПб., 1871—1873. Т. 1—4.
- 166 *Голос.* 1870. 8 дек.; 23 дек.; *Русский архив.* 1870. № 12. С. 3—5; *Русская старина.* 1871. № 1. С. 116—117.

- 167 ОР ГПБ. Ф. 89, № 1—29.
 168 Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. М., 1951. С. 17.
 169 Русская старина. 1889. № 6, 10; 1895. № 8.
 170 РО ИРЛИ. Ф. 537. № 4, 5, 6, 33.
 171 ОГ ГПБ. Ф. 89. № 30—31.
 172 РО ИРЛИ. Ф. 537. № 9—13, 25, 36. 40; ОР ГПБ. Ф. 89. № 32, 34—52, 78—95, 163. Л. 1—2; Русская старина. 1871. № 1. С. 116—117; 1873. № 11. С. 738—753; *Шенкина Е. Болотов А. Т. С. 104—105; Венгеров С. А. Болотов А. Т. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей. Т. 5. С. 108—109.*
 173 Русский мир. 1872. 2 авг.
 174 *Семевский М. И.* Предисловие // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков. Ч. 1. С. III—IV.
 175 Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина...
 176 Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Дабеллов—Дядьковский. С. 485; Виленский сборник. Вильно, 1869. С. 361—362; Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 278—279.
 177 Дело. 1871. № 12. С. 94; Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 2.
 178 Там же. С. 2.
 179 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Автореф. С. 13.
 180 История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 66; *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1971. С. 76; *Кочеткова Н. Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму конца XVIII века. Л., 1984. С. 71.
 181 Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Ч. 3. С. 268.
 182 *Лазарев В.* «Жизнь и приключения Андрея Болотова» // Встречи с прошлым. М., 1979. С. 139; *Гулыга А. В.* Искусство истории. М., 1980. С. 95.
 183 *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. 1, вып. 2 (XVIII век). С. 637—638.
 184 *Роботи Т.* Литература «Путешествий» // Русская проза: Сб. ст. Л., 1926. С. 44—45; *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития... Дис. С. 182—185; *Гриц Т., Тренин В., Никитин Н.* Словесность и коммерция. М., 1929. С. 105—106.
 185 *Сиповский В. В.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 284, 390, 392, 671—678; *Петровский М. П.* Забытые мемуары П. З. Хомякова. СПб., 1901.
 186 Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 302—303; *Гюбиева Г. Е.* Проблемы личности в мемуарно-автобиографической литературе конца XVIII века: (Записки Г. И. Добрынина); *Кочеткова Н. Д.* Указ. соч. С. 72.
 187 *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII в. // Эпоха Просвещения. С. 257; *Кочеткова Н. Д.* Указ. соч. С. 86—93.
 188 История русской литературы. Т. 4. С. 190.
 189 *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 81.
 190 *Берков П. Н.* О «Чистосердечном признании» Фонвизина. // Науч. бюл. Ленингр. ун-та. 1945. № 5. С. 31; *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 253—254; *Рассадин Ст.* Фонвизин. М., 1960. С. 273—274.
 191 *Подольская И. И.* «Минувшее проходит предо мною...» // Русские мемуары: Избр. страницы, XVIII век. С. 8—9; *Анисимов Е.* «Записки» Екатерины II; силлогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. М.: Книга, 1990. С. 7—8.
 192 Русский архив. 1865. № 7. С. 452, 473—474.

Глава вторая

ИЗНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ МЕМУАРОТВОРЧЕСТВА

- 1 Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 41.
- 2 Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 2.
- 3 Отечественные записки. 1842. № 11. Отд. VI. С. 21.
- 4 Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... им самим писанная ... СПб., 1872. С. 3, 73, 255.
- 5 Русский архив. 1905. № 11. С. 289, 292.
- 6 Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные им в 1771 г. М., 1842. С. 1—3.
- 7 Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. 1. С. 1, 2, 4, 7.
- 8 Русская старина. 1908. № 10. С. 105.
- 9 Там же. С. 98.
- 10 *Пекарский П. П.* Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1855. № 4. С. 55.

- 11 Щепкина Е. Предисловие // Дневник поручика Васильева. СПб., 1896. С. X.
- 12 Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 3, 191.
- 13 Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. 2, 4.
- 14 Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... Пг., 1916. С. 165.
- 15 Русская старина. 1872. № 6. С. 802.
- 16 Русский инвалид. 1843. № 4. 20 янв.
- 17 Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. 2.
- 18 Русский архив. 1865. № 7. С. 466—467.
- 19 Там же. 1883. № 2. С. 227.
- 20 ОР ГБЛ. М. 919.
- 21 Тр. Псков. археол. о-ва. 1914. Вып. 10. С. 26.
- 22 Русская старина. 1908. № 10. С. 97.
- 23 Шукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 202.
- 24 Русская старина. 1890. № 12. С. 587.
- 25 Русский архив. 1870. № 3. С. 551 (Курсив мой.— А. Т.).
- 26 Там же. 1905. № 11. С. 289.
- 27 Там же. 1867. № 1. С. 4—5, 6, 9—11, 13, 15—16, 34 и др.
- 28 Там же. 1871. № 4/5. С. 688—692.
- 29 ЛО Архива АН СССР. Разр. II. Оп. 1. № 255. Л. 5.
- 30 Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... С. 9, 165; Сочинение князя Долгорукова (Ивана Михайловича). СПб., 1849. Т. 2. С. 508, 525.
- 31 Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном И. Андреевым в 1789 г. // Чтения МОИДР. 1870. Кн. IV. Отд. V. С. 74.
- 32 Русский архив. 1865. № 7. С. 468—469.
- 33 Щепкина Е. Болотов А. Т. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. 5. С. 104; Глаголева О. Е. А. Т. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист // Вопр. истории. 1988. № 11. С. 13.
- 34 Сочинения князя Долгорукова (Ивана Михайловича). С. 508 (Курсив мой.— А. Т.).
- 35 Пекарский П. П. Указ. соч. // Современник. 1855. № 4. С. 55.
- 36 Русский архив. 1905. № 11. С. 290.
- 37 Записки артиллерии майора М. В. Данилова... С. 2.
- 38 Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. 1.
- 39 Чечулин Н. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 9.
- 40 Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 3.
- 41 Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... С. 9.
- 42 Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. 1—2.
- 43 Русский архив. 1877. № 1. С. 76; № 6. С. 233.
- 44 Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 156—157.
- 45 Тургенев А. И. Хроника русского: Дневники (1825—1826). М.; Л., 1964. С. 526.
- 46 Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 181.
- 47 РО ИРЛИ. Ф. 309. № 1151.
- 48 Русский архив. 1877. № 1. С. 76; № 6. С. 233.
- 49 Тургенев А. И. Хроника русского: Дневники (1825—1826). С. 248—249.
- 50 Русский архив. 1877. № 1. С. 77—123. Помимо тургеневского списка, извещен еще один, хранящийся ныне в Центральной библиотеке АН Украинской ССР (до революции находился в библиотеке Университета св. Владимира в Киеве. См.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 945). Список этот на бумаге с водяными знаками «1815» более ранний, нежели тургеневский и, видимо, авторизованный. См.: Большаков Л. Возвращение из прошлого: Роман-поиск. Киев, 1988. С. 55—68, 89—95.
- 51 Мое время: Записки Г. С. Винского. СПб., 1914.
- 52 Русский архив. 1877. № 7. С. 78.
- 53 Пылин А. Н. История русской литературы. СПб., 1913. Т. 4. С. 187.
- 54 Так, семь списков записок А. А. Матвеева XVIII в. (из коллекций Воронцовых, Н. П. Лихачева, Археографической комиссии и рукописных книг) сохранилось в Архиве ЛОИИ. См.: Путеводитель по Архиву ЛОИИ. М., 1958. С. 280, 406, 427, 433. См. также: Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 33.
- 55 Записки Манштейна о России, 1727—1744. СПб., 1875. С. III—V; 361—377; Анисимов Е. В. России в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 145—146.
- 56 Петров П. Н. Составитель «Замечаний на Записки Манштейна» // Русская старина. 1879. № 12. С. 616.

⁵⁷ См. дневник П. М. Флоринского, разбиравшего библиотеку Г. А. Строганова: Русская старина. 1906. № 5. С. 307—308.

⁵⁸ В ОР ГБЛ, помимо французского автографа записок К. Манштейна и оригинала одного из русских переводов, сохранились четыре списка конца XVIII в. (см.: Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. М., 1951. С. 99). В ОПИ ГИМ находится в разных собраниях пять списков, датируемых тем же временем (ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 209; Ф. 48, № 204; Ф. 322, № 67, 68; Ф. 17. Оп. 2. № 356), в Архиве ЛОИИ — два списка конца XVIII в. (Путеводитель по Архиву ЛОИИ. С. 280, 432).

⁵⁹ Сын отечества. 1817. № 45. С. 280.

⁶⁰ Старчевский А. Очерки литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 145.

⁶¹ Путеводитель по Архиву ЛОИИ. Л., 1958. С. 280. Еще один список в 1878 г. поступил в Императорскую Публичную библиотеку. См.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. С. 803.

⁶² Архив ЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1, № 757, 758; *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора ... камергера и кавалера гр. Ф. А. Толстого... М., 1825. С. 629; *Пекарский П. П.* Указ. соч. // Современник. 1855. № 8. С. 70; Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. С. 99.

⁶³ *Семевский М. И.* Предисловие // Записки князя Я. П. Шаховского. СПб., 1872. С. XX—XXI.

⁶⁴ Вестник Европы. 1808. № 17. С. 11—36; № 18. С. 97—115; [*Радищев Н. А.*] Жизнь князя Я. П. Шаховского. М., 1840.

⁶⁵ Записки князя Я. П. Шаховского; писанные им самим. М., 1810. Ч. 1—2.

⁶⁶ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. № 510. Л. 1 об.

⁶⁷ Записки Я. П. Шаховского. СПб., 1872. С. III—IV, 1, 4, 9, 67, 157, 203 и др.

⁶⁸ *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 105; *Кочеткова Н. Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII в. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 88, 91.

⁶⁹ Зритель. 1792. С. III, 5—6.

⁷⁰ Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного. СПб., 1824. Факсимил. изд. М., 1987. С. 36, 346.

⁷¹ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 510. Л. 1 об.

⁷² *Гуковский Г.* Очерки по истории русской литературы XVIII в. М.; Л., 1936. С. 13.

⁷³ *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины // Сборник Общества любителей Российской словесности на 1891 г. М., 1891. С. 195—199; *Розов Н. Н.* Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрания А. А. Титова // Сб. Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. Вып. 2. С. 138; *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII в. С. 16, 33, 34, 39.

⁷⁴ *Плюханова М. Б.* История юности Петра I у П. Н. Крекшина // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 20.

⁷⁵ *Пекарский П. П.* Любитель литературы екатерининских времен // Отечественные записки. 1856. № 4. С. 494.

⁷⁶ *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 197.

⁷⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., 1725—1800. М., 1962—1975. Т. 1—6.

⁷⁸ По пересчитанным мною статистическим данным кн.: *Сиповский В. В.* Очерки по истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1, вып. 1 (XVIII век). С. 40—41.

⁷⁹ *Лисовский Н. М.* Русская периодическая печать, 1703—1900. Пг., 1915. С. 1—9; *Дмитриев С. С.* Русская периодическая печать // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 323—355.

⁸⁰ *Сиповский В. В.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1 (XVIII век). С. 40—41 (по пересчитанным мной данным).

⁸¹ ИДРДВ. М., 1976. Т. 1.

⁸² *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 1. С. 6, 7.

⁸³ *Голыков И. И.* Дополнения к деяниям о Петре Великом. М., 1796. Т. 18. С. 79, 208, 294, 312, 382, 394; Т. 17. С. 416—439; Русский архив. 1871. № 4/5. С. 578—580; Наблюдатель. 1893. № 7. Новые книги. С. 14—16.

⁸⁴ *Эйдельман Н. Я.* Дворцовый заговор 1797—1799 гг. // Вопр. истории. 1981. № 1; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 42—49.

⁸⁵ Санкт-Петербургский журнал. 1798. Ч. 3. С. 67—85; Авг. С. 1—21; *Орлов Вл.* Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1950. С. 79, 82, 100—101; *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII в. Л., 1952. С. 377—378; *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин: Творческий путь. М.; Л., 1961. С. 371.

- 86 Санкт-Петербургский журнал. 1798. Ч. 3. Июль. С. 63—66.
- 87 Софонов М. М. Указ. соч. С. 51.
- 88 Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого... СПб., 1725; То же. СПб., 1726.
- 89 Прокопович Ф. Сказание о кончине Петра II и о вступлении на престол Анны Ивановны. СПб., 1737.
- 90 Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. Яблоновский — Фомин. С. 445.
- 91 Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М., 1945. С. 344, 346.
- 92 Похождение некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная... М., 1790. Ч. 1. С. 1.
- 93 Петровский М. П. Забытые мемуары П. З. Хмякова. СПб., 1901 (оттиск из ЖМНП. 1901. № 8).
- 94 Сидловский В. В. Указ. соч. Т. 1. вып. 1 (XVIII век). С. 284, 390—391; Кучеров А. Болотов — литературный критик // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9/10. С. 219.
- 95 Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны от дня объявления оной по 1773 год, бывшего в Константинополе, а потом в походах с турецкой армиею поверенного в делах П. ... Л. ... СПб., 1790; Плен и страдания россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных им в Царь-Городе... СПб., 1790. См.: Кочеткова Н. Д. «Слово к истинным патриотам» П. А. Левашова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1984. М., 1986. С. 51—52.
- 96 Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедские истории СССР. М., 1973. С. 397.
- 97 Петровский М. П. Указ. соч. С. 6.
- 98 Там же. С. 5.
- 99 Пекарский П. П. Указ. соч. // Современник. 1855. № 4. С. 55.
- 100 Петровский М. П. Указ. соч. С. 5.
- 101 Пекарский П. П. «Дневник камер-юнкера Берхгольца» // Современник. 1857. № 9. С. 13.
- 102 Пылин А. Н. История русской литературы. СПб., 1913. Т. 4. С. 66 (Курсив мой. — А. Т.).
- 103 Щепкина Е. Предисловие // Дневник поручика Васильева. СПб., 1896. С. IX.
- 104 Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 397 (Курсив мой. — А. Т.).
- 105 Литературное наследство. Т. 9/10. С. 196—198 (Курсив мой. — А. Т.).
- 106 Щепкина Е. Указ. соч. С. X.
- 107 Тимирязев Ф. И. Страницы прошлого // Русский архив. 1884. № 1. С. 158.
- 108 Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 397.
- 109 Гукоевский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII в. М.; Л., 1936. С. 13.
- 110 Благой Д. История русской литературы XVIII в. С. 73—74; Берков П. Н. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века // Рус. лит. 1958. № 2. С. 181.
- 111 Вестник славянства. Казань, 1890. Т. 5. С. 72—75.
- 112 Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 397.
- 113 Билинкис М. Я. К вопросу о проблемах мемуарного жанра в русской литературе первой трети XVIII века // Проблемы эстетики и поэтики. Ярославль, 1976. С. 4—5.
- 114 Там же. С. 5—6.
- 115 Милиц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера: (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 66; Она же. Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XVIII—первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 38.
- 116 Милиц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера. С. 56.
- 117 Елизаветина Г. Г. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1967. № 1. С. 43—50.
- 118 Шаниро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982. С. 185, 190.
- 119 О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимил. изд. М., 1983. С. 17—35; Эйдельман Н. О том человеке, который изображен на портрете // Панорама искусств. М., 1982. Т. 5. С. 296—325.
- 120 Щербатов М. Неизд. соч. М., 1935. С. XXI; О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 25.
- 121 Пешитис С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1971. Ч. 3. С. 6.
- 122 Желвакова И. А. Материалы А. И. Михайловского-Данилевского в «Историческом сборнике вольной русской типографии» // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 112—115.

- 123 О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 28; *Желвакова И. А.* Указ. соч. С. 113—114.
- 124 *Ешевский С. В.* О повреждении нравов в России: (Неизвестное сочинение князя М. М. Щербатова) // Атеней. 1858. № 13; Библиографические записки. 1859. № 14; Отечественные записки. 1859. № 12.
- 125 Русская старина. 1870. № 1, 2; 1871. № 6; Сочинения князя М. М. Щербатова. СПб., 1898. Т. 2.
- 126 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 561; *Чекунова А. Е.* Издание и изучение российских мемуаров по отечественной истории XVII—XVIII вв.: (Дореволюционный период) // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюз. науч. сес.: Тез. докл. Тбилиси, 1988. С. 138—140.
- 127 *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1947. С. 162; *Томашевский Б. В.* Историзм Пушкина // *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 168.
- 128 Сын отечества. 1827. № 1/2; Исторический, статистический и географический журнал. 1830. Ч. 1, кн. 3.
- 129 Московский вестник. 1829. Ч. 4. С. 171.
- 130 *Афиани В. Ю.* Публикации исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 22.
- 131 Русская старина. 1873. № 7. С. 29.
- 132 *Ключевский В. О.* Соч. М., 1958. Т. 4. С. 200—201; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1940. С. 339—340; *Волкова И. В.* «Новый период» истории в России в трудах С. М. Соловьева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- 133 *Чечулин Н.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 3.
- 134 *Афанасьев А. Н.* Записки С. А. Порошина // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862. Кн. 4: Критика. С. 32.
- 135 Записки князя Я. П. Шаховского, писанные им самим. Ч. 1. С. 1.
- 136 Сын отечества. 1818. № 1. С. 5.
- 137 Отечественные записки. 1830. № 117. С. 76.
- 138 Библиотека для чтения. 1844. Т. 67. Отд. VI. Литературная летопись. С. 10.
- 139 *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 5. С. 34; Новонайденный автограф Пушкина. Л., 1968. С. 27.
- 140 Русский вестник. 1808. № 10. С. 39—49. В 1822 г. перепечатаны в расширенном виде в книге С. Н. Глинки «Русские анекдоты, военные и гражданские» (М., 1822. Т. 2. С. 17—33).
- 141 Вестник Европы. 1808. № 17. С. 11—36; № 18. С. 97—115.
- 142 Жизнь князя Я. П. Шаховского. М., 1810.
- 143 Записки князя Я. П. Шаховского, писанные им самим. М., 1810.
- 144 Записки князя Я. П. Шаховского, писанные им самим. СПб., 1821. Ч. 1—2.
- 145 Друг юношества. 1810. № 1. С. 8—69.
- 146 Плутарх для прекрасного пола. М., 1819. Ч. VI/VII. С. 95—128.
- 147 Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 год. Сочиненные г. Манштейном... М., 1810. Ч. 1—4.
- 148 (Манштейновы) Современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Дерпт, 1810. Т. 1—2.
- 149 Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год..., писанные на французском языке генералом Манштейном. М., 1823. Т. 1—4.
- 150 Вестник Европы. 1810. № 15. С. 193—240.
- 151 Там же. С. 193—194; *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 4. С. 176; *Афанасьев А. Н.* Записки С. А. Порошина. Кн. 4: Критика. С. 33; ЦГАДА. Ф. 181. № 107.
- 152 *Афиани В. Ю.* Публикации исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в.: Дис. М., 1982. Прил. С. 199—200.
- 153 *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. Л., 1980. С. 50, 73. Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 541.
- 154 Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанные им самим для детей своих. СПб., 1817. Отрывок из них появился в «Сыне отечества» (1818. № 9).
- 155 Архив князя М. С. Воронцова. М., 1880. Кн. 17. С. 476; *Петров П.* Составитель замечаний на Записки Манштейна о России // Русская старина. 1879. № 12. С. 618.
- 156 Архив князя М. С. Воронцова. Кн. 17. С. 476.
- 157 Известия фельдмаршала графа Миниха о Ладожском канале // Сын отечества. 1818. № 4. С. 129—155.
- 158 Там же. 1819. № 24, 27—29, 31, 32, 35, 36, 40, 43, 52.
- 159 *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1819. См. также публикации «Краткой повести» в «Журнале древней и новой словесности» (1819. № 2/3).

- 160 *Формозов А. А.* Первый русский историко-археологический журнал // *Вопр. истории.* 1967. № 4. С. 208.
- 161 *Афиани В. Ю.* Публикации исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в. С. 16.
- 162 *Дмитриев С. С.* Источниковедение русской исторической журналистики // *Источниковедение отечественной истории:* Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 284.
- 163 *Москвитянин.* 1842 № 4, 6—8, 11; 1844. № 11; 1845. № 2; 1848. № 7.
- 164 *Каразин В. Н.* Из дневных записок Украинца // *Сын отечества,* 1820. № 43. С. 142—143. Об авторстве В. Н. Каразина см.: В. Н. Каразин, 1873—1842: Библиография. Харьков, 1853. № 78, 80, 89.
- 165 *Русский архив.* 1893. № 1. С. 97.
- 166 *Отечественные записки.* 1842. № 2. С. 53.
- 167 *Записки артиллерии майора М. В. Данилова,* написанные им в 1771 году.
- 168 *Записки В. А. Нащокина.* СПб., 1842.
- 169 *Записки И. А. Желябужского* с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.
- 170 *Семена Порошина Записки,* служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника Российского. СПб., 1844.
- 171 *Отечественные записки.* 1844. № 11. Отд. VI. С. 19—28; *Библиотека для чтения.* 1844. Т. 67. Отд. VI. С. 10—20; *Современник.* 1844. Т. 36. С. 222—223; *Маяк.* 1844. Т. 18. Отд. IV. С. 22—38; *ЖМНП.* 1845. Т. 45; *Литературная газета.* 1844. № 42; *Русский инвалид.* 1844. № 226, 236.
- 172 *Библиотека для чтения.* 1842. Т. 54. Отд. V. С. 19—40; *Отечественные записки.* 1848. № 11. Отд. VI. С. 19; *Русский вестник.* 1842. № 5 и 6. Отд. III. С. 64—65; *Современник.* 1842. Т. 28. С. 57—65; *Северная пчела.* 1842. № 227; *Санкт-Петербургские ведомости.* 1842. № 248.
- 173 *Библиотека для чтения.* 1840. Т. 41. Отд. V. С. 47—68; *Отечественные записки.* 1840. № 6. С. 62—70. *ЖМНП.* 1849. Т. 7; *Литературная газета.* 1840. № 38. *Северная пчела.* 1840. № 121.
- 174 *Отечественные записки.* 1842. № 11. Отд. VI. С. 17—19; *Библиотека для чтения.* 1842. Т. 55. Отд. III. С. 50—65; *Северная пчела.* 1843. № 5; *Русский инвалид.* 1843. № 14, 15.
- 175 *Дмитриев С. С.* Воспоминания, дневники, частная переписка. С. 397.
- 176 *Русская старина.* 1881. № 12. С. 922—923.
- 177 *Майков Л. Н.* Пушкин. СПб., 1899. С. 1.
- 178 *Вестник Европы.* 1808. № 17. С. 11.
- 179 *Записки князя Я. П. Шаховского.* Ч. 1. С. III, VII.
- 180 *Долухин И. В.* Несть пророка в отечестве своем // *Друг юношества.* 1812. Ноябрь. С. 135.
- 181 *Греч Н. И.* Обзорение русской литературы 1815 и 1816 годов. СПб., 1817. С. 10.
- 182 *Сын отечества.* 1817. № 45. С. 280.
- 183 *Кюхельбекер В. К.* Путешествие: Дневники. Статьи. М., 1979. С. 186.
- 184 Там же. С. 189.
- 185 *Сын отечества.* 1820. № 43. С. 141—142.
- 186 *Отечественные записки.* 1842. № 11. Отд. VI. С. 19.
- 187 *Северная пчела.* 1842. 10 сент.
- 188—189 *Русский инвалид.* 1843. 20 сент.
- 190 *Литературная газета.* 1847. 11 дек.
- 191 *Пекарский П. П.* Русские мемуары XVIII века // *Современник.* 1855. № 4. С. 55; Он же. Рец. на «Дневник камер-юнкера Берхольца». С. 13.
- 192 *Корнилов Ф. Е.* Записки императрицы Екатерины II // *ЖМНП,* 1912. № 1. С. 39.
- 193 *Пекарский П. П.* Русские мемуары XVIII века // *Современник.* 1855. № 4. С. 59—90; № 5. С. 29—66; № 8. С. 63—72.
- 194 *Русская старина.* 1870. № 1. С. 41—42; *Семевский М. И.* Предисловие // *Записки князя Я. П. Шаховского.* СПб., 1872. С. XVII (курсив мой. — А. Т.).

Глава третья

ВЕК XIX: МЕМУАРИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 1 *Голос минувшего.* 1918. № 1/3. С. 45—78; № 4/6. С. 173—210; № 7/9. С. 99—132.
- 2 *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1. С. 68—70.
- 3 *Голос минувшего.* 1918. № 1/3. С. 47—54.
- 4 Там же. С. 54—55.
- 5 *Веселая Г. А. Е. Р.* Дашкова в селе Троицком: (Материалы к биографии) // *Материалы по истории русской культуры конца XVIII — первой половины XIX века.* М., 1984. С. 85.

- 6 Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России/Под общ. ред. С. С. Дмитриева. М., 1987. С. 105, 207.
- 7 Шугуров М. Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова: (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский архив. 1880. Кн. III, № 1. С. 168.
- 8 Там же. С. 184.
- 9 Там же. С. 185, 191, 213.
- 10 Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 275, 280, 335, 338.
- 11 Там же. С. 24, 25, 427, 429, 431; Шугуров М. Ф. Указ. соч. С. 176—180, 185, 191.
- 12 Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 252, 335, 338.
- 13 Там же. С. 478.
- 14 РО ИРЛИ. Разряд 1. Оп. 6. № 13.
- 15 Шугуров М. Ф. Указ. соч. С. 188; Лобанов-[Ростовский] А. Еще о Записках княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. I, № 2. С. 336—375.
- 16 Шугуров М. Ф. Указ. соч. С. 188—151; Архив князя М. С. Воронцова. М., 1881. Кн. 21. С. 371—378; Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978. С. 117—118; Дмитриев С. С., Веселая Г. А. Записки княгини Дашковой и письма сестер Вильмот из России. С. 26—27.
- 17 Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой: Пер. с англ. Лондон, 1859.
- 18 Моисеева Г. Н. О «Записках» Е. Р. Дашковой // Дашкова Е. Записки, 1743—1810 гг. С. 270, 272.
- 19 Список сохранился в архиве П. А. Вяземского: ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1196.
- 20 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 77—78.
- 21 Русский архив. 1866. С. 1721; Вяземский П. А. Записные книжки, 1813—1848. М., 1963. С. 408.
- 22 Гиллельсон М. И. От Арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 92—114; Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959. С. 67, 120—121; Рукою Пушкина. М., Л., 1935. С. 589—592; Алексеев М. П. Пушкин и библиотека Воронцова // Пушкин: Ст. и материалы. Одесса, 1926. Вып. 1. С. 92—98.
- 23-24 Путеводитель по Архиву ЛОИИ. М.; Л., 1958. С. 279; Архив князя М. С. Воронцова. М., 1881. Т. 21. С. 1—365; Дашкова Е. Р. Записки. СПб., 1907.
- 25 Дмитриев С. С., Веселая Г. А. Указ. соч. С. 28.
- 26 Москвитянин. 1842 № 1/2. С. 97—116; Современник. 1845. № 1.
- 27 Русский вестник. 1820. Кн. V. С. 5—53.
- 28 Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 2. С. 198—199.
- 29 Русский архив. 1884. № 1. С. 2.
- 30 Лубяновский Ф. П. Воспоминания. М., 1872.
- 31 Тургенев А. Политическая проза. М., 1989. С. 247—250, 336, 337.
- 32 Божеянов И. Н. Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888. С. 35—36.
- 33 Русский архив. 1884. № 1. С. 1.
- 34 Эйдельман Н. «Идет куда-то...»/Наука и жизнь. 1986. № 12. С. 78.
- 35 Русский архив. 1884. № 1. С. 40, 43.
- 36 Там же. С. 67.
- 37 Там же. С. 23, 113.
- 38 Там же. С. 24.
- 39 Афанасьев А. Н. И. В. Лопухин // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. С. 59; Чтения в МОИДР. 1860. Кн. II. Отд. 2. С. 81; Кн. III. Отд. 2. С. 173; Русский архив. 1884. № 1. С. 1—2.
- 40 Русский архив. 1895. № 2. Прил. С. 45; № 3. Прил. С. 50—51.
- 41 Суровцев А. Г. И. В. Лопухин: Его масонская и государственная деятельность. СПб., 1901. С. 117.
- 42 Друг юношества. 1810. Янв. С. 70—72.
- 43 Чтения в МОИДР. 1860. Кн. III. Отд. 2. С. 173.
- 44 ЦГАДА. Ф. 181. № 171, 543.
- 45 ОР ГБЛ. М. 2216; М. 10625.
- 46 Отрывки из записок некоторых обстоятельств жизни и службы И. В. Л. // Друг юношества. 1812. Янв. С. 6—52.
- 47 Друг юношества. 1813. Март. С. 3—6.
- 48 Там же. 1812. Ноябрь. С. 134—136 (цензурное разрешение датировано 12 февраля 1813 г.); Суровцев А. Т. Указ. соч. С. 107, 117.
- 49 Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 497—498.
- 50 Там же. СПб., 1911. Вып. 1. С. 389, 473.
- 51 Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 115.

- 52 Северная пчела. 1846. 4 июля.
- 53 Помимо указанных выше списков, см.: ЦГАДА. Ф. 181. Оп. 20. № 870, 878, 994; ОР ГБЛ. Е. 1644; М. 2216, 4600, 5922, 5987, 6318, 9393, 10625, 10750; ОИДР. П. 226. № 6, 7, 8; Ф. 231. Ш. П. 7. № 49, 50; Ф. 218. № 893; Ф. 178. № 7068.20; ОПИ ГИМ. Ф. 1. № 52; Ф. 17. Оп. 2. № 357, 358; Ф. 48. № 202, 203; ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6148; Ф. 13; Ф. 1337. № 136, 137; РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1480, 1481; Архив ЛОИИ СССР. Ф. 36. Оп. 1. № 753; История СССР в воспоминаниях и дневниках: Аннот. кат. с конца XVIII в. по 1917 г. Л., 1975. Вып. 1. № 301—313.
- 54 Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. № 40. С. 318—319.
- 55 *Войков А. Ф.* Воспоминания о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // *Новости литературы.* 1825. Кн. 12, № 5. С. 65, 90; Русский архив. 1900. № 9. С. 22.
- 56 *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 3. С. 201, 210, 211, 214—217.
- 57 Сын отчества. 1847. Ноябрь. С. 6; *Суворцов А. Г.* Указ. соч. С. 93.
- 58 *Желвакова И.* Из записок прошлого столетия // Прометей. М., 1972. 9. С. 209.
- 59 ОР ГБЛ. Ф. 297. Карг. 7. № 107. Л. 1.
- 60 *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.
- 61 Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим/С предисл. Искандера. Лондон, 1860.
- 62 *Желвакова И.* Указ. соч. С. 204—208.
- 63 Библиографические записки. 1858. № 6. С. 170.
- 64 Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. С. 59.
- 65 Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 72, 89.
- 66 Русский архив. 1884. № 1.
- 67 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 361—362; М., 1958. Т. 14. С. 296—300.
- 68 *Эйдельман Н.* «Идет куда-то...». С. 81.
- 69 Друг юношества. 1810. Янв. С. 8.
- 70 Записки князя Я. П. Шаховского, писанные им самим. М., 1810. Ч. 1. С. VI, VII.
- 71 *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1958. Т. 3. С. 149; *Степанов В. Н.* Неизвестная публикация главы «Клин» («Путешествия из Петербурга в Москву») в «Анекдотах русских» (1809) // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 429.
- 72 Вестник Европы. 1810. № 11. С. 230—231.
- 73 Сын отчества. 1817. № 45. С. 280.
- 74 *Греч Н.* О произведениях Русской словесности в 1817 году // Сын отчества. 1818. № 1. С. 5.
- 75 *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт и источниковед. изуч. М., 1980. С. 137—138.
- 76 ИДРДВ. Т. 2. 1801—1856, ч. 1. М., 1977; Ч. 2. 1978; Т. 5, ч. 2. М., 1989. См. Ч. 1. С. 6.
- 77 ИДРДВ. М., 1976. Т. 1.
- 78 *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 123—127.
- 79 Там же. С. 298—300.
- 80 Например: История русской литературы XVIII в.: Библиогр. указ. Л., 1968; История русской литературы XIX в. Библиогр. указ. Л., 1962; Указатели театральных мемуаров, сборники воспоминаний о русских писателях XIX в. и т. д. Не претендуя на исчерпывающую полноту учета, мы полагаем все же, что в таблицах представлено подавляющее большинство мемуарных публикаций, появившихся в русской печати дореформенной эпохи. Поэтому обнаружение каких-то новых, ранее не учтенных публикаций, не может сколько-нибудь заметно повлиять на результаты анализа таблиц.
- 81 Вятская калачница: (Отрывок из записок И. В. Лопухина, кн. 5) // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. № 40. С. 318—319.
- 82 Русский вестник. 1810. № 8/9.
- 83 *Свицинь П. П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1818—1819. Ч. 1—3; *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818—1819. Ч. 1—3. Книга В. Б. Броневского была переиздана в 1836—1837 гг.
- 84 ИДРДВ. Т. 2, ч. 1. № 1743, 1780.
- 85 Там же. № 1754, 1755, 1805.
- 86 Извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова: Кампания 1808 г.: Финляндия // Мнемозина. М., 1824. Т. 1. В более полном виде (но с цензурными изъятиями) Д. В. Давыдов поместил эти воспоминания в 1838 г. в «Сыне отчества» (Ч. 3).

- 87 Встреча с фельдмаршалом графом Каменским // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2; Встреча с великим Суворовым // Там же. 1835. Т. 11; Воспоминания о сражении при Прейсиш-Эйлау // Там же. 1835. Т. 12; Урок сорванцу // Там же. 1836. Т. 15; Тильзит в 1807 году // Сто русских литераторов. СПб., 1839. Ч. 1.
- 88 Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. СПб., 1840. Т. 1; Орлов Вл. Судьба литературного наследия Д. В. Давыдова // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19/21. С. 304—305; Давыдов Д. Избранное/Вступ. ст., сост. и коммент. А. Ильина-Томича. М., 1984. С. 343.
- 89 Русские писатели, 1800—1917: Биогр. слов. М., 1989. Т. 1. С. 347—351; Рейтблат А. Видок Филларин (История одной литературной репутации) // Вопр. лит. 1990. № 3. С. 73—101.
- 90 См., например: Встреча с Карамзиным // Альбом Северных муз: Альманах на 1822 год. СПб., 1828; Воспоминания о незабвенном А. С. Грибоедове. СПб., 1830; Театральные воспоминания моей юности // Пантеон русских и всех европей-ских театров. 1840. Ч. 1, Кн. 1; Воспоминания о Д. М. Княжевиче // Северная пче-ла. 1844. № 279; Воспоминания о А. И. Лорере // Булгарин Ф. В. Соч. СПб., 1844. Т. 5; Воспоминания о книгопродавце В. А. Плавильщикове // Там же; Воспоминания об И. А. Крылове // Северная пчела. 1845. № 8, 9; Поездка в Грузино в 1824 г. // Новоселье. СПб., 1846. Т. 3; Воспоминания об И. Н. Скобелеве. СПб., 1850; Воспоминания об В. А. Каратыгине // Северная пчела. 1853. № 64.
- 91 См., например: ИДРДВ. Т. 1. 839, 865; Т. 2, ч. 2. № 3234, 3247, 3559.
- 92 См., например: Там же. Т. 2, ч. 2. № 3118; Москвитянин. 1844. № 1, 9.
- 93 Отечественные записки. 1827. № 92; 1828. № 93—95.
- 94 Там же. № 92. С. 415—416.
- 95 См.: Эйдельман Н. «Быть может за хребтом Кавказа...» М., 1989. С. 187—188.
- 96 РО ИРЛИ. Ф. 527. № 101. Л. 4; Кавтарадзе А. Г. Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977. С. 97.
- 97 Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1962. Т. 2. С. 189—190.
- 98 Ениколоков И. Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1966. С. 103.
- 99 Современник. 1836. Т. 1. С. 304—305.
- 100 Военный журнал. 1857. № 6. С. 171—172.
- 101 Аластолов Н. Лев Толстой над страницами истории. М., 1828. Гл. VIII.
- 102 ЦГВИА. Ф. 494. № 32. Л. 3—4; № 24. Л. 1—15.
- 103 Военный журнал. 1857. № 1—6. Выдержка из них: «Взятие Эрзерума в 1829 году» была напечатана в «Древней и Новой России». 1877. № 7/8.
- 104 Военный журнал. 1857. № 6. С. 173—175.
- 105 Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 406; т. 9. С. 266 (Курсив мой. — А. Т.).
- 106 Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источни-коведение истории СССР. М., 1973. С. 397.
- 107 Там же. С. 398.
- 108 Данилов В. В. «Дедушка» русских исторических журналов // Исторический вестник. 1915. № 7. С. 109—120; Афиани В. Ю. Из истории русской археографии: Публ. ист. источников в «Отечественных записках» П. П. Свиньина (1818—1830) // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 89—97.
- 109 См., например: Отрывки их походных записок в Испанию флота лейтенанта В. Романова // Отечественные записки. 1820. № 3; Лесницкий Н. Генерал-фельд-маршал гр. П. А. Румянцев-Задунайский пред последнею турецкой войной... / Там же. 1825. № 26; Должиков П. Отрывок из походного дневника морского офицера // Там же. 1830. № 118.
- 109а Дмитриев С. С., Федоров В. А., Бовыкин В. И. История СССР: Период ка-питализма. М., 1961. С. 169.
- 110 Москвитянин. 1848. № 1/2.
- 111 Там же. 1841. № 1; 1842. № 1; 1844. № 1.
- 112 Там же. 1847. № 2.
- 113 Там же. 1851. № 5.
- 114 Там же. 1844. № 1.
- 115 ЦГИА СССР. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 1. № 877. Л. 1—3; Овчинников Р. В. Пуш-кин в работе над архивными документами: («История Пугачева»). Л., 1969. С. 181—184.
- 116 Москвитянин. 1841. Т. 3.
- 117 Там же. 1841. № 4; № 1; 1846. № 2.
- 118 Там же. 1846. № 9/10; 1951. № 21; 1852. № 20.
- 119 Там же. 1843. № 5, 6; 1844. № 1.
- 120 Там же. 1852. № 17, 18, 20; 1855. № 6.
- 121 Пекарский П. П. Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1855. № 4. С. 82.
- 122 Москвитянин. 1850. № 2.
- 123 Там же. 1853. № 5—8; 1854. № 1/2.

- 124 *Эйхенбаум Б. М.* С. П. Жихарев и его дневники // Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 639.
- 125 Москвитянин. 1853. № 23; 1854. № 1/2, 6, 12, 16.
- 126 Там же. 1851. № 3.
- 127 Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1979. Л., 1980. С. 63.
- 128 Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому, 1825—1874. СПб., 1901. С. 43, 114.
- 129 Москвитянин. 1844. № 11. С. 196.
- 130 *Дмитриев С. С.* Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 398.
- 131 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. С. 447, 462, 474; М., 1956. Т. 9. С. 306; // *Эйдельман Н. Я.* «И... факты, и слезы, и хохот, и теория» // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М., 1989. С. 256.
- 132 *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1954. Т. 1. С. 170—182, 257—316, 502—504, 511—514; Т. 8. С. 441—442; М., 1961. Т. 21. С. 85—86, 164, 172, 220, 262, 266, 282, 325—326, 342, 345; *Ланский Л. Р.* Неизвестные произведения и несуществующие замыслы Герцена // Там же. М., 1965. Т. 30. С. 850—854; «О себе»: Ранняя биографическая повесть/Исслед. и публ. А. Н. Дубовикова // Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 9—55; *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 60—61.
- 133 *Аксаков С. Т.* Семейная хроника и воспоминания. М., 1856; *Он же.* Детские годы Багрова внука. М., 1858; Разные сочинения С. Т. Аксакова. М., 1858.
- 134 *Исмаилов Ф. Ф.* Взгляд на собственную прошедшую жизнь. М., 1860.
- 135 *Пассек Т. П.* Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963. Т. 1—2; *Дубовиков А. Н.* Воспоминания Т. П. Пассек «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарева // Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 565—641.
- 136 См.: ИДРДВ. Т. 2, ч. 1. № 43, 83, 84, 363, 585. Ч. 2. № 2757.
- 137 Русский Архив. 1870. Ст. 1706—1707.
- 138 Там же. 1866. Ст. 1633.
- 139 Сочинения И. И. Дмитриева. СПб., 1895. Т. 2. С. 284.
- 140 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 358—359.
- 141 Исторический вестник. 1892. № 8. С. 293.
- 142 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. X, 248, 254; Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 428.
- 143 Русский вестник. 1866. № 10. С. 675, 678; Отечественные записки. 1866. № 24. С. 287—290; Русский инвалид. 1866. № 283. 5 нояб.; Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 313. 24 нояб.
- 144 Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 124.
- 145 Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 64; *Вяземский П. А.* Записные книжки, 1813—1848. С. 67—68, 220.
- 146 Русский архив. 1900. № 2. С. 184.
- 147 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. С. IX.
- 148 *Шевырев С. П.* Некрология Ивана Ивановича Дмитриева // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1837. № 44 (перепечатано из «Московских ведомостей»).
- 149 Исторический вестник. 1892. № 8. С. 293.
- 150 Там же. С. 293; Известия ОРЯС. 1901. Т. 6, № 4. С. 18.
- 151 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 361, 363—368, 374, 375, 391—393, 395.
- 152 Там же. С. 370.
- 153 Там же. С. 376—377.
- 154 Там же. С. 0164—0165.
- 155 ЦГИА СССР. Ф. 844. Оп. 2. № 676.
- 156 Исторический вестник. 1892. № 8. С. 293.
- 157 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 0160.
- 158 *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 312; Русский архив. 1900. № 3. С. 381—382.
- 159 Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л., 1960. С. 910.
- 160 Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 425.
- 161 Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 396; *Вацуро В. Э.* «Сверные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 97.
- 162 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 15. С. 62.
- 163 *Цявловский М. А.* Пушкин по документам Погодинского архива. // Пушкин и его современники. Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 119.
- 164 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1940. Т. 9, ч. 1. С. 79.
- 165 Там же. С. 147—148. См.: *Оксман Ю. Г.* От «Капитанской дочки» до «Записок охотника». Саратов, 1959. С. 52—54, 117—119.
- 166 Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 343.
- 167 Русский архив. 1868. Ст. 645.

- 168 Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 191—193; Остафьевский архив. Т. 3. С. 363.
- 169 Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 253—255.
- 170 Записки С. Н. Глинки. СПб., 1895.
- 171 См.: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в творчестве С. Н. Глинки // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 125—126.
- 172 Записки С. Н. Глинки. С. 2—3, 5, 18, 30, 177, 186—188; см. также письмо С. Н. Глинки к Ф. Н. Глинке от 10 марта 1834: ЦГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. № 220. Л. 3—4.
- 173 Современник. 1865. № 9. С. 218.
- 174 Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 341.
- 175 Записки С. Н. Глинки. С. 349.
- 176 Русский архив. 1899. № 5. С. 88; 1900. № 3. С. 356—357.
- 177 Записки С. Н. Глинки. С. 30, 355—356; ЦГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 220. Л. 3—4.
- 178 ИРЛИ. 28. 002. Л. 4; Записки С. Н. Глинки. С. 364—365.
- 179 Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 327.
- 180 Северная пчела. 1844. 12 авг.
- 181 Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 415.
- 182 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949. Т. 16. С. 98, 387.
- 183 Там же. С. 97; Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. М.; Л., 1937. С. 237.
- 184 Пушкин. Письма/Под ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 391.
- 185 Дневник Пушкина, 1833—1835/Под ред. и с объясн. примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. III.
- 186 Дурьлин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943. С. 27.
- 187 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 16. С. 440; То же. Справочный том. С. 164.
- 188 Пушкин А. С. Письма последних лет, 1834—1837. Л., 1969. С. 384.
- 189 Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 102.
- 190 Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. С. 266.
- 191 ЦГАЛИ. Ф. 1051; ОР ГПБ. Ф. 191.
- 192 Часть их попала в руки его сына — Василия Глинки и А. В. Никитенко (ОР ГПБ. Ф. 874. № 7. Л. 125; РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 669. Л. 1; Вестник Европы. 1872. № 9. С. 239).
- 193 Базанов В. Г. Поэтическое наследие Федора Глинки // Глинка Ф. Избранное. Петрозаводск, 1949. С. 341.
- 194 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 653—658, 660—663, 665.
- 195 Там же. № 654, 655, 656, 662.
- 196 ОР ГПБ. Ф. 191, № 1.
- 197 Часть первая (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 654, Л. 1—44 об.; ОР ГПБ. Ф. 191. № 1. Л. 23—40) охватывала период от рождения автора до 1785 г.; часть вторая (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 655. Л. 1—65; № 662. Л. 1—46 об.) — от 1785 до 1795 г.; часть третья (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Л. 656. Л. 1—54. об.; ОР ГПБ. Ф. 191. № 1. Л. 8—18), как указано автором в ее названии, — от 1795 до 1806 г.
- 198 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 654. Л. 1 (Курсив мой. — А. Т.).
- 199 ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 27. № 200. Л. 9.
- 200 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 656. Л. 1; ОР ГПБ. Ф. 191. № 1. Л. 12.
- 201 ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 27. № 200. Л. 9. № 76—80.
- 202 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 654. Л. 8, 12 об.
- 203 ЦГВИА. Ф. ВУА. № 3379. Л. 47 об., 48 об. (Курсив мой. — А. Т.).
- 204 ОР ГБЛ. Ф. 233. Карт. 21. № 41. Л. 13.
- 205 ЦГВИА. Ф. ВУА. № 3379. Л. 48. РО ИРЛИ. Ф. 527. № 63. Л. 1.
- 206 Северная пчела. 1837 г. 14 янв. В делах Петербургского цензурного комитета (ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 2. № 200. Л. 52) значится выпуск к печати 6 декабря 1836 г. «Объявления на подписку на Записки Сергея Глинки в шести частях» — очевидно, того самого, которое месяц спустя и было напечатано в «Северной пчеле».
- 207 Русский вестник. 1865. № 7. С. 205.
- 208 Московский альманах для юных русских граждан. М., 1830. С. 104—124.
- 209 РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 848.
- 210 Вестник Европы. 1872. № 9. С. 239.
- 211 ОР ГБЛ. Ф. 233. Карт. 21. № 38.
- 212 Записки С. Н. Глинки. СПб., 1895. Тит. л.
- 213 Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. С. 490—505; Тартаковский А. Г. Указ. Соч. С. 45—46, 130—131.
- 214 РО ИРЛИ. Ф. 527. № 63. Л. 1.

- 215 ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. № 997. Л. 12.
- 216 И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 191—193, 426.
- 217 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 513.
- 218 Там же. Т. 10. С. 329, 336, 339; *Он же*. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15. С. 7; Рукон Пушкина. С. 639; Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 251; *Смирнова А. О.* Записки, дневники, воспоминания, письма. М., 1929. С. 309; *Эйдельман Н.* Воспоминания П. В. Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину // Прометей. Вып. 10. М., 1974.
- 219 ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1732. Л. 4.
- 220 Русский архив. 1896. № 5. С. 103.
- 221 *Кочи Ф.* Придворная труппа актеров императора Наполеона в Москве в 1812 году // Пантеон русских и всех европейских театров. 1840. Ч. 1. Отд. 2. С. 108—122; *Он же*. Воспоминания о московском театре при М. Е. Медоксе. (Почерпнуто из неизданных записок С. Н. Глинки и из устных рассказов старожилов) // Там же. С. 89—102. В конце «Воспоминаний» Ф. Кочи отмечал: «Долгом позिताем благодарить почтенного Нестора Московской литературы, С. Н. Глинку, за доставление нам любопытных материалов для статьи, которые без сомнения и по отпечатании записок будут прочтены с удовольствием» (С. 102).
- 222 ЦГИА СССР. Ф. 772. Оп. 1. № 1603. Л. 3.
- 223 РО ИРЛИ. Ф. 46. № 6. Л. 1.
- 224 Екатерина Вторая на родине моих отцов: (Из моих исторических и частных записок) // Русский вестник. 1841. № 8. С. 428—433; Добро от слова: ты, и беда от денег и поручений: (Воспоминания из моих частных и исторических записок) // Там же. № 9. С. 533—544; Я. Б. Княжнин: (Из записок С. Н. Глинки) // Репертуар русского театра на 1841 год. Кн. II Февр. С. 58—68; Первое свидание с Державиным: (Из моих записок) // Современник. 1844. Т. 34. С. 149—153; Корпусные воспоминания: (Из записок С. Н. Глинки) // Прибавления к журналу Министерства народного просвещения. 1845. Кн. 1. С. 3—28.
- 225 Воспоминание: Из записок издателя Русского чтения Сергея Глинки. СПб., 1846.
- 226 Русский вестник. 1863. № 4; 1865. № 7; 1866. № 1, 3, 5, 7; 1867. № 12.
- 227 Вестник Европы. 1872. № 9.
- 228 Современник. 1865. № 9; Русское слово. 1861. № 4.
- 229 ОР ГБЛ. Ф. 231. П. 8. Л. 20 об.
- 230 ОР ГПБ. Ф. 874. № 7. Л. 125.
- 231 Там же. Ф. 191. № 3; РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 668.
- 232 Русская старина. 1874. № 4 (обложка).
- 233 *Булгарин Ф. В.* Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846—1849. Ч. 1—6.
- 234 Сын Отечества. 1847. Т. II, № 5. С. 28, 30.
- 235 Северная пчела. 1846. 4 июля.
- 236 Современник. 1847. № 2. С. 142—143 (Курсив мой. — А. Т.).
- 237 *Белинский Б. Г.* Полн. собр. соч. М., 1855. Т. 9. С. 613—614. Т. X. С. 86.
- 238 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 313.
- 239 Прошедшее и настоящее: Из записок князя Ю. Н. Голицына. СПб., 1870. С. 1 (Курсив мой. — А. Т.).
- 240 Исторический вестник. 1880. № 1—3.
- 241 Вестник Европы. 1899. № 3/4.
- 242 Русский архив. 1900. № 7. С. 265.
- 243 *Булгаков А. Я.* Разговор неополитанского короля Мюрата с генералом графом М. А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 г. // Москвитянин. 1843. № 2; *Он же*. Воспоминания о 1812 году и вечерних беседах у гр. Ф. В. Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7.
- 244 Старина и новизна. 1917. Кн. 22.
- 245 ЦГАЛИ. Ф. 79. № 4—19.
- 246 ОР ГПБ. Ф. 536. Ф. 506. См.: Русский архив. 1900. № 7. С. 265; *Герасимова Ю. И.* Архив Булгаковых // Записки ОР ГБЛ. М., 1968. Вып. 30. С. 6—7; *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825—1826 гг.) как источник по истории восстания декабристов // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979.
- 247 Старина и новизна. Кн. 22. С. 102—106.
- 248 Там же. С. 106.
- 249 Библиографические записки. 1858. № 10. С. 293.
- 250 *Герасимова Ю. И.* Архив Булгаковых // Записки ОР ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 8, 9, 12, 14—16.
- 251 Библиографические записки. 1858. № 18. С. 550.
- 252 Там же. № 10. С. 291, 293.
- 253 *Кунин В. В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 205—321.
- 254 Библиографические записки. 1858. № 10. С. 291—292.
- 255 *Исмаилов Ф. Ф.* Взгляд на собственную прошедшую жизнь. М., 1860. С. 3.

- 256 Современник. 1860. № 5. Отд. III. С. 67.
- 257 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 699—700.
- 258 Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 146—149.
- 259 Там же. С. 150—268.
- 260 Там же. С. 302.
- 261 Там же. С. 298.
- 262 Рассказ москвича о Москве во время пребывания в ней французов в первые три недели сентября 1812 года // Чтения в МОИДР. 1859. Кн. II. Отд. 3. С. 93—114.
- 263 Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 139, 300—303.
- 264 Штейнгель В. И. Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812—1813 годах... М., 1815. Т. 2. С. 183.
- 265 Раевский А. Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 1822. Ч. 1. Посвящение.
- 266 Штейнгель В. И. Указ. соч. СПб., 1814. Т. 1. С. III—V.
- 267 Раевский А. Ф. Указ. соч. Ч. 1. Посвящение.
- 268 Жерве В. Партизан-поэт Д. В. Давыдов. СПб., 1913. С. 95.
- 269 Военный журнал. 1817. Кн. 5. С. 58; 1818. Кн. 6. С. 31.
- 270 Старина и новизна. Кн. 22. 1917. С. 27.
- 271 ЦГВИА. Ф. 194. № 9.
- 272 Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 525—526.
- 273 Тартаковский А. Г. Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 2, 15, 21, 22, 24, 27, 29, 35, 36.
- 274 Жданов П. Памятник французам или приключения Московского жителя П... Ж... СПб., 1813. С. 1; Корбелецкий Ф. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной... СПб., 1813. С. 65.
- 275 Маслов С. Путешествие в Москву во время пребывания в оной до французов. М., 1813. С. 5.
- 276 Московский телеграф. 1831. № 7. С. 378; № 15. С. 380.
- 277 Бумаги Шукина. М., 1903. Ч. VII. С. 284.
- 278 Русские сцены из Отечественной войны 1812 года: Записки корнета Бесмертного гусарского полка. СПб., 1837. Т. 1. С. V.
- 279 Тартаковский А. Г. Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 101, 102, 104, 107, 111, 121, 122, 127, 139, 148.
- 280 ЦГВИА. Ф. 194. № 19, 20.
- 281 Там же. № 21 См.: Давыдов Д. Военные записки. М., 1940. С. 159—327, 433; Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1893. Т. 1. С. 124—247.
- 282 Тартаковский А. Г. Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 199, 200, 201, 205, 211—213, 215, 216.
- 283 Сын отечества. 1813. № 42. С. 155.
- 284 Тартаковский А. Г. Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 16, 21, 26, 28, 30, 31, 48.
- 285 Русский вестник. 1890. № 9. С. 146.
- 286 Глинка С. Записки о Москве и заграничных происшествиях... М., 1837. С. 69; Русский вестник. 1841. № 7. С. 16 (Курсив мой.— А. Т.).
- 287 Русская старина. 1897. № 6. С. 454.
- 288 Подробнее см.: Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 164—168, 175—178.
- 289 Русская старина. 1900. № 10. С. 217; РО ИРЛИ. Ф. 527. № 128. Л. 464; № 101. Л. 2, 7—8; № 128. Л. 464; ОР ГПБ. Ф. 488. № 32. Л. 105, 139; ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1; № 6091. Л. 210, 242—243.
- 290 Отечественные записки. 1820. № 1. С. 84—86.
- 291 Чтения в МОИДР. 1874. Кн. II. Смесь. С. 113, 114, 116, 119, 121.
- 292 Московский телеграф. 1831. № 4/5.
- 293 Тартаковский А. Г. Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 41, 90, 93, 101, 103, 104, 107, 110, 111, 144.
- 294 Русская старина. 1900. № 10. С. 215—216.
- 295 Современник. 1836. Т. IV. С. 5—31.
- 296 Записки, мнения, переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. I. С. 1, 10; Т. II. С. 1; Чтения в МОИДР. 1869. Кн. II. Отд. 2. С. 1; Исторические сочинения В. Стоюнина. СПб., 1880. Т. 1. А. С. Шишков. С. 371.
- 297 Записки, мнения, переписка... Т. I. С. 1.
- 298 Там же. С. 143.
299. Русский архив. 1873. Т. 1. С. 960.
- 300 Пышин А. Н. Очерки литературы и общественной при Александре I. Пг., 1917. С. 235; Межов В. Русская историческая библиография за 1865—1876 включительно. СПб., 1882. Т. 1. С. 170; Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 143.
- 301 Щебальский П. А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. № 11. С. 251—254.

- 302 Записки, мнения, переписка... Т. II. С. 276.
 303 *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 94.
 304 ЦГИА СССР. Ф. 772. Оп. 1. Ч. I. № 258. Л. 1.
 305 Записки, мнения, переписка... Т. I. С. 120—121.
 306 Там же. С. 125—127, 139—150, 152, 160—162, 173—179, 208—210,
 235—237, 245—248, 288—291, 292, 303—309; Т. 2. С. 7, 26, 32, 46, 92, 149, 144,
 187, 204, 262, 263, 269.
 307 Краткие записки адмирала А. Шишкова... СПб., 1831. С. 32, 80—91, 201,
 261—252; Записки, мнения, переписка... Т. I. С. 127, 151, 176, 243, 285.
 308 Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 256. 31 окт.
 309 *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 107—108.
 310 Исторический вестник. 1890. № 10. С. 157.
 311 ОР ГПБ. Ф. 488. № 44. С. 101.
 312 Исторический вестник. 1892. № 7. С. 53.
 313 ИДРДВ. Т. 1, ч. 1. № 49.
 314 ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. № 17 538. Л. 79.
 315 *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. Приложения. Перечень 1. № 101, 102, 104.
 316 Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 210.
 317 *Брант Л.* О жизни и сочинениях А. И. Михайловского-Данилевского // Ми-
 хайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 32.
 318 *Глинка С. Н.* Записки о 1812 году. СПб., 1836. С. VI—VII; ИРЛИ. Ф. 265.
 Оп. 2. № 654. Л. 12—13 об.
 319 *Глинка С. Н.* Указ. соч. С. XIV.
 320 Русский архив. 1886. № 5. С. 103.
 321 Русская старина. 1889. № 5. С. 341—342.
 322 ОР ГПБ. Ф. 191. № 27. Л. 1, 21.
 323 Там же. № 7.
 324 *Дмитриев С. С.* Воспоминания, дневники, частная переписка. С. 396—397.
 325 Там же. С. 397.
 326 *Глинка С.* Орывки из моих записок и мысли об истории русского народа //
 Московский альманах для юных русских граждан. М., 1830. С. 115—116.
 327 *Дмитриев С. С.* Указ. соч. С. 398.
 328 *Тартаковский А. Г.* У истоков русской историографии 1812 года. // И-
 стория и историки. Историографический ежегодник. 1978. М. 1981. С. 86—89,
 94—95.
 329 *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 46—51,
 215—216.
 330 Подпольная поэзия 1770-х — 1790-х годов. Публикация Г. Гуковского и В.
 Орлова. // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9/10. С. 5—97; *Рейсер С. А.* В
 борьбе за свободное слово // Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков. Л., 1988. Т.
 1. С. 5—45.
 331 *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1907. Ч. 1. С. 50.
 332 *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведе-
 ния. М., 1952. Т. 1. С. 415—416.
 333 *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 249; Десят-
 надесятый век. Исторический сборник. М., 1872. Кн. 2. С. 114.
 334 Русский заграничный сборник. Лейпциг, 1858. Тетрадь V; Чтения в МО-
 ИДР. 1860. Кн. 3. Отд. 5. С. 155—166; 1864. Кн. 2. Отд. 5. С. 171—184.
 335 *Дмитриев М. А.* Указ. соч. С. 249.
 336 ЦГИА СССР. Ф. 1661. № 66. Л. 10; ЦГАДА. Госархив. Разряд XXXI. № 97.
 Л. 1—2; Разряд XI. № 1170. Л. 6 об.; ОР ГБЛ. Ф. 231. II. 28. 40. Л. 19.
 337 ОР ГБЛ. Ф. 53. № 6364. Л. 41—61; ОР ГПБ. Ф. 73. № 301; РО ИРЛИ. Ф.
 265. Оп. 2. № 4545 — 4548; ЦГАДА. Ф. 1406. № 998.
 338 Русский архив. 1869. Ст. 759.
 339 Там же. 1901. № 5. С. 83.
 340 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 510. Л. 1 об.; Ф. 527. № 59. Л. 3.
 341 Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герце-
 на и Н. П. Огарева. М., 1971. Кн. 3. С. 123—126.
 342 РО ИРЛИ. Ф. 527, № 131. Л. 136.
 343 Исторический сборник Вольной русской типографии... Кн. 3. С. 125—127.
 344 Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 307—308, 438—439.
 345 Русский архив. 1889. № 9. С. 67—68.
 346 А. П. Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным.
 М., 1864. С. 422, 447—448.
 347—348 *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. Приложение. Перечень I, № 67.
 349 А. П. Ермолов. Материалы для его биографии. С. 447; *Пушкин А. С.* Полн.
 собр. соч. В 16 т. 1948. Т. XV. С. 58.
 350 Русский архив. 1889. № 9. С. 68.
 351 А. П. Ермолов. Материалы для его биографии. С. 447; Московские ведомо-
 сти. 1866. № 194.

- 352 См., например: История СССР в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный каталог с конца XVIII в. по 1917. Л., 1975. Вып. 1. № 180—188; Путеводитель по Архиву ЛОИИ. М.; Л., 1958. С. 280.
- 353 А. П. Ермолов. Материалы для его биографии. С. 447.
- 354 ОПИ ГИМ. Ф. 231. № 3. Л. 9.
- 355 Сборник РИО. Т. 73. С. 438.
- 356 Записки А. П. Ермолова. М., 1863. С. 1.
- 357 ЦГАОР СССР. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. № 78; Записки императрицы Екатерины II. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. V—VIII; *Эйдельман Н.* Мемуары Екатерины II — одна из раскрытых тайн самодержавия. // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 149—160; Русский архив. 1907. № 7. С. 421; А. П. Ермолов. Материалы для его биографии. С. 423.
- 358 РО ИРЛИ. Ф. 309. № 2001.
- 359 Записки императрицы Екатерины II. С. VII.
- 360 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 327—329.
- 361 ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1492; Архив ЛОИИ. Ф. 36. № 750—752.
- 362 Русский архив. 1906. № 9. Обложка; Архив бр. Тургеневых. Пг. 1921. Вып. 5. С. 305.
- 363 Дневник Пушкина. 1833—1835. М.; Пг., 1923. с. 25, 234—235; *Теребенина Р. Е.* Копия «Записок Екатерины II» из архива Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С. 8—19.
- 364 Русский архив. 1906. № 9. Обложка.
- 365 Дневник Пушкина. 1833—1835. С. 234.
- 366 Оснадцатый век. М. 1868. Кн. 1. С. 5; Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII. С. 732—735, 738; *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30 т. Т. XIII. С. 379.
- 367 Более поздняя копия извлечений: ОПИ ГИМ. Ф. 342. № 54; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 275, 277; *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. С. 168—169.
- 368 Остафьевский архив кн. Вяземского. СПб., 1899. Т. 2. С. 45—46.
- 369 Там же. С. 56.
- 370 РО ИРЛИ. Ф. 309. № 1012; Русский архив. 1901, № 1. С. 55—56; № 12. С. 504, 408; Остафьевский архив кн. Вяземского. Т. 2. С. 49. 193; Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 170, 171.
- 371 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 270, 273, 275.
- 372 ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. № 1230, Л. 5.
- 373 РО БАН. Ф. 57. № 47. 17. 16. 12.
- 374 ЦГАДА. Ф. 181. Оп. 12. № 1168; РО ИРЛИ. Разряд II. Оп. 1. № 470.
- 375 ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. № 1230. Л. 3; РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 898. Л. 117; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16 т. Т. XV. С. 48, 113.
- 376 ОР ГПБ. Ф. 550. Ф. IV. № 666; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. № 360.
- 377 ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 125.
- 378 *Сушков Н. В.* Нечто о кантате. // Москвитянин. 1844. № 11. Смесь. С. 34.
- 379 Записки С. Г. Волконского (декабриста). СПб., 1902. С. 141—142.
- 380 Русский архив. 1893. № 7. С. 191—193; *Эйдельман Н.* Записки Беннигсена // Встречи с книгой. М., 1979. С. 301—345.
- 381 ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 87; № 251. Л. 1; *Эйдельман Н.* Указ. соч. С. 322—323.
- 382 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 742. Л. 1; *Вел. кн. Николай Михайлович.* Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. 3. С. 16—17; Дневник Пушкина. 1833—1835. С. 62—63.
- 383 *Кононов Ю. Ф.* Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 284, 289.
- 384 Русский архив. 1906. № 9. Обложка; ЦГАДА. Госархив. Разряд I. Оп. 1/1. № 20.
- 385 РО ИРЛИ. Ф. 309. № 1059. 127. Л. 1; ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 997. Л. 1 и об.; *Теребенина Р. Е.* Указ. соч. С. 13—14.
- 386 Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 350.
- 387 ЦГВИА. Ф. 1/Л. 1812. № 3774. Ч. 1. Л. 2—50.
- 388 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 742. Л. 1.
- 389 *Вацуро В., Гиллельсон М.* Сквозь «умственные платины». М., 1986. С. 342—343; ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. № 547. Л. 1—3; № 552. Л. 1; № 856. Л. 5; Ф. 772. Оп. 1. Ч. 1. № 1605. Л. 1—2.
- 390 ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. № 1230. Л. 15; № 1389. Л. 1—14; Оп. 27. № 197. Л. 51; ОР ГПБ. Ф. 679. № 31. Л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица I. Воспоминания XVIII в.*

П/п №	Автор, произведение	Годы жизни	Состояние профес- с. положение	Жанр	Временной охват собы- тиями	Время созда- ния	Первая пуб- ликация		Разрыв во време- ни между созда- нием и первой публикацией	
							XVIII в.	XIX—XX вв.		XVIII в.
1	Б. И. КУРАКИН Военная хитрость царя Пет- ра Алексеевича под Нарвой 8 июня 1704 г. I, № 283	1676— 1727	Двор., кн., гос. деят.	Записки о событиях	1704	1704	—	1892	—	188
2	Б. И. КУРАКИН Жизнь кн. Б. И. Куракина, им самим описанная I, № 244(1)			Автобиогра- фия	1676—1710	1705—1710	—	1890	—	185
3	Б. И. КУРАКИН Записки... о пребывании в Анг- лии... I, № 244(2)			Записки о событиях	1710—1712	1712	—	1892	—	180
4	И. А. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ Дневные записки I, № 235	1638— после 1709	Гос. деят., двор.	Записки о событиях	1682—1709	1710—егг.	1787	1844	Ок. 70	Ок. 125

* В таблицах I и II мемуарные произведения расположены по времени их создания с указанием соответствующих номеров в томах I, II и V, ч. 2 ИДРДВ, вновь же выделенные — приведены в подстрочных примечаниях.

Таблица I (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Словесно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией
							№	Год	
5	А. А. МАТВЕЕВ Записки I, № 225	1666— 1728	Гос. деят., двор.	Записки о событиях	1680—1690	После 1716 ^{м*}	1787	1841	Ок. 70 Ок. 125
6	ПЕТР I Рассказ о начале кораблестроения в России I, № 257	1672— 1725	Император	Записки о событиях	1690-е гг.	1720	—	1858	— 138
7	М. ЖДАНОВ Встреча с Петром Великим I, № 260	Не установлен.	Духов. зв.	Записки о событиях	1720	1720	—	1852	— 132
8	Б. И. КУРАКИН Гистория о царе Петре Алексеевиче ^{1*}	—	—	Записки о событиях	1682—1694	1723—1727	—	1890	— 167
9	Ф. ПРОКОПОВИЧ Краткая повесть о смерти Петра Великого I, № 255	1681— 1736	Гос. деят.	Записки о событиях	1725	1725	1725	1819	0 94
10	А. К. НАРТОВ Достопамятные повествования и речи Петра Великого I, № 254	1680— 1756	Двор.	Записки о событиях	1698—1715	1727	—	1819	— 92

* Архив ин. Ф. А. Куракина, СПб., 1890, т. 1, с. 39—78.

Таблица I (продолжение)

№ п/л	Автор, произведение	Годы жизни	Сослотно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							№	Год		
41	Б. К. МИНИХ Дневник I, № 253	1683— 1767	Иностр. на рус. сл., гос. деят.	Автобио- графия	1683—1721	После 1727	—	1880	—	Ок. 130
42	Ф. ПРОКОПОВИЧ История об избрании и воспе- ствии на престол... импера- трицы Анны Ивановны, само- держцы всероссийской I, № 330			Записки о событиях	1727—1730	Нач. 1730-х гг.	1737	1830	Ок. 5	Ок. 100
43	А. А. ЯКОВЛЕВ Выписка из журнала А. А. Яковлева, находившего- ся при императоре Петре Ве- ликом во время сражения под Прутом, в 1711 г. I, № 290	Ум. пос- ле 1741	Двор.	Записки о событиях	1711	1730-е гг.	—	1824	—	Ок. 95
44	И. М. ГРЯЗНОВО Записная книга... I, № 348	Р. 1702	Двор.	Автобио- графия	1702—1753	1730—1753	—	1907	—	177
45	И. И. КАШИН Поступки и забавы императора Петра Великого I, № 252	Не уста- новл.	Двор.	Записки о событиях	1717—1725	1736—1750	—	1808	—	72

Таблица I (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Словесно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией
							а	б	
							III-X	XVIII в., XIX—XX вв.	
16	АРСЕНИЙ (А. И. МАЦЕВВИЧ) Автобиографическое показание I, № 355 в.	1697— 1772	Духов. зв.	Деловой док.	Нач. XVIII в.— 1738	1738	—	—	131
17	А. Ф. ШЕСТАКОВА Анна Ивановна во внутренних своих покаях I, № 333 ф	Не установлена.	Двор.	Записки о событиях	1738	1738	—	—	134
18	Г. П. ЧЕРНЫШЕВ Записки II, № 258	1672— 1745	Двор., гр., гос. деят.	Автобиография	1672—1739	Конец 1730-х — нач. 1740-х гг.	—	—	Ок. 130
19	В. В. ГОЛОВИН Записки бедной и суетной жизни человеческой I, № 241	1696— 1781	Двор.	Автобиография	1696—1733	1740— 1750-е гг.	—	—	Ок. 100
20	Описание самовидцем торжества, происходившее в С.-Петербургe 22 октября 1721 в. в царствование Петра Великого... I, № 286	Не установлена.	Не установлена.	Записки о событиях	1721	1740— 1750-е гг.	—	—	Ок. 100
21	К. Г. МАНШТЕЙН Записки о России I, № 319	1714— 1757	Иностран. на рус. сл.	Записки о событиях	1727—1744	2-я пол. 1740-х гг.	—	—	Ок. 60

Таблица I (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							а	б		
							а	б	ХVIII в.	ХIX—XX вв.
22	ИОСАФ (И. А. ГОРЛЕНКО) Путешествие в свете сём грешника Иоасафа...	1705— 1754	Духов. зв.	Автобио- графия	1705—1746	Конец 1740 —нач. 1750-х гг.	—	1907	—	157
23	Э. МИНИХ Записки гр. Э. Мниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих...	1707— 1758	Иностран. на рус. сл.	Записки о событиях	1717—1741	1758	—	1817	—	59
24	Э. БИРОН Обстоятельства, приговорившие опалу Э. И. Бирона, Курляндского	1690— 1772	Иностран. на рус. сл., гос. деят.	Записки о событиях	1730—1742	1750-е гг.	—	1829	—	Ок. 70
25	В. А. НАЩОКИН Записки	1707— 1760	Двор.	Автобио- графия	1707—1759	1759—1760	—	1830	—	71
26	Записка о том, сколько я па- мятую о Крымских и Турецких походах	Не уста- новл.	Двор.	Записки о событиях	1737—1739	1750— 1760-е гг.	—	1878	—	Ок. 120
27	П. И. РЫЧКОВ Записки	1742— 1777	Купец	Автобио- графия	1712—1777	1761—1771	—	1905	—	144

Таблица I (продолжение)

п/п №	Автор, произведение	Годы жизни	Состояние професс. положение	Жанр	Премьшой охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв по времени между созданием и первой публикацией	
							в	в		
28	Д. В. ВОЛКОВ Автобиографические записки I, № 361	1718—1785	Двор.	Частное письмо	1761—1762	1762	—	1874	—	142
29	Похождения известных Пепербургских действ I, № 424	Не установлен.	Не установлен.	Записки о событиях	1762	1760-е гг.	—	1869	—	Ок. 100
30	Б. МИНИХ Записки фельдмаршала гр. Миниха I, № 320	Не установлен.	Не установлен.	Записки о событиях	1720—1761	1763—1766	—	1842	—	79
31	Б. МИНИХ Известия фельдмаршала гр. Миниха о Ладожском канале I, № 297	Не установлен.	Не установлен.	Записки о событиях	1723	1765	—	1818	—	53
32	Н. Ю. ТРУБЕЦКОЙ Журнал собственный к Н. Т. по возвращении в 1717 г. из немецкой земли V, ч. 2, № 49	1699—1767	Двор., кн., гос. деят.	Автобиография	1719—1763	1763—1767	—	1870	—	107
33	Н. Б. ДОЛГОРУКАЯ Записки I, № 323	1714—1771	Двор., кн.	Автобиография	1720—1730-е гг.	1767	—	1810	—	43

Таблица I (продолжение)

№	Автор, произведения	Годы жизни	Состояние професс. поколения	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв по времени между созданием и первой публикацией	
							№	Год		
34	Ф. И. СОЙМОНОВ Из записок I, № 324	1682— 1780	Двор., гос. деят.	Автобио- графия	1730—1757	1760— 1770-е гг.	—	—	Ок. 120	
35	И. И. КУЛИБИН Автобиография I, № 799	1735— 1818	Купец	Делов. док.	1752—1768	1769	—	—	76	
36	И. Б. ПЕНЯГИН Ресур вшей достопамятных, случившихся с 1769 году I, № 484	1745— 1814	Духов. зв.	Автобио- графия	1769—1805	1769—1805	—	—	147	
37	Выпись из дневных записок од- ного русского путешествен- ника по Балтийском и Средиз- земном море...**	Не уста- новл.	Двор.	Записки о событиях	1769—1770	1770—1771	1772	—	2	—
38	И. И. НЕПЛУЕВ Записки I, № 246	1693— 1773	Двор.	Автобио- графия	1693—1773	1770—1773	1797	1823— 1826	27	53
39	И. О. ОСТРОЖСКИЙ- ЛОХВИЦКИЙ Описание жатки, дел, бедствий и разных приключений... I, № 461	1749— 1825	Двор.	Автобио- графия	1771—нач. 1820-х гг.	1770— 1825-е гг.	—	—	—	140

** Старина и новина. СПб., 1772, Ч. 1.

{Таблица I (продолжение)}

№	Авт. р. / Проведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охв. событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией
							в IIIAX	в XIX—XX вв.	
40	Н. И. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Описание Чумного бунта в Москве в 1771 г. ^{3*}	1737—1814	Двор.	Частное письмо	1771	1771	—	—	89
41	Письмо очевидца о бунте в Москве во время чумы 15 и 16 сентября 1771 года... V, ч. 2, № 57	Не установлен.	Духов. зв.	Частное письмо	1771	1771	—	—	119
42	П. А. АЛЕКСЕЕВ Описание московского бунта 1774 года сентября 15 дня I, № 500	1787—1801	Духов. зв.	Записки о событиях	1771	1771	—	—	92
43	ВАРФОЛОМЕЙ Описание Чумного бунта в Москве в 1771 г. ^{4*}	Не установлен.	Духов. зв.	Частное письмо	1771	1771	—	—	89
44	Записки очевидца о Московском восстании 1771 г. V, ч. 2, № 55	Не установлен.	Не установлен.	Записки о событиях	1771	1771	—	—	210
45	Ф. В. КАРЖАВИН О бунте московском очевидное известие подоконченное V, ч. 2, № 56	1745—1812	Купец	Записки о событиях	1771	1771	—	—	105

* Русское слово. 1860. № 11. С. 257—263; Черниговские епархиальные известия. 1862. 15 июня. С. 440—451; Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. III. С. 303—310.

** Русское слово. 1860. № 11. С. 263—265.

Таблица I (продолжение)

П/Н №	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							а	б		
							III A X	I б X X X	XVIII в. XIX—XX вв.	
46	Краткое описание народного смутения, начавшегося сентября 15 дня 1771 года в Москве... ^{6*}	Не установлена.	Двор.	Записки о событиях	1771	1771	—	1834	—	63
47	Описание о чуме и о бывшем в Москве народном смутении... I, № 502	Не установлена.	Духов. зв.	Записки о событиях	1771	1771	—	1880	—	109
48	М. В. ДАНИЛОВ Записки I, № 322а	1722 — после 1790	Двор.	Автобиографии	1722—1771	1771—1789	—	1842	—	71
49	ЕКАТЕРИНА II Записки I, № 436	1729—1796	Императрица	Автобиографии	1730—1759-е гг.	1771—сер. 1790-х гг.	—	1858	—	87
50	Я. П. ШАХОВСКОЙ Записки I, № 324	1705—1777	Двор., кн., гос. деят.	Автобиографии	1705—1766	1772	—	1808	—	36
51	МЕФОДИЙ Тетрадь описания подлинного I, № 357	Ум. 1776	Духов. зв.	Слов. док.	1731—1758	1773	—	1899	—	126

* Заполжский муравей. 1834. № 7. С. 397—402.

Таблица I (продолжение)

П/п №	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							№	Изд.	гг.	в.
52	Д. СЛОУАРСКИЙ Записки писаря Киевского магистрата... о киевских событиях с 1734 по 1778 год V, ч. 2, № 32	Р. 1718	Духов. зв.	Автобиография	1734—1776	Сер. 1770-х гг	—	1885	—	410
53	С. И. МОРДВИНОВ Родословие фамилии адмирала Мордвинова I, № 350	1701—1777	Двор.	Автобиография	1714—1777	Сер. 1770-х — 1777 гг.	—	1868	—	Ок. 90
54	О Пугачеве. Его злодейских поступках V, ч. 2, № 61	Не установлен.	Не установлен.	Записки о событиях	1773—1774	1774	—	1973	—	199
55	А. П. КРЫЛОВ Оборона крепости Янка от партии мятежников I, № 510	1737—1778	Двор.	Частное письмо	1773	1774	—	1824	—	50
56	П. ЛЮБАРСКИЙ Известие о злодейском нашествии на город Казань бунтовщика Емельяки Пугачева I, № 507 **	Не установлен.	Духов. зв.	Частное письмо	1774	1774	—	1830	—	56

** Казанский вестник. Приложение. 1830. № 26. 216—217; № 27. С. 223—226.

Таблица I (продолжение)

Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Времени создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией
						в	в	
						И	И	XVIII в.
						III	IV	XIX—XX вв.
57 И. ОСИПОВ Прибавление о разбоинке и самозванце Пугачеве I, № 511	1726 — после 1815	Духов. зп.	Записки о событиях	1773—1774	1774	—	1940	—
58 И. С. ПОЛЯНСКИЙ Известия о самозванце Пугачеве I, № 514	1744— 1795	Духов. зв.	Записки о событиях	1772—1773	1774	—	1940	—
59 Г. Ф. МИЛЛЕР Описание моих служб V, ч. 2, № 76	1705— 1783	Иностран. на рус. сл.	Записки о событиях	1725— 1770-е гг.	1775	—	1889	—
60 Описание внутреннего в некой части России смутения и разорения от самозванца Емельки Пугачева... V, ч. 2, № 63	Не установлен.	Не установлен.	Записки о событиях	1774	2-я пол. 1770-х гг.	—	1904	—
61 А. В. ПАПАВ Против Пугачева I, № 512	Не установлен.	Двор.	Записки о событиях	1773—1774	2-я пол. 1770-х гг.	—	1904	—
62 С. К. ГРЕЙГ Собственноручный журнал капитан-командора (последствия адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход I, № 574	1736— 1778	Иностран. на рус. сл.	Записки о событиях	1769—1770	1770-е гг.	—	1823, 1825	—

Таблица I (продолжение)

Ц/п №	Автор, произведение	Годы жизни	Словесно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией
							а	б	
							1825, 1826, 1828, 1829	XVIII в., XIX—XX вв.	
3	Э. МИНИХ Замечания на записки г. Манштейна о России... I, № 328			Записки о событиях	Конец 1720—нач. 1740-х гг.	1770-е гг.	—	—	Ок. 50
64	Я. Я. ШТЕЛИН Записки о Петре III, императоре Всероссийском I, № 345, 426	1700— 1785	Иностран. на рус. сл.	Записки о событиях	1728—1762	1770-е — 1785 гг.	—	—	Ок. 90
65	Я. Я. ШТЕЛИН Черты и анекдоты для биографии Ломоносова... I, № 803			Записки о событиях	1720-е — 1765 гг.	1783	—	—	67
66	С. С. ПИПЧЕВИЧ Известие о похиждении Симео-на Степанова сына Пипчевича... I, № 351	1731— 1796	Двор.	Автобио-графия	1750-е — 1785 гг.	1785	—	1881— 1883	96
67	Н. И. СМЕРНОВ Автобиографические показания ² V, ч. 2, № 47	Ум. 1800	Крепостной	Следств. по-каз.	1750-е — 1785 гг.	1785	—	—	165
68	М. М. ШЕРЕБЯТОВ О поворждении правов в Рос-сии? ^{3*}	1783— 1790	Двор., кн., гос. деят.	Историко-публ. соч.	1700— 1760-е гг.	1786—1787	—	—	72

3* О поворждении правов в России кн. М. Шеребятова и Путешествие А. Радишова. London, 1858, С. 1—96.

Таблица I (продолжение)

П/П №	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и второй публикацией	
							а	б		
							IIIAX	IV XX XX	XVIII в. XIX—XX вв.	
69	И. П. ЕЛАГИН Учение древнего лобомудрия и богомудрия... I, № 814	1785— 1794	Двор.	Записки о событиях	1770	1786	—	1864	—	78
70	А. В. СУВОРОВ Биография А. В. Суворова, им самим писанная... V, ч. 2, № 50	1729— 1800	Двор., кн., генералиссимус	Делов. док.	1730-е — 1786 гг.	1786	—	1848	—	62
71	Г. И. ДОБРЫНИН Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... им самим писанная... I, № 466	1750— 1824	Духов. зв.	Автобио-графия	1750—1822	1787—1823	—	1869	—	82
72	А. Е. ПОСПЕЛОВ Записки о пугачевщине I, № 515	Ум. 1811	Двор.	Записки о событиях	1770-е — 1774 гг.	вторая пол. 1780-х — 1790-е гг.	—	1870	—	Ок. 80
73	И. М. ДОЛГОРУКОВ Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим... I, № 406	1764— 1823	Двор., кн.	Автобио-графия	1764 — кон-цен 1810-х гг.	1788—1819	—	1844— 1845	—	56
74	А. Н. РАДИЩЕВ Жизнь Ф. В. Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений. СПб., 1789	1749— 1802	Двор.	Записки о событиях	Вторая пол. 1760-х — нач. 1770-х гг.	1788	1789	1868	1	80

Таблица I (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Состоимо-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							г	л		
75	М. ГУМИЛЕВСКИЙ Рассказ священника очевидца о взятии Очакова в декабре 1788 г. V, ч. 2, № 71	Не установлен.	Духов. зв.	Частное письмо	1788	1789	—	1887	—	98
76	П. Э. ХОМЯКОВ Похождение некоторого Россынина, истинная повесть, им самим писанная, содержащая в себе историю его службы и походов с приключениями и слышанными им повестями. M., 1790. Ч. 1—2.	Не установлен.	Двор.	Автобиография	1756 — нач. 1780-х гг.	1789—1790	1790	1	—	—
77	А. Т. БОЛОТОВ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков I, № 401	1738—1833	Двор.	Автобиография	Нач. XVIII в.—1811 г.	1789—1820-е гг.	—	1839	—	50
78	П. А. ЛЕВАШОВ Подённые записки некоторых прощесней во время прошедшей с турками войны со дня объявления оной по 1773 год... I, № 577	1720-е нач. XIX в.	Двор.	Записки о событиях	1768—1773	Конец 1780-х гг.	1790	—	1—2	—

Таблица I (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между изданиями и первой публикацией
							в IIIA X	в I в XIX—XX в.	
79	И. Г. АНДРЕЕВ Домовая летопись Андреева, по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году... I, № 655	Ок. 1745— после 1800	Двор.	Автобио- графия	1750-е— 1800 гг.	1789—нач. XIX в.	—	—	81
80	А. В. СУВОРОВ Автобиография I, № 739			Делов. док.	1730— 1780-е гг.	1790	—	—	33
81	Д. И. ФОНВИЗИН Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях I, № 849	1745— 1792	Двор.	Автобио- графия	1750— 1760-е гг.	1790—1792	1798	8	40
82	И. А. ТОЛЧЕНОВ Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова V, ч. 2, № 45	1754— после 1812	Купец	Автобио- графия	1754—1812	1790—1812	—	—	184
83	Н. Н. ШВАНВИЧ Памятная записка о лобнице Петра III Н. К. Шванвиче I, № 354	Не установлен.	Двор.	Записки о событиях	1761—1762	1792	—	—	76
84	В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВ История жизни и дел моих I, № 817	Ум. 1792	Двор.	Следств. по- каз.	Конек XVIII в.	1792	—	—	76

Таблица I (продолжение)

№	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							А	Б		
85	М. И. БАГРЯНСКИЙ Показания доктора Багрянского I, № 811	1764— 1813	Двор.	Следств. по-каз.	1761—1791	1792	—	1868	—	76
86	И. Ф. ЛУКИН Жизнь старинного русского дворянина I, № 377	1730— 1803	Двор.	Автобио-графия	1730—1792	После 1792	—	1865	—	Ок. 70
87	Т. П. КАЛАШНИКОВ Жизнь неизвестного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 до 1794 г. I, № 467	1762— 1828	Купец	Автобио-графия	1762—1781	1794	—	1904	—	110
88	А. Т. БОЛОТОВ Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о больших происшествиях и о носившихся в народе слухах I, № 402	1744— 1832	Двор., гр.	Записки о событиях	1796	1796	—	1875	—	79
89	С. Р. ВОРОНЦОВ Автобиография I, № 549	1744— 1832	Двор., гр.	Часное письмо	1762—1797	1796—1797	—	1876	—	80

Таблица I (продолжение)

№ п/п	Автор, проназвание	Годы жизни	Состояно- професс. положение	Жанр	Временной охват собы- тия	Времи созда- ныи	Первая пуб- ликация		Разрыв по време- ни между созда- нием и первой публикацией	
							а	б		
90	А. П. БЕРЕЗИН Сокращенная жизнь покойного Санкт-Петербургского купца 1-й гильдии А. П. Березина; писанная по его воле, незадол- го до кончины... I, № 492	1723— 1799	Купец	Автобио- графия	1731—1760	Втор. пол. 1790-х гг.	—	1879	—	Ок. 80
91	И. Ф. БОГДАНОВИЧ Автобиография I, № 821	1743— 1803	Двор.	Делов. док.	1753—1797	После 1797	—	1853	—	Ок. 55
92	В. И. БАКУНИНА Персидский поход в 1796 г. Воспоминания I, № 597	1773— 1840	Двор.	Записки о событиях	1796	Конец 1790-х гг.	—	1887	—	Ок. 90
93	ПОСКОЧИН Журнал капитана 2-го ранга Поскочина, командовавшего от- рядом российских и турецких военных судов... I, № 773	Не уста- новл.	Двор.	Записки о событиях	1798	Конец 1790-х гг.	—	1828	—	Ок. 30

Таблица I (окончание)

№	Автор, произведение	Годы жизни	Составное-професс. положение	Жанр	Временной охват событий	Время создания	Первая публикация		Разрыв во времени между созданием и первой публикацией	
							№	Год	В.	Год
94	С. П. ХМЕТЕВСКИЙ Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии... I, № 584	Р. 1730	Двор.	Записки о событиях	1740— 1770-е гг.	Конец 1790-х гг.	—	1855	—	Ок. 60
95	Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г. (Отрывок из жизни N...) I, № 540	Не установлен.	Двор.	Записки о событиях	1771	Конец XVIII в.	—	1821— 1822	—	Ок. 25— 30
96	Д. Б. МЕРТВАГО Записки I, № 409	1760— 1824	Двор.	Автобиография	1774—1818	Конец 1790—нач. 1820-х гг.	—	1857	—	Ок. 60

Таблица II. Дневники XVIII в.

№	Автор, произведение	Годы жизни	Состояние професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв по времени между началом ведения и первой публикацией
1	О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга I, № 293	Не установлен.	Не установлен.	1703, 1714, 1720, 1721, 1725	1863	160
2	Б. И. КУРАКИН Дневники и путевые заметки кн. Б. И. Курякина I, № 264	1676—1727	Двор., кн., гос. деят.	1705—1708	1890	185
3	Н. А. СЕНЯВИН Морские журналы Н. А. Сенявина I, № 288	1680—1738	Двор.	1705—1712	1852	147
4	Записки о важнейших внутренних происшествиях и учреждениях в России с 1707 по 1742 год I, № 242	Не установлен.	Двор.	1707—1712	1826	119
5	А. А. ЯКОВЛЕВ Карманный журнал Яковлева I, № 259	Ум. после 1744	Двор.	1714—1727	1824, 1825	110
6	И. Л. НАРЫШКИН Дневник русского путешественника V, ч. 2, № 40	1700—1734	Двор.	1715—1716	1975	260
7	И. ИЛЬИНСКИЙ Журнал Академии наук переводчика Ивана Ильинского... I, № 251	Ум. 1737	Двор.	1721—1730	1903	182

Таблица II (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв во времени между началом ведения и первой публикацией
8	Записки о кочине государыни императрицы Екатерины и о вступлении на престол государя императора Петра II Алексеевича I, № 326	Не установл.	Не установл.	1727	1913	186
9	А. Д. КАНТЕМИР Заметки кн. Кантемира в его календаре 1728 г. I, № 831	1708—1744	Двор., кп.	1728	1868	140
10	А. Д. КАНТЕМИР Из дневных записок I, № 363	Не установл.	Двор.	1732	1871	139
11	Дневник неизвестного I, № 371	Не установл.	Двор.	1733—1734	1907	174
12	С. ПОРХОМОВ Дневник I, № 374	Не установл.	Двор.	1735—1744	1894	159
13	А. А. БЛАГОВО Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семёновского полка А. А. Благово I, № 347	Не установл.	Двор.	1739—1740, 1750	1903	164
14	И. П. АННЕНКОВ Журнал курского помещика Богодимерского драгунского полку капитана Ивана Петрова сына Аннопокова... I, № 322	Не позднее 1741—1784	Двор.	1745—1766	1957	212

Таблица II (продолжение)

№/п	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв по времени между началом ведения и первой публикацией
15	Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых I, № 336	Не установлен.	Двор.	1755—1756	1892	137
16	Г. А. СКОПИН Дневник происшествий I, № 487	1746—1797	Духов. зв.	1762—1796	1891	129
17	ЦЛАТОН (П. Г. ЛЕВШИН) Дневник I, № 4836	1737—1812	Духов. зв.	1763—1765	1881	118
18	С. А. ПОРОШИН Записки, служащие к истории его императорского высочества... Павла Петровича... I, № 697	1741—1769	Двор.	1764—1765	1810	46
19	П. Н. КРЕЧЕТНИКОВ Журнал генерал-майора и капитана П. Н. Кречетникова... о движении и действиях военных в Польше... I, № 561	Ум. после 1800	Двор.	1767—1768	1863	96
20	Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князь Юрья Волдымировича Долгорукова... в Черную гору... 1769-й год I, № 575	Не установлен.	Двор.	1769	1841	72
21	Из «Журнала, ведённого во время войны с 1769 по 1774 год» I, № 576	Не установлен.	Двор.	1770	1947	177

Таблица II (продолжение)

И/П №	Автор, произведение	Годы жизни	Словесно-професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв во времени между началом ведения и первой публикацией
22	А. НЕЗНАЕВ Поездка полкового квартирмейстера поручика Арефия Незнаева из крепости Усть-Каменичогорской в г. Хойбдо в 1771 г. I, № 534	Не установлен.	Двор.	1771	1868	97
23	Н. А. ДЕМИДОВ Журнал путешествия его высочородия господина статского советника и ордена Св. Станислава кавалера Н. А. Демидова по иностранным государствам... I, № 454	1724—1779	Двор.	1771—1773	1786	15
24	Поденная записка путешествию его сиятельства кн. В. М. Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 г. I, № 581	Не установлен.	Двор.	1773	1872	99
25	ПАЛЕН Барона фон-дер Палена журнал путешествия в Константинополь I, № 580	Не установлен.	Двор.	1774	1823	49
26	ВАСИЛЬЕВ Дневник I, № 523	р. 1736	Двор.	1774—1777	1856	82
27	А. Я. ИЛЬИН Из дневника масона I, № 845	р. 1754	Двор.	1775—1776	1908	133

Таблица II (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Состояние профес- сionalно-поло- женное	Время ведения	Первая публикация	Разрыв во времени между началом ведения и первой публикацией
28	П. С. ЛАВРОВ Дневник I, № 457	Ок. 1733 после 1794	Двор.	1777—1778	1878	401
29	А. Г. БОБРИНСКИЙ Дневник гр. Бобринского, веденный в Кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу I, № 428	1762—1813	Двор., гр.	1779—1786	1877	98
30	Н. М. СТРОГАНОВА Дневник путешествия в Западную Европу I, № 462	1743—1819	Двор., баро- песа	1780—1781	1914	134
31	А. В. ХРАПОВИЦКИЙ Дневник I, № 412	1749—1801	Двор.	1782—1793	1821	39
32	М. А. ГАРНОВСКИЙ Записки I, № 430	Ок. 1754 1814	Двор.	1782—1793	1876	94
33	АРСЕНИЙ (В. И. ВЕРЕЩАГИН) Дневник V, ч. 2, № 53	1736—1799	Духов. зв.	1786—1791 1797—1799	1894, 1895	108
34	Д. И. ФОНВИЗИН Дневник I, № 848	1745—1792	Двор.	1786—1787	1846	60

Таблица II (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Словосно-професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв во времени между началом ведения и первой публикацией
35	А. В. ОРЛОВ Дневная записка V, ч. 2, № 41	1769—1787	Двор.	1786—1787	1985	199
36	В. Н. ЗИНОВЬЕВ Дневник I, № 455а (1, 2)	1755—1816	Двор.	1786—1790	1878	92
37	А. А. ПОЛЕТИКА Дневник, веденный во время пребывания императрицы Екатерины II в Клеве в 1787 г. I, № 636а	Р. 1739 (или 1741)	Двор.	1787	1843	56
38	Г. А. СКОПИН Дневная записка пешеходца... I, № 486			1787	1891	104
39	Р. М. ЦЕБРИКОВ Вокруг Очатова I, № 594	1763—1831	Двор.	1788—1789	1895	107
40	Н. П. ГОЛИЦЫНА Продолжение заметок и случаев из моей жизни и моих путешествий ¹	1741—1837	Двор., кн.	1789—1790	1987	198
41	Д. И. ФОНВИЗИН Дневник I, № 847			1789	1846	57

¹ Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 116—129.

Таблица II (продолжение)

№ п/п	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв по времени между началом ведения и первой публикацией
42	П. А. БОЛОГОВ Из дневника I, № 860	1771—1850	Двор.	1789	1927	138
43	Из журнала военных действий русских и австрийских войск против Турции... I, № 589	Не установлен.	Двор.	1789	1947	158
44	А. Н. РАДИЩЕВ Дневник I, № 845	1749—1802	Двор.	1790—1791	1906	116
45	В. Ф. МАЛИНОВСКИЙ Выдержки из дневника I, № 442	1765—1814	Двор.	1791	1915	124
46	М. Н. КРЕЧЕТНИКОВ Дневные записки о движении и действиях войск русских в великом княжестве Литовском и Польше в 1792 году I, № 560	1729—1793	Двор.	1792	1863	71
47	М. С. РЕБЕЛИНСКИЙ Из дневника I, № 471	Не установлен.	Двор	1792—1801	1897	105
48	ГРЯЗЕВ Мой журнал. Записки, касающиеся до жизни и сердца I, № 765	Р. 1772	Двор.	1793—1800	1890	97

Таблица II (продолжение)

п/п №	Автор, произведение	Годы жизни	Состояние професс. положение	Время ведения	Первая публикация	Разрыв во времени между началом ведения и первой публикацией
49	Н. Г. СКОПИН Записки дневные о делах и вещах достопамятных... II, № 2371	1767—1836	Духов. зв.	1794—1826	1891	97
50	И. А. БЕЗБОРОДКО Журнал пребывания его величества короля Польского, Станислава-Августа в Гродно 1795—1796 годов... I, № 554	1756—1815	Двор.	1795—1796	1869	74
51	Р. С. ТРОФИМОВИЧ Записки современника о кончине Екатерины Великой I, № 449	1766—1852	Двор.	1796	1909	143
52	П. Г. БУТКОВ Записки Персидского похода 1796 г., или всё, что я видел, слышал и узнал I, № 599	1775—1857	Двор.	1796	1869	73
53	А. Н. РАДИЦЕВ Дневник I, № 845	Не установлен.	Двор.	1797	1907	140
54	Дорожные записки 1797 года I, № 716	Не установлен.	Двор.	1797	1903	106

Таблица II (окончание)

п/п №	Автор, произведение	Годы жизни	Сословно-професс. положение	Время издания	Первая публикация	Разрыв во времени между началом ведения и первой публикацией
55	Н. В. РЕПНИН Журнал кн. Репнина I, № 733	1734—1801	Двор.	1797	1869	72
56	Записки о разных предметах, относящихся к Турции в 1797 и 1798 г. I, № 774	Не установл.	Двор.	1797—1798	1828	31
57	В. П. КОЧУБЕЙ Журнал последних дней жизни кн. Безбородко, воеводный князем Кочубеем I, № 717	1768—1834	Двор.	1799	1879	80

Таблица III. Поводная динамика движения публикаций
 мемуарных произведений XVIII в. в течение 1801—1916 гг.

Год	Воспоминания						Дневники					
	всего пуб- ликаций	первич- ные	повторные	журналь- но-газет- ные	отдельные издания	прочие	всего пуб- ликаций	первичные	повторные	журналь- но-газет- ные	отдельные издания	прочие
1801	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1802	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1803	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1804	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1805	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1806	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1807	2	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
1808	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1809	5	2	3	1	4	—	1	1	1	—	—	—
1810	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1811	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1812	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1813	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1814	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1815	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1816	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1817	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
1818	2	1	1	2	1	1	—	—	—	—	—	—
1819	4	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1820	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1821	2	1	1	1	1	—	1	1	1	—	—	—
1822	2	1	1	1	1	1	2	2	1	—	—	—
1823	4	3	1	3	1	—	2	2	2	—	—	—
1824	3	3	—	3	—	—	2	2	2	—	—	—
1825	3	3	—	3	—	—	2	2	2	—	—	—
1826	2	2	—	2	—	—	1	1	1	—	—	—
1827	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1828	2	2	—	2	—	—	1	2	1	—	—	—

Таблица III (продолжение)

Год	Воспоминания						Дневники					
	всего публикаций	первичные	повторные	журнально-газетные	отдельные издания	прочие	всего публикаций	первичные	повторные	журнально-газетные	отдельные издания	прочие
1829	2	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
1830	4	4	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
1831	2	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1832	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1833	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1834	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1835	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1836	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1837	2	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1838	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1839	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1840	6	2	4	2	—	3	1	—	—	—	—	—
1841	3	1	2	1	—	2	1	—	—	—	—	—
1842	5	2	3	3	—	—	1	—	—	—	—	—
1843	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1844	2	1	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—
1845	3	2	1	3	—	—	1	—	—	—	—	—
1846	1	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—
1847	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1848	5	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1849	3	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1850	3	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1851	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1852	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1853	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1854	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1855	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1856	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1857	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1858	4	2	2	2	—	1	2	—	2	—	—	1

Таблица III (продолжение)

Год	Воспоминания					Дневники						
	всего пуб- ликаций	первичные	повторные	журналь- но-газет- ные	отдельные задания	прочие	всего пуб- ликаций	первичные	повторные	журналь- но-газет- ные	отдельные издания	прочие
1859	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
1860	4	3	1	4	—	—	1	1	1	—	—	—
1861	1	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—
1862	1	—	1	1	—	—	5	—	—	—	—	—
1863	1	1	—	1	—	—	—	3	2	2	—	—
1864	2	2	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—
1865	2	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1866	3	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1867	3	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1868	4	2	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—
1869	3	3	2	—	—	—	2	1	1	—	—	—
1870	5	3	2	4	—	—	4	1	1	—	—	—
1871	5	1	4	3	—	—	1	1	—	—	—	—
1872	5	2	3	2	—	—	1	1	—	—	—	—
1873	4	—	4	2	—	—	1	—	—	—	—	—
1874	4	1	3	2	—	—	1	—	—	—	—	—
1875	2	—	2	2	—	—	1	—	—	—	—	—
1876	7	1	6	—	—	—	1	1	1	—	—	—
1877	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—
1878	1	1	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—
1879	2	1	1	2	—	—	2	2	2	—	—	—
1880	3	1	2	—	—	—	1	1	—	—	—	—
1881	1	1	—	1	—	—	2	2	1	—	—	—
1882	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1883	3	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—
1884	1	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
1885	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1886	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1887	2	2	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—
1888	2	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица III (окончание)

Год	Воспоминания						Дневники					
	всего публикаций	первичные	повторные	журнально-газетные	отдельные издания	прочие	всего публикаций	первичные	повторные	журнально-газетные	отдельные издания	прочие
1889	3	1	2	1	1	1	—	—	—	—	—	—
1890	3	2	—	1	—	2	2	—	—	—	—	—
1891	4	—	4	—	—	—	3	—	—	—	—	—
1892	2	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
1893	2	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
1894	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
1895	2	—	2	1	—	—	3	1	2	1	1	—
1896	4	—	1	—	—	—	3	1	3	1	1	—
1897	1	—	—	—	—	—	2	1	1	—	—	—
1898	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
1899	1	1	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—
1900	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
1901	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1902	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
1903	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1904	5	4	1	5	—	—	3	3	1	—	—	—
1905	1	—	1	1	—	—	1	1	—	—	—	—
1906	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1907	6	2	4	—	—	—	1	1	1	—	—	—
1908	1	—	1	—	—	—	3	1	—	—	—	—
1909	2	1	1	1	—	—	1	1	1	—	—	—
1910	1	—	—	1	—	—	4	1	3	1	—	—
1911	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1912	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1913	4	—	4	—	—	—	1	1	—	—	—	—
1914	2	—	2	—	—	—	1	1	—	—	—	—
1915	1	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—
1916	4	1	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	218	100	118	119	56	43	90	59	31	55	12	23

Таблица IV. Деяжение публикаций междуархив произведений XVIII в. раздельно по воспоминаниям и дневникам в течение 1801—1916 гг. (по десятилетиям)

Годы	Воспоминания						Дневники																	
	всего публикаций		первичные		повторные		журнально-газетные		отдельные издания		прочие		всего публикаций		первичные		повторные		журнально-газетные		отдельные издания		прочие	
	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.
1801—1810	7	4	3	3	4	—	1	1	4	—	—	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
1811—1820	7	4	3	4	2	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1821—1830	24	21	3	20	2	2	13	13	2	13	13	13	13	13	13	13	13	13	13	13	13	13	13	13
1831—1840	14	5	9	6	3	5	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1841—1850	26	10	16	15	6	5	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
1851—1860	16	10	6	11	3	2	6	6	3	2	4	2	4	2	4	2	4	2	4	2	4	2	4	2
1861—1870	25	14	11	16	3	6	15	15	3	6	6	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15
1871—1880	33	8	25	13	15	5	8	8	15	5	7	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
1881—1890	19	13	6	12	3	4	5	5	3	4	2	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
1891—1900	13	3	10	3	5	5	19	19	3	5	41	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19
1901—1910	21	7	14	9	5	7	14	14	5	7	5	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
1911—1916	13	1	12	7	5	1	3	3	5	1	—	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Итого	218	100	118	119	56	43	90	90	119	43	31	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59

Таблица V. Движение публикаций мемуарных произведений XVIII в.
разделено по воспоминаниям и дневникам
в течение 1801—1916 гг. (по группам периодов)

Годы	Воспоминания						Дневники																	
	всего публикаций		первичные		повторные		журнально-газетные		отдельные издания		прочие		всего публикаций		первичные		повторные		журнально-газетные		отдельные издания		прочие	
	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %	абс. %
1801—1830	38	100	29	76	9	24	27	71	8	21	3	8	14	100	14	100	—	—	14	100	—	—	—	—
1831—1860	56	100	25	44	31	56	32	57	12	21	12	21	12	100	6	50	6	50	7	59	2	16	3	25
1861—1890	77	100	35	45	42	55	41	53	21	27	15	20	28	100	19	68	9	32	17	60	5	18	6	22
1891—1916	47	100	11	23	36	77	19	40	15	32	13	28	36	100	20	55	16	45	17	47	5	14	14	39
1801—1860	94	100	54	57	40	43	59	63	20	22	15	15	26	100	20	77	6	23	21	83	2	5	3	12
1861—1916	12	100	46	37	78	63	60	48	36	29	28	23	64	100	39	61	25	39	34	53	10	15	20	32
Итого	218	100	100	46	118	54	119	54	56	26	43	20	90	100	59	65	31	35	55	61	12	13	23	26

Таблица VI. Движение публикаций мемуарных произведений XVIII в. в целом в течение 1801—1916 гг. (по десятилетиям)

Годы	Всего		Первичные		Повторные		Журнально-газетные		Отдельные издания		Прочие	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1801—1810	8	100	5	60	3	40	4	50	4	50	—	—
1811—1820	7	100	4	57	3	43	4	57	2	28	1	15
1821—1830	37	100	34	92	3	8	33	90	2	5	2	5
1831—1840	44	100	5	35	9	65	6	44	3	21	5	35
1841—1850	32	100	14	44	18	56	17	53	8	25	7	22
1851—1860	22	100	12	55	10	45	16	72	3	14	3	14
1861—1870	40	100	23	58	17	42	25	63	6	15	9	22
1871—1880	41	100	15	36	26	64	18	44	16	39	7	17
1881—1890	24	100	16	66	8	34	15	62	4	16	5	22
1891—1900	32	100	11	34	21	66	14	44	7	22	11	36
1901—1910	35	100	16	46	19	54	13	37	7	20	15	43
1911—1916	46	100	4	25	42	75	90	56	6	38	1	6
Итого	308	100	159	52	149	48	174	56	68	22	66	22

Таблица VII. Движение публикаций журнальных произведений XVIII в. в целом в течение 1801—1916 гг. (по крупным периодам)

Годы	Всего		Первичные		Повторные		Журнально-газетные		Отдельные издания		Прочие	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1801—1830	52	100	43	83	9	17	44	79	8	16	3	5
1831—1860	68	100	31	45	37	55	39	57	14	20	15	23
1861—1890	105	100	54	50	51	49	58	55	26	25	21	20
1891—1916	83	100	31	37	52	63	36	43	20	24	27	33
1801—1860	120	100	74	62	46	38	80	66	22	18	18	16
1861—1916	188	100	85	43	103	57	94	50	46	24	48	26
Итого	308	100	159	52	149	48	174	56	68	22	66	22

Таблица VIII. Годовая динамика движения публикаций междунароных произведений
дореформенного периода в течение 1801—1860 гг.

Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Журнально-газетные	Отдельные издания	Прочие	Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Журнально-газетные	Отдельные издания	Прочие
1801	—	—	—	—	—	—	1832	2	1	1	1	1	—
1802	—	—	—	—	—	—	1833	6	5	1	4	1	1
1803	—	—	—	—	—	—	1834	7	7	—	5	1	—
1804	—	—	—	—	—	—	1835	6	5	1	6	—	—
1805	—	—	—	—	—	—	1836	6	4	2	5	1	—
1806	—	—	—	—	—	—	1837	7	4	3	6	1	—
1807	—	—	—	—	—	—	1838	5	3	2	4	—	1
1808	—	—	—	—	—	—	1839	7	2	5	5	—	—
1809	—	—	—	—	—	—	1840	16	9	7	8	—	—
1810	1	1	—	—	—	—	1841	18	15	3	15	—	—
1811	—	—	—	—	—	—	1842	18	14	4	17	1	—
1812	3	3	—	—	—	—	1843	12	11	1	11	—	—
1813	—	—	—	—	—	—	1844	16	15	1	14	1	—
1814	—	—	—	—	—	—	1845	12	12	—	11	—	—
1815	1	—	1	—	—	—	1846	16	14	2	13	—	—
1816	1	1	—	—	—	—	1847	19	13	6	7	—	—
1817	3	3	—	—	—	—	1848	16	16	8	6	—	—
1818	8	3	5	—	—	—	1849	9	9	—	8	—	—
1819	6	4	2	—	—	—	1850	9	8	1	8	—	—
1820	3	2	1	—	—	—	1851	15	13	2	12	—	—
1821	4	3	1	—	—	—	1852	16	11	5	15	—	—
1822	2	1	1	—	—	—	1853	16	14	2	14	—	—
1823	3	2	1	—	—	—	1854	17	16	1	16	—	—
1824	3	2	1	—	—	—	1855	25	20	5	24	—	—
1825	2	2	—	—	—	—	1856	38	33	5	36	—	—
1826	—	—	—	—	—	—	1857	19	16	3	17	—	—
1827	2	2	—	—	—	—	1858	36	32	4	34	—	—
1828	4	4	—	—	—	—	1859	40	35	5	31	—	—
1829	6	5	1	—	—	—	1860	41	26	15	22	—	—
1830	5	5	—	—	—	—	Итого	529	394	135	413	—	—
1831	2	2	—	—	—	—							61

Таблица IX. Движение публикаций международных произведений дореформенного периода в течение 1801—1860 гг. по десятилетиям и крупным периодам

Годы	Всего		Первичные		Повторные		Журнально-газетные		Отдельные издания		Прочие	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1801—1810	1	100	1	100	—	—	1	100	—	—	—	—
1811—1820	25	100	13	52	12	48	20	80	5	20	—	—
1821—1830	31	100	26	84	5	14	25	80	3	10	3	10
1831—1840	64	100	22	34	42	66	45	70	6	9	13	21
1841—1850	145	100	116	80	29	20	104	72	16	11	25	17
1851—1860	263	100	216	82	47	18	218	83	31	12	14	5
1801—1840	121	100	62	51	59	49	91	75	14	12	16	13
1841—1860	408	100	332	81	76	19	322	79	47	12	39	9
Итого	529	100	394	24	135	26	413	78	61	12	55	10

Таблица X. Удельный вес мемуаров, опубликованных в период своего создания

Годы	Мемуары, специально посвященные эпохе 1812 года				Мемуары с обширными хронологическими рамками, включающие в себя тексты об эпохе 1812 г.	
	Общее число мемуарных произвед.	Собственно мемуаров	Опубликовано в период создания		Общее число мемуаров	Опубликовано в период создания
			абс.	% к общему числу мемуаров		
1812—1819	76	58	36	48	9	8
1820—1829	24	21	9	43	12	—
1830—1839	62	60	19	28	16	—
1840—1849	20	19	40	59	7	—
1850—1859	31	31	15	50	25	8
1860—1869	24	24	16	66	23	4
1870—1879	40	40	36	90	18	10
1880—1889	16	16	12	75	5	3
1890—1899	2	2	2	100	2	2
1900—1916	1	1	1	100	1	1
Итого	293	272	156	53	118	28
I. По десятилетиям						
1812—1859	240	178	89	42	69	8
1860—1916	83	83	67	80	49	20
1812—1839	159	130	64	40	37	—
1840—1869	75	72	41	55	55	22
1870—1900	59	59	51	86	26	16
Итого	293	272	156	53	118	28
II. По крупным историческим периодам						
1812—1859	240	178	89	42	69	8
1860—1916	83	83	67	80	49	20
1812—1839	159	130	64	40	37	—
1840—1869	75	72	41	55	55	22
1870—1900	59	59	51	86	26	16
Итого	293	272	156	53	118	28

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум 7, 62
 Аксаков С. Т. 63, 141, 158, 184, 238
 Александр I (Александр Павлович) 65, 91, 121, 123, 127, 128, 159, 162, 163, 194, 196, 198, 199—202, 216, 217, 241, 243
 Александр Николаевич, вел. кн. 102, 213
 Алексеев М. П. 235
 Алексеев Н. С. 175
 Алексеев П. А. 251
 Алексей Петрович, царица 44, 126
 Алтуфьев В. А. 52
 Альтшуллер М. Г. 225
 Амвросий 52
 Андерсен В. 222
 Андреев И. Г. 38, 51, 82, 230, 258
 Анисимов Е. В. 73, 228, 229, 230
 Анна Иоановна, имп. 23, 30, 31, 33, 44, 62, 63, 86, 92, 102, 117, 119, 127, 232, 246, 247
 Анна Леопольдовна, регентша 27
 Анненков И. П. 38, 49, 106, 263
 Анненков П. В. 154
 Антоний (Знаменский) 52, 226
 Апостолов Н. 237
 Арсений (Верещагин В. И.) 266
 Арсений (Мацевич А. И.) 37, 247
 Арсеньев К. И. 102, 103, 213
 Асенкова А. Е. 141
 Астраков Н. И. 158
 Афанасьев А. Н. 85, 104, 128, 132, 133, 233, 235
 Афиани В. Ю. 112, 233, 234, 237
 Багрянский М. И. 38, 259
 Базанов В. Г. 169
 Байрактар Мустафа-Паша 142
 Бакунина В. И. 260
 Бантыш-Каменский Д. Н. 26, 126, 132, 161, 224, 233, 235, 236
 Бантыш-Каменский Н. Н. 35, 111, 129, 181, 251
 Баратынский Е. А. 175
 Барклай де Толли М. Б. 210
 Барсуков Н. П. 116, 161, 238
 Бартенева П. И. 62, 74, 84, 85, 103, 111, 115, 116, 126, 128, 132, 133, 151, 153, 180, 209, 212, 213, 228
 Бартенева Ю. Н. 176, 202, 213
 Батурина П. С. 122
 Батюшков К. Н. 141, 153
 Башилов А. А. 140
 Безбородко А. А. 31, 175, 270
 Безбородко И. А. 269
 Белинский В. Г. 55, 114, 115, 141, 167, 179, 227, 239, 240
 Бенкендорф X. 154, 195, 217
 Беннигсен Л. Л. 209, 216, 243
 Бердышев А. П. 228
 Березин А. П. 29, 260
 Берков П. Н. 229, 231, 232
 Берхгольц Ф. В. 232, 234
 Бестужев А. А. 91, 144, 163, 238
 Бестужев А. Ф. 91, 92
 Бестужев М. А. 91
 Бестужев Н. А. 91, 144
 Бестужев П. А. 91
 Бестужев-Рюмин К. Н. 8, 116
 Бецкой И. И. 175
 Билинкис М. Я. 224—226, 228, 232
 Бильбасов В. А. 8, 115
 Бирон Э. 23, 25, 30—32, 63, 64, 86, 119, 248
 Бичурин, Н. Я. 141
 Благово А. А. 106, 263
 Благой Д. Д. 224, 226, 227, 232
 Блудов Д. Н. 99, 163, 213, 241
 Бобринский А. Г. 31, 266
 Богданович И. Ф. 35, 141, 260
 Богданович М. И. 198
 Богословский М. М. 225
 Бодянский О. М. 115, 128, 133
 Божерянов И. Н. 235
 Болдырев 171
 Болотов А. П. 67
 Болотов А. Т. 4, 18, 21, 38, 39, 60, 63, 66—71, 74, 77—80, 83, 95—98, 107, 116, 119, 120, 222, 225, 227—230, 257, 259
 Болотов В. А. 67
 Болотов М. П. 67, 225
 Болотов П. А. 268
 Болховитинов Евг. 50
 Большаков Л. 230
 Боровков А. Д. 156
 Брант Л. 202
 Броневский В. Б. 142, 156, 236
 Брюлов К. П. 141
 Булгаков А. Я. 180—184, 191, 209, 214, 240
 Булгаков К. Я. 84, 209, 214, 215
 Булгаков Я. И. 181
 Булгакова Л. А. 223
 Булгаковы 230, 240, 243
 Булгарин Ф. В. 131, 143, 144, 152, 154, 178, 179, 221, 237, 240
 Бурдов И. Г. 149, 152
 Бутков П. Г. 269
 Бучина Л. И. 240
 Вадковский А. Ф. 78
 Вадковский Ф. Ф. 78
 Вадковский Ф. Ф.-младший 78
 Валк С. Н. 233
 Варфоломей 251
 Васильев 230, 232, 265
 Васильчиков П. А. 218
 Вацура В. Э. 228, 238, 243
 Вейдемейер А. В. 102
 Вельтман А. Ф. 140
 Венгеров С. А. 225, 229
 Венецианов А. Г. 141
 Веселая Г. А. 123, 234, 235
 Вигель Ф. Ф. 156
 Вилламов Г. И. 218
 Вильмот К. 124, 125, 222, 235
 Вильмот М. 123—125, 222, 235

- Винский Г. С. 21, 84, 85, 96, 121, 147, 148, 214, 230
- Витберг А. Л. 158
- Воейков А. Ф. 87, 89, 132, 152, 196, 209, 236
- Волков Д. В. 249
- Волкова И. В. 233
- Волконский П. М. 162, 194
- Волконский С. Г. 216, 243
- Вольнский А. П. 63, 64
- Вольтер Ф.-М.-А. 62, 86, 123, 165
- Воронкова С. В. 223
- Воронцов А. Р. 59, 80, 84, 87, 123, 124
- Воронцов М. С. 80, 87, 111, 116, 124—126, 212, 218, 233, 235
- Воронцов С. Р. 38, 87, 111, 125, 259
- Воронцовы 125, 230
- Востоков А. Х. 175
- Всеволожский Н. С. 104, 110, 117, 134
- Вяземский П. А. 64, 104, 105, 111, 125, 126, 148, 151—154, 161—167, 174, 176, 180, 181, 212, 214, 215, 217, 228, 233, 235, 237—239, 243
- Г. В. 129
- Гаевский П. И. 199
- Ганичев В. 228
- Ганнибал А. П. 25, 26, 224
- Ганнибал П. А. 25
- Гаранин Л. Я. 6, 8, 222, 223
- Тарновский М. А. 266
- Герасимов Ю. И. 240
- Герцен А. И. 14, 98, 99, 108, 116, 122, 125, 132, 133, 151, 156—158, 179, 183, 209, 223—226, 232, 236—238, 240, 242, 243
- Геттун В. Н. 180
- Гилельсон М. И. 233, 235, 239, 243
- Гиляров-Платонов Н. П. 133
- Гинзбург Л. Я. 223, 229
- Глаголева О. Е. 230
- Глебов П. Н. 143
- Глинка В. С. 172, 177, 239
- Глинка Г. А. 110
- Глинка С. Н. 56, 62, 110, 126, 140, 142, 152, 165, 166—178, 192, 194, 202, 203, 205, 221, 233, 239—242
- Глинка Ф. Н. 117, 141, 152, 154, 165, 192, 195, 239
- Глинка Ф. С. 177
- Глухов И. А. 52, 80
- Глушковский А. П. 141
- Гнедич Н. И. 141
- Гоголь Н. В. 68, 84, 141, 149, 152, 154
- Голиков И. И. 81, 91, 102, 113, 231
- Голицын А. М. 28
- Голицын А. Н. 213, 214, 217
- Голицын Н. Б. 192, 195
- Голицын Ф. Н. 156
- Голицын Ю. Н. 179, 240
- Голицына Н. П. 31, 106, 225, 267
- Голицыны 28
- Головин В. В. 30, 32, 42, 49, 76, 247
- Головина В. Н. 156
- Голохвастов Д. Д. 14, 18
- Горчаков В. П. 154
- Грановский Т. Н. 141, 212
- Грейг С. К. 23, 254
- Грен А. И. 141
- Греч Н. И. 56, 87, 104, 115, 117, 131, 135, 140, 144, 152, 154, 157, 158, 177, 178, 234, 236
- Грибовский А. М. 4, 56, 119, 140, 152, 156, 222
- Грибедов А. С. 54, 140, 144, 149, 237
- Григорьев Ап. А. 54, 227
- Гриц Т. 229
- Грот Н. Я. 180
- Грот Я. К. 215, 243
- Грязев 268
- Грязнов И. М. 32, 39, 42, 44, 46, 47, 49, 76, 106, 246
- Гуковский Г. А. 224—226, 231, 232, 242
- Гульга А. В. 229
- Гумилевский М. М. 257
- Гуревич А. Я. 223
- Гуттенберг И. 148
- Гюбиева Г. Е. 8, 223—226, 228, 229
- Давыдов Д. В. 104, 140, 141, 143, 175, 180, 190—193, 195, 196, 236, 237, 241
- Данилов В. В. 237
- Данилов М. В. 59, 60, 62, 63, 74, 77, 80, 83, 98, 115, 119, 120, 227—230, 234, 252
- Даниловы 77, 83
- Дашков Д. В. 163
- Дашкова Е. Р. 4, 21, 122—126, 133, 140, 153, 156, 208, 216, 220, 222, 234, 235
- Декарт Р. 62
- Дельвиг А. А. 163, 175, 228, 238
- Демидов Н. А. 93, 265
- Державин Г. Р. 4, 35, 50, 51, 140, 141, 154, 156,
- 161, 165, 175, 181, 213, 222, 226, 240
- Дибич И. И. 141
- Дидло Ш. Л. 141
- Дидро Д. 123
- Дмитриев И. И. 4, 35, 56, 126, 140, 153, 154, 159—164, 212—214, 221, 222, 235, 238, 243
- Дмитриев М. А. 4, 141, 153—156, 161, 209, 222, 242,
- Дмитриев С. С. 7, 93, 95, 115, 123, 151, 153, 156, 204—206, 223, 231, 232, 234, 235, 237, 238, 242
- Дмитриевский И. А. 72, 141
- Дмитрий Самозванец 13
- Добролюбов Н. А. 63, 228
- Добрынин Г. И. 21, 38, 60, 68, 69, 71, 74, 77, 79, 83, 107, 116, 223, 227, 229, 230, 256
- Долгова С. Р. 225
- Долгоруков В. М. 265
- Долгоруков И. А. 62
- Долгоруковы И. М. 38, 64—66, 68, 74, 77, 79, 81—83, 107, 110, 113, 154, 155, 228, 230, 256
- Долгоруковы М. И. 81
- Долгоруков П. В. 209, 210
- Долгоруков Ю. В. 21, 22, 81, 140, 264
- Долгорукова (Долгорукая) Н. Б. 31, 61, 62, 65, 75, 81, 89, 98, 106, 110, 116, 119, 129, 134, 228, 249
- Долгоруковы 62
- Должиков П. 237
- Дружинин А. В. 115
- Дружинин Н. М. 227
- Дубельт Л. В. 209, 213
- Дубовиков А. Н. 238
- Дудышкин С. С. 99
- Дуров В. А. 174
- Дуров Н. П. 87
- Дурова Н. А. 174, 176, 192, 196
- Дурылин С. Н. 168
- Екатерина I 30, 36, 44, 102, 106, 119, 263
- Екатерина II (Екатерина Великая) 4, 20, 26, 31, 36, 50, 62, 64, 65, 68, 72, 78, 88, 96, 98, 99, 101, 102, 105, 106, 114, 116, 120, 122—128, 131, 140, 153, 161, 164, 181, 197, 208, 209, 212—214, 216—218, 222, 228, 229, 234, 240, 243, 252, 267
- Екатерина Павловна, вел. кн. 127, 209, 235
- Елагин И. П. 161, 256

- Елагины 133
 Елена Павловна, вел. кн. 212, 213
 Елизавета Алексеевна, имп. 162, 163, 212, 217, 243
 Елизавета Петровна, имп. 36, 44, 62, 64, 86, 98, 102, 116, 119
 Елизаветина Г. Г. 8, 223—226, 228, 232
 Ениколозов И. 237
 Еремен И. П. 227
 Ермолов А. П. 143, 146, 147, 152, 210—212, 237, 242, 243
 Ермолов Н. П. 211
 Ермолов П. А. 146
 Ермоловы 264
 Ефремов П. А. 87
 Ешевский С. В. 99, 233
- Жданов М. 245
 Жданов П. 191, 205, 241
 Желвакова И. А. 232, 233, 236
 Желябужский И. А. 4, 30, 35, 91, 106, 114, 115, 119, 234, 244
 Жерве В. 241
 Жихарев С. П. 18, 141, 154, 238
 Жуковский В. А. 54, 104, 111, 129, 130, 133, 134, 141, 153—155, 160, 163, 174, 180, 182, 203, 213, 214, 227, 233
- Заблоцкий-Десятковский А. П. 99
 Заблоцкий-Деятковский М. П. 99
 Завадовский П. В. 175
 Загоскин М. Н. 141
 Зайончковский П. А. 5
 Закревский А. А. 190, 191, 210, 211
 Захарьина Н. А. 158
 Зиновьев В. Н. 267
 Зотов Р. М. 192
 Зубов П. А. 78, 175, 216
- Иван Алексеевич, царь 44
 Иван (Иоанн) Антонович, царь 27, 86
 Иванов Ф. Ф. 139
 Иванчин-Писарев Н. Д. 144
 Измайлов В. В. 160
 Изюмский А. Б. 224
 Иконников В. С. 8, 82, 223, 230, 231
 Иловяйский В. Д. 158
 Ильин А. Я. 265
 Ильин-Томич Л. А. 237
 Ильинский И. 106, 262
 Иосаф (Горленко И. А.) 248
 Иосиф II 68
- Исленьева А. П. 126
 Исмаилов Ф. Ф. 158, 184, 238, 240
- Калайдович К. 231
 Калачев Н. В. 193
 Калашников Т. П. 29, 107, 259
 Каменский М. Ф. 237
 Каменский Н. М. 143
 Каптемир А. Д. 35, 60, 106, 263
 Кантемир Д. 106
 Капнист В. В. 161, 181
 Каразин В. Н. 113, 114, 118, 234
 Карамзин Н. М. 22, 54, 121, 125, 140, 141, 154, 159, 161—162, 165, 180, 212, 214, 217, 231, 235, 237, 238, 243
 Каратыгин В. А. 141, 237
 Кержавин Ф. В. 29, 34, 251
 Каспрович Э. Л. 116
 Катфоро А. 90
 Каченовский М. Т. 110, 111, 116
 Кашин Н. И. 110, 246
 Кеппен П. И. 141
 Кикин П. А. 214
 Киселев Н. С. 67, 198, 199
 Клушин А. И. 88
 Ключевский В. О. 34, 42, 43, 225, 233
 Княжевич Д. М. 237
 Княжнин Я. Б. 175, 240
 Ковалевский Е. 241
 Коган И. И. 228
 Козлов И. И. 62
 Кокосшкин Ф. Ф. 141
 Колокольников 38, 258
 Кольцов А. В. 141
 Комаровский Е. Ф. 157
 Кони Ф. А. 176, 240
 Кононов Ю. Ф. 243
 Копанев Н. А. 225
 Кораллов М. 223
 Корбелецкий Ф. 191, 205, 241
 Корнилович А. Ф. 89, 102, 144, 152
 Корнилович Ф. Е. 119, 234
 Корсаков П. А. 154, 169, 170
 Кочеткова Н. Д. 229, 231, 232
 Кочубей В. П. 31, 270
 Краснобаев Б. И. 222, 224, 226, 227
 Краснокутский А. Г. 142
 Краснокутский В. С. 223, 226
 Крекшин П. Н. 54, 90, 227, 231
 Крестинин В. В. 99
 Кречетников М. Н. 36, 268
 Кречетников П. Н. 36, 264
 Крылов А. П. 253
- Крылов И. А. 88, 141, 144, 175, 237, 240
 Кудашев Н. Д. 191
 Кудрявцев 141
 Кулибин И. П. 29, 250
 Кульнев Я. П. 143, 175
 Кумпан К. 227
 Кунин В. В. 240
 Купряева Е. Н. 222, 224, 226, 227
 Куракин Александр Б. 212
 Куракин Алексей Б. 212, 217
 Куракин Б. И. 4, 30, 39—41, 43, 46—49, 61, 76, 106, 225, 244, 245, 262
 Куракин Г. С. 43
 Куракин И. Г. 43
 Куракин Ф. А. 225, 226, 245
 Куракина Т. Б. 44
 Кутузов М. И. (Кутузов-Смоленский) 175, 194—196, 200, 210
 Кучеров А. 232
 Кюхельбекер В. К. 111, 117, 118, 143, 144, 234
- Лавров П. С. 266
 Лазарев В. 228, 229
 Ланжерон А. Ф. 195
 Ланский П. Р. 238
 Левашов П. А. 93, 232, 257
 Левин Ю. Д. 225
 Лермонтов М. Ю. 141
 Лесницкий Н. 237
 Лефорт А. А. 102
 Линь де 117
 Липранди И. П. 211
 Лисовский Н. М. 231
 Лихачев Д. С. 222, 226, 227
 Лихачев Н. П. 230
 Лихачева В. Д. 222, 227
 Лобанов-Ростовский А. Б. 235
 Лозинская Л. Я. 224, 235
 Ломовский П. К. 149
 Ломоносов М. В. 61, 213, 255
 Лонгинов М. И. 65, 161, 163, 228
 Лопухин В. И. 126
 Лопухин И. В. 4, 110, 117, 126, 128—135, 140, 156, 157, 159, 208, 220, 222, 234—236
 Лопухина Е. Ф. 126—127
 Лопухина К. Ф. 39
 Лорер А. И. 237
 Лотман Ю. М. 223, 227, 229
 Лубяновский Ф. П. 126, 127, 157, 235
 Лукин И. Ф. 74, 80, 81, 83, 259
 Лунин А. М. 80
 Лунин М. С. 80

- Луппов С. П. 27, 225, 227
 Любарский П. 253
 Любенков Н. 192
 Люблинская А. Д. 222
 Любченко О. И. 228
 Майков Л. Н. 115, 116, 234
 Макаров М. Н. 144
 Маковеев А. 141
 Макогоненко Г. П. 222, 224, 226, 227, 231
 Максимович М. А. 238
 Малиновский А. Ф. 126, 129
 Малиновский В. Ф. 268
 Манштейн К. 23, 32, 86, 110—112, 115—117, 134, 207, 230, 231, 233, 247, 255
 Маракуев М. И. 53
 Мария Павловна, вел. кн. 212
 Мария Федоровна, имп. 212, 217, 218
 Масанов И. Ф. 236
 Маслов С. А. 192, 205, 241
 Матвеев А. А. 30, 35, 76, 85, 91, 106, 114, 119, 230, 245
 Матушкин М. 110
 Медем П. И. 216
 Медокс М. Е. 240
 Мертваго Д. Б. 38, 107, 120, 261
 Мефодий 252
 Миллер Г. Ф. 23, 113, 254
 Милорадович М. А. 141, 154, 182, 240
 Мильчина В. А. 225
 Миних Б.-К. 23, 31, 64, 86, 111, 113, 116, 117, 126, 225, 233, 248, 246, 249
 Миних Э. 23, 32, 86, 87, 111—113, 115—117, 119, 135, 233, 248, 255
 Минц С. С. 8, 10, 223, 224, 232
 Минцлов С. Р. 5, 58, 222
 Михаил Павлович, вел. кн. 212—213, 217
 Михайловский-Данилевский А. И. 99, 141, 143, 146, 149, 157, 160—162, 171, 172, 174, 192, 194, 196, 200—203, 209, 232, 242
 Модзалевский Б. Л. 122, 168, 213, 239
 Моисеева Г. Н. 227, 235
 Монахин Ф. Ф. 175
 Монтень М. 62
 Монтескье Ш.-Л. 165
 Мюрат И.-Н. 240
 Мордвинов Н. С. 45
 Мордвинов С. И. 39, 45—48, 76, 253
 Муравьев Н. Н. 183
 Муравьев-Карский Н. Н. 81, 101, 104, 108, 111, 116, 118, 123, 127, 128, 140, 159, 161, 162, 181, 197, 209, 212, 216, 217, 234, 264
 Надеждин И. И. 141, 152
 Наполеон 52, 154, 165, 166, 191, 199, 200, 202, 206, 240
 Нартов А. К. 4, 111, 113, 116, 245
 Нарышкин И. Л. 106, 262
 Наумов В. П. 228
 Нащокин В. А. 32, 39, 42, 46—49, 76, 98, 104, 112, 115, 119, 120, 226, 234, 240, 248
 Нащокин П. А. 44
 Нащокин П. В. 44, 115, 175
 Нащокина А. А. 44
 Невзоров М. И. 110, 130, 134
 Незнаев А. 265
 Некрасов Н. А. 62
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 125, 153, 155
 Неплюев А. И. 45
 Неплюев И. А. 39, 45—47, 49, 76, 81, 89, 91, 112, 116, 119, 120, 250
 Неплюев И. И. младший 45
 Неплюев Н. И. 81, 82
 Нестор 42, 57, 176, 240
 Никитенко А. В. 176, 203, 239
 Никитин Н. 229
 Николай I 146, 181, 200, 201, 210, 213, 217, 218
 Николай Михайлович, вел. кн. 243
 Николев Н. П. 141
 Новиков Н. И. 38, 53, 60, 66, 72, 127, 132, 161, 165, 175, 181, 226
 Новиков С. 228
 Норов В. С. 55, 192
 Овчинников Р. В. 237
 Огарев Н. П. 99, 108, 116, 158, 208, 238, 242
 Одоевский В. Ф. 143
 Оксман Ю. Г. 235, 238
 Ольденбургский Г. 127
 Орлов А. В. 106, 267
 Орлов Вл. Н. 231, 237, 242
 Орлов М. Ф. 152
 Орлов П. 225
 Осипов И. 254
 Остен-Сакен Д. Е. 56, 227
 Острожский-Лохвицкий И. О. 38, 51, 226, 250
 Охинченко А. Ф. 223
 Павел I (Павел Петрович) 10, 26, 31, 36, 38, 65, 81, 101, 104, 108, 111, 116, 118, 123, 127, 128, 140, 159, 161, 162, 181, 197, 209, 212, 216, 217, 234, 264
 Павленко Н. И. 225, 226
 Пален П. А. 216
 Пален фон дер 265
 Панин Н. И. 29
 Панин Н. П. 212
 Папав А. В. 254
 Паскевич И. Ф. 148, 149
 Пассек П. Б. 68
 Пасек Т. П. 159, 238
 Пекарский М. Н. 153, 154
 Пекарский П. П. 8, 20, 22, 61, 79, 83, 87, 90, 94, 119, 133, 154, 223, 224, 228—232, 234, 237
 Пенягин И. Б. 38, 39, 51, 106, 250
 Петр I (Петр Алексеевич, Петр Великий) 10, 20, 22, 25—27, 30—33, 36, 39—43, 45, 46, 62, 63, 76, 81, 89, 90—92, 99, 102, 105, 111, 113, 114, 116, 119, 126, 225—233, 244—247
 Петр II 36, 44, 86, 92, 102, 103, 106, 119, 263
 Петр III (Петр Федорович) 36, 123, 125, 127, 255, 258
 Петров В. П. 165
 Петров М. М. 154
 Петров П. Н. 86, 111, 230, 233
 Петровский М. П. 93, 94, 229, 232
 Печерин Ф. С. 80
 Пештич С. Л. 43, 48, 99, 225—228, 232
 Пигарев К. В. 229
 Пишкевич С. С. 255
 Плавильщиков В. А. 237
 Плавильщиков П. А. 139
 Платон (Левшин П. Г.) 264
 Плетнев П. А. 56, 111, 115, 152, 175, 176, 214, 233, 243
 Плюханова М. Б. 227, 231
 Пнин И. П. 91
 Погодин М. П. 102, 112, 114, 126, 153—155, 161, 164, 177, 209, 238, 242
 Подольская И. И. 229
 Полевой К. А. 132, 196, 202
 Полевой Н. А. 102, 115, 152, 196
 Полевые 152
 Поленов Д. В. 116
 Полетика А. А. 267
 Полторацкий С. Д. 171, 183, 184, 191
 Полянский И. С. 254
 Помяловский Н. Г. 68
 Поп А. 59

- Попов А. Н. 211
 Порошин В. С. 115
 Порошин И. А. 111
 Порошин С. А. 31, 104, 106, 111, 115, 116, 118—120, 178, 233, 234, 264
 Порхомов С. 36, 106, 263
 Поскочин 260
 Поспелов А. Е. 256
 Потемкин Г. А. 140
 Похвиснев М. Н. 18
 Прево А. 70, 71
 Прийма Ф. Я. 239
 Прозоровский А. А. 99, 142
 Прокопович Ф. 30, 92, 94, 111, 112, 232, 233, 245, 246
 Пугачев Е. И. 37, 67, 74, 103, 153, 163, 164, 237, 253, 254
 Пушкин А. С. 25, 31, 44, 54, 56, 68, 86, 102, 103, 113, 122, 126, 140—142, 144, 148, 153, 154, 161, 163, 164, 167, 169, 173—176, 178, 183, 196, 202, 212, 215, 217, 218, 224, 226—228, 233, 235, 238—240, 242, 243
 Пыляев М. И. 224
 Пылин А. Н. 8, 21, 42, 55, 85, 90, 94, 223—225, 230—232, 241
 Радищев А. Н. 22, 28, 35, 72, 84, 86, 87, 92, 110, 123, 126, 165, 207, 232, 233, 255, 256, 268, 269
 Радищев Н. А. 87, 110, 231
 Радожицкий И. Т. 148—151, 192, 196
 Раевский А. Н. 212
 Раевский А. Ф. 189, 190, 205, 206, 241
 Раевский В. Ф. 189
 Раевский Н. Н. 175
 Раич С. Е. 141
 Рассадин М. С. 268
 Ребелинский М. С. 268
 Рейсёр С. А. 242
 Рейтблат А. И. 237
 Репнин Н. В. 130, 270
 Решетников А. Г. 92
 Робинсон А. Н. 222
 Роботи Т. 229
 Розов Н. Н. 227, 231
 Романов В. 237
 Ростович Ф. В. 38, 124, 127, 166, 180, 208, 209, 216, 218, 240
 Рубан В. Г. 91
 Рубинштейн Н. Л. 233
 Румянцев П. А. (Румянцев-Задунайский) 117, 139
 Румянцева М. Ф. 224
 Рунич Д. П. 157
 Руссо Ж.-Ш. 71, 165
 Рылеев К. Ф. 62, 144, 152, 163, 228, 238
 Рычков П. И. 29, 42, 59, 62, 73, 74, 77, 81, 83, 228, 248
 Самарин Ю. Ф. 67, 198, 199
 Салтыков-Щедрин М. Е. 68
 Санглен де Я. И. 157, 216
 Сафонов М. М. 231, 232
 Сахаров И. П. 104, 114, 198
 Свиньин П. П. 102, 104, 112, 142, 146, 147, 152, 153, 156, 160, 194—196, 199, 214, 215, 218, 219, 236, 237
 Селивановский С. И. 110, 142
 Семевский М. И. 8, 67—70, 86, 87, 100, 103, 115, 116, 120, 151, 159, 225, 229, 231, 234
 Семенова Е. С. 141
 Семенова Л. Н. 225
 Сенковский О. И. 13, 143, 152
 Сенявин Д. Н. 141, 142, 236
 Сенявин Н. А. 36, 262
 Сеславин А. Н. 191
 Серафим 56
 Сербинович К. С. 174, 176
 Сивков К. В. 225
 Сидоренко С. А. 228
 Симеон (Егоров) 52, 226
 Сиповский В. В. 21, 70, 71, 224, 225, 229, 231, 232
 Сипягин Н. М. 141
 Скобелев И. Н. 237
 Скопин Г. А. 39, 264, 267
 Скопин Н. Г. 39, 269
 Скотт В. 105
 Слюсарский Д. 45, 253
 Смирдин А. Ф. 143
 Смирнов Н. И. 28, 38, 255
 Смирнова А. О. 155, 175, 240
 Соболев М. И. 143
 Соймонов М. В. 63
 Соймонов Ф. И. 63, 74, 228, 250
 Солженицын Л. И. 4
 Соловьев С. М. 33, 34, 42, 103, 225, 233
 Сперанский М. М. 127, 129, 212
 Сперанский М. Н. 227, 230, 231
 Спиридон М. М. 99
 Станислав-Август 269
 Старчевский А. В. 87, 231
 Старынкевич Н. А. 209
 Степанов В. Н. 236
 Стоюнин В. 241
 Страхов Н. Н. 56
 Страхов П. Н. 141
 Строганов Г. А. 86, 231
 Строганов С. Г. 133
 Строганова Н. М. 266
 Строев П. М. 114, 231
 Струдза А. С. 154
 Суворин А. С. 177
 Суворов А. В. 37, 113, 117, 139, 141, 143, 144, 225, 237, 256, 258
 Суमारоков А. П. 60, 213
 Суमारоков П. И. 102
 Суровцев А. Г. 235, 236
 Сухоруков В. Д. 102
 Сушков Н. В. 132, 213, 214, 215
 Сушков П. В. 213, 214, 218, 243
 Сушковы 214
 Тартаковский А. Г. 222—224, 236, 238, 239, 241, 242
 Татищев В. Н. 54, 61
 Телетова Н. К. 224
 Теплякова В. Г. 141
 Терещенина Р. Е. 243
 Тимирязев И. С. 96
 Тимирязев Ф. И. 96, 232
 Тимковский И. Ф. 140, 154
 Титов А. А. 227, 231
 Тихомиров М. И. 43, 226
 Толстой Л. Н. 54, 149, 154, 237
 Толстой П. А. 22
 Толстой Ф. А. 87
 Толченнов И. А. 29, 38, 39, 51, 70, 258
 Толь К. Ф. 175
 Томашевский Б. В. 233
 Торماسов А. П. 131
 Травин Л. А. 80
 Трегубов Н. Я. 78, 80, 81
 Тренин В. 229
 Троицкий С. М. 224, 225
 Трофимович Р. С. 269
 Трубецкой Н. Ю. 31, 39, 47, 76, 249
 Туманский Ф. О. 91, 231
 Тургенев А. И. 84, 104, 127, 129—131, 134, 160, 164, 209, 212, 214, 217, 230, 235, 243
 Тургенев А. М. 845
 Тургенев И. П. 127
 Тургенев И. С. 154
 Тургенев Н. И. 84, 127, 131, 152, 208, 212, 242
 Тургеневы 130, 180, 235, 243
 Тучков А. А. 175
 Тучков С. А. 140
 Тюльпин М. М. 52, 226
 Уваров А. С. 215
 Уваров С. С. 154, 182, 218

- Устрялов Н. Г. 102, 215
 Ушаков Ф. В. 35, 92, 256
 Федор Алексеевич, царь 43
 Федоров В. А. 237
 Федотов А. 225
 Федотов П. А. 141
 Фигнер А. С. 191
 Флоринский П. М. 231
 Фоменко И. Ю. 226
 Фонвизин Д. И. (Фон Визин) 29, 35, 60, 71, 72, 74, 88, 89, 91—93, 105, 161, 175, 181, 229, 231, 258, 266, 267
 Фонвизин П. И. 72
 Формозов А. А. 233
 Франк О. Е. 163
 Фридрих II 86
 Хвостов В. С. 80
 Херасков М. М. 154, 161
 Хилков А. Я. 113
 Хмелевский Н. И. 141
 Хмелевский С. П. 261
 Ходасевич В. Ф. 50, 226
 Хомяков П. З. 71, 93, 95, 96, 122, 131, 229, 232, 257
 Храповицкий А. В. 31, 36, 56, 106, 112, 116, 120, 213—216, 218, 219, 266
 Цебриков Р. М. 267
 Цявловский М. А. 238
 Чаадаев П. Я. 78, 99
 Чаадаев Я. П. 78
 Чайковская О. 224, 225, 227
 Чекунова А. Е. 233
 Чемесов Евграф П. 52
 Чемесов Ефим П. 52, 226
 Черейский Л. А. 168, 239
 Черкасский В. А. 213
 Чернуха В. Г. 223
 Чернышев Г. Г. 80
 Чернышев Г. П. 30, 32, 42, 46—49, 76, 80, 106, 247
 Чернышев З. Г. 68
 Чернышевский Н. Г. 184, 241
 Черняев Н. И. 56, 227
 Чечулин Н. Д. 8, 20, 83, 103—105, 122, 126, 222, 233
 Чудакова М. О. 223
 Шапиро А. Л. 227, 232
 Шатобриан Ф.-Р. 183
 Шаховской А. А. 141
 Шаховской Я. П. 31, 49, 64, 73, 74, 77, 87, 88, 104, 106, 110—112, 116, 117, 119, 120, 134, 160, 178, 207, 220, 223, 228, 231, 233, 234, 236, 252
 Шаховские 99
 Шванвич Н. К. 258
 Шванвич Н. Н. 258
 Шевырев С. П. 153, 162, 238
 Шереметьев Б. П. 44, 68
 Шереметьев С. Д. 181
 Шестакова А. Ф. 30, 106, 247
 Шишков А. С. 56, 57, 141, 166, 192, 195, 197—200, 202, 203, 206, 227, 241, 242
 Шлёцер А. 134
 Шляпкин И. А. 167
 Шмидт С. О. 227
 Шмурло Е. Ф. 40, 41, 225
 Штейнгель В. И. 131, 189, 235, 241
 Штелин Я. Я. 23, 255
 Штранге М. М. 225
 Шубинский С. Н. 103, 151
 Шугуров М. Ф. 122, 123, 235
 Шумахер А. Д. 180
 Шебальский П. 241
 Щепкин М. С. 141, 175
 Щепкина Е. 79, 80, 94, 225, 229, 230, 232
 Щербатов И. Д. 99
 Щербатов М. М. 54, 98, 99, 100, 116, 120, 232, 233, 255
 Щеголев П. Е. 85
 Шукин 241
 Эйдельман Н. Я. 128, 224, 231, 232, 235—238, 240, 243
 Эйхенбаум Б. М. II: 227, 238
 Энгельгардт Л. Н. 140, 156
 Юматов П. И. 193, 194
 Юсупов Н. Б. 215
 Ягужинский 80
 Языков Д. М. 115, 198, 226
 Языков Н. М. 141
 Яковлев А. А. 246, 262
 Янькова Е. П. 4
 Яремич С. П. 122

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ В ТЕМУ	3
Задачи и предмет исследования	—
Мемуарный жанр в исторической эволюции.....	9

Глава первая

ВЕК XVIII

«Чему посвящено» и «когда написано».....	20
Динамика развития и социальный облик.....	22
Зарождение автобиографической тенденции.....	37
«В рамках летописи»	42
Новый тип мемуарного повествования и самосознание личности.....	58
Сентименталистские влияния.....	69
Итоги	73

Глава вторая

ИЗНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ МЕМУАРОТВОРЧЕСТВА

«О себе, для себя, для моих»	76
Мемуаристика в рукописной традиции XVIII в.....	85
Были ли мемуары XVIII в. «книгами»?	90
Второе рождение.....	100

Глава третья

ВЕК XIX: МЕМУАРИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Перемены в сознании мемуаристов начала века	121
Сближение с текущей печатью	135
В расчете на гласность	142
Мемуарные автобиографии дореформенной эпохи.....	155
1812 год и судьбы мемуаристики	185
«Живая струя» в «гражданском движении».....	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	220
ПРИМЕЧАНИЯ.....	222
ПРИЛОЖЕНИЯ	244
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	282

Научное издание

Тартаковский Андрей Григорьевич

РУССКАЯ МЕМУАРИСТИКА

XVIII — первой половины XIX в.

От рукописи к книге

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства Г. В. Моисеенко. Художник А. Г. Кобрин. Художественный редактор М. Л. Храпцов.
Технический редактор Н. Н. Кокина. Корректоры Р. С. Аличова, Р. В. Молоканова
ИБ № 47509

Сдано в набор 14.11.90. Подписано к печати 11.06.91. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Усл. кр. отт. 18. Уч.-изд. л. 23,5. Тираж 5000 экз.,
Тип. зак. 523. Цена 8 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117954, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25.